

Ольга Стровская

Ты жена мне,
помнишь?

Annotation

Любимая работа, пустая квартира, одиночество, отдающее горечью прошлых обид, и заветная, но несбыточная мечта стать мамой. Вот и всё, что составляло собой жизнь талантливого детского хирурга Светланы. Жизнь, которую оборвал один короткий трагичный случай, не оставив ни малейшего шанса что-либо изменить, или исправить. Так она думала, делая свой последний вздох в разбитой чужой машине.

Но высшие силы чужого мира решили иначе. Ей дали новый шанс. А в придачу юное тело молоденькой принцессы, убитой неизвестно кем и неизвестно за что, замкнутого циничного мужа, ворох проблем, козней, интриг и опасностей. И двух ангелоподобных чертят-близняшек, которые совсем не рады новой папиной жене.

Цикл: Меня судьбы Совванира (самостоятельные истории)

В тексте есть: властный герой, адекватная героиня, противостояние характеров

18+

-
- [Ольга Островская](#)
 - [Глава 1](#)
 - [Глава 2](#)
 - [Глава 3](#)
 - [Глава 4](#)
 - [Глава 5](#)
 - [Глава 6](#)
 - [Глава 7](#)
 - [Глава 8](#)
 - [Глава 9](#)
 - [Глава 10](#)
 - [Глава 11](#)
 - [Глава 12](#)
 - [Глава 13](#)
 - [Глава 14](#)
 - [Глава 15](#)

- [Глава 16](#)
- [Глава 17](#)
- [Глава 18](#)
- [Глава 19](#)
- [Глава 20](#)
- [Глава 21](#)
- [Глава 22](#)
- [Глава 23](#)
- [Глава 24](#)
- [Глава 25](#)
- [Глава 26](#)
- [Глава 27](#)
- [Глава 28](#)
- [Глава 29](#)
- [Глава 30](#)
- [Глава 31](#)
- [Глава 32](#)
- [Глава 33](#)
- [Глава 34](#)
- [Глава 35](#)
- [Глава 36](#)
- [Глава 37](#)
- [Глава 38](#)
- [Глава 39](#)
- [Глава 40](#)
- [Глава 41](#)
- [Глава 42](#)
- [Глава 43](#)
- [Глава 44](#)
- [Глава 45](#)
- [Глава 46](#)
- [Глава 47](#)
- [Глава 48](#)
- [Глава 49](#)
- [Глава 50](#)
- [Глава 51](#)
- [Глава 52](#)

- [Глава 53](#)
 - [Глава 54](#)
 - [Глава 55](#)
 - [Глава 56](#)
 - [Глава 57](#)
 - [Глава 58](#)
 - [Глава 59](#)
 - [Глава 60](#)
 - [Глава 61](#)
 - [Глава 62](#)
 - [Глава 63](#)
 - [Глава 64](#)
 - [Глава 65](#)
 - [Глава 66](#)
 - [Глава 67](#)
 - [Глава 68](#)
 - [Глава 69](#)
 - [Глава 70](#)
 - [Глава 71](#)
 - [Глава 72](#)
 - [Глава 73](#)
 - [Эпилог](#)
-

Ольга Островская
Ты жена мне, помнишь?

Глава 1

– Лана, езжай домой. Твоя смена закончилась три часа назад, так что нечего мне тут глаза мозолить своим серым видом, – врывается в мои мысли грозный голос нашего зав-отделения.

И когда он успел появиться в моём кабинете? Я даже не заметила. Заснула сидя, что ли?

– Сейчас Виктор Георгиевич, – устало улыбаюсь, подняв голову от расплывающейся перед глазами истории болезни одного из своих маленьких пациентов. – Мне с минуту на минуту должны прийти результаты обследования. Получу, тогда и поеду.

– Что за результаты ещё? На Ефименко?

– Нет. Мои, – дёргаю плечами. Не то чтобы я горела желанием делиться своими бедами, но он ведь всё равно, скорее всего, узнает. Можно было, конечно, пойти в другую клинику на обследование, но я Маринке доверяю. Она, как никто, знает мой анамнез.

Мужчина, ставший мне не только учителем, наставником и в последствии начальником, но ещё и близким другом и почти отцом, плотно закрывает за собой дверь и проходит к моему столу. Отодвигает стул и садится напротив, буравя меня внимательным взглядом.

– Рассказывай, – велит своим привычным командирским тоном.

– А что рассказывать? Проверялась, сдавала анализы, – выдавливаю из себя кривую улыбку, и, словно меня кто за язык тянет, выдаю то, что совсем не собиралась: – Хочу ЭКО попробовать.

– А отцом кто будет? – вскидывает Виктор Георгиевич кустистые брови. – Вы помирились с Артёмом?

– Нет, конечно. У него уже другая есть. Молодая. Не работающая сутки напролёт. Заглядывающая ему в рот. И способная родить ребёнка, как только он пожелает, – совсем уж криво и даже зло усмехаюсь я. – Да и мне он сто лет не нужен. Кто один раз предал, тому веры уже быть не может.

– Тоже мне старуха обозвалась, – фыркает язвительно наставник. – Но, что не нужен, тут ты права. Нормального мужика тебе надо.

– Ой, Виктор Георгиевич, где ж их взять нормальных и свободных? Вы вот женаты. И Тамара Ивановна мне вас точно не

уступит, – усмехаюсь я лукаво, подмигивая пожилому хирургу. – А остальные на вашем фоне сильно проигрывают.

– Ты мне зубы не заговаривай. От кого беременеть собралась? – не ведётся на мою уловку мой слишком многоопытный собеседник.

– От безымянного донора, – признаюсь тихо, откидываясь на спинку стула. С некоторым даже вызовом вскидывая подбородок.

– О как? – крикает от неожиданности Виктор Георгиевич. Потирает растерянно переносицу.

– Да. Так, – киваю твёрдо.

– Я вижу, ты всё уже решила, – задумчиво выдаёт тот, кто выдал мне путёвку в жизнь и помог стать тем, кем я есть. – Всё взвесила? Наверное, уже и распланировала, как сама воспитывать будешь.

– Взвесить взвесила. А остальное... Боюсь я планировать. Сами понимаете, – убрать горечь из голоса даже не пытаюсь.

На пару минут между нами повисает напряжённая тишина. Мне невольно вспоминаются события двухгодичной давности, обернувшиеся для меня разводом и затяжной депрессией. А Виктор Георгиевич слишком хорошо помнит, из какой беспросветной безнадёги я себя тогда вытасила, чтобы не понимать причины моих страхов и сомнений.

Вздыхает тяжело, явно не находясь с ответом. Хлопает по коленям, то ли вставать собираясь, то ли ещё что-то...

И тут, разрушая затянувшуюся паузу, в мой кабинет без стука врывается та, кого я всё утро жду.

– Привет, Лана, – здоровается Марина, один из лучших гинекологов нашей клиники. Замечает моего начальника и немного притормаживает. – Здравствуйте, Виктор Георгиевич.

– Привет, – поднимаюсь я ей навстречу, чувствуя, как сжимается всё внутри от тревоги. А мои глаза так и прикипают к лицу подруги, пытаюсь прочесть там ответ.

– Здравствуй, Архипова, здравствуй, – кивает Виктор Георгиевич невозмутимо, тоже поднимаясь. – Не буду мешать вашему разговору, девушки. Лана, чтоб завтра, в твой выходной, я тебя здесь не видел.

Зав-отделения уходит, бросив на меня напоследок внимательный взгляд. А Маринка, как только за ним закрывается дверь, занимает тот же стул, на котором до этого сидел Виктор Георгиевич, и с тяжёлым

вдохом хлопает передо мной папкой. Судя по всему, с теми самими результатами, которые я жду.

– Что там? – спрашиваю тихо, чувствуя внезапную слабость. Не внушает мне оптимизма выражение её лица. И то, что позвонила и сама мне всё принесла, а не дождалась пока я с результатами приду к ней, как мы изначально договаривались.

– Много чего интересного. Но если вкратце, эндометрит у тебя хронический. Нельзя тебе ЭКО делать... пока что, по крайней мере.

– Эндометрит... но я же прошла курс лечения после... выкидыша, – хмурюсь, чувствуя, как умирает во мне ещё один хрупкий росток надежды. И руки внезапно начинают мелко дрожать. Это у меня-то.

Прав Виктор Георгиевич. Пора отдохнуть и в выходной день быть именно, что выходной. А не идти на работу, потому что тут я хотя бы своим пациентам нужна. Осталось только решить, что делать дома, где никто не ждёт, и где я в последние два года скорее только ночую, и то далеко не всегда.

И ведь ничего не поменяется... теперь. Так и буду я жить дальше одной работой... спасти чужих детей, лишь мечтая о своём.

– Видимо, не долечилась, – твёрдо заявляет в ответ на мои слова Маринка. – Либо по ещё каким-то причинам воспалительный процесс возобновился. Ты меня прости, конечно, подруга, но бережёшь ты себя мало. Точнее, совсем не бережёшь. И ко мне давно не приходила почему? Думаешь, если половой жизни больше нет, то и забить на себя можно? Уж от других пациенток можно такого попустительского отношения к себе ожидать. Но ты же медик. Должна понимать, что нельзя так.

Устало вздыхаю, опуская голову на руки. Права она, конечно, но на душе и так тошно.

– Марин, не бузи, пожалуйста. Говори, что делать.

– Что делать, что делать, – сбавляет тон подруга, и уже гораздо спокойнее добавляет: – Лечиться, конечно. Там разберешься, я назначения в папку сунула. И придёшь на пайпель-биопсию, как начало цикла будет. Посмотрю на состояние твоего эндометрия ещё так. Не дрейфь, Лана, вылечим тебя. А там, глядишь, встретишь нормального мужика, и ЭКО тебе не понадобится.

Вот заладили все с этим «нормальным мужиком». Где его взять? Особенно с моим-то образом жизни. И с характером, если уж быть

честной перед самой собой. Неудобная я в качестве жены. Совершенно не удобная. Этот урок мною тоже усвоен.

А, ну и чёрт с ним! Не нужен мне никакой мужик. Они только и способны, что требовать, требовать, требовать. Подстраивайся под них. Ломай себя. В рот заглядывай. Разрывайся между работой и домашним бытом. Поддерживай, понимай. А когда тебе плохо, когда... душа наизнанку и сдохнуть от боли хочется, тот, кто должен был стать твоей опорой и надёжным плечом, исчезает. Уходит к другой. Беспроblemной. И винит во всём тебя.

Пошёл он!

– Ладно. Спасибо, Мариш. И что занесла, и что морального пенделя дала. Буду исправляться, – улыбаюсь бледно, притягивая папку к себе.

– Ага. И первым делом отоспись. Завтра позвоню, проверю, – грозно прищуривается подруга.

– Если не отвечу, так и знай – сплю, – насмешливо подмигиваю ей, поднимаясь со своего кресла.

И понимаю, что, скорее всего, так оно и будет. Отоспаться мне реально надо.

Глава 2

Не люблю зиму. Особенно в последние годы, когда погода настолько непредсказуема, что в один день может идти дождь при плюсовой температуре, а в следующий – ударить двадцатиградусный мороз, покрыв всё коркой льда.

Вот прямо как сегодня. После вчерашнего дождя.

Страшно представить сколько народу уже к вечеру попадёт в травмопункты. И детей в том числе.

Может, ну его? Посплю несколько часов и всё-таки на работу вернусь? Ну что мне дома делать? А тут мои руки явно не будут лишними.

Но сначала я обязана выспаться, иначе толку из меня не будет никакого.

И ещё желательно самой по дороге домой не убиться. Ехать мне через весь город.

Наша клиника расположена в пригороде. Там, где лесопарковая зона больше напоминает самый настоящий лес. Тут очень красиво весной, когда распускаются почки, лезут из-под земли первоцветы, и густые кроны звенят птичьим щебетом, когда достаточно просто открыть окно в кабинете, чтобы опьянеть от свежего воздуха, пронизанного лесными ароматами. Сказочно хорошо летом, когда от зноя спасает лёгкий бриз и прохлада, принесённые ветерком со стороны протекающей совсем неподалёку речки. Волшебно осенью, когда душа замирает от буйства красок...

Сейчас красиво тоже. Вот только при такой погоде очень опасно на дороге. Снегоочистители до нас далеко не сразу добираются.

А тут ещё и снег утром начал идти. Настоящий снегопад, если уж быть точной. Нужно успеть выехать, пока всё не замело.

– Лана, подожди, – слышу в тот момент, когда уже достаю из кармана ключи от своей машины на стоянке для персонала.

Поморщившись от ударившего в лицо ветра со снегом, оглядываюсь на приближающегося ко мне Игоря Еромина, одного из наших неврологов.

– Привет, Игорь. Что-то случилось? – вскидываю вопросительно брови.

– Привет. Нет, всё хорошо. Просто спешил тебя догнать, пока ты не уехала, – широко улыбается коллега, оказываясь рядом. И закрывая меня собой от ветра.

А он довольно высокий. И широкоплечий. Никогда раньше не обращала на это внимания.

– И зачем? – поднимаю на него взгляд.

– Чтобы домой тебя отвезти. Я тут с Виктором Георгиевичем столкнулся в коридоре. Он за тебя беспокоится, на улице вот что творится. А ты после тяжёлой смены. Вот он и намекнул мне, что неплохо бы тебя перехватить и отвезти, чтобы ты сама за руль в таком состоянии не садилась.

Вот уж чего точно не ожидала. Ни от Виктора Георгиевича, ни от самого Игоря. Странно как-то.

– А ты?.. – пытаюсь сформулировать вопрос, но мозг уже действительно не варит.

– А мне как раз удобно, – мужчина, пользуясь моим замешательством, подхватывает меня под локоток и ведёт к своей машине. – Ты же на Соборной живёшь. У меня через полчаса приём в районной начнётся, я тебя по дороге заброшу. А если хочешь, можешь дать мне ключи от своей машинки, я тебе её вечером к дому пригоню. Ну если доверяешь, конечно. Ты же наверняка сейчас отсыпаться ляжешь.

Эм. Сложные вопросы он задаёт. Да и сама ситуация несколько выбивает из колеи. С одной стороны мне не очень хочется садиться сейчас в чужую машину. И тем более доверять свою, по сути, чужому человеку.

Но погода всё быстрее портится. Меня невыносимо клонит в сон. И ехать в таком состоянии действительно опасно.

– Ладно. Буду очень благодарна, – делаю над собой усилие.

Впрочем, Игорь уже даже дверь с пассажирской стороны для меня открыл.

Хочется спросить, почему не заднюю, но какая разница, на самом деле? Раз уж согласилась.

– Так что, ключи дашь? – напоминает, когда сам занимает водительское кресло.

Подумав несколько секунд, всё-таки отрицательно качаю головой. Мало ли когда мне машина понадобится. Если что, просто такси возьму до поликлиники и заберу. А так ещё Игоря ищи вместе с моими ключами.

– Спасибо, не надо. Как проснусь, сама заберу. С чего это ты такой добрый сегодня? – интересуюсь иронично. Пристёгиваюсь и, уместив на коленях свою сумочку, откидываюсь на спинку, вытягивая вперёд уставшие ноги.

– Я всегда добрый. Это ты просто не замечала, – бросает на меня странный взгляд Игорь.

Те несколько минут, что он прогревает двигатель, мы оба молчим. Он, хмурясь и усердно раздумывая над чем-то.

А я невольно начинаю задаваться вопросом, почему так смотрел и что хотел этим всем сказать. И хотел ли? А если хотел, то какая мне разница?

Наверное, никакой. Но странно. Будто происходит что-то за моей спиной. А я так отупела от усталости, что даже сообразить не могу.

Снегопад становится всё сильнее. А в машине тепло и уютно несмотря на чужие непривычные мне запахи и немного раздражающее присутствие поблизости чужого человека. Тело, получив разрешение расслабиться, становится сонно-вялым. И глаза невольно начинают слипаться.

– Так ты завтра выходная? – вырывает меня из полудрёмы голос Игоря.

Моргнув, оглядываюсь вокруг. Ого. Мы уже едем, оказывается. Вот это я придремала, раз не заметила.

– Что ты спрашивал? – сонно тру лицо, пытаюсь прийти в себя.

– Извини. Я не заметил, что ты уснула. Спрашивал, выходной ли у тебя завтра? – коротко глянув на меня, Игорь снова сосредотачивает взгляд на дороге. Барабанит нервно пальцами.

– Да. Но я, наверное, на работу всё равно выйду. Ты же видишь, что творится.

– Вижу, – с досадой роняет мой спутник, сжимая руль до побелевших костяшек.

И снова молчание. Напряжённое и будто бы наполненное недосказанностью. Но о какой недосказанности может идти речь? Мы едва знакомы.

Чтобы отгородиться от ненужных мыслей и предположений, я отворачиваюсь к окну, рассеянно наблюдая, как заснеженными призраками проплывают мимо деревья и редкие здания. И постепенно обратно проваливаюсь в ватную темень сна.

Толчок... скрежет, резкий визг шин... матерная мужская ругань рядом... и ощущение, будто меня раскручивает в чудовищной центрифуге...

Всё это прямо из прекрасного сказочного сна, в котором я держала за руки двух красивых дочек-близняшек, выбрасывает меня прямо в ад неожиданно взбесившейся реальности.

Резко распахнув глаза, я ещё успеваю увидеть, как несётся на машину с моей стороны огромная тёмная махина, кажется, фура... стекло взрывается мне в лицо роем осколков. А дальше приходит удар и адская боль во всём теле. А после неё сразу холод... и пустота.

Это... всё... Не будет дочек... Ничего не будет...

Глава 3

Так странно. Мне всегда казалось, что по ту сторону ничего нет. Ну или свет какой-то должен быть. Не в конце туннеля, а вообще. Свет, кажется, даже был. И в этом свете кто-то тоже был. Я слышала голос. Женский. Он спрашивал. И что-то предлагал. А я... соглашалась.

Но теперь света больше нет.

Есть только тьма.

И боль.

Вполне настоящая боль. Реальная. Во всём теле.

У меня есть тело?

Стоит об этом подумать, и спектр ощущений становится ещё богаче. Теперь я чувствую по отдельности каждую часть этого самого тела. И каждая болит по-своему. Но больше всего почему-то голова, сердце, и верхняя область брюшной полости... Солнечное сплетение. А это очень много чего может значить на самом деле.

И ещё руки горят так, будто обожжены. Пульсируют и пекут. Больно.

Странно. Не только то, что я это чувствую. Но и то, что осознаю и даже способна анализировать. Отстранённо, будто не обо мне речь. Заторможенно. И как-то слишком безэмоционально, если уж начистоту, но всё же...

Может... я жива?

Может... даже не инвалид?

Где-то рядом внезапно раздаётся какой-то скрип. Потом шаркающие шаги.

И к моему лбу неожиданно прижимается чья-то ладонь. А сквозь опущенные веки начинает проникать обжигающий свет.

– Поверить не могу, – бормочет кто-то дребезжащим старческим голосом. – Ваше высочество, вы в сознании?

Что? Какое высочество? О чём он? О ком...

– Я чувствую, что да. Не волнуйтесь, вы в безопасности. Я нашёл вас и спрятал в своём доме. Никто не причинит вам вреда.

Боже, что за бред? Я в аварию попала! И мне наверняка требуется срочная медицинская помощь. А не валяться тут, чёрт знает где, в

компании какого-то ненормального, принимающего меня... за принцессу.

Замычав от адской боли, нечеловеческим усилием воли заставляю себя разлепить запухшие веки. Пальцы конвульсивно дёргаются, комкая жёсткую ткань простыни подо мной.

И я ещё сильнее убеждаюсь, что мои ладони обожжены. Странно... Машина загорелась? Как я вообще выжила тогда? И где сейчас нахожусь?

Первые несколько секунд ничего не вижу от ослепительного до рези в глазах света. Но постепенно начинаю понимать, что свет этот далеко не такой яркий, как мне сначала показалось. И вообще его закрывает собой тёмная фигура склонившегося надо мной мужчины.

– Это потрясающе. Более стремительной регенерации я ещё в жизни не наблюдал. Если бы сам не видел, в каком вы были состоянии, просто не поверил бы, – блаженно улыбаясь, бормочет странного вида старичок. – Можете что-нибудь сказать?

Он вообще нормальный? Выглядит так, будто сбежал со сцены театра прямо во время пьесы. Или со съёмок исторического фильма.

Ну-у-у... или с дурки. Уж больно взгляд неадекватный. И этот костюм, будто из прошлого века. И всклокоченная шевелюра, как у Эйнштейна... но больше всего меня напрягает то, что ладони у этого старика светятся.

– Кто вы? – сипло выдыхаю я. Совершенно чужим голосом.

– Ах да, простите, – хлопает себя по лбу этот странный персонаж. Светящейся ладонью, да. – Моя покойная Летти всегда меня ругала за мою рассеянность. Забыл представиться. Мэтр Селестино. Можно, просто дядюшка Тино.

Не прекращая говорить, старик смущённо чешет седую макушку, а затем снова поднимает руки надо мной.

И они начинают светиться ещё сильнее. Слепящим белым.

Я, наверное, с ума сошла. Или лежу поломанная в коме и ловлю галлюцинации.

– А в нижнем квартале меня и вовсе все знают, как чудака Тино, – продолжает он. – Я аптекарь. Сейчас. А вообще было время, служил придворным лекарем во дворце, но потерпел полное поражение в войне с надутым индюком Эмилаем. Он лучше умеет целовать задн... простите, лучше ладит с вашим свёкром.

Какой дворец?! Какой свёкр?! О чём этот чудак говорит?

Он... Он вот сейчас серьёзно? Все эти объяснения... его поведение... эти руки!!!... слова... вся ситуация, всё это настолько дико, странно и неожиданно, что я даже о своём плачевном состоянии на некоторое время забываю.

Только и могу, что во все глаза таращиться на этого «дядюшку Тино», пытаюсь хоть как-то переварить услышанное. И понять, что происходит.

Поводив надо мной ладонями-фонариками, старик убирает их, суетливо идёт к массивному, грубо-сколоченному столу, и принимается там рыться, выдвигая ящики и бормоча себе что-то под нос.

А я теперь могу лучше рассмотреть окружающую меня обстановку. И она вызывает ещё более ощутимый когнитивный диссонанс. Я даже не сразу улавливаю чем именно.

И лишь спустя несколько секунд до меня доходит, что в поле моего зрения попросту нет привычных любому современному человеку вещей. Никакой техники, электрических приборов, гаджетов. Ни намёка на пластик, полиэтилен и прочую синтетику. Всё здесь выглядит старинным, сделанным вручную. И с использованием только природных материалов. Мебель, ткани, посуда... Я будто в музей попала.

После аварии?

Ну бред же!

Мелькает глупая мысль, что я сейчас сплю и всё это мне снится. Но даже если моё сознание способно выдать такую дичь, то собственные ощущения так ярко и отчётливо во сне сниться не могут. Насколько мне известно.

Тогда где я?

Что со мной?

– Ваше высочество, раз уж вы пришли в себя... – снова появляется рядом со мной мой чудаковатый глюк. Садится рядом с моей кроватью, или на чём я там лежу. – Может, расскажете мне, как вы оказались в нижнем квартале? И от кого убегали?

– Почему... вы называете... меня так? – выдавливаю из себя встречный вопрос.

– Ох, дитя. Неужели вы думаете, что я мог не узнать жену наследного принца? – добродушно ухмыляется дядюшка Тино,

истолковав мой вопрос по-своему. – Тем более, что с вашей свадьбы ещё и двух месяцев не прошло. Ох, какой был праздник. Какая церемония красивая. Ваш с принцем свадебный кортеж ещё долго будут обсуждать все столичные кумушки.

Глава 4

Наверное, будь я в нормальном состоянии, мне бы такое и в голову не пришло. Но сейчас, всем своим существом ощущая чуждость всего, что меня окружает, я вдруг ловлю себя на абсурдной мысли, что, возможно, меня выбросило куда-то за пределы родного мира и времени.

Старый... лекарь рассказывает мне о том, как я выходила замуж за какого-то принца месяц с лишним назад... А я понимаю, что он не врёт. Чувствую это. Он верит в то, что говорит.

Он действительно считает меня этой самой принцессой.

Настолько искренне, что мороз по коже берёт.

Того, что со мной происходит, просто не может быть. Я помню аварию. Помню, как неслась на меня фура, помню осколки в лицо и боль ломаемого тела... Даже если бы я выжила, что маловероятно, то наверняка, очнулась бы в совсем другом состоянии. В другом месте!!!

Разум снова твердит: «Бре-е-е-ед!!!»

А интуиция толкает попросить:

– Пожалуйста... дайте мне зеркало!

Мне хочется увидеть себя. Хочется увидеть, что стало с моим лицом. Оно не болит так, как должно. И тело не болит... как должно. По-другому болит!

Пусть это безумно, но... Я хочу убедиться... что я это я.

– Зеркало? – удивлённо вскидывает кустистые брови старик. Морщится задумчиво. – Зеркало... Где же я возьму тебе зеркало, деточка? Это мне навех нужно подниматься. В лавку. Свет зажигать. А сейчас ночь. Увидит ещё кто. Там тебя эти в балахонах наверняка продолжают искать. Незачем им подсказки давать.

Я даже не берусь предполагать, о каких балахонах он сейчас говорит. Лишь вздыхаю судорожно, пытаюсь унять внутреннюю истерику. Вот всегда гордилась своей выдержкой, а тут накрыло.

И, видимо, выражением лица я себя полностью выдаю – уж больно сочувствующим становится взгляд «дядюшки Тино».

– О, я знаю! – внезапно вскрикивает он, снова хлопнув себя по лбу. Вот вредная это привычка у него.

И поспешно устремляется к одному из двух больших сундуков у стены. Повернув голову на подушке, я наблюдаю, как он сметает какие-то вещи с крышки, поднимает её и принимается что-то искать.

– Нашёл, – спустя пару минут торжествующе извещает меня из глубин сундука. И уже через секунду выпрямляется с изящным женским зеркальцем в руке. – Это моей Летти. Она у меня такая красавица была, вы бы видели, ваше высочество.

Не обращая внимания на его перескакивания с «ты» на «вы» и обратно, я с вожделием смотрю на маленькую вещицу. И сама не замечаю, как протягиваю к нему руки. И даже приподнимаюсь на одном локте.

Грудная клетка отзывается обжигающей болью, да и живот тоже. Перед глазами плывут тёмные пятна. Но я могу шевелиться. Реально могу.

Ещё миг и зеркальце у меня.

Вот мои пальцы смыкаются на прохладном металле округлой, инкрустированной какими-то камушками ручки. На жжение я уже даже не обращаю внимания.

Чувствуя, как заходится сердце в тревожном волнении, подношу зеркальце к лицу.

Всматриваюсь.

И вижу незнакомку в отражении.

Этого. Не может. Быть.

Это... не я.

Вместо ничем не примечательной тридцатитрёхлетней бледной шатенки на меня смотрит жгучая брюнетка с золотисто-смуглой кожей и спутанной копной длинных чёрных волос. Молоденькая. Совсем ещё девчонка. И глаза... у меня они тоже были карими, но гораздо светлее. А тут огромные блюда цвета горького шоколада.

Из груди вырывается испуганный выдох, воспалённые пальцы, покрытые волдырями ожогов, начинают дрожать, чуть не роняя зеркальце. И я устало опускаюсь обратно на подушку, неверяще таращась в потолок. Беленный и неровный.

Как такое возможно?

Я ведь осознаю себя. Помню всё до мельчайших деталей. Это я! Но... В чужом теле.

Что это? Переселение душ?

И где я теперь? В прошлом? В параллельном мире? Где?

И самое главное... Что мне теперь делать?

Теперь вся та информация, которую на меня вывалил мэтр Селестино, выглядит совершенно по-другому.

Если верить ему, то получается, что я какая-то местная принцесса, и у меня имеется муж. Принц. Наследный. А ещё свёкр, который, судя по всему, местный правитель, раз уж он отец принца. И меня, то есть принцессу, ищут какие-то типы в балахонах. В квартале, в котором принцессам быть не положено.

И тут мой разум накрывает ещё более оглушающим осознанием.

А принцессу-то... судя по всему пытались убить. А может, даже убили.

Не знаю, с чего я это взяла.

Не тянет состояние этого тела на предсмертное.

Но старик что-то там говорил, про поразительную регенерацию. Я и сама чувствую, как с каждой минутой моё самочувствие улучшается.

Поднимаю руки, рассматривая покрасневшие ладони. Мне кажется, или воспаление немного спало?

– Мэтр Селестино, а в каком состоянии вы меня нашли? – поднимаю взгляд на старика, примостившегося на табурете у кровати.

– В очень плачевном, дитя, – скорбно поджимает он губы. – Руки были обожжены дочерна. Жизнь едва теплилась в вашем теле. Я уже думал, что всё, не спасу. Даже сердце остановилось на пару минут. Ваша душа отошла. А потом сердце внезапно снова затрепыхалось и забилось. Вы вернулись. И ваше тело начало стремительно излечиваться. Даже магические потоки начали восстанавливаться. Буквально на глазах. Не иначе, как Богиня свою руку приложила. Может потому, что её Храм близко.

То, что он описывает, напоминает клиническую смерть. Если не считать момента со сверхъестественной регенерацией. Но что значит, «магические потоки»?

Это какое-то иносказание, или он действительно имеет в виду магию?

– Я, к сожалению, так и не смог определить, каким заклинанием вас ранили, – продолжает просвещать меня пожилой лекарь. – Никаких остатков чужеродных магических плетений на вашем теле не обнаружилось. А то, что чувствовалось... тёмное это.

Капец. Он реально говорит о магии.

И раз тут есть магия, значит, я не на Земле. Я попала в другой мир.

– Вы знаете, кто пытался вас убить? – вырывает меня из размышлений вопрос дядюшки Тино.

– Нет. Я... ничего не помню, – признаюсь тихо. – Была... дома, а очнулась... здесь.

Пару минут мы молчим, каждый думая о своём.

– Думаю, до утра вам лучше здесь и оставаться, – первым нарушает тишину лекарь. – Подумайте, кого можно позвать вам на помощь. И я схожу, куда нужно. Даже в королевский дворец. У меня остались там кое-какие знакомства.

– Спасибо вам! За всё! – искренне благодарю его, смотря в блекло-голубые глаза. – Я подумаю.

Понятия не имею, что я могу надумать с тем мизером информации, что у меня имеется. Но как говорится, утро вечера мудренее. Может, за ночь и определюсь с планом действий.

Глава 5

Странный это сон. Уже тем, что я отчётливо понимаю, что сплю. Помню, как ушёл старик Тино, оставив меня в маленькой комнатухе на твёрдой кровати, где я очнулась несколько часов назад... другая. Помню, как долго лежала, и так и эдак крутя в голове всё, что успела узнать, и пытаюсь сообразить, как мне теперь быть. Помню даже, как начали слипаться глаза и путаться мысли, когда меня одолела дрёма.

Я знаю, что сплю. И знаю, что вижу сон. Но он поразительно реален.

Никогда ранее мне не доводилось бывать в этом месте. Я иду длинной и широкой галереей. Каблуки моих туфель звонко стучат по белому мраморному полу, вызывая лёгкую досаду. Тут не хочется шуметь. Тут хочется наслаждаться светом, тишиной и ощущением какой-то высшей благодати. Словно... я в Храме.

Остановившись на секунду, оглядываюсь вокруг.

Высокие колонны, уходящие ввысь, сводчатый потолок, изящество и воздушность в каждой линии, в каждом элементе лепнины и декора. Белые и светло-песочные тона.

И свет, льющийся из витражных окон.

Красиво так, что дух захватывает.

Но мне нужно идти дальше. Откуда-то я знаю, что меня ждут.

В конце галереи вижу огромные распахнутые двери. Мне туда.

Сбросив туфли, уже бесшумно и босиком устремляюсь вперёд. И так легко мне на душе, что, кажется, вот-вот взлечу. Словно нет за плечами всей той тяжести, которую я привыкла носить, нет привычных тоски и одиночества, обид и горечи. Зато есть море надежды. И странная вера, что в этой новой жизни я получу что-то очень важное и нужное мне.

Оставив позади галерею, вхожу в огромный зал.

Взгляд сразу натывается на белую статую в глубине. Женская фигура, выполненная так искусно, что кажется почти живой. Она будто светится изнутри.

Ноги сами несут меня к ней. Откуда-то я знаю, что это Богиня этого мира. Его хранительница.

И в какой-то неуловимый миг от статуи будто отделяется светлая фигура, шагая мне навстречу. Это не вызывает даже удивления. Как часто бывает во снах, я просто принимаю происходящее.

– Здравствуй, Лана, – улыбается она мне.

– Здравствуйте, – застываю в нескольких шагах, рассматривая стоящую напротив женщину. Станным образом воплощающую в себе юность, и зрелость, детскую непосредственность и непостижимую вселенскую мудрость.

Наверное, потом я не смогу вспомнить ни единой чёрточки из её облика, но сейчас готова смотреть в эти бездонные сизые глаза вечно.

– Я рада, что ты не отвергла мой дар, – склоняет она голову набок, смотря на меня с материнским одобрением.

– Дар? Вы имеете в виду... это вы меня переместили? – настигает меня осознание.

– Да, я.

– Но зачем? Почему я?

– Так получилось. Её душу сожги тёмной магией. А твоя, покидая умирающее тело на заснеженной дороге в твоём мире, горела слишком ярко. Ты многого не успела в своей жизни. Многого не открыла в себе. И твоя мечта... она была прекрасной. Я решила дать тебе второй шанс. И то, о чём ты так мечтала. В этом мире твоя сила обретёт свободу и не будет больше выжигать тебя изнутри, убивая в утробе твоих нерождённых детей.

– О какой силе вы говорите? Что убивало моих детей? – оглушённо сиплю я, невольно хватаясь за сердце, и чувствуя, как пол уходит из-под ног.

– Твой дар. Твой огонь, запертый в тебе с рождения. Тебе суждено было стать ведьмой, Лана. Но никто не помог и не научил. А ты сама закрылась, заперла в себе все эмоции, отвергая свою силу. Только в работе ты была собой, слушаясь внутреннего голоса. Только спасая чужие жизни, ты отпускала свой дар, творя чудеса.

Каждое её слово словно отрывает от меня что-то. Сдирает с мяса корку, которой были затянуты мои старые раны. Обнажая окровавленную душу. Лишая защиты. И рамок.

И из-под этой корки, как из-под скорлупы, начинает прорываться ревущее пламя. И то, что я давила в себе всю свою жизнь.

Я даже не замечаю, как падаю на колени.

– Это не может быть правдой, – мотаю головой. – Я не такая. Я обычная. Я самая обычная.

Эта знакомая с детства мантра, набатом стучит в голове.

– Нет. И никогда не была, – моей макушки касаются нежные ладони. Даря облегчение и очищая. Освобождая до конца. – Ты можешь отпустить себя, Лана. Мой мир нуждается в твоей силе.

По коже пробегает волна колючих мурашек. Обжигающих. И теперь даже воздух, который я вдыхаю, становится горячим.

И руки снова начинают гореть.

– Что со мной происходит? – хриплю, задыхаясь в агонии.

– Твой дар находит своё воплощение в силе той, чьё тело ты заняла. Она была магом. Юным и необученным. Но с огромным резервом, – склоняется надо мной Богиня. – Ты сможешь быть ещё сильнее. Магия передаётся через кровь. Ведьмовская суть, через душу. Вы сама стихия. В тебе живёт огонь. Ты словно создана для моего мира.

И в этот самый миг стихия сокрушает во мне все остатки замков и цепей, сжигает все поводки, на которых я держала свои пугающие порывы. Огонь вырывается на свободу. Вспыхивает ревушим пламенем сначала в ладонях, и стремительно охватывает всё тело.

С криком боли я раскидываю пылающие руки в стороны, запрокидывая голову.

Сгорая заживо и возрождаясь одновременно. Умирая от ужаса и захлёбываясь в какой-то первобытной пугающей эйфории.

– Тш-ш-ш, не бойся, девочка. Всё хорошо, – обнимает меня Богиня. Прижимает к своей груди, не обращая внимания на огонь, успокаивая и помогая унять проснувшуюся силу. Позволяя найти в её объятиях утешение и равновесие.

И постепенно огонь утихает. Боль уходит. И страх тоже. Остаётся лишь опустошение. Не то, от которого выть хочется. Другое. Которое чувствуешь, взяв новый рубеж, выложившись до конца... И не зная теперь, куда двигаться дальше.

– Вы же не просто так перенесли меня в свой мир? – шепчу тихо сорванным голосом.

– Нет, не просто, – глядя мои спутанные волосы, признаёт моя спасительница. – Когда-то в моём мире жили ведьмы. Сильные и свободные. Как ветер, как пламя, как вода. Как сама судьба. Они

хранили равновесие Совванира наравне с магами. Неконтролируемая стихия и подчиняющий порядок. Две стороны одной медали. Но ты ведь знаешь, как пугает многих то, что не поддаётся контролю. Некоторым магам претило то, что собой представляли ведьмы. И они попытались загнать ведьм в рамки законов и правил магического общества. Много веков тянулось это противостояние, становясь со временем всё более ожесточённым. И постепенно ведьмы исчезли из этого мира. Но не исчезли силы, с которыми можете совладать только вы. В своей неистовой любви и ненависти. В своей самоотверженности и увлечённости. И я нашла способ вернуть вас Совваниру. Ты не первая, чью душу я привела из твоего.

– И что же я должна сделать? Найти тех других ведьм? Только не говорите, что мы должны спасти этот мир, – фыркаю с невольной самоиронией. Где спасение мира, и где я.

– Нет, – смеётся она. – В Совванире, конечно, хватает проблем, но гибель ему не грозит. И искать никого не надо. У тебя своя судьба. Ты должна жить, Лана. Просто жить. Раскрыть свои способности, научиться их контролировать. Родить детей и передать им свой дар. А всё остальное уже будет твоим личным выбором. Я не имею права диктовать тебе, как действовать и поступать. Но верю, что ты меня не подведёшь.

Ой, чувствуется мне, что Богиня сильно не договаривает. Что существует ещё что-то очень важное, чего она от меня ожидает. Но сейчас есть гораздо более срочные вопросы. Сомневаюсь, что у меня будет ещё возможность их задать. А от этого моя новобретённая жизнь зависит.

– Можно мне узнать хоть что-то про принцессу? Кто её убил? К кому я могу обратиться за помощью?

– Кто убил, я не могу тебе сказать. А остальное... Твою предшественницу звали Анна Мари Иллария. Она была последней представительницей довольно древнего магического рода, и с недавнего времени женой наследного принца Арганды.

– То есть... он теперь мой муж, получается? Это можно как-то изменить? Развестись? – отстранившись, с надеждой смотрю я на Богиню.

Вот чего-чего, а быть замужем неизвестно за кем, мне точно не хочется. Особенно за принцем. Сомневаюсь, что из них нормальные

мужья получают. Да и я далеко не принцесса и ниразу не аристократка.

– Нет, – качает она головой с ироничной улыбкой. – Их брак был магически скреплён. Завязка на крови. Придётся тебе смириться со своим замужним статусом. Тем более, что детей без участия мужчины в этом мире, в отличие от твоего, родить невозможно.

– А где же этот муж был, когда его жену убивали? – с некоторой злостью интересуюсь.

– Далек. Об этом сама утром узнаешь. Помощи в королевском дворце не проси. Это опасно. Лучше укройся в личном городском особняке мужа. Там хорошие люди работают, они помогут. И свяжутся с Федериком.

– Федерик? Так его зовут?

– Да. Его высочество Федерик Иссяя Арганди. Мужчина с тяжёлым нравом и довольно жёстким характером. Но не лишённый душевного благородства. И ещё некоторых достоинств, которые ты особенно оценишь. Большого я не могу тебе сказать. Твоя судьба теперь в твоих руках, Лана. И только от тебя зависит, как ты используешь свой второй шанс.

А я ведь даже не поблагодарила её. Некрасиво получается.

– Спасибо вам за этот шанс, – улыбаюсь благодарно. – И за все подсказки.

Она улыбается в ответ, кивает благосклонно и внезапно тает вместе со стенами храма вокруг... А я просыпаюсь, с хриплым выдохом распахивая глаза.

Глава 6

В комнатке царит полумрак. Дядюшка Тино, уходя, оставил один только маленький светильник на столике в дальнем углу. Интересный такой светильник. Похожий на плошку, в которой горит шарик света.

Подойти бы посмотреть. Да и вообще осмотреться. Но мне, если честно, немного страшновато.

Это там во сне я бегала резвой козочкой. А тут я по-прежнему лежу в кровати. И пытаюсь объективно оценить своё состояние.

Не знаю, чего ждать от нового тела, которое недавно убивали какой-то тёмной магией. Чувствую я себя уже намного лучше, в груди почти не болит, живот тоже, только мышцы пресса ноют, как после сильной перегрузки. Ладони ещё немного жжёт, но волдыри уже сошли, и осталась лишь краснота. Регенерация просто потрясающая. Наверное, действительно, богиня постаралась.

Так может, попробовать свои силы?

Откинув тёплое одеяло, я осторожно сажусь и одну за одной спускаю ноги на пол.

В голове немного ведёт от слабости, да и лёгкая дурнота накатывает. Но в общем ничего ужасного.

Босые ступни быстро начинают мёрзнуть на каменном полу. Да и плечам зябко становится. На мне одна лишь закрытая сорочка длиной до колен, а под ней... самые настоящие штаны, тоже до колен. С бантиками. Капец.

Сорочка, кстати, при более тщательном осмотре, «радует» меня весьма красноречивыми резанными прорезами, местами пятнами крови, а на уровне солнечного сплетения настоящей подпалиной. И выжженной дыркой.

Прорезы, я подозреваю, на ней мог наделать, возможно, и сам дядюшка Тино, когда срезал с меня платье. Вон оно, кажется, и висит на спинке стула. А вот остальное, скорее всего, заслуга тех самых, что в балахонах.

Узнать бы, что случилось? Каким образом принцессу выкрали убийцы? А что выкрали, я почти не сомневаюсь. Вряд ли она бы сама тут оказалась. Хотя... мало ли, что эта принцесса собой представляла.

Может, для неё нормой было шляться где попало и нарываться на проблемы?

И вот ещё одна проблема прорисовалась очень ярко. Муж.

Мне от принцессы в наследство помимо проблем остался ещё и... муж. И неизвестно, насколько они хорошо друг друга знали, поймёт ли он, что я не она.

Что мне ему говорить?

Притворяться принцессой? А если они любили друг друга? Со слов богини это, конечно, трудно предположить. Но мало ли. Как мне вести себя с этим мужчиной? Ведь, получается, что его жену убили, и вместо неё подсунули незнакомку. Чисто по-человечески, нехорошо в таких вещах обманывать. Он имеет право знать, на ком теперь женат.

Сказать правду? А он поверит? Не зашибёт случайно, как неизвестного монстра? Или одержимую?

Богиня, конечно, говорила, что я не первая попаданка на её божественной практике. Но вряд ли их появление в этом мире стало всеобщим достоянием. Возможно, они даже в других странах появились, и тут о них никто не знает.

Подумав об этом, я внезапно чётко осознаю, что так оно и есть. Мои сёстры по попаданию точно не в этой стране.

Ладно. Пока отодвигаем желание узнать о них больше на задний план за несвоевременностью. Сначала надо со своей новой жизнью разобраться.

И первым делом изучить пределы своих возможностей.

Встать у меня получается довольно легко. То, что шатает, ну это ожидаемо.

Теперь пора немного изучить обстановку.

Постояв несколько секунд, привыкая к ощущениям, я осторожно ступаю в сторону того самого столика и светильника.

Дверь открывается ровно в тот момент, когда я аккуратно поднимаю плоску, чтобы рассмотреть ажурный клубочек светящихся нитей. Вздвогнув от неожиданного звука, я невольно выпускаю вещь из рук. Плоска, к моему облегчению не разбивается. И клубочек из неё не вываливается, продолжая светить уже с пола.

– Ваше высочество, вы зачем встали? – напускается на меня появившийся на пороге мэтр Тино. – Вам ещё нельзя.

– Я хорошо себя чувствую, – пытаюсь оправдаться.

И, поймав себя на этом, невольно усмехаюсь. Да, нечасто мне приходилось быть пациенткой.

Только... когда пыталась... выносить ребёнка. И потеряла.

От этого воспоминания в сердце впивается когтями уже такая привычная боль... но я внезапно осознаю, что она меня больше не испепеляет, что я могу дышать. И не наваливается на плечи тоскливая безнадёга. И пустота.

Сейчас, умерев и став другой, я впервые за последние два года начинаю ощущать вкус к жизни. Ещё там, в машине, я отчётливо поняла, что хочу жить. Хочу быть счастлива.

И раз я здесь, значит, это возможно. За это стоит бороться.

– Хорошо? Что значит, хорошо? – сварливо ворчит мой пожилой спаситель. Принцессы спаситель, конечно. Если уж быть точной. Но нужно привыкать думать о ней, как о себе. – Дайте вашу руку.

С неожиданным для себя умилением я вручаю ладонь старому лекарю и наблюдаю, как он, закрыв глаза, к чему-то прислушивается. И кустистые брови ползут вверх.

– Действительно... хорошо. Это поразительно. А как вы себя чувствуете? Что-то болит?

Задумавшись, в общих чертах обрисовываю ему своё самочувствие, стараясь формулировать мысли, не как медик.

– А можно мне чего-нибудь поесть? – прошу, закончив. Возможно принцесса и не стала бы просить у того, кто ниже её по статусу. Но пациент у доктора разрешение спрашивать точно может.

– А, да. Да, конечно, – рассеянно улыбается лекарь. – Я вам сейчас найду одежду. У меня от Летти осталось. И накрою наверху нам завтрак. За столом и обсудим, как действовать дальше.

Отпустив мою руку, он тут же направляется к одному из тех самых сундуков, где вчера искал зеркальце.

– Вы же не возражаете, если мы поедим на кухне? – оглядывается через плечо. Хмурится сконфуженно, будто уже не уверен, где меня кормить положено.

– Конечно не возражаю, – улыбаюсь благодарно. Не представляю, что бы я делала, очутившись в другом месте. Повезло мне с этим старичком. Очень повезло.

Довольно кивнув он, возвращается к поискам одежды. И спустя несколько минут вручает мне тёмно-вишнёвое платье, а к нему ворох

подъюбников и даже длинную плотную сорочку со стоячим кружевным воротником. А потом ещё разглаживает всё это добро, сложив из пальцев какую-то замысловатую загогулину и проведя ею над одеждой.

После этого оставляет меня одну. А я принимаюсь одеваться.

Приходится потрудиться. Всё-таки слабость ещё полностью не прошла. И сорочка оказывается довольно большой. И платье на меня великовато. Но всё-таки я справляюсь. Слава богу, хоть шнуровки и пуговицы тут везде спереди.

Не знаю, насколько правильно все надела, но уже как вышло. Если что, скажу, что к таким фасонам не привыкла. Наверняка аристократки носят наряды, которые сильно отличаются от одежды простых горожанок.

К тому моменту, как я заканчиваю, мэтр Селестино уже ждёт меня за дверью. И как только за неё выглядываю, протягивает пару красивых изящных туфельек, на низком каблуке.

– Вот ваши. Я их почистил от грязи.

– Спасибо большое! – Приняв у него принцессину обувку, я сразу же их и надеваю. На босу ногу, потому что никаких носков-чулок мне не выдали, а попросить я не сообразила. Не знаю, насколько это прилично, но юбки я задирать точно не буду.

– Ну что ж, позвольте вас сопроводить, ваше высочество, – галантно подставляет мне локоть пожилой лекарь. – Вы уже решили, куда мне идти за помощью для вас?

– Да, мэтр, – киваю, опираясь на предложенную руку. – Вы знаете, где находится городской особняк моего супруга?

– Конечно, – понятиливо склоняет он голову. И увлекает меня к узкой каменной лестнице, ведущей наверх.

Глава 7

Врать мэтру Селестино мне очень не хотелось. Но и правду рассказать я не могла. Пришлось выдумать более-менее правдоподобную легенду о частичной... потере памяти. Сославшись на возможную травму головы и то самое неведомое тёмное заклинание.

Голова у меня действительно сильно болела, когда я очнулась.

Этим я и объяснила то, что не помню, кто меня похитил. Сказала, что даже не помню, где я была перед тем, как меня похитили, но кажется, что во дворце. Поэтому туда мне нельзя. А вот укрыться в доме мужа до его возвращения очень даже можно.

В ответ услышала и узнала от словоохотливого старика ещё очень много чего интересного. Например то, что принц Федерик действительно отсутствует в столице. «Уехал с босварийской делегацией инспектировать спорные рудники в приграничном Адожене, перед дипломатическим визитом в Босварию», как посетовал старик Тино, согласившись со мной, что во дворец мне нельзя.

После нашего небольшого совещания, совмещённого с приёмом пищи, мэтр повесил на входную дверь лавки какую-то табличку, проверил плотно ли закрыты ставни, и отправился в тот самый городской особняк его высочества.

Была у меня, конечно, мысль, как-то замаскировать свою внешность и пойти с ним. Но я не рискнула. Ещё выдам себя нечаянно. Я же не знаю, ни куда идти, ни как этот дом выглядит, ни к кому там обращаться. Ничего. Странно ещё, как мэтр Тино не удивился, когда я не смогла ему сказать, к кому конкретно обратиться, а проямлила что-то про экономку. Всё что сумела сообразить.

В аристократических домах ведь должны быть экономки? А ещё дворецкий, наверное, или мажордом? Но в этом я совершенно не уверена.

И вот пожилого лекаря уже пару часов нет. За это время я успела и осторожно осмотреться в кухне, изучив, что и как работает, и в самой аптекарской лавке, внаглую позаглядывая на полки, исследовав

надписи на флаконах-мешочках-коробочках и с радостью обнаружив много знакомых названий.

И кучу всего обдумать тоже успела, проанализировав все имеющиеся данные.

А ещё основательно перенервничать.

Ну где же он так долго?

Может, этот особняк находится на другом конце города, о размерах которого я ни малейшего понятия не имею, а лекарь пошёл туда пешком? Может, у него денег на транспорт нет?

А может... его задержали те, кто меня ищет?

Ведь искать меня сейчас уже должны не только убийцы. Наверняка ещё и какие-нибудь государственные службы. Всё-таки жену наследного принца потеряли. Разве это не вопрос госбезопасности?

Чёрт. Как бы добрый лекарь из-за меня в проблемы большие не влип.

Остаётся только надеяться, что он знает, что делает. Несмотря на всю свою чудаковатость, дядюшка Тино показался мне довольно-таки осторожным и хитрым.

Как бы я не ждала и сколько бы на дверь не поглядывала, возвращение лекаря застигает меня врасплох.

Это случается как раз в тот момент, когда я наливаю себе в чашку кипяток с большого металлического чайника, заваривая обнаруженную в кухне на полке ромашку. Ромашка, она и в другом мире ромашка, как оказалось.

Кстати, занятно, что я не только язык понимаю, но и читать могу. Может, и писать тоже. Вот за это Богине отдельное спасибо!

Но вот из лавки слышно, как сначала открывается входная дверь, задевая колокольчик, потом закрывается. И лишь после этого тихое:

– Ваше высочество, вы где?

Дядюшка Тино.

Поставив аккуратно чайник обратно на плиту, поспешно иду встречать хозяина дома.

– Я тут, мэтр Селестино, – окликаю его, выходя из кухни. – Как всё прошло? У вас всё в порядке?

Быстрым шагом миную небольшой тёмный коридорчик, соединяющий её с торговым помещением. Отворачиваю в сторону

плотную занавеску, и натыкаюсь взглядом на незнакомую мужскую фигуру. На меня тут же обращается внимательный взгляд пронзительных тёмно-карих глаз.

От неожиданности я замираю и даже подаюсь назад.

– Не пугайтесь, ваше высочество, – поднимает ладони незнакомец. Высокий, крепкий, черноволосый с проседью, на вид лет сорока с лишним. – Вы, возможно, меня не помните, я ещё не был вам представлен официально. Меня зовут Рэймандо. Я служу вашему супругу. И пришёл забрать вас в безопасное место.

– Вы правы, я вас не помню, – признаюсь осторожно. – Как мне быть уверенной в том, что вы не лжёте? После случившегося я не могу себе позволить излишнюю доверчивость.

– Конечно, не можете, – кивает он согласно. И одобрительно. А потом твёрдо произносит: – Я клянусь жизнью и силой, что ни словом, ни делом, ни осознанным бездействием не причиню вам вреда. И в том, что действительно служу его высочеству Федерику Исая Арганди.

С каждым его словом я ощущаю будто в пространстве натягивается невидимая струна, которая тонко тренькает на грани восприятия, обдав волной тепла, когда незнакомец произносит свою клятву до конца.

– Теперь вы мне верите? – благожелательно улыбается мужчина.

Я смотрю на дядюшку Тино, тот едва заметно мне кивает.

– Да, теперь верю.

– Дан Рэймандо отвезёт вас в дом вашего супруга. Так, чтобы никто не увидел, – встречается в наш разговор мэтр Тино. – Мне очень повезло застать его в особняке его высочества.

– Мэтр Селестино, не забудьте отдать мне одежду, в которой была её высочество. И уничтожьте все следы её здесь пребывания, – распоряжается этот непонятный пока дан.

– Да-да, конечно, – с готовностью кивает старик, и устремляется к двери, ведущей в подвал, где он меня прятал.

– Зачем вам моя одежда? – интересуюсь подозрительно у Рэймандо, когда лекарь исчезает из виду.

– Чтобы обследовать на предмет остатков магии, – снова обращает на меня свой слишком уж внимательный взгляд слуга принца.

Слуга ли? Служить ведь можно по-разному. Мне этот мужчина больше какого-то военного напоминает, или скорее даже полицейского.

– Вы только мою одежду будете обследовать? – склоняю голову набок. Вот много чего мне хочется спросить и уточнить, но это слишком рискованно разоблачением.

– Место, где мэтр Селестино вас нашёл, уже изучают мои люди. И я тоже осмотрю. Но первым делом обеспечу вам безопасность. И сообщу вашему супругу, что с вами всё в порядке, – дёргает уголком губ в понимающей усмешке мужчина.

М-да. Не просто слуга, это точно.

Глава 8

Если бы я всерьёз надеялась по пути в особняк принца посмотреть на красоты города в, котором очутилась, меня бы ждало жестокое разочарование. Но так как изначально предполагала, что повезут меня тайком, как было бы разумней, то все дальнейшие события и действия «слуги» принца мною воспринимались более-менее спокойно.

Забрав у мэтра Селестино «мою» одежду, Рэймандо спрятал её в мешочек, который оплёл светящимися нитями заклинаний. А затем твёрдо сообщил, что меня нужно на всякий случай замаскировать иллюзией. Ещё и посмотрел так, будто ждал от меня возражений.

Не дождался. Я не дура.

После моего согласного кивка мужчина начал быстро плести пальцами какую-то замысловатую сеть из полупрозрачных нитей, которую вскоре растянул и буквально накинул на меня. А я, наблюдая за тем, как на моих глазах творится магия, едва сумела удержать невозмутимое выражение лица и не выдать свой жгучий интерес. Особенно, когда взглянула в зеркало и увидела там вместо юной брюнеточки взрослую невзрачную особу с мышистого цвета волосами, в беленьком скромном чепце.

После трогательных прощаний с чудаковатым но добрым старым лекарем, к которому я уже и привыкнуть немного успела, всё-таки пришло время уезжать. Навстречу той самой новой жизни, которую мне посулили.

Уходить из лавки дядюшки Тино было по-настоящему грустно и откровенно страшно. Кто его знает, что меня ждёт в доме принца. Да вообще в дальнейшем.

Но страх никогда не был для меня поводом стоять на месте. Наоборот подстёгивал двигаться вперёд.

Из дома мэтра Селестино мою скромную замаскированную персону вывели через чёрный ход. За небольшим «метр на метр» двориком, обнесённым высоченным забором, у калитки уже ждала впритык стоящая... карета. И выглядела она даже на мой

непритязательный взгляд весьма неприметно. Коричневая. Можно даже сказать, потёртая. Без каких-либо опознавательных знаков.

А когда я с помощью Рэймандо забралась внутрь, устроившись на одном из мягких сидений, а он сел напротив, захлопнув дверцу, оказалось, что и окошко на этой дверце плотно закрыто ставней.

– Для вашей безопасности, – объяснил мне спутник, заметив мой взгляд.

И вот едем мы уже довольно долго. Вполне возможно запутываем следы. Сначала дан Рэймандо, естественно, попытался расспросить меня о похищении. Пришлось и ему рассказывать о потере памяти. Мужчина в ответ наградил меня долгим внимательным взглядом и расспросы прекратил. Но у меня создалось стойкое впечатление, что он мне почему-то не поверил.

Прошло, наверное, уже не меньше часа. Сил сидеть уже почти никаких нет. Регенерация регенирацией, но всё-таки этому организму крепко досталось. И я уже готова на стенку лезть от ноющей боли во всём теле.

Поэтому, когда карета наконец останавливается, даже не пытаюсь сдержать облегчённый вздох.

Слава небесам, приехали. Мы ведь приехали? Это не промежуточная остановка с пересадкой, чтобы сбить со следа убийц принцессы? Как будто они и так не догадаются, что дом принца одно из тех мест, где она может прятаться.

Или не догадаются? Может между молодожёнами кошка пробежала?

Я с надеждой смотрю на дверь, а потом на дана Рэймандо.

Он, понимающе и даже сочувственно хмыкнув, выбирается первым и прикрывает обратно дверцу, попросив подождать. Чтобы появиться лишь спустя несколько минут, за которые я уже на полном серьёзе начала прикидывать, удобно ли будет лежать на моём сидении, если ждать придётся слишком долго.

– Идёмте. Всё в порядке, – протягивает мне ладонь.

С облегчением ухватившись за неё, я свободной рукой подбираю длинные юбки, и наконец-то выбираюсь с кареты, окунаясь в знойный по-летнему воздух, наполненный множеством незнакомых запахов. И почти сразу замечаю, что карета уже не коричневая, а чёрная, гладкая и блестящая. Но по-прежнему без опознавательных знаков.

Иллюзия?

Вот это заморочились. Но мне же лучше. Наверное.

Возможности осмотреться мне снова само собой не дают. Как только я ступаю на землю, дан Рэймандо перехватывает меня за локоть и настойчиво увлекает к высокому и длинному каменному забору. Там для нас уже распахнута деревянная массивная калитка, обитая железом. Опять чёрный ход, кажется.

А за калиткой обнаруживается сад. Очень большой и очень красивый. Красочный и яркий, с множеством цветов, высокими раскидистыми деревьями, фонтанами, и ухоженными живописными дорожками, выложенными белоснежной плиточкой.

Та, на которой мы стоим, огибая сад по краю, ведёт прямым к огромному величественному особняку, больше похожему на какой-то дворец.

– Я посчитал, что будет безопасней провести вас через служебный ход. За парадным подъездом могут следить, – тихо сообщает мне дан Рэймандо, закрыв калитку и снова подхватывая меня под локоть. – Как вы себя чувствуете? Мне показалось, вам стало дурно в карете.

– Не очень хорошо, – признаюсь, бледно улыбнувшись.

– Данна Агата уже наверняка приготовила ваши покои, чтобы вы могли отдохнуть. Но если вам очень плохо, думаю, будет нелишним вызвать личного лекаря его высочества.

– Не нужно. Я доверяю заключению мэтра Селестино, – качаю головой. – Мне сильно не по себе сейчас. И я не хочу пока лишних встреч, даже если речь идёт о лекаре. Отдых и покой на некоторое время, это было бы чудесно.

– Как скажете, – кивает мужчина. – Пойдёмте тогда, в дом. Там вас уже ждут.

И снова настойчиво увлекает меня вперёд. На этот раз к особняку. Я позволяю ему это без малейших возражений – самой уже хочется оказаться в помещении. Лишь отстранённо отмечаю про себя, что мой спутник, кажется, избегает даже каких-либо обращений. словно нас может кто-нибудь подслушать. Тем тревожней мне становится.

– Дан Рэймандо, а вы не знаете, когда вернётся мой супруг? – бросаю на идущего рядом мужчину вопросительный взгляд.

– Точно ответить не могу. Но уверен, что сразу же, как только у него появится такая возможность, – ровно отвечает тот.

– А он... уже знает?

– О том, что вы исчезли из королевского дворца, да. Ему об этом сообщили утром, как только обнаружили ваше отсутствие в личных покоях. О том, что в его дом пришёл мэтр Селестино со сведениями о вас, я ему тоже сообщил. Остального пока не успел.

Быстро у них с этим. Наверняка какая-то магическая почта имеется. Что ж, теперь мне остаётся только ждать мужа и пока держать оборону. А там смотреть по ситуации. Если он находится в другом городе, да ещё приграничном, а тут у нас столица, то принцу наверняка понадобится не один день, чтобы добраться домой и прийти жене на помощь.

Расстояние до дома, оказывается гораздо большим, чем я думала. И чем дальше мы идём, тем сильнее начинает ощущаться жара. После зимы в моём родном мире, это дико непривычно. Давит сильно. И переставлять ноги становится всё сложнее. Да и голова начинает кружиться и в ушах шуметь. Я словно плыву. И в совершенно нехорошем значении слова. Дурно мне. Надеюсь, что не грохнусь в обморок, не дойдя до обещанных покоев.

Наверное, именно из-за своего состояния, услышав тихие детские голоса, я не сразу соображаю, что они реальные.

– Смотри, опять она, – возмущённо шепчет один.

– Ага. И под... ил-лю-зией, – старательно выговаривая сложное слово, соглашается второй голосок. И зло прибавляет: – Думает, что хитрая, и мы не узнаем? Решила пробраться сюда тайком, пока папы нет.

– А помнишь, как она быстро сбежала в первый раз? – потешаясь, фыркает первый.

– Помню. Плакала и визжала, как девчонка. И папе на нас жаловалась. У-у-у-у, ябеда. Надо её проучить. Чтобы не лезла к нам больше.

Это они о ком? Обо мне, что ли? Точнее, о принцессе... Я недоумённо оборачиваюсь, покачиваясь на ватных ногах, пытаюсь найти глазами в пышных зарослях какого-то цветущего кустарника маленьких заговорщиков. Или заговорщиц. Голоса-то, кажется, девчачьи.

– Тс-с-с, смотрит.

– Ну и что? Всё равно рассмотреть не сможет. У неё другой дар, папа говорил.

– Что случилось, ваше высочество? – тихо интересуется дан Рэймандо, заметив мою заминку. А в кустах становится тихо-тихо.

– Голоса, – растерянно бормочу я, хмурия брови.

– Какие? – удивлённо уточняет мой спутник.

Хочется ответить: «Детские», но какое-то внутреннее чутьё заставляет меня промолчать.

– Показалось. Голова очень болит, – смущённо дёргаю уголками губ. И продолжаю идти, куда шла. К манящему прохладой дому.

– И всё-таки я вызову к вам лекаря, – хмуро сообщает мне дан Рэймандо, следуя за мной.

Глава 9

Может такое быть, что у моего мужа имеются дети? Притом уже достаточно большие, чтобы строить заговоры и устраивать каверзы против неугодной мачехи.

Ну-у-у, теоретически, вполне. Я же ничего о нём не знаю. Может, принцесса Анна, в чьём теле я очутилась, была его второй женой?

Мне ведь даже неизвестно, сколько принцу лет.

Просто рассудила, что муж мне, скорее всего, достался молодой, раз на такой юной девочке женился. И это, честно говоря, тоже мешало воспринимать ситуацию со своим замужеством серьёзно. Ну не привлекают меня мужчины моложе... меня прежней. Конечно это не главная причина для беспокойства, когда человека в глаза не видела, а он на тебя какие-то права имеет. Просто ещё один царапающий момент. Очень сильно царапающий. И один из многих.

А теперь получается, что принц вполне может быть и более зрелым мужчиной. И это делает перспективу супружеских отношений с ним... чуть более приемлемой в моём внутреннем восприятии.

И у него могут быть дети. Точнее, скорее всего, есть. Если эти голоса, конечно, не были моей галлюцинацией.

Значит, я для этих детей теперь стала... мачехой. То есть, у меня не просто появилась возможность родить своих малышек. Мне ещё и готовых дают. Осталось к ним только подход найти. И они будут... мои.

Хм. Мечты сбываются, да, Лана? Стараниями одной богини в многократном размере.

Ну-у-у, я как-бы не против. Насчёт мужа ещё посмотрим, что там и как. А вот дети... да, такие его достоинства мне действительно по душе.

Разузнать бы о них побольше. И о принце.

Но ведь не спросишь ни у кого. Это я по идее должна знать.

Мне бы мэтра Селестино сюда... вот кто умеет между делом болтать об очень интересных и важных вещах.

Кстати, о нём...

– Дан Рэймандо, а можно в качестве лекаря ко мне пригласить мэтра Селестино? Я не уверена, что смогу сейчас довериться... другому... целителю, – тщательно подбирая слова, прошу я у своего спутника, когда мы, миновав террасу, подходим к неприметной двери, явно служебного назначения.

Все эти размышления о детях меня даже взбодриться заставляют. Молодой организм послушно реагирует на моё воодушевление приливом новых сил.

– Мэтра Селестино? – удивлённо вскидывает брови дан. – Вы уверены?

– Да. Он показался мне превосходным лекарем, – хлопаю невинно ресницами. С огромными, бартатными с поволокой глазами, доставшимися мне от принцессы, это должно выглядеть весьма... впечатляюще. – Или я ошиблась?

И мужчина впечатляется. Смотрит на меня удивлённо, но взгляд ощутимо теплеет.

– Нет, не ошиблись. Он долгое время по праву считался лучшим целителем Арганды, даже был личным лекарем его величества. Но вот уже несколько лет занимается аптекарским делом. И ведёт себя несколько... чудаковато.

– Я заметила, – невольно хмыкаю. – Но мне очень повезло, что он меня нашёл вчера. Этот милый старик спас мою жизнь. Я ему за это безмерно благодарна. И была бы очень рада, если бы он и дальше следил за моим выздоровлением. Если это возможно, конечно. И если он сам не будет против.

– Я-а-а... посоветуюсь с принцем. И если его высочество даст добро, приглашу к вам почтенного мэтра, – уступает дан, который совсем не слуга.

– Спасибо большое! – улыбаюсь я ему с искренней благодарностью.

Дальше мы продолжаем путь уже без особых приключений. Открыв дверь, Рэймандо пропускает меня вперёд в небольшой тускло-освещённый коридорчик. Потом мы минуем несколько помещений, судя по всему служебных. Проходим мимо распахнутой двери кухни, чуть не столкнувшись с девушкой в форменном платье, несущей куда-то огромный поднос, накрытый пузатой блестящей крышкой. Потом

дальше по коридору пропускаем ещё двух служанок с корзинами полными белья.

И наконец сворачиваем на неприметную лестницу, ведущую куда-то на верхние этажи. Помню, когда-то смотрела документальный фильм про скрытые угрозы Викторианской эпохи и там показывали похожие лестницы для слуг. И их крутостью и неудобством объяснялась смертность среди горничных того времени.

А тут мне предстоит по такой подниматься.

Само собой я останавливаюсь и внимательно присматриваюсь к высоте, глубине и ровности ступенек.

Но, кажется, с этой лестницей всё в порядке. Наверное, особняк его высочества такой громадный, что нет необходимости экономить место ценой безопасного передвижения слуг.

Рэймандо мою очередную заминку воспринимает по-своему.

– Вам плохо? Если позволите, я могу отнести вас наверх на руках, – предлагает он.

На руках? Наверх? Бросаю удивлённый взгляд на мужчину, теперь уже неосознанно оценивая его... потом снова лестницу...

Заманчиво, конечно, но... Там же высоко.

Мужчина, хмыкнув, избавляет меня от мук принятия решения самым простым и действенным способом. Просто подхватывает на руки. Легко, как пушинку.

– Эм, спасибо, – бормочу я растеряно, не зная куда деть глаза. Смотреть на него... как-то неловко. Мы чужие друг другу люди.

– Не за что, ваше высочество, – слышу ровный ответ. – Не бойтесь, не уроню.

Хм. Вполне верю. В этом мужчине чувствуется основательная надёжность. Такие... не роняют.

Отпускает он меня только на втором этаже. И ведёт дальше. Дорогу, если честно, запоминаю плохо. Эмоции уже схлынули, и усталость наваливается с новой силой.

Так что я уже как в тумане воспринимаю то, что мы наконец приходим в нужные покои. И то, что меня там встречает высокая брונетка с пышными формами и спокойными уверенными манерами, оказавшаяся данной Агатой, экономкой этого особняка.

Заметив моё состояние, эта самая данна мигом берёт контроль над ситуацией в свои руки, требует, чтобы с меня сняли иллюзию, после

чего отправляет дана Рэйманда восвояси. А сама вызывает двух горничных, чтобы с их помощью выкупать уже едва стоящую на ногах меня, одеть в длинную красивую сорочку, высушив перед этим волосы с помощью магии, и уложить в огромную кровать под пышным вышитым балдахином.

Уже засыпая, я ещё замечаю, как горничные закрывают окна, сдвигая роскошные портьеры. И слышу, как они тихо уходят, оставляя меня одну. В тишине и удобстве.

Богиня мне на этот раз не снится. Лишь мелькают смутные картинки и видения... разноцветными рыбёшками уплывающие мгновенно, как только я пытаюсь ухватиться за них и рассмотреть... кажется я пару раз просыпаюсь от ощущения, что в комнату кто-то заглядывает, но тут же засыпаю обратно... А потом мне и вовсе чудится, будто рядом со мной кто-то есть. Большой и тёплый.

Такой большой... и тёплый...

М-м-м, такой удобный.

Глава 10

Сонно вздохнув, я прижимаюсь к мужскому телу ещё ближе, оплетая его руками и ногами. И удовлетворённо мычу, когда на мою пятую точку опускается тяжёлая ладонь. А широкая грудная клетка подо мной продолжает мерно убаюкивающе вздыматься. М-м-м, как хорошо!

Боже, как же я скучала по этому. По теплу рядом, по тактильному контакту, по крепким объятиям и возможности обнимать мужа во сне, по ощущению, что нужна и желанна. При всей моей нелюбви к вмешательству посторонних людей в моё личное пространство, в отношениях я очень тактильная. Наверное, из-за лет, проведённых в детдоме. После смерти родителей... тому ребёнку, которым я была, очень нужны были объятия и утешение. Только некому было их дать. Недополучила.

Мне было нужно это... гораздо больше, чем Артёму.

Так. Стоп. С Артёмом мы разошлись. Его рядом со мной точно не может быть.

Тогда кого я тут тискаю?

Замирая, осторожно открываю глаза.

И сразу же натываюсь взглядом на маленькую плоскую горошинку соска. Не знаю почему, но я залипаю на этой детали мужского тела. Незнакомого тела. А потом уже обвожу взглядом всё остальное, что могу рассмотреть. У моего бывшего... всё выглядело не так... Не так... мощно, что ли?

Даже в таком ракурсе мне заметно, что моя подушка весьма рельефна и мускулиста. А ещё пахнет... на удивление приятно. Не отгалкивающе. И без малейшего намёка на перегар.

В себе я, кстати, тоже никаких признаков вчерашних возлияний не замечаю.

Тогда, почему не помню, как очутилась с незнакомцем в одной кровати?

– Доброе утро, Анна. Могу ли я воспринимать твои ночные посягательства на моё тело, как повод считать, что ты передумала насчёт исполнения супружеских обязательств?

Анна? Какая Анна? И о каких отношениях идёт речь? Изумлённо вскинув голову, я натываюсь на внимательный взгляд льдисто-голубых глаз. А их обладатель ещё и бровь заламывает. И выглядит это... Язвительно, пожалуй. А ещё удивлённо

Но даже эта неожиданная язвительность в мой адрес не портит внешность моего утреннего сюрприза. Красивый, зараза. Аристократической такой красотой. На итальянца похож. Но, полагаю, характер у мужика не подарок. Судя по выражению лица и острому, как скальпель, взгляду.

И тут мой мозг наконец-то просыпается и начинает хоть немного соображать. А ещё вспоминать.

Он назвал меня Анной. Так ведь принцессу звали, в чьё тело я... попала.

Я в другом мире. В другом теле. А это... судя по всему, тот самый муж. Который принц. Ведь он? Кто бы ещё ко мне в постель так нагло лёг?

А что если нет?.. А-а-а-а, ну почему всё так сложно? Откуда он взялся? Я вот совершенно не готова сейчас к этому вот всему.

Ладно, попытаемся действовать осторожно, по наитию, полагаясь на своё обострившееся в этом мире чутьё. Ведьминское. Если что, придётся отмазываться диссоциативной фугой с полной заменой личности.

А ведь это действительно выход.

Основания у меня железные есть. Почти удавшаяся попытка убийства достаточно травматичная для юной девушки ситуация, чтобы уйти от окружающей реальности и стать другой личностью.

Другое дело, что я не уверена, знают ли о таком расстройстве в этом мире. И не посчитают ли меня психически-больной.

– Доброе утро, ваше высочество, – бормочу я осторожно, одновременно пытаюсь сползти с него и оправить задрвшуюся сорочку.

Рука на моей голой попе на миг сжимается крепче, словно не хочет отпускать. А потом всё же исчезает. Позволяя мне отстраниться.

Моему обращению мужчина не удивлён. Значит, действительно принц. Это сколько же я проспала? Когда он успел вернуться?

– Как твоё самочувствие? – интересуется... муж, закладывая одну руку за голову и невозмутимо наблюдая за моими попытками

отодвинуться дальше и при этом не стащить с него простыню, которой мы оба были укрыты. И сам ведь даже не думает её придержать.

– Эм... хорошо... спасибо, – бормочу, чувствуя себя до ужаса неловко.

Боже... как мне в такой ситуации вообще себя вести? Я в постели с чужим мужем... который теперь вроде как мой муж... и я ничего не знаю о нём... а он не знает, что перед ним не его жена Анна... и он голый!

Простыня всё-таки сползает с мужского тела. Обнажая во всём утреннем великолепии.

Ох. Взгляд так и притягивается против воли. И к мощному торсу, и к мускулистому животу... и к тому, что ниже. А муж-то мне... одарённый достался.

Вот это я попала... мне нравится то, что я вижу. И доставшийся мне молодой организм с нестабильным гормональным фоном очень однозначно реагирует на объект моего интереса.

Наверное, принцесса бы так не пялилась. Поэтому взгляд отвожу. А краска, неожиданно прилившая к лицу от лёгкого возбуждения, вполне может сойти за девичье смущение.

Видимо, что-то не так я делаю, потому что мужчина подозрительно прищуривается. И переворачивается на бок, оказываясь слишком близко. Смотрит в лицо так внимательно, будто читает... И не верит в смысл прочитанного.

Чёрт, что не так? Моя реакция?

Словно в подтверждение моей догадки, принц внезапно притягивает меня за талию к себе. И даже наваливается немного, закинув на меня ногу. И дальше смотрит. Буквально препарирует взглядом. Даже голову набок склоняет.

Резко выдохнув, я на автомате упираюсь ладонями в мужскую грудь. С немым возмущением пытаюсь отодвинуться. Да только кто бы мне позволил?

Он, что собирается прямо сейчас с меня супружеский долг требовать?! Так вот, я категорически против! А гормонам слова не давали!

– Отпустите меня, пожалуйста, – прошу тихо, но максимально твёрдо.

– Отпущу. Но сначала ты мне ответишь, что с тобой произошло? – непрекерекаемо уведомляет меня супруг-незнакомец.

– Но... дан Рэймандо говорил, что сообщил вам, – пытаюсь я увильнуть. Вот не ожидала я, что так быстро придётся держать ответ перед мужем моей предшественницы. Он же где-то там на границе должен быть.

– Сообщил. Обо всём. И о том, что тебя похитили. И, что ты в тот день до позднего вечера была у этой старой склочной вороны, своей бывшей дуэньи. И то... что ничего обо всём этом не помнишь.

На этой фразе его взгляд становится особо тяжёлым.

– Об этом мы ещё поговорим. И я разберусь. А сейчас хочу узнать, что за игру ты затеяла, жёнушка моя?

– Игру? – вскидываю недоумённо брови.

– Ещё месяц назад, ты рыдала и в страхе заламывала руки, умоляя меня никогда больше тебя не трогать кроме, как для зачатия наследника. А сегодня сама залезла на меня ночью. Ешь глазами, и я... вижу твоё желание, дорогая моя супруга.

– Как можно увидеть моё желание? – сердито вспыхиваю я. Вот самоуверенный гад! – Я не мужчина.

– О нет. Конечно, не мужчина. Но и на ту забитую запуганную скромницу, которую мне подсунули в жёны, ты сейчас совершенно не похожа, – мрачно усмехается его высочество. – Поэтому я спрашиваю ещё раз? Что происходит, Анна?

Глава 11

Так вот что его насторожило? Что я на скромницу не тяну? Это проблема. Из меня актриса никакая. Играть святую невинность, притом постоянно, я точно не смогу.

И ещё... кажется мне, что эти иномирные маги как-то ложь чувят. Вчера вон Рэймандо на меня странно смотрел, сегодня принц. Что-то тут не чисто. Значит, надо быть вдвойне осторожной.

И вот вопрос... Что ему отвечать? Признаваться, или нет? Моя врождённая патологическая честность толкает сразу сказать правду. Но привитые жизненным опытом недоверчивость и осторожность требуют не спешить раскрывать свои карты.

Не разобравшись хоть немного в происходящем и в том, что мой супруг вообще собой представляет, вываливать ему всё, как есть, точно глупо.

Дилемма. Врать в глаза не могу. Сказать правду тоже. Значит, придётся действовать по-другому.

Правда, она ведь разная бывает. И его вопрос можно по-разному интерпретировать.

– Вы застали меня врасплох, ваше высочество, – произношу ровно. – А ночью меня потянуло к вашему теплу. Только и всего.

– То есть ты так грелась? – скептически сужает глаза принц. Ну надо же подозрительный какой!

– Да. И должна признать, что грелка из вас вышла настолько замечательная, что я даже вашего неожиданного появления в моей кровати не испугалась, – сообщаю, невинно хлопая ресницами. На Рэймандо вчера ведь подействовало.

На минуту он зависает, ошарашенно смотря на меня.

– В твоей кровати? – возмущённо вскидывает брови. – Это мои покои. И моя кровать!

То есть как?!!

– А моя где? – вырывается у меня удивлённый возглас. Нет, ну правда, почему меня в его кровать уложили, если они... у нас не общие?

– В моём крыле королевского дворца. Ты же не захотела жить со мной и моими «плохо воспитанными злодейками-дочерьми» в этом особняке, – ядовито цедит Федерик, явно цитируя данное кем-то определение.

Это Анна так о его детях говорила? Не очень умно любящему родителю такое в лоб заявлять, даже если они действительно невоспитанные. Дипломатичней надо быть, иначе хороших отношений не видать. А в том, что он любящий отец я почему-то не сомневаюсь. Всегда такие моменты хорошо чувствовала.

Интересно, сколько девчонкам лет? Судя по услышанному вчера разговору и голосам вряд ли больше десяти. Надо же... злодейки.

Я едва сдерживаю предвкушающую улыбку.

Но тут принц удивлённо застывает. Явно что-то осознав.

– Постой... Ты что и этого не помнишь? – недоверчиво уточняет его высочество.

– Не помню, – искренне признаюсь извиняющимся тоном. Не помню ведь. А по какой причине не так уж важно.

– И что же ещё ты умудрилась забыть? – вскидывает мужчина бровь.

– Простите, но как я могу знать, что именно забыла, если не помню об этом? – задаю я вполне закономерный с моей точки зрения вопрос. – И отпустите меня. Пожалуйста. Вы обещали.

Раздражённо сверкнув глазами, он всё-таки откатывается, освобождая меня от своего немаленького веса. Интересно, какой у него рост?

– Меня помнишь? Нашу свадьбу? – садится, в кровати. И снова обращает на меня этот свой пронзительный взгляд. Ещё и искоса.

– Нет, – качаю головой. Ну правда же!

Супруга моего аж перекашивает. Не нравится забытым быть? И нечего зубами на меня скрипеть. Можно было бы понять, если бы у них с Анной отношения нормальные были. А так... ничего, переживёт.

– Тогда откуда знаешь, что я твой муж? – цедит он сквозь зубы ну очень недобрый тон.

Кажется, кое-кто решил, что подловил меня. Ага как же.

Я тоже сажусь. Натягиваю простыню до самого носа, награждая его не менее подозрительным ответным взглядом.

– А я не знаю. Предполагаю только, – огорошиваю его ещё больше. Дезориентация противника тоже хороший способ победить. – Мне вчера мэтр Селестино сказал, что меня зовут Анна, и я жена принца Федерика Иссыя Арганди. Я попросила его сходить к вам домой, чтобы позвать кого-то мне на помощь. Приехал дан Рэймандо и сказал, что отвезёт меня в безопасное место. Я сначала не поверила. Но он поклялся, что не причинит мне вреда и действительно служит принцу Федерику Иссыя Арганди. А потом привёз сюда. Мне плохо было. Я едва на ногах держалась. И не спросила, в чьи покои меня привели. Предположила, что в мои, или наши с супругом общие, раз я жена хозяина. А тут утром вы. В кровати рядом со мной. Вот я и подумала, что вы и есть мой муж, тот самый принц Федерик Иссыя Арганди. Я ошиблась? – Излагаю ему свой вариант событий. И ни грамма лжи.

И смотрю пытливо, напряжённо, не пряча свою тревогу и настороженность. Пусть даже они по другому поводу.

– Нет, – с долей удивления признаёт доставшийся мне в наследство муж. – Не ошиблась.

И умолкает, задумчиво хмурясь. Пару минут между нами царит напряжённое молчание.

– Ты не говорила ни мэтру Селестино, ни Рэйму, что не помнишь, кто ты, – наконец произносит он. Да, по-прежнему недоверчиво, но ощутимо убавив тон.

– А вы бы в таком признались тем, кого первый раз видите? – жалобно кривлюсь я в ответ. – Мне было больно и страшно. Мэтр Тино сказал, что... моё сердце остановилось. Я была мертва... понимаете... и сейчас я не знаю, что происходит и кому доверять... и всё вокруг чужое.

Вспомнив всё, что довелось пережить... мою смерть... испуг и панику, когда очнулась... я чувствую, как подкатывает к горлу ком, а глаза начинает щипать от непролитых слёз.

Мне и сейчас страшно. Очень страшно. Но я готова держаться за свой второй шанс зубами.

В глазах сидящего рядом мужчины неожиданно мелькает искреннее сочувствие и сожаление. Он даже подаётся ко мне, будто обнять хочет. Но что-то его останавливает. Возможно то самое

требование скромницы Анны. Глупая девчонка была. Живи она с мужем, может, и жива бы осталась.

– Не бойся ничего. В этом доме ты в безопасности. Я усилю охрану и защитную систему. И обещаю, что найду и накажу тех, кто это сделал с тобой, – произносит твёрдо его высочество. – Но тебе придётся не только довериться мне, но и делать всё, как я скажу.

– Что вы имеете в виду? – уточняю настороженно. Мало ли что он скажет делать.

– Меры безопасности, – отрезает мужчина.

Ну-у-у, по большому счёту это разумное требование. Особенно исходя из моей ситуации. Тут спорить явно глупо. Поэтому просто киваю. Согласно.

Принц удовлетворённо хмыкает.

Но я по-прежнему вижу во взгляде мужчины очень... о-о-очень много вопросов и сомнений. И что-то ещё... странное... настораживающее.

– Значит... ты не помнишь ничего не только о похищении и о том, кто пытался тебя убить, но и о себе... о нашем браке... – задумчиво тянет его высочество.

Я в ответ молчу, позволяя ему самому озвучить «правильный вариант». Правда... царапает меня что-то в его интонациях. К чему это он клонит?

Глава 12

– А данну Иезеннию? – подумав, интересуется принц. И я могу на что угодно поспорить, что он сейчас очень надеется на отрицательный ответ. Хоть и не показывает этого.

– Нет. А кто это? – склоняю голову набок.

– Не важно, дорогая моя супруга, – неожиданно улыбается супруг. Довольно. Торжествуя даже.

Уоу. Я на миг даже зависаю, любуюсь. Он и так хорош. А улыбка, изогнувшая чувственные губы и отразившаяся в голубых глазах, и вовсе делает доставшегося мне в наследство супруга неотразимым.

Но момент любования быстро заканчивается, когда мозг принимается выдавать мне самые вероятные варианты причин, по которым его высочество может радоваться забывчивости своей супруги.

Хм. Эта... Иезенния – ну и имечко! – что, его любовница? Может, он изменил Анне, а теперь радуется, что жена ничего не помнит?

Заметив мой подозрительный взгляд, принц делает лицо попроще. И неожиданно подвигается ближе. Опирается рукой у меня за спиной. Вроде бы и не касается, но почти обнимает. И снова внимательно всматривается в глаза. Изучающе.

А потом внезапно подносит вторую руку к моему лицу и убирает за ухо прядь волос. Гладит по щеке... шее.

Я в ответ удивлённо замираю, не зная даже что думать и как реагировать. Особой нежности в этом жесте не вижу. Скорее исследовательский интерес. Создаётся впечатление, будто мужчина прощупывает почву, проверяя, как много я ему позволю.

– Ваше высочество? – вскидываю вопросительно брови, пытаюсь понять, что это за странные манёвры.

– Ты меня не боишься, – констатирует он.

– Ну-у-у, немножко опасуюсь, – признаюсь со смешком.

– Это я могу понять. Это разумно, – кивает понимающе «муж». И разрешает с барского плеча: – Можешь не опасаться. Я не желаю тебе зла.

Ситуация становится всё бредовее. «Муж» явно проверяет какие-то свои мысли и теории, а меня посвящать в детали так же явно не горит желанием. Но раз уж в «потере памяти» я окольными путями призналась, и он это даже принял, пора уже и самой начинать вопросы задавать.

– Можете мне рассказать немного обо мне? О себе? О нас? – спрашиваю, спокойно встречая мужской взгляд. И прибавляю многозначительно: – О нашем браке?

– Немного могу, – с серьёзным видом соглашается он. – Тебя зовут Анна Мари Иллария Мораду Арганди, ты последняя представительница древнего и когда-то очень сильного рода Мораду. И два месяца назад стала моей женой, войдя в род Арганди.

Ага. Это я уже и так знаю, если не считать девичью фамилию Анны. Но интересно он так о свадьбе говорит. Официально. Без особых эмоций. Это лишь подтверждает уже сложившееся у меня впечатление. Кажется, брак у них с Анной был договорной. Осталось понять, какая ему выгода с жены? И почему он так рад моей «потере памяти»?

– Мы ведь не по любви поженились? Я правильно понимаю? – интересуюсь у наблюдающего за мной принца.

В его глазах вспыхивает скренное удивление.

– Почему же ты так решила?

– Потому что вы меня явно не любите. А я... уверена, что любящая женщина точно не пожелала бы жить от мужа отдельно. Если только муж её чем-то сильно не обидел?

– Да не обижал я тебя! – возмущённо вскидывается этот самый муж.

Ага, выглядит и звучит довольно убедительно. Но «не обижал» в мужском понимании и в женском иногда совершенно разные вещи. Так что с выводами спешить не буду.

– Значит... брак у нас договорной? – склоняю голову набок.

– Знаешь, дорогая жёнушка. Эта твоя потеря памяти очень благотворно сказалась на... твоей сообразительности, – хмыкает Федерик. И в его глазах опять мелькают тени подозрений. И ещё становящийся всё более ощитимым интерес. – Кто бы мог подумать. В общем ты права. Брак мы с тобой заключили действительно не по любви и на договорной основе. Ты единственная из аристократок

Арганды обладаешь достаточно сильной кровью и даром, чтобы родить мне наследника.

– Но у вас же есть дети, – хмурюсь непонимающе.

– Дочери от первой жены. Покойной. Но ни одна из моих девочек не сможет унаследовать трон Арганды, когда придёт время. Мне нужны сыновья. И я рассчитываю, что ты мне их родишь, Анна.

Вот как? Что ж, хорошо, что хоть честно ответил, а не начал вешать лапшу на уши.

Пару минут мы смотрим друг на друга. Помню, что богиня что-то там говорила о том, что этот брак был магически закреплён на крови и разводу не подлежит. Значит... скорее всего мне придётся налаживать совместную жизнь с этим мужчиной. Радует уже то, что он не вызывает во мне отторжения. И мысль о том чтобы переспать с ним для зачатия этих самых наследников меня тоже не отталкивает. Если ничего не выйдет с нашим так называемым браком, я буду иметь детей. Без первого вполне могу обойтись, а второго очень хочу.

– Это все ваши требования ко мне, как к своей жене? – сужаю глаза. Хорошо бы сейчас на берегу всё прояснить.

– Нет, не все, – выдержав задумчивую паузу, произносит Федерик.
– Мне нужна настоящая жена. Которая будет делить со мной кровать и воспитывать наших детей. Моим дочерям нужна мать. И заключая с тобой брак, я рассчитывал, что ты сможешь ею стать. А получил истерично-рыдающую девчонку, не способную приструнить двух семилетних шкодниц.

Ну надо же. Ну а что он хотел, если жену выбирал по качеству крови, как племенную кобылу? Может, они даже не общались до свадьбы.

Но... кто я такая, чтобы судить? Мало ли таких договорных браков было в нашей истории? И в этом мире и в этой стране тоже свои реалии и свои законы. Если только Анна могла родить ему наследника, то мужика тоже можно понять.

А мне нужно как-то в эти реалии вписываться, чтобы выжить.

– Двух семилетних? Так они близняшки? – выхватываю я из его слов самую интересную для меня деталь.

– Да, – выпадает в осадок от моего восторженного тона «муж».

– Какая прелесть, – улыбаюсь. – Я согласна.

– На что? – удивлённо вскидываются его брови.

– Рожать и воспитывать. Ну и ладно, кровать делить тоже. Когда познакомимся немного ближе, – глупо при наличии сексуально-привлекательного мужа не позаботиться о своём женском здоровье. Регулярная половая жизнь штука полезная и нужная. Правда, есть один момент, к которому у меня весьма категоричное отношение. Поэтому я уточняю: – Но при условии взаимной верности. Я брезгую. Если не согласны, давайте ограничимся зачатием младенцев.

– Чем это ты брезгуешь? – совсем уже огорошено уточняет принц.

– Тем, что пихается во что ни попадя. Откуда мне знать, чем болеют ваши возможные любовницы.

Видя ошарашенное лицо его высочества, я уже начинаю думать, что перегнула с энтузиазмом в наших переговорах. Вон у мужика уже глаз дёргается. Нервная система явно не в порядке.

Но ситуацию спасает неожиданно-раздавшийся в комнате тихий стук. А затем и звук открываемой двери.

– Доброе утро, ваш... ваши высочества, – просовывается в дверной проём кудрявая голова в чепце.

Кажется, это одна из вчерашних горничных. Она старательно отводит смущённый взгляд от кровати и голого принца на ней. А тот всё так же сидит истуканом, даже не пытаясь прикрыться. Не удивительно, что юная скромница-жена побаивалась своего мужа без комплексов.

– Прибыл мэтр Селестино. Говорит, что по вашему приказу, ваше высочество, – докладывает краснеющая служанка.

– Скажи, что принцесса примет его через четверть часа. Пускай подождёт, – приказывает Федерик, придя в себя.

Девчонка, присев в книксене, скрывается, а мы остаёмся одни. И взгляд принца опять прикипает ко мне. Снова подозрительный и задумчивый.

– Ой, мне надо тогда... встать, – улыбаюсь невинно, бочком сползая с кровати.

И как только ноги касаются пола, уношусь в ванную комнату, примыкающую к спальне. Всей спиной и тем, что ниже, чувствуя пристальный взгляд «супруга».

Глава 13

Пока умываюсь и привожу себя в порядок, прокручиваю в голове наш с принцем разговор. Наверное, я вела себя слишком напористо. Скромная затюканная девочка, какой видится мне из его слов Анна, вряд ли бы посмела такое заявить в глаза мужу. Кажется, я порвала его высочеству все шаблоны. Уж больно вид у него шокированный был.

Как бы он теперь не усомнился в подлинности своей супруги.

Интересно, если брак магический и закреплённый на крови, что бы это не означало, может, есть какие-то способы убедиться в том женаты мы, или нет?

Задумавшись, я застываю смотря на своё такое непривычное и чуждое отражение в зеркале.

А ведь действительно? Если у них так легко накладываются иллюзии, почему он предположил, что его жена играет в какие-то игры, вместо того, чтобы заподозрить подмену?

На глупца не похож. Скорее наоборот слишком проницателен.

Тогда почему? Не почувствовал на мне магии? Так уверен в своей силе, что даже мысли не допускает, что может быть кто-то сильнее?

Как-то это странно всё.

А если всё-таки заподозрит, что я не та? Что меня тогда ждёт?

Желание понять, что к чему, и стремление разобраться в опасной для моей жизни ситуации теперь становится таким неожиданно-сильным, что внутри буквально что-то зудеть начинает. А под кожей словно искры пламени пробегают, отражаясь в расширенных зрачках.

Откуда-то приходит твёрдая уверенность, что на мне должен быть какой-то знак, что-то подтверждающее мой замужний статус. И его-то, этот знак, возможно, и увидел Федерик.

Эта ничем, кроме внутреннего знания, не подкреплённая уверенность назойливой трелью звенит в голове.

Откуда я это знаю? Почему так уверена? Потому что ведьма?

И что это за знак? Где он?!

Моё отражение страдальчески морщится. Тоже мне ведьма. Что-то знаю... что-то мне кажется... а доказательства где?!

В раздражении, сжимаю край умывальника до побелевших костяшек. И внезапно вижу, как по моим предплечьям пробегают вспышки пламени, ослепляя обжигающей болью.

Взвизгнув испуганно, в панике отдёргиваю ладони от золочённой раковины. Но становится только хуже. Руки теперь полностью вспыхивают, начиная от едва заживших ладоней.

Я тут же принимаюсь лихорадочно отвинчивать металлический кран, чтобы обратно пустить воду, но огонь уже охватывает плечи. И на мне начинает пылать сорочка. Языки пламени буквально пожирают тонкую ткань.

Чёрт. Чёрт. Чёрт. Как это остановить? Я такими темпами сейчас в факел превращусь. А Богини рядом нет, чтобы успокоить мой огонь.

Подвывая от ужаса и боли, засовываю руки под воду. Раздаётся шипение, в воздух вздымается пар... Не помогает, надо в ванну лезть.

И тут дверь с грохотом распахивается.

– Что здесь происходит?! – врывается в комнату Федерик.

– Горю. Спасите, – всхлипываю жалобно, сбивая мокрыми ладонями огонь с горящих рукавов.

– Замри! – жёстко приказывает мгновенно сориентировавшийся принц. Таким командным тоном, что я буквально застываю, испуганно тарашась на него в зеркале.

Быстро сплетя что-то пальцами, он бросает эту паутинку в мою сторону. Меня будто прохладным ветром обдаёт, разом унимая жжение. И огонь начинает утихать.

Нахмурившись, Федерик подступает ко мне ближе. И, мрачно сжав губы, принимается водить ладонями над моим телом, туша остатки пламени.

– Спасибо, – улыбаюсь ему дрожащими губами, когда наши взгляды встречаются.

– Почему ты воспламенилась? Что произошло? – сжимает он мои плечи, едва прикрытые обгоревшей тканью.

– Не знаю, – признаюсь ему абсолютно честно. – Я ничего не делала.

– Прямо-таки ничего? – прищуривается недоверчиво.

– Ну-у-у, стояла и думала. Это считается?

– С твоим потенциалом и нестабильной после покушения магией вполне, – неожиданно хмыкает принц, подступая ближе и почти

прижимаясь к моей спине. – И о чём же ты таком думала, что настолько разволновалась?

Ага, так я и призналась, что о нём и думала.

– О своём положении, – вздыхаю, пытаюсь отодвинуться. Но упираюсь животом в раковину. И тут же замечаю, что взгляд «мужа» в отражении беззастенчиво скользит по моей груди, проглядывающей через обгоревшие прорехи в сорочке.

– Разве твоё положение так ужасно? – интересуется он хрипло. И тут же неожиданно меняет тему, сбивая меня с толку: – Покажи мне свои руки, Анна. Сильно пострадали?

– Кажется, не сильно, – растерянно качаю головой.

И только теперь я осознаю, что действительно как-то слишком легко отделалась. Кожу там, где горел огонь, немного щиплет и жжёт. Но это даже в малейшей степени не похоже на то, что я должна сейчас испытывать. И на моём теле не заметно даже намёков на ожоги.

Поспешно поднимаю руки, ошарашенно рассматривая слегка покрасневшие ладони. Всего лишь покрасневшие. Слегка...

Это просто в голове не укладывается. Я же помню, как мне было больно. Или это было моё воображение? Как так может быть? Мой огонь меня не обжигает?

И тут я замечаю ещё кое-что. То, чего раньше не видела. На моих запястьях красуется тонкая вязь чёрных линий, сплетающихся в красивый узор.

– Что это? – выдыхаю потрясённо.

– Брачные метки, – слышу немного удивлённый голос «мужа». – Как ты сняла с них мою иллюзию?

Брачные метки? Так просто? Вот он знак! Тот самый! Значит, я не ошиблась!

– Иллюзию? На них была иллюзия? Почему? – не выдержав, разворачиваюсь я в его руках.

– Ты сама меня попросила спрятать их, – хмурится принц. – После нашей первой брачной ночи. Целую истерику мне закатила.

– Зачем? – округляю я глаза. Чем больше я узнаю об этой Анне, тем сильнее сомневаюсь в её умственных способностях.

– Чтобы никто не знал, спим мы вместе, или нет, – кривится раздражённо его высочество. – Стыдно тебе было.

– Глупость какая! – вырывается у меня. Что за бред? Если эти метки появляются после... консумации брака, то смысл их скрывать? Раз уж вышла замуж...

Федерик удивлённо прищуривается, всматриваясь в моё лицо. И на его губах появляется довольная улыбка.

– Я очень рад, что ты это наконец-то поняла, – тянет он предвкушающе, обнимая меня за талию и прижимая к себе. – Помочь тебе помыться от копоти? Твои ладони наверняка слишком болезненно-чувствительны сейчас.

Кажется, «муж» у меня не только одарённый но и хитропопый сильно. И соображает буквально на ходу. В спальне вон ещё осторожничал, а сейчас вот уже и мыть собственноручно собрался. И ведь не прикопаешься. Вроде как заботится.

Но нужна ли мне эта забота?

Нахмурившись, я осторожно веду правой ладонью по тыльной стороне левой.

– Действительно, немного болезненно. Но вполне терпимо, – сообщаю Федерику, бросив на него полный сомнений взгляд.

– Зачем же терпеть? – вкрадчиво спрашивает принц. – Пойдём, я буду осторожен. И всего лишь помогу. Обещаю.

И, не дожидаясь моего ответа, увлекает меня к большой ванне.

Я и глазом моргнуть не успеваю, как меня осторожно поднимают и переставляют в огромную каменную чашу. А дальше его высочество «муж» ловко избавляет меня от обгоревших остатков сорочки. Оставляя в чём мать родила. И, игнорируя весьма откровенную реакцию собственного организма на мою наготу, принимается спокойно и сосредоточенно набирать воду.

Вот странное дело. Я этого мужчину едва знаю. Но мне почему-то не хочется его останавливать. И не хочется отказываться от его помощи. Пусть даже мои руки не так уж сильно и болят.

Просто... обо мне очень давно никто не заботился. Не советом, или дружеской поддержкой, а вот так... интимно... помогая... делая для меня то, что может сделать только кто-то очень близкий. Без вопросов и просьб. Просто потому, что он может это для меня сделать. И моя раненная женская сущность сейчас буквально тает от столь неожиданных действий понравившегося мне мужчины.

Мне этого не хватало. Никогда не хватало. Это то, чего просить я никогда не умела. И не получала.

Сильная же. Самостоятельная. Сама должна о себе заботиться. И о муже попутно.

Моего бывшего вообще сложно было назвать заботливым. А когда в нашу семью пришла беда, он и вовсе оставил меня с этой бедой наедине.

И хоть я понимаю, что мотивы у Федерика самые что ни на есть корыстные. И близким его назвать ну уж точно никак не назвать. Мы вообще почти не знакомы. Я отлично понимаю, что он пользуется возможностью экстренно приручить и приучить к себе новый вариант жены, пока она ничего не вспомнила. Но вместе с тем, моё чутьё мне уверенно твердит, что он действительно сделает так, как сказал. Просто поможет.

Он вообще ощущается... надёжным.

И это невероятно подкупает. Возможность побыть немного слабой рядом с сильным мужчиной. Хотя бы в этой ситуации.

А то что смотрит, и так явно желает... так и я смотрю. И мне нравится то, что я вижу. Надо же привыкать к мысли, что это теперь мой муж. Тот, с кем я буду заниматься сексом. Тот, кто станет отцом моих будущих детей.

Зачем мне тогда отказываться?

Бросив на меня испытывающий взгляд и не заметив возражений с моей стороны, принц берёт в руки мочалку с душистым кусочком мыла и молча принимается за дело.

Глава 14

– Ну что я могу вам сказать, ваше высочество, – деловито водит ладонями над моим телом в чистой новой сорочке мэтр Селестино. – Ваш организм не перестаёт меня поражать. Такими темпами уже к завтрашнему дню и следа не останется от полученного вами магического ранения.

Я уже, наверное, минут тридцать вынуждена лежать на кровати смиренно, чтобы пожилой лекарь мог меня полностью обследовать. Так приказал мой супруг. И даже остался в спальне, чтобы лично проследить.

Мне до сих пор невероятно диким кажется то, что для обследования местным целителям даже прикасаться к пациенту не обязательно. Я уж молчу об элементарном взятии анализов и прочих методах диагностики. Сложно поверить, что это действительно работает.

И если так... если у них всё исцеляют магией, то что я в этом мире буду делать?

Стану просто матерью и женой?

Возможно, или даже, скорее всего, поначалу мне этого будет хватать? А потом?

Впрочем, у меня есть время разобраться со всем и найти себе применение.

Я ведь в тело молоденькой девочки попала, и жизнь у меня, можно сказать, только начинается.

– Вы не знаете, с чем может быть связана такая сверхбыстрая регенерация у моей супруги? – прищуривается Федерик, буравя пожилого мэтра очень внимательным и пристальным взглядом.

– У меня есть пару теорий, – радостно улыбается старик.

Он вообще сегодня весь сияет. Буквально лучится счастьем... и удовольствием от своей нужности и значимости. Если верить моему чутью, опять же. А не верить ему сложно после того, как я столь феерично нашла на себе интересующие меня брачные метки. Лучше просто спокойно поверить, чем на нервах воспламениться опять, лишь бы получить доказательства.

В общем, очень правильно я поступила, попросив позвать старого Тино. Вон сколько радости у человека.

– И что же это за теории? – заинтересованно вскидывает брови принц.

– Первая и самая простая, это вмешательство Великой Праматери. Всем известно, что она особо покровительствует королевским семьям, как хранителям магического равновесия в нашем мире, – с энтузиазмом пускается в рассуждения мэтр. – Я вам даже могу напомнить, что где-то шестнадцать, или семнадцать лет назад в вашей же семье был похожий случай. Ваша старшая сестра. Помните? Она каким-то чудом выжила после отравления Слезами Киеры. И, кстати, очень сильно изменилась после этого случая. О-о-о-о, как я мечтал о возможности обследовать её высоч... то есть её величество. Но увы... в Арганде она не бывает, а в Сэйнар меня тогда не пустили.

Старик вещает, а я буквально вижу, как хищно подбирается мой супруг. Бросает на меня ну очень задумчивый и изучающий взгляд. Видимо, что-то в этом случае с его сестрой очень сильно напоминает ему мой собственный. Да и меня отчётливо царапает упоминание о сильных изменениях в ком-то после чудесного выздоровления. А если уж тут замешана Богиня... В общем, надо бы узнать побольше, что там случилось и как.

И я даже знаю, кто мне всё это расскажет.

Ну до чего же мне повезло с первым знакомством в этом мире.

– Но есть у меня и ещё одна теория. Более интересная, – старик от восторга даже ладони потирает. – Я вчера после отъезда её высочества позволил себе наведаться в королевский архив. Мы с главным архивариусом давние друзья.

У принца на этих словах почему-то глаза на лоб лезут. Интересно, его дружба мэтра с архивариусом так удивила, или то, что старый лекарь так запросто в королевский архив попал?

– Так вот, изучил я генеалогическое древо рода Мораду, – не замечая реакции одного из своих слушателей, продолжает Тино. – И знаете, что я там нашёл?

– Что? – буквально в один голос спрашиваем мы с Федериком.

Старый мэтр буквально расплывается в довольной улыбке, явно польщённый таким пристальным вниманием к его рассказу.

– В роду Мораду когда-то были ведьмы. Огненные. От них и остался такой сильный дар стихийной магии. И соответственно у принцессы могла проявиться повышенная регенерация. Особенно вследствие магической травмы, – огорошивает нас с «мужем» старик Тино.

Вот это новость! А ведь Богиня говорила, что моя душа оказалась очень подходящей. Видимо, не только для этого мира, но и для этого тела. Анна, оказывается, была потомком огненных ведьм.

– И что же с ними случилось? – спрашиваю я, садясь на кровати и подвигаясь к старику ближе.

– Не знаю, дитя, – сжимает мою ладонь мэтр Тино. – Я же генеалогическое древо смотрел, а не семейные архивы вашей семьи. Но, возможно, есть какие-то упоминания в исторических хрониках. Может, ведьмы вашего рода пострадали от последователей Тёмного Навия. Этот культ как раз был очень распространён в тот век а Арганде.

– Культ Тёмного Навия? – уточняю хмуро, чувствуя, как всё внутри сжимается от нехорошего предчувствия.

– Вас кто-нибудь видел в архиве, кроме вашего давнего друга? – одновременно со мной интересуется не менее хмурый Федерик.

Мэтр Тино по очереди смотрит сначала на меня, потом на принца. И ему отвечает первым. Принц же.

– Нет, конечно, ваше высочество. И смею вас уверить, что дан Гервассио никому не скажет, что я там был и что-то искал.

– Хорошо, – кивает мой «муж», поднимаясь с кресла. – Никому больше не рассказывайте о своих теориях и изысканиях. Также как и о состоянии моей супруги.

– Само собой, ваше высочество, – немного обиженно поджимает губы старик. – Это было бы нарушением этики и несусветней глупостью. Могу вам даже магическую клятву дать.

– Я не сомневался в вашем здравомыслии, мэтр Тино. И клятву у вас приму. Но сначала хочу обсудить с вами одно важное дело. Пойдёмте в мой кабинет, договорим там. И позволим моей супруге одеться к завтраку.

Вот... подлый конспиратор. А здесь что нельзя договорить? Мне же интересно!

– Да-да, конечно, – подхватывается пожилой лекарь.

– Анна, как будешь готова, вели горничной провести тебя в столовую. За завтраком я хочу ещё раз познакомить тебя с дочерями, – поворачивается ко мне Федерик. – Надеюсь, на этот раз вы поладите лучше.

О-о-о, а вот это чудно. Ладно, пусть идут говорят, я потом у мэтра Тино выведаю, что к чему. Без слишком пронизательного Федерика рядом.

– Я очень постараюсь, чтобы так и было, ваше высочество, – искренне улыбаюсь мужу.

Глава 15

Стоило мужчинам уйти, как в спальню опять заглянула та самая кудрявая горничная, представилась Бригиттой, и спросила, желаю ли я одеваться. Я, конечно же, желала. Правда, понятия не имела во что. Если принцесса жила не здесь, то откуда тут взяться её вещам?

Но оказалось, что кое-кто весьма деятельный уже приказал привезти часть «моей одежды» из королевского дворца в особняк.

– Его высочество велел оставить основную часть гардероба во дворце и доставить только самое необходимое, – извиняющимся тоном сообщила мне Бригитта, раскладывая на кровати одежду для меня. – Вечером приедет данна Фелиса, чтобы снять с вас мерки для нового гардероба и привезёт готовое платье. Его высочество велел не привлекать вашу прежнюю модистку. В целях безопасности.

– И когда только его высочество успел обо всём этом распорядиться? – задумчиво проворчала я, наблюдая за девушкой и особо не рассчитывая на её ответ.

– О том, чтобы доставить вам одежду из дворца, ещё вчера вечером, как прибыл домой. А насчёт модистки только что, когда увидел меня в коридоре, – тут же доложила мне горничная, выложив на покрывало последние детали... платья.

И вот теперь я стою и смотрю на это чудо местной моды. Мне в таком придётся ходить?

Мало того, что тут юбок слоёв десять, верхнее серо-голубое платье выглядит чуть ли не доспехом со стоячим жёстким кружевным воротником-тарелочкой и рукавами буфами, так ещё и корсет! Настоящий такой! Вроде бы даже металлические вставки есть. С виду очень жёсткий. От груди, которой, судя по этому безобразию, у меня быть вообще не должно, до низа ягодиц. Если всё это на себя натянуть и затянуть, страшно представить, каково мне будет шевелиться, ходить, сидеть... дышать, мать вашу! Я же на деревянную куклу буду похожа. С металлическим каркасом.

– Бригитта, а нет среди тех вещей, которые мне доставили, чего-нибудь... попроще? – осторожно интересуюсь я у замершей рядом

девушки. И, подумав, прибавляю. – Мне в этом будет больно после случившегося. И хотелось бы надеть что-то... менее официальное.

С губ так и рвётся вопрос, все ли такое тут носят, или бедняжка Анна и в этом отличилась?

– Только домашние платья, ваше высочество, – с сомнением сообщает мне Бригитта. – Все остальные ваши наряды без корсета не сядут по фигуре.

– А что не так с домашними платьями?

Понимаю, что палюсь, но как мне ещё узнать что к чему?

– Ну-у-у, они для личных покоев, – округляет глаза служанка.

– Слишком откровенные? – вырывается у меня.

– Нет, что вы! Просто более свободного кроя, без жёсткого корсета, чтобы и лежать и сидеть удобно было. С книжкой, или за рукоделием.

Ага, это то, что мне нужно. Сомневаюсь, что на семейном завтраке с детьми, будет присутствовать кто-то сильно посторонний. А принца я сегодня уже столько раз удивляла, что неподходящая одежда будет для него сущей мелочью.

– Принеси мне одно из этих домашних платьев, пожалуйста, – уверенно прошу я у Бригитты.

– Как прикажете, ваше высочество, – приседает она в книксене. И уносится в гардеробную. Одну из двух, смежных со спальней. Ту, что для хозяйки дома предназначена, как я поняла.

Видимо, принц моё согласие воспринял более чем серьёзно и уже основательно взялся за переселение жены поближе к телу.

Новый наряд, извлечённый из недр гардероба оказался куда более приемлемым для меня. Подходящая для юной девушки расцветка – молочно-белое в голубенький цветочек – более-менее мягкий корсет и не такие многослойные юбки. И даже скромное декольте. Но грудь прикрывает застёгивающаяся под самое горло белая сорочка с кружевным воротником.

Вышло красиво, хоть процесс одевания и затянулся очень надолго. Страшно представить, сколько времени бы заняло облачение меня в первый вариант платья.

Если уж мне положены новый гардероб и модистка, которая его пошьёт, нужно будет обсудить с этой данной Фелисой, обязательно ли мне носить такие вот пыточные приспособления. Очень надеюсь, что

это просто очередная непонятная блажь покойной Анны, а не повсеместная мода в этой стране. Мне тут жить и рожать ещё. И хочется, чтобы эта жизнь была долгой и здоровой. Без деформации и сдвига внутренних органов

И вот я наконец готова к выходу. Платье надето и десять раз Бригиттой разглажено до идеального состояния каждой складочки. На голове простая но довольно красивая причёска из переплетённых на затылке кос, украшенных жемчугом. Можно выходить.

Я наконец-то познакомлюсь со своим падчерицами.

Есть большая вероятность, что мне попытаются устроить какую-то пакость. А с учётом, что девчонки явно владеют магией, надо быть готовой ко всему.

– Проведи меня в столовую, пожалуйста, – прошу я у старательной служанки.

– Конечно, ваше высочество. Прошу идти со мной, – приглашающе ведёт она рукой в сторону двери.

Мы покидаем спальню, минуем маленький будуар, выходим в примыкающую гостиную. И я удивлённо застываю на пороге, во все глаза рассматривая живность, вальяжно сидящую посреди комнаты.

Рядом испуганно ахает, хватаясь за сердце, Бригитта.

А большая, размером с кролика, плешивая и очень матёрая на вид крыса, подёргав усами, поворачивает к нам голову. Ещё и хвостом своим лысым шевелит.

Выглядит ну очень правдоподобно и детально. И глаза бусинки. И порванное ухо. И серая с рыжинкой шерсть, местами будто выдранная. И маленькие лапки. И приплюснутый нос.

Вот только слишком крупно и неуместно. Иллюзиями, значит, балуются, маленькие негодницы?

Хорошо, что я крыс не боюсь. Надеюсь, до змей девчонки не додумаются. Этими гадами меня испугать вполне реально.

Правда, теперь, поняв, что крыса не настоящая, я как-то и видеть её по-другому стала. Словно голограмму.

– Какая милая зверушка, – склоняю голову набок. – Это чей-то питомец?

– Н-нет, ваше высочество. Не думаю, – мотает головой горничная, немного приходя в себя.

– М-да? А кто в доме отвечает за защиту от грызунов?

– Наш дворецкий, Серджио, – округлив глаза, сообщает Бригитта.
– Но ваше выс...

– Попроси его решить эту проблему, пожалуйста, – перебиваю я её. И, повернув голову, подмигиваю, безмолвно прося подыграть. – Эта крыса выглядит очень больной. Может заразить кого-то жуткими неприятными болезнями. Или не приведи... Богиня, девочек испугать. Они же маленькие, ещё заикаться потом начнут. Этого ни в коем случае нельзя допустить.

Из-за дивана в дальнем угле раздаётся возмущённый выдох, и едва слышное копошение. Не будь все мои чувства сейчас направлены на обнаружение двух маленьких шкодниц, я бы и не уловила ничего, так хорошо они спрятались. Но эмоции их выдают.

Вон даже крыса возмущённо на задние лапы становится. И выглядит агрессивно-обиженной.

– А-а-а, хорошо, ваше высочество, – понатливо кивает Бригитта. – Может принцу ещё скажем? И дану Рэймандо. А вдруг в доме ещё такие есть?

– Думаешь? Тогда девочек надо вообще закрыть в комнатах на неделю и выставить охрану, пока от этой напасти не избавимся. Для их же безопасности. Идём быстрее.

И, подхватив юбки, я с самым решительным видом устремляюсь к двери, не обращая внимания, на ощерившегося грызуна.

– Не надо нас закрывать, – не выдерживает одна из девчонок. Как я и рассчитывала.

– Молчи, – одёргивает её вторая.

– Девочки? А вы что здесь делаете? – с наигранным удивлением поворачиваюсь я на голоса.

Ну вот вы мне и попались.

Глава 16

За диваном всё стихает. Но ненадолго.

Спустя минуту оттуда выбираются две нереально красивые девочки. С гордым видом идущих на эшафот королев. Я даже замираю, поражённо рассматривая этих маленьких красавиц. Тёмно-русые слегка вьющиеся волосы, голубые, как у отца, глазищи, смуглая кожа, и абсолютно одинаковые ангельские личики.

Покинув своё укрытие, они становятся передо мной и синхронно приседают в каких-то мудрёных церемониальных реверансах. При этом изящно приподнимают пальчиками пышные юбки своих одинаковых платьев цвета какао с белым кружевом воротников и воздушных подъюбников.

Получай, Лана, своих принцесс. Настоящих. Теперь бы разобраться, с какой стороны к ним подступиться.

– Доброе утро, ваше высочество, – здороваются они в один голос, гордо задрав свои милые носики.

– Доброе утро, девочки, – с улыбкой киваю я.

Может мне тоже следует по этикету изобразить что-то эдакое, но даже если бы я умела это делать, всё равно бы не стала. Церемонии не помогут мне пробиться сквозь их баррикады. А вот испробованный на принце метод с дезориентацией «противника» вполне может сработать.

– Так что вы за диваном делаете? Крыс ловите? – спрашиваю снова.

– Нет. И вы знаете, что она не настоящая, – воинственно вскидывает подбородок одна из маленьких шкодниц. Та, что справа и с виду более решительная, чем сестра.

– Да, знаю, – легко соглашаюсь, рассматривая девчонок и подмечая маленькие едва заметные различия в их внешности, чтобы быстрее научиться отличать. – Выполнена потрясающе правдоподобно и красочно. Я искренне впечатлилась. Но с размером вы слегка переусердствовали. Вот я и догадалась. Таких больших крыс не бывает.

Думаю, пока не стоит выдавать свою способность их обнаруживать. Пусть будет у меня козырь в рукаве. А он, чую, мне понадобится.

– Бывают, – прищуривается та самая спорщица, упрямо сжимая губы.

– Чем докажешь? – прищуриваюсь я в ответ.

Девчонки удивлённо округляют глаза, но ответить ничего не успевают. Потому что дверь в гостиную в этот момент распахивается и в комнату заходит Федерик.

И почти сразу замечает нас троих, замерших друг напротив друга.

– Эмелин, Каталина, что вы здесь делаете? – подозрительно интересуется он, переводя взгляд с одной дочери на другую. – Опять решили взяться за своё?

Девчонки испуганно застывают, опасливо таращась на отца. Кажется, запахло жареным. И кому-то сейчас явно грозит наказание. Вон как девчонки напряглись.

– Анна? – обращает «муж» на меня вопросительный взгляд, когда так и не получает ответа от дочерей.

– Пап, мы...

– Они пришли поздороваться со мной, – сообщаю ему с абсолютной уверенностью. Ну правда же. Пусть специфически, но ведь поздоровались.

– Поздороваться? – недоверчиво переспрашивает принц. И снова награждает своих чад пристальным вниманием.

А те сейчас выглядят ну очень удивлёнными. Видимо, ждали, что я их сразу сдам с потрохами.

Может, выгораживать проказы и непедагогично... но начинать наше знакомство с того, что их из-за меня накажут? Нет уж.

– Да. А вы пришли нас поторопить, ваше высочество? Мы на завтрак опаздываем? – спешу я отвлечь «мужа» от изучения двух виноватых мосек.

– Нет, – ведёт он головой, наконец оторвавшись взглядом от дочерей и посмотрев на меня. – Я пришёл сказать, что, к сожалению, на завтрак остаться не могу. Меня срочно вызывает к себе его величество.

М-да. Неожиданно как-то.

– Жаль, – вполне искренне вздыхаю я.

Настроилась ведь уже. Думала что-то новое узнать. Пообщаться с ним и с девочками. Наряжалась вот.

Федерик, удивлённо моргнув, пару секунд молчит, изучая меня.

– Можете позавтракать втроём, – выдаёт наконец. Но голос звучит не очень уверенно.

– А мы не голодны. И уже позавтракали на кухне, – тут же вставляет одна из близняшек. Та, что спорщица.

– Мы хотели с тобой, папа, – насупившись, поддерживает сестру вторая. – Пока ты не уехал в Босварию. Тебя же долго не будет.

– Я не еду в Босварию. Вместо меня делегацию возглавит другой человек, – смягчившись, сообщает дочерям принц.

Если бы я до этого момента сомневалась в том, какие отношения у Федерика с его девочками, то сейчас мне бы хватило только одной этой всепоглощающей радости в детских глазах. И того, с каким восторгом они бросились обниматься к отцу.

– Правда? – восклицает спорщица, чуть ли не подпрыгивая на месте. – Ты не едешь? А почему?

– Правда, Эмелин. Не еду. У меня появились очень срочные и важные дела здесь, – улыбаясь, он обнимает обеих. И мне сложно даже представить более прекрасную и трогательную картину.

В сердце впивается крохотная острая иголочка. Эти трое так любят друг друга. Это чувствуется. Как и то, что они будто сами по себе. Вот эта маленькая сплочённая семья. Смогу ли я когда-нибудь стать её частью? Хочется верить, что да. По крайней мере, я сделаю для этого всё, что смогу. Потому что мне... безумно этого хочется. Быть частью семьи, быть нужной, дарить всё то, что накопилось во мне за годы одиночества. Очень хочется.

И тут Федерик поднимает на меня взгляд. Тот самый. Особо пристальный. Препарирующий. И я неловко улыбнувшись, невольно опускаю голову. Изо всех сил надеюсь, что он не заметил, что в моих глазах блестят слёзы.

– Всё, девочки, хватит. Меня ждёт король. Не обижайте Анну, пока меня не будет, – выбирается из детских обнимашек его высочество. – Идите к себе. Я вечером зайду проверю, что вы успели выучить за эти три дня, что я отсутствовал.

– Да, папа, – снова чуть ли не в один голос выпаливают девочки и уносятся прочь из наших покоев, даже не оглянувшись на меня.

Чувствую, с ними легко не будет. Но когда меня трудности останавливали? А сейчас и подавно не остановят.

Может, причина в том, что я этих девчонок уже своими падчерицами воспринимаю, может ещё в чём-то, но что-то зацепили они во мне. Глубоко и сильно. Вместе с отцом своим за компанию.

Тем самым, что сейчас стоит напротив, подозрительно буравя меня глазами.

Глава 17

Федерик

– Бригитта, оставь нас, – не глядя, приказываю притихшей в стороне горничной.

– Да, ваше высочество.

Слышу, как та поспешно проходит мимо нас и даже позволяю себе уловить эмоции, которыми фонтанирует девушка. Естественно, любопытство преобладает. Почти не уступает ему удивление. И чувствуются ноты несмелой, неустоявшейся симпатии, одобрения, благожелательности... и всё это, кажется, адресовано моей жене.

Хм. И тут Анна меня удивила.

Тем сильнее становятся испытываемое мною с самого утра жёсткое внутреннее противоречие и выбивающее из колеи несоответствие того, что ожидаемо и привычно, с тем, что я вижу, слышу и ощущаю.

Не помню, когда в последний раз столько времени настолько внимательно прислушивался к окружающим, анализируя чужие эмоции. Когда настолько открывался своим ощущениям.

Обычно, я стараюсь закрываться. И дочерей, у которых дар эмпатии только-только начинает проявляться, тоже этому учу.

Эмоции – не мысли, они обманчивы и слишком переменчивы. И порой умение их читать лишь сбивает с толку. Ибо никогда нельзя быть уверенным до конца, почему именно человек испытывает что-либо, что при этом думает на самом деле. И как поступит.

Исключением могут быть разве что близкие. Но и с ними бывают промахи. Эмоции, которых лучше не слышать, и ситуации, которых лучше не знать.

Я уж молчу о том, какой это порой непосильный и даже сокрушительный для разума груз – эмоции и чувства других людей.

Но сегодня мой бесов дар – единственный способ хоть что-то понять в происходящем. Правда, пока-что я лишь всё больше запутываюсь.

И причина всему стоит сейчас передо мной. Смотрит с лёгкой опаской. Изучает меня в ответ. Анализирует, если верить сменяющим друг друга оттенкам эмоций.

И это её спокойствие поражает так же сильно, как то, что она испытывала всего несколько минут назад, смотря на моих дочерей. Я до сих пор чувствую ошеломляющее послевкусие этой мощной смеси любования, надежды и грусти... волнения... робости и одновременно с этим решимости... Так смотрят на самое вожаделенное и бесценное сокровище. Так чувствуют себя те, кто увидел наяву свою мечту, и кто теперь готов на всё, чтобы её получить. И этим невозможно не впечатлиться.

И это совершенно не то, что могла бы испытывать моя жена Анна Мари Иллария, последняя дочь славного рода Морату.

Передо мной стоит незнакомка. Незнакомка в теле моей жены. С подлинными метками Богини, которые на моих глазах оплели эти тонкие запястья два месяца назад. После того, как я надел на них свои брачные браслеты и взял свою юную пугливую невесту на брачном ложе. Незнакомка, связанная со мной магической брачной связью, которую я, как никогда, остро ощущаю сейчас.

Все логические доводы говорят мне, что это моя жена. И даже разговор с мэтром Селестино тому подтверждение. Старый лекарь, когда-то уволенный моим отцом за склонность думать больше, чем положено, и задавать не самые удобные в королевской семье вопросы, подтвердил, что вследствие сильных магических травм человек вполне может полностью потерять память и даже неузнаваемо измениться, как личность.

И всё вроде бы сходится... Но не сходится. Совершенно не сходится.

Она другая. Абсолютно. Полностью. И ни капли не вписывается в то, как должна была бы себя вести потерявшая память юная девчонка. Девчонка, которая, по сути, ничего в своей жизни не видела и не знала, кроме стоящего на скалистом берегу родового замка, в котором выросла и жила до нашей свадьбы.

Это всё в голове не укладывается. И я не я буду, если не разберусь.

– Эмелин с Каталиной ведь не поздороваться зашли, – произношу первое, что приходит в голову. И неосознанно делаю шаг к ней. Снова прислушиваясь.

И с удивлением ловлю себя на том, что мне вкусно чувствовать её эмоции. Они чистые. Даже те, что можно считать плохими, всё равно не запачканы грязью и гнилью.

А сейчас и вовсе занятные. Словно интересная загадка.

Удивление, лёгкая досада. Решимость. Задорный азарт.

– Ну почему же? Конечно, поздороваться, – уголки её пухлых губ дёргаются в намёке на улыбку. А потом упрямо сжимаются.

Врёт ведь.

Зачем? Защищает моих разбойниц от наказания? Странно, но похоже на то.

Так девчонки сами себя сдали. Уж их-то эмоции я понимаю чаще всего без труда.

– Покрывание их проказ не поможет тебе добиться их расположения, – укоризненно качаю головой.

Расстояние между нами сокращается ещё на шаг. И руки начинают зудеть от желания снова почувствовать эту бархатистую кожу.

Странно. Даже сразу после брачного обряда я не ощущал такого острого притяжения к своей новообретённой супруге. Такого желания.

Возможно потому, что тогда даже несмотря на взаимную страсть, разбуженную брачной связью, несмотря на все мои старания быть нежным, моя жена лишь терпела нашу близость. Несмотря на то, что её тело отвечало мне, Анна всё равно испытывала отвращение, отчётливо ощутимое мною. Даже не ко мне самому. А к тому, что происходит между мужем и женой в кровати.

В конце концов я предпочёл закрыться от её эмоций. И наивно предположил, что со временем это у неё пройдёт. Достаточно будет лишь убрать всех «советчиков». Но не тут-то было.

В конце концов я уже начал смиряться с тем, что из этого брака ничего не выйдет, кроме разве что наследника.

И тут всё перевернулось с ног на голову.

– Возможно, вы и правы. Но и наказание, полученное из-за моих слов этому тоже не поможет, – пожимает плечами моя супруга, и я далеко не сразу улавливаю, о чём это она.

Ах, да. Девочки и их проказы.

– Ну вот ты и призналась, что соврала мне, – хмыкаю, подступая уже вплотную к ней. Сознательно нависая над хрупкой женственной

фигуркой.

– Разве? Ничего такого не помню, – иронично улыбается мне жена, запрокидывая голову и смело встречая мой взгляд.

Её зрачки расширяются. И в женских эмоциях я улавливаю то, что так поразило меня утром. Тонкую пикантно-сладкую нотку желания. Желания испытываемого ко мне. Незамутнённого отвращением и стыдом.

Словно в подтверждение, острый язычок мелькает между сочных манящих губ. Притягивая мой взгляд.

– Я хорошо чую ложь, Анна. И не люблю, когда мне врут, – сообщаю ей строго. И сам понимаю, насколько неубедителен сейчас, когда не могу оторвать глаз от её рта, а бугор в моих штанах почти упирается ей в живот.

– А если я знаю, что вы знаете, что я... говорю не совсем правду, это считается ложью? – лукаво прищуривается моё неожиданное искушение. И от чувственной хрипотцы в её голосе я почти теряю контроль.

А смысл сказанного этой соблазнительной бесовкой доходит до меня только спустя вечность, за которую я успеваю мысленно поиметь её во всех возможных позах. В который раз за сегодняшнее утро.

– И откуда же ты это знаешь? – интересуюсь требовательно.

В карих глазах вспыхивает досада. На саму себя, кажется.

Несколько секунд она задумчиво кусает губу, а потом неожиданно признаётся:

– Догадалась по вашей реакции на некоторые мои слова и действия. А ещё по тому, как вы постоянно присматриваетесь и прислушиваетесь ко мне, – выпаливает с самым серьёзным видом. И ведь не врёт на этот раз. – Значит, я не ошиблась? Это правда?

Опять она делает и говорит то, чего я совершенно не ждал от неё. Что это? Наивность, или уловка?

– Частичная, – признаюсь, с интересом наблюдая за тем, как отражаются в её мимике испытываемые эмоции.

– Как это, частичная? Вы ложь либо чувствуете, либо нет, – хмурится возмущённо. Забавная.

Не выдержав, обхватываю рукой тонкую талию, притягивая малышку к себе. Склоняюсь к лицу, захватывая свободной ладонью затылок. Ловлю её удивлённый вздох, почти касаясь её губ своими.

– Частичная, потому что чую я не только ложь, Анна.

Глава 18

– Не только? А что же ещё? – широко распахиваются глаза жены.

Мне по вкусу её удивление. Оно похоже на то, что чувствуют дети, открывая для себя мир.

Вот только она совершенно точно не ребёнок. И остальные её эмоции детскими точно назвать нельзя. Тем непреодолимей для меня соблазн получить их больше. Попробовать её на вкус. Узнать...

Словно впервые прикасаюсь. Впервые держу в руках это хрупкое тело. И впервые собираюсь поцеловать. Утащить свою законную добычу в спальню и продолжить познание друг друга там...

Настойчивый сигнал почтового футляра врывается в моё сознание в тот самый неподходящий момент тогда, когда наше дыхание уже смешивается, а женское тело так податливо прижимается к моему.

И приходится напомнить себе о том, что меня ждут во дворце, и я не располагаю достаточным количеством времени, чтобы воплотить в реальность свои желания. А поскольку не уверен смогу ли ограничиться одним лишь поцелуем, лучше прямо сейчас остановиться.

Вздыхнув, отстраняюсь, отпуская. И едва не притягиваю обратно, уловив её острое разочарование, налитанное лёгким возбуждением.

Сладкая, как дурман.

– Извини. Срочное сообщение. Должен ответить, – морщусь с досадой. Меньше всего мне сейчас хочется ехать во дворец.

– Сообщение? – непонимающе хмурится супруга. – А как... вы его получили?

Даже так? Рассуждая и реагируя на меня, как взрослая зрелая женщина, она не помнит то, что знают даже дети? Особенно, если они принадлежат к древним магически одарённым семьям...

Моя рука замирает на почтовом футляре, когда до моего сознания доходит.

Вот оно. То, что не давало мне покоя больше всего, зудело на задворках сознания, но никак не оформлялось в чёткую мысль.

Она действительно ведёт себя и во многом реагирует, как взрослая, умная и зрелая женщина, а не восемнадцатилетняя девчонка

из древнего аристократического рода, чтущего старые традиции. В ней чувствуется та спокойная уверенность в себе, которая приходит только с жизненным опытом, и то далеко не ко всем.

Я не знаю, как такое может быть... но это не Анна. Не может быть она.

Бесовщина какая-то. Или... скорее наоборот, совсем не бесовщина?

При первой же возможности надо навестить в столичный храм и пообщаться с Настоятельницей, узнать, не обращала ли Великая Праматерь свой пристальный взгляд на меня и мою семью. Вдруг перевоспитание Анны, действительно, её рук дело?

И ещё нужно написать сестре, с которой мы и до её отравления почти не общались, а после и подавно. Тэрэса Аннэлия весьма радикально оборвала все связи с семьёй и своей родиной. И не могу сказать, что не понимаю её, или виню. Удивительно даже, что она всё-таки сумела вырваться из-под отцовского влияния... после всего.

– Сообщение я получил с помощью почтового футляра, – сообщаю... Анне, у неё на глазах, открывая крышку названного мною инструмента связи. Достаяю оттуда свёрнутую в трубочку записку. – Это от короля.

Отхожу на пару шагов, чтобы прочесть. Краем глаза продолжая наблюдать за девушкой.

Довольно неплохо держит лицо. Но эмоции выдают её с головой. Она поражена. И заинтересована. Будто первый раз видит, как работает такое обычное в общем приспособление.

Возможно, избирательность её утерянной памяти и можно как-то объяснить...

Но слишком уж многие объяснения приходится притягивать за уши.

Что-то тут не так. Пора разобраться, что именно.

И вплотную заняться исследованием случившегося с ней.

Но сначала дела во дворце и встреча с отцом. Подозреваю, что в очередной раз услышу много нелестного в свой адрес после того, как препоручил переговоры с босварийцами Грегориашу и вернулся в Эрсалину. Покушение на жену для короля Гельмута недостаточно веский аргумент.

Тон краткой записки весьма откровенно намекает на то, что его величество изволят гневаться на своего наследника.

Впрочем... мне не привыкать.

– Я должен идти, – поднимаю взгляд на Анну. – Настоятельно рекомендую тебе побыть сегодня в наших покоях, и не показываться лишний раз никому на глаза. Пока я не знаю, кто пытался тебя убить, чем меньше людей тебя увидит и узнает, что ты находишься здесь, тем лучше. Отдыхай и набирайся сил.

Пока я не понимаю, что происходит, лучше бы её вообще запереть. И ограничить общение с домочадцами и слугами. Угрозы я от неё не чувствую, но ставить на это безопасность моих дочерей я точно не стану.

Но закрывать тоже не вариант. Не нужно давать ей повод насторожиться. Приставлю лучше Рэйма наблюдать за моей непонятной жёнушкой. Сделает один неверный шаг и будет сидеть взаперти до выяснения обстоятельств.

– Хорошо, – кивает немного расстроено. – Могу я тогда... попросить Бригитту принести мне что-то почитать? Чтобы скоротать время.

Хм. Какая приятная покладистость. А до этого рассудительность и страстность. Она вся будто под меня сделана. И теперь это выглядит слишком уж подозрительно.

– Конечно, – киваю. – До вечера, Анна.

Рэйм моему приказу не удивился. Ему моя супруга вчера тоже показалась странной и не похожей на саму себя. А ещё ему показалось, что она соврала, когда говорила о потере памяти.

Интересное наблюдение.

Рэйм, будучи моим дальним родственником по материнской линии, обладает лишь слабо выраженным даром эмпатии. Эмоции он чувствует далеко не так явно и многогранно, как я, и только направленные на него лично. Но ложь улавливает намного лучше. Его не сбивают с толку лишние ощущения.

А ведь мне она прямо об этом не заявляла. Скорее подстраивалась под то, что слышит, периодически сбивая меня с толку.

И у неё это отлично получалось.

Подозрительно всё это.

Дорога во дворец пролетает за деловой перепиской с моим секретарём и изучением докладов ищеек Рэйма. В том, что Анна провела столько времени у своей дуэньки, ничего удивительного не было. Эта старая карга имеет, или имела, слишком большое влияние на мою жену.

Но вот странное дело, никто не знает, где её высочество находилась целый час перед тем, как отправиться в гости к почтенной данне. Служанки утверждают, что в личных покоях принцессы в это время не было. А стража не видела мою супругу в саду, где она собиралась гулять.

Надо допросить всю смену стражников, которая дежурила в это время во дворце, и выяснить, где её носило целый час.

Прибыв во дворец, я, игнорируя приветствия встречных придворных и вельмож, сразу же направляюсь к отцу в кабинет. В приёмной приветственно киваю седому, длинному и прямому, как жердь, Гийому, секретарю его величества короля Гельмута. И увидев ответный кивок и выразительный взгляд на дверь, означающий, что меня ждут, сразу же захожу в кабинет. Отработанным с детства усилием воли полностью и наглухо закрывая своё эмпатическое восприятие.

– Приветствую, ваше величество, – склоняю голову в положенном учтивом жесте.

И, не дожидаясь разрешения, прохожу к креслам для посетителей. Прошли уже те времена, когда я сопливым пацаном стоял перед отцом навтыяжку, надеясь на его одобрение. Давно прошли. Ещё тогда, когда я понял, что мамина вечная тоска и страх, не только его дурным характером и ядовитым языком спровоцированы.

– Ты бы ещё часа два ехал, – раздражённо морщится Гельмут, поднимая взгляд от документов. – Когда до тебя уже дойдёт, что в особняке наследного принца Арганды должен быть собственный стационарный портал? Раз уж ты отказываешься жить во дворце, как положенно моему наследнику. Или я вечно должен тебя ждать часами, когда ты мне нужен?

– В моём доме должно быть только то, что я считаю нужным, – ровно произношу уже в который раз. – Ты хотел поговорить о необходимости порталов?

– Нет. Я позвал тебя, чтобы спросить, какого беса ты творишь? Ты должен быть сейчас в Адожене и дожимать сопляка Азима до нужных нам соглашений.

Заявление полностью в духе отца. Так же привычно, как и отвратно.

– С Азимом мы достигли всех нужных соглашений. Дальше Грегориаш справится сам.

– Этот твой протеже такой же мягкотелый, как ты, – презрительно морщится его величество. – Я назначил главой нашей делегации Иаго Вэлеско. В Босварию поедет он, раз уж ты примчался юбку жены стеречь. Кстати, где она?

Глава 19

Лана

День, который начинался, как череда эмоционально-ярких впечатлений и потрясений, внезапно превратился в долгое и однообразное ожидание... неведомо чего.

Принц ушёл, по сути, запретив мне выходить из комнаты. А мне ничего не оставалось, кроме как послушаться. Аргументы он привёл веские. Да и просто... глупо ведь лезть на рожон и спорить с тем, от кого зависит твоя жизнь... да ещё новая и пока непонятная, как в моём случае.

Так что сижу я взаперти, как Федерик и рекомендовал. После завтрака, который мне накрыли тут же в гостиной, устроилась в будуаре в уютной нише у окна, забравшись с ногами на мягкую, обитую вишнёвым бархатом, изящную кушетку и обложившись вышитыми подушками. Читаю исторический роман о деяниях древнего короля Арганды Изандра, основавшего род Арганди, отложив в сторонку стопочку романтических новел о нежных девах и их доблестных рыцарях. И периодически выпадаю из реальности, смотря в окно и вспоминая наш с Федериком... почти поцелуй. И то, что последовало за ним.

О том, почему меня так тянет к этому мужчине, думать пока не хочется. Это не столь важно. И вполне контролируемо. Мне так кажется.

Но сейчас меня больше волнует то, что «муж» мне достался очень пронизательный и подозрительный. Стоит только вспомнить, как он отреагировал на мой вопрос об этой интересной штучке, почтовом футляре. Виду не подал, но по моим ощущениям сразу как-то подобрался весь, закрылся, насторожился.

А ведь таких моментов может быть ещё бессчётное количество. Ничего не зная о реалиях магического мира я могу даже понятия не иметь чем именно себя выдаю. Всё ведь потерей памяти не объяснишь.

Нет, можно, конечно, играть дурочку. Можно ничего не спрашивать. Может, ещё что-то можно... Но сколько я так выдержу?

Всю жизнь? Точно нет.

Тогда что?

Признаваться? Хотя бы Федерику? Теперь, после знакомства с ним, ответ на этот вопрос уже не настолько категорично-отрицателен. Мне начинает казаться... что он возможно бы понял.

Понимаю, что такие выводы делать ещё рано, но... возможно, с этим мужчиной у нас могла бы получиться настоящая семья. И обманывать его... не по мне это.

Но и признаваться пока страшновато. Слишком мало данных.

А-а-а-а, как всё сложно! А с другой стороны... не помню, когда я в последний раз чувствовала себя настолько живой, настолько жаждущей жизни во всех её проявлениях.

Может, всё дело в юном энергичном и здоровом, если не считать магического ранения, теле, бурлящих гормонах и так далее, а может, в том, что здесь в другом мире я могу всё начать сначала, получить и попробовать то, чего не смогла в своей прошлой жизни, воплотить в реальность свои мечты... Не знаю в общем. Но собственный позитивный настрой после затяжной депрессии и долготянущегося состояния загнанной лошади не может меня не радовать. Мне хорошо, задорно и азартно, несмотря на все непонятности, сложности и опасности.

Откинувшись головой на спинку, смотрю, как в саду за окном носятся друг за дружкой девчонки. Сменяются, что-то кричат друг другу. Такие растрёпанно-милые. Но вот одна вскидывает голову, к чему-то прислушиваясь, что-то говорит сестре, и они буквально в мгновение ока испаряются из виду. Словно в воздухе растворяются.

А через пару минут на этой самой дорожке появляется молодая женщина в строгом тёмно-сером платье. Явно разыскивая проказниц-принцесс. Наверное, гувернантка. Красивая. Лет двадцати пяти на вид. Чем-то Джэйн Эйр мне напоминает из моей любимой экранизации две тысячи одиннадцатого года. Только волосы темнее.

Хм. Интересно, а в этом мире случаются романы между гувернантками и отцами их воспитанников? Думаю, что вполне могут. Особенно, если отцы свободны. И так хороши собой, как Федерик.

Упавшее из-за вынужденного затворничества настроение, неожиданно как-то портится ещё больше.

Так, что-то не о том думаю. Никаких оснований предполагать роман между Федериком и этой незнакомкой у меня нет, кроме её схожести с Мией Васиковской. Да даже если она действительно гувернантка, это вот вообще ничего не значит и не должно меня волновать. Вот совсем.

Это у меня уже от безделья ум за разум заходит.

От разглядывания предполагаемой гувернантки близняшек, меня отрывает тихий стук в дверь. И, после моего разрешения войти, в будуаре появляется Бригитта.

– Ваше высочество, в особняк прибыла данна Иезенния и требует немедленной встречи с вами. Она хотела пройти к вам в покои, но дан Рэймандо запретил. И почтенная данна теперь очень... раздражена. И отказывается покидать особняк, пока не увидится с вами.

Хорошо, что я ничего не ем и не пью. На этом известии вполне поперхнуться можно было бы. Это же о ней Федерик спрашивал, помню ли я. Я ещё подумала, что, может, это его любовница... А она вот сама пожаловала, чтобы напомнить о себе.

– А данне Иезеннии разве известно, что я здесь? – интересуюсь, поднимаясь с кушетки.

– Она твёрдо в этом уверена.

Капец. И откуда такая осведомлённая взялась?

Теперь я уже здорово сомневаюсь, что это любовница Федерика. Разве любовницы ломаются с таким остервенением к законным жёнам? Разве что совершенно борзые и попутавшие берега.

И что делать?

Смотрю на служанку. Та на меня, явно ожидая что именно я приму решение и разберусь с этой ситуацией.

– А-а-а, позови-ка ко мне дана Рэймандо. Мне нужно с ним посоветоваться, как лучше поступить, – нахожу я компромисс. – А данне Иезеннии подайте чаю со сладостями.

– И что сказать? – мученически задерживает дыхание Бригитта.

Она что боится? Что там за дракон такой пожаловал?

– Что не имеете права отвечать на её вопросы без разрешения его высочества, – выразительно смотрю я на девушку.

– Хорошо, ваше высочество, – смиренно кивает горничная и поспешно отправляется выполнять мою просьбу.

А я, разгладив складки на юбке, вслед за ней выхожу в гостиную. Что-то мне подсказывает, что принимать постороннего мужчину в личном будуаре будет крайне неправильным с моей стороны.

Дан Рэймандо является практически сразу. Словно под дверью стоял.

– Доброе утро, ваше высочество, – почтительно склоняет голову, как я подозреваю, безопасник Федерика. Улыбается доброжелательно: – Рад видеть, что вам уже лучше. Бригитта сказала, что вы хотели поговорить со мной?

– Благодарю, дан Рэймандо. Да, хотела, – искренне улыбаюсь в ответ. – Можете мне посоветовать, как поступить в сложившейся ситуации? Я понятия не имею, кто такая эта данна Иезенния, и зачем я ей понадобилась. Его высочество велел мне по мере возможности не демонстрировать никому, что я нахожусь тут в особняке. Но она, кажется, и так об этом знает. Мне отказаться от встречи?

И что я такого спросила, что он так удивлённо на меня смотрит?

– Вы спрашиваете у меня, встречаться ли вам с вашей... гостьей? – с непонятным выражением уточняет мужчина.

– Ну, я бы у его высочества спросила, но его, как видите, сейчас рядом нет. А вы явно лучше разбираетесь, кто может представлять для меня угрозу. Поэтому, да, спрашиваю. А что тут такого? – склоняю голову набок.

– Эх-хм, да нет. Ничего такого, ваше высочество. Меня просто поразило ваша... рассудительность, – широко и обаятельно улыбается дан Рэймандо. – Думаю, вам всё же лучше встретиться с данной. О том, что вы здесь, она действительно уже догадалась, и может поднять слишком много шума, если ей сейчас отказать. Это явно лишнее. Будет лучше, если вы лично настоятельно попросите её не распространяться на эту тему. Но если данна Иезенния вдруг захочет погостить в особняке и составить вам компанию, сразу предупреждаю, его высочество будет категорически против.

Можно подумать, я бы соглашалась на такое без ведома «мужа». Хотя, может, Анна бы согласилась, а меня ведь по ней судят.

Должна признаться, что я немного надеялась на другой ответ, но раз так, придётся всё-таки встретиться с этим неведомым драконом в юбке.

Глава 20

М-да, это точно не любовница, если только Федерик не является поклонником женщин... постарше. Намного старше.

В одной из гостевых гостиных, куда меня провёл Рэймандо, я увидела пожилую седую даму в чёрном строгом платье, со строгим низким пучком из кос, идеально прямой осанкой и выражением вселенского недовольства на лице. Чопорная – вот и не скажешь по-другому – старуха, двумя пальчиками с оттопыренным мизинцем как раз наливала себе чай из изящного чайничка, когда я вошла.

И даже бровью не повела, когда я вежливо поздоровалась. Просто продолжила делать то, что и делала, словно ничего не слышала.

Я, честно говоря, опешила. И вот уже минуты две ошеломлённо наблюдаю, как эта Иезенния сначала чай налила, потом добавила сахар... Может, она глухая? Возраст всё-таки.

– Здравствуй, Анна, – произносит наконец, отложив маленькую ложечку.

И поднимает на меня взгляд. Да такой, что у меня возникает отчётливое ощущение, будто это я к ней на поклон пришла, а не она вломилась в дом «моего мужа», требуя срочной встречи.

– Позволь спросить, что это за неподобающее фривольное безобразие на тебе надето? Разве так должна встречать визитёров хорошо воспитанная девушка? – интересуется она холодно, оглядев меня с ног до головы.

Девушка? Я бы ещё поняла, если бы услышала такое обозначение своей особы в моём мире. Сама терпеть не могла, когда ко мне кто-то обращался «женщина». Все мы хотим оставаться подольше девушками. Но вот в этом мире? В этом обществе? К замужней особе? Да ладно!

Да и тот тон, которым эта... данна позволяет себе со мной разговаривать, мне мягко говоря не нравится. Интересно, кем она была для Анны? И не из-за неё ли девчонка чудила не по-детски?

– Мне передали, что вы просили срочной встречи, данна Иезенния, – натягиваю я на лицо вежливую улыбку. – Но если вас настолько не устраивает мой внешний вид, что вы готовы ждать, пока

я переоденусь в подобающий наряд, то, конечно же, я пойду и приведу себя в порядок.

Не полезу я ради неё в то пыточное платье ни за какие коврижки на самом деле, но чутьё мне подсказывает, что это и не понадобится.

Данна подозрительно сужает глаза, буравя меня испытывающим взглядом. И недовольно поджимает губы. А я невозмутимо прохожу и сажусь в кресло напротив неё. Понятно же, что ждать она точно не собирается.

– Ты могла бы принять меня в своих покоях. И тогда бы не пришлось бегать по дому в домашнем платье, как какой-то распутной девке, – сварливо замечает гостя.

– Простите, но мне муж запретил принимать кого-либо в наших покоях. Разве не должна я слушаться своего супруга?

И взгляд невинный-невинный.

– В ваших? – взвивается данна. – Ты спала с мужем в одной кровати? Позволила ему забрать твою невинность? Запятнать твою чистоту своей мерзкой животной похотью?

Э-э-э, что?! Она сейчас серьёзно?

– Не-е-ет, – тяну осторожно.

Может, эта бабулька немного тью-тью? Или не немного? Не зря Федерик так радовался, что я её не помню.

«Мерзкой похотью»? «Запятнать чистоту»?

Так она что, думает, Анна до сих пор с мужем не спала? Это... и-и-интересно.

– Мы сейчас же уезжаем отсюда, Анна! Иди переодевайся. Я не позволю тебе находиться там, где твою добродетель подвергают таким испытаниям, – пафосно изрекает старушка, подхватываясь с места, и я совершенно выпадаю в осадок.

Что сейчас происходит вообще?

– Я никуда не поеду, данна Иезенния, – твёрдо возражаю, собравшись наконец с мыслями. – Меня пытались убить. И здесь я в безопасности.

Пожилая дама поражённо ахает, хватаясь за сердце. Зажмуривается в немом ужасе... Слегка переигрывает, как по мне.

– О-о-о, глупое наивное дитя. Здесь ты в ещё большей опасности, – восклицает, тряся головой. – Вспомни, что ты мне вчера рассказала.

А вот с этим как раз проблемы. Не хочется мне всем направо и налево рассказывать про свою потерю памяти, но тут без этого никак не обойтись. Как ещё я узнаю, что там ей Анна наговорила? А вдруг принцесса знала, кто собирается её убить?

– Я не могу этого вспомнить, – признаюсь, изобразив жалобный невинный взгляд. – Понимаете, мне нанесли серьёзную магическую травму. И в результате я многого не помню. Не помню, кто меня похитил, что я делала в тот день, даже о том, что была у вас, узнала от его высочества. Расскажите мне, пожалуйста, что я такого вам сказала. Может... это прольёт свет на тайну случившегося со мной?

А вот теперь данна потрясена вполне натурально.

– Не помнишь? – бормочет она потерянно, садясь обратно на свой диванчик. – И тот разговор, который случайно услышала? Это же из-за него ты испугалась и прибежала ко мне за советом.

– Нет, не помню, – качая головой, повторяю уже до оскомины надоевшую за сегодня фразу. – Что за разговор, данна Иезенния?

Пожилая женщина наклоняется вперёд, и бросив осторожный взгляд на дверь, начинает тихо рассказывать:

– Ты случайно услышала приватный разговор короля с одним из его министров, Иаго даном Вэлеско. Они обсуждали кровавую мессу во славу Тёмного Навия в восстановленном храме под городом. И его величество тебя заметил. Мы договорились с тобой утром уехать в родовой замок Мораду, чтобы ты там укрылась от гнева его величества. Но уже ночью за тобой пришли. Теперь ты понимаешь? Тебе нельзя здесь оставаться, Анна. Принц не станет тебя защищать от собственного отца.

Слушаю её, а в голове одна нецензурщина.

Если это правда, то я теперь даже не представляю, что делать и как себя вести. Если король причастен к этому странному и, судя по всему, запрещённому культу, о котором ещё мэтр Тино утром упоминал, то может ли Федерик иметь к этому какое-то отношение? Как мне тогда быть?

Есть, конечно, вероятность, что старушка несёт бред. Но кто-то же Анну убил. И какие-то типы в балахонах её искали прошлой ночью, когда я очнулась у мэтра Тино.

Как понять, где правда, а где вымысел? Кому верить? По уму получается, что никому нельзя. Ни принцу, ни этой чокнутой данне.

– Девочка моя, не позволяй этому мужлану заморочить тебе голову и сгубить, – снова поднявшись с диванчика, данна берёт меня за руку, крепко сжимая. – Ты же помнишь, что у нас с тобой есть великая цель. И для её осуществления нужна твоя чистота и невинность. Поехали домой. В родовом замке сами стены тебя защитят. И огонь вашего рода. Твоё предназначение ждёт тебя, Анна. Ты родилась не для того, чтобы рожать наследников королевскому роду и удовлетворять мужские прихоти. Твоя кровь гораздо более значима.

Это просто капец какой-то. У меня уже даже в мыслях слов не хватает, ну матерных, ни цензурных. Какое к чёртовой матери предназначение? Ничего такого мне Богиня не говорила, а уж ей-то точно лучше известно, чем этой сумасшедшей вороне. Кровь ей моя, видишь ли, нужна.

Если бабулька хотела меня этим убедить, то результат вышел совершенно обратным. Да и Анна не больно-то берегла себя для этого её предназначения. Брачная ночь у них с Федериком была. Или он её силой взял? Слабо верится.

– Вставай, дитя. Иди собирайся, – велит мне данна Иезенния. Слишком уверенным и привычным тоном. Наверняка вертела бедняжкой Анной, как вздумается.

И словно этого всего мало, чтобы свести меня с ума бредовостью ситуации, дверь в гостиную внезапно распахивается и на пороге появляется мужлан... то есть Федерик собственной персоной.

Вот умеет он появляться «вовремя».

– Что здесь происходит? Куда это моя жена должна собираться? – интересуется ну очень грозным и злым тоном.

Глава 21

О-о-о, каким же непередаваемым стало выражение лица почтенной данны. Как будто призрак явился.

А ещё данна заметно побледнела.

Отпустив мою руку, она выпрямляется и неспешно поворачивается к принцу. Вся до не могу царственная. Но я-то чувствую, что моего супруга она побаивается.

– Добрый день, ваше высочество, – чопорно кланяется. – Мы с Анной планировали навестить её родовой замок. Ещё до случившегося. Но и сейчас эти планы более чем своевременны. Думаю, там ей будет гораздо комфортней восстанавливаться после магической травмы. Вы же знаете, что Анна ничего не помнит?

Последний вопрос она произносит буквально с нажимом.

– Как это обстоятельство, должно быть, вас печалит, уважаемая данна, – саркастично замечает Федерик, проходя в комнату и мазнув по мне нечитаемым взглядом.

– Конечно, печалит, – спина дуэньи становится ещё ровнее и вся она буквально пышет возмущением. – Но может, оно и к лучшему. Бедняжка не помнит всех ужасов похищения. И своих похитителей.

И опять этот тон. Старушка явно пытается акцентировать внимание на том, что я... не могу никому раскрыть, кто преступник. А значит, вроде как не являюсь угрозой и свидетельницей.

Хм... она что меня от принца защищает? Точнее, от короля, с которым принц вроде как должен быть заодно... Всё интересней и интересней. Если бы ещё на кону моя новообретённая жизнь не стояла. А так придётся мне всё-таки определиться, кому я верю больше.

Ну-у-у, из амнезии защита от убийц, скажем прямо, так себе. Откуда похитителям принцессы знать, что память ко мне не вернётся?

А в пользу Федерика говорит моё чутьё и рекомендации Богини.

– Вы абсолютно правы, иногда возможность не помнить лишнего очень сильно облегчает жизнь, – невозмутимо кивает принц, испепеляя старушку ну очень неприязненным взглядом.

Ага. Тут тоже понятно. Его высочеству, очень сильно портило жизнь то, как воспитала Анну данна Иезенния. Ну и то, что наверняка

вмешивалась и диктовала Анне что делать, и как себя вести.

Вот только сама Иезенния то ли не поняла, что Федерик имел в виду, то ли предпочла сделать вид, что не понимает.

– Анна, тебе пора собираться. Нам лучше сегодня же отбыть из Эрсалины. – настойчиво обращается уже ко мне бесстрашная дуэнья. – Пока с тобой не случилось ещё какой-то беды.

Ну даёт. Неужели не видит, что у его высочества уже почти пар из ушей валит? Сейчас ещё в огнедышащего дракона превратится.

– Анна останется здесь, со мной, своим законным мужем, как и должна порядочная жена, – чеканит таким тоном, что у меня волосы на затылке поднимаются. – И её безопасность – это только моя забота, данна Иезенния. А вас попрошу удалиться из моего дома и впредь не морочить ей голову своими бреднями.

– Да как вы... – гневно вспыхивает старушка, резко разворачиваясь к моему супругу, но натывается на такой убийственный взгляд, что наконец благоразумно затыкается.

Точнее, я так думала.

– Анна! – не глядя на меня зовёт повелительным тоном.

Федерик аж белеет от ярости. Я даже его рычание, кажется, слышу. И смотрит теперь на меня. Испытывающе. Выжидающе.

А я, если честно, настолько огорошена, что сперва даже теряюсь.

Она сейчас серьёзно? То есть вот в этой вот ситуации принцесса Анна должна была послушно встать и вопреки воле своего супруга пойти с ней? Чтобы что? Поехать в замок и куковать там в обществе безумной старухи и лелеять свою чистоту и невинность? А-а-а, забыла. Ещё предназначение какое-то непонятное исполнить.

Ну-у-у, с этим придётся бабульку обломать. И мне кажется, чем раньше, тем быстрее она от меня отстанет с этим предназначением. Не собираюсь я его исполнять. Мне то, что Богиня озвучила, нравится. А на другие я не подписывалась.

– Данна Иезенния, я остаюсь с мужем, – произношу твёрдо, поднимаясь с кресла.

Протискиваюсь мимо неё и подхожу к удивлённо наблюдающему за мной Федерику.

– С мужем?! Как ты можешь, Анна? Ты же знаешь, что так нельзя. Да и муж он тебе только формальный.

– Что?! – гаркает этот самый муж, но я в этот момент берусь за его руку, сжимая и привлекая к себе внимание.

Поворачиваюсь к ошеломлённой дуэнье, прислоняясь к мужчине и напрашиваясь на поддерживающее объятие. И с удовольствием чувствую, как спустя пару секунд, на моей талии оказывается его рука.

– Вы ошибаетесь, данна Иезенния, – вскидываю я голову. – Наш брак был консумирован, как и положено. Его высочество мой муж самый настоящий.

И я неспешно закатываю рукава, демонстрируя багровеющей старушке свои запястья, на которых красуются брачные метки.

Лицо пожилой дуэньи теперь становится белым, как воск. Она пошатывается, хватаясь за сердце. И на этот раз вполне искренне.

– Как ты могла?! Ты даже не представляешь, что натворила, глупая девчонка! – шипит разъярённой змеей.

– Почему же? Представляю. Я выбрала своё собственное будущее, а не то, которое навязываете вы, выбрала возможность иметь семью и не быть одинокой.

И ведь чистую правду говорю. В своём понимании.

– Это он... он тебя испортил! Ипоганил твою чистоту! – впадая в самую настоящую истерику, вопит старушка, тыкая трясущимся пальцем в принца. – Ты пожалеешь, дурочка малолетняя. Этому нет прощения!

Принц позади меня буквально каменеет.

– Вы забываетесь. Немедленно покиньте мой дом, данна Иезенния. Пока я не приказал выбросить вас вон, – рычит Федерик. – И чтобы ноги вашей здесь не было.

Старушка ещё что-то порывается сказать. Но всё обрывает полное бешенства:

– Вон, я сказал!!!

Подхватив юбки, пожилая женщина буквально пронесется мимо нас, с грохотом захлопывая за собой дверь.

Мы остаёмся одни.

И рука «мужа» ощутимо тяжелеет.

– А сейчас, Анна, мы с тобой откровенно поговорим, – веско произносит он, разворачивая меня лицом к себе.

Глава 22

От его взгляда меня пробирает до мурашек. Странное ощущение. И страшновато, потому что я понятия не имею, чего ждать от этого мужчины. Но и волнительно... просто потому, что он меня... волнует.

– Когда вы утром спросили меня про данну Иезеннию, я подумала, что она ваша любовница, – выпаливаю первое, что приходит в голову.

– Что?! – возмущённо кривится Федерик, явно не ожидавший такого заявления от меня.

– Ну а что мне было ещё думать? Вы так обрадовались, что я не помню её. Вот я и предположила, что вы изменили мне с ней, и теперь рады, что я это забыла. А тут она взяла и сама пришла. Я даже задумалась, не являетесь ли вы поклонником дам сильно постарше...

– О боги, не продолжай даже, – на лице Федерика отражается такая непередаваемая гамма эмоций, такое отторжение, что у меня не получается удержать маску невозмутимости.

Сжимая губы изо всех сил, я очень стараюсь не рассмеяться. И это само-собой не остаётся незамеченным.

– Ты это нарочно делаешь? – рычит он, подозрительно сужая глаза.

– А разве я что-то делаю? – не выдержав, я всё-таки широко улыбаюсь.

– О да, маленькая плутовка, – надвигается на меня. – Ты сбиваешь меня с толку и морочишь голову.

– Вам показалось, ваше высочество, – пытаюсь я изобразить невинный вид, но сомневаюсь, что у меня что-либо получается.

– Федерик. Я хочу услышать из твоих уст своё имя, – и снова меня притягивают к себе. Ох, до чего же тактильный мужчина. И как быть с тем, что мне это до ужаса нравится?

– Хорошо, Федерик, – покладисто повторяю я, не в силах отвести взгляда от этих бездонных гипнотичных глаз. Так и стою с запрокинутой головой.

– Умничка, – гладит он большими пальцами мои плечи. – А теперь объясни мне, будь добра, почему эта старая ворона была уверена, что

наш брак не консумирован?

Ах, он об этом хотел поговорить? Ну об это можно, да. Нужно даже, в свете открывшихся подробностей. Только осторожно.

– Не знаю. Меня саму это очень удивило. Она говорила, что у нас с ней есть какая-то великая цель, для которой нужна моя невинность. И что моё предназначение не в том, чтобы быть вашей женой и рожать вам детей. Не знаете, что бы это могло значить?

Услышав это, Федерик меняется в лице. И, отпустив меня, стремительно бросается к двери.

– Рэйн! – гаркает, распахнув её. – Задержи немедленно Иезеннию. Её нужно допросить.

В коридоре слышатся быстрый удаляющийся топот, а муж разворачивается ко мне.

– Что ещё она сказала? – устремляет на меня требовательный жёсткий взгляд.

Так. Шутки явно кончились.

– Кое-что очень важное. И пугающее для меня, – признаюсь осторожно.

– Говори, – твёрдо приказывает Федерик.

Легко ему тут приказывать и требовать. Принц же. Сын короля. А как он отреагирует, когда узнает, что его жену, возможно, убил его же отец? Не разъярится ли, как на плохого вестника? А может откажет в защите? Выбирая между женой, на которой женился по расчёту, и родным отцом и правителем, кого выберет? А между женой и безопасностью дочерей?

Последняя мысль вспышкой проносится в моём сознании, заставляя похолодеть.

Заметив моё колебание, Федерик снова подходит ко мне. Заглядывает в глаза... так явно читая.

– Чего ты боишься, Анна?

– Вам может сильно не понравиться то, что я скажу, – выдавливаю из себя, обхватывая плечи в защитном жесте. И чувствую, как начинают знакомо зудеть и жечь ладони.

Резко выдохнув, сжимаю кулаки, но становится ещё хуже. Чёрт, черт, только не это, не опять! Не хочу снова возгораться.

– Тш-ш-ш, иди сюда, – перехватывает мои запястья Федерик.

Отнимает от плеч и, сложив вместе, обхватывает кисти своими ладонями. Обдавая прохладой. И даря поддержку.

– Дыши спокойней. Ты в безопасности. Не знаю, почему ты меня боишься сейчас, но что бы ты не сказала, я не причиню тебе вреда, – уверенно произносит, смотря в глаза. – Дыши, маленькая.

И я дышу. Размеренно и глубоко, утопая в его спокойном уверенном взгляде.

Страшно мне признаваться. Но надеяться на то, что меня оставят в покое из-за потери памяти, глупо. Как и на то, что Иезенния никому не выдаст, что рассказала мне.

Я... жить хочу. И ещё раз умирать не собираюсь.

И мне очень нужен сильный союзник. Который будет знать, что делать. И если не защитит, то хотя бы укажет в каком направлении двигаться, чтобы спастись...

Поэтому я позволяю себе довериться интуиции, действуя так, как подсказывает мне чутьё.

– Она сказала... что я приходила к ней посоветоваться. В тот день. Перед похищением, – произношу тихо. – Потому что кое-что услышала. Его величество и какой-то дан... кажется, Иего дан Вэлеско обсуждали кровавую мессу во славу Тёмного Навия в восстановленном храме под городом. И сказала, что вы не будете защищать меня от собственного отца.

По мере моего рассказа выражение лица моего «мужа» становится всё более мрачным. В глазах плещется недоверие с неприятием. Он неверяще качает головой.

– Этого не может быть, – хрипло бормочет, сжимая мои руки так сильно, что становится почти больно. – Культ запрещён в Арганде, как и во всех королевствах нашего материка.

– Вы спросили, что она сказала. Я вам ответила. Честно и откровенно, – замечаю ровно. – Я не чувствую себя вправе просить у вас защиты. И не обвиняю короля. Всего лишь делюсь тем, что услышала.

– Что значит, не чувствуешь?! – вскипает Федерик. – Ты моя жена. У кого тебе ещё просить защиты? И разве не мне ты доверилась, когда отказалась ехать с ней?

– Поймите меня правильно, ваше высочество. Это для вас мы женаты два месяца. А в моей памяти всего этого не существует. Я знаю

вас всего лишь один день. А эту особу и того меньше. Вы мне кажетесь более адекватным и разумным. Но я понятия не имею, как вы поступите в данной ситуации. Как вы поступите со мной. Ведь если то, что данна Иезенния сказала, правда, никакая потеря памяти меня не спасёт, так? И в опасности буду не только я, но и все, кто находится рядом. Мне очень хочется жить, но просить кого-то рисковать ради меня жизнью, просить вас об этом, я точно не могу. В конце концов у вас есть ваши дочери. И их безопасность для вас уж точно более важна, чем моя.

– Всё сказала? – скрипнув зубами, уточняет принц. И снова так смотрит, будто что-то очень странное видит. У меня на голове, что рога выросли? Или волосы загорелись? Кажется, нет.

– Да, всё что хотела, – киваю не очень уверенно.

– Тогда послушай меня. Не знаю, что ты там помнишь, и кем меня считаешь, но вот это, – он поворачивает мои руки так, чтобы мне были видны рисунки на запястьях, – делает тебя моей законной женой. И брачные клятвы для меня не пустой звук... Анна. Независимо от того, кто тебе угрожает – мой отец, Иего, Иезенния, хранящая твою невинность неведомо для чего, да хоть сам Навий. Вот эти метки означают, что волей Великой Праматери ты моя жена, и ты под моей защитой. Поняла меня?

– Да, – выдыхаю, поражённая до глубины души этой отповедью.

И в этот самый момент в дверь настойчиво стучат.

– Ваше высочество, – заглядывает в комнату дан Рэймандо. – Данна Иезенния скрылась.

– Что значит, скрылась? – тут же разворачивается к своему «слуге» принц, отпуская меня. – Как она могла скрыться?

– Порталом. Я не успел её перехватить до того, как она вышла за территорию охранного периметра особняка. Дженнаро уже считывает остаточный след и скоро выдаст нам координаты... но сами понимаете, – с досадой морщится Рэймандо.

– Найди срочно. Брось на поиски лучших ищек, – рычит Федерик. – И активизируй полную защиту. Допуски только через меня. Никаких гостей и посторонних в особняке с этой минуты быть не должно.

Глава 23

И снова я сижу одна в будуаре. После нашего разговора принц настоял на том, чтобы провести меня обратно в наши покои. И снова испарился. Решать дела. Расследовать, кто меня похищал и зачем. Ловить Иезеннию...

А я снова осталась одна. Лишь Бригитта иногда забегает. То обед принесёт. То чаю предложит. То ещё книжек принести... И расстраивается, когда я отказываюсь. А мне не хочется.

Наверное это просто откат после всех сегодняшних событий. Усталость и даже апатия. И в груди затаилось давящее чувство тревоги.

Теперь мне уже даже не читается. Из головы всё не идут разные мысли. И чем больше проходит времени, тем мрачнее они становятся. Тем сильнее закручиваются и нагнетаются.

Куда подевалась Иезенния? Почему Федерик и дан Рэймандо так удивились, что она ушла порталом? Их способ её перемещения удивил? Старушки порталами не ходят? Или порталы в этом мире редкость и не всем доступны?

Боже, порталы... Подумать только. Настоящие магические порталы. Теперь становится понятно, как мой супруг так быстро мог вернуться с границы.

Как же мне не хватает информации! Обо всём. Я уже даже начинаю жалеть, что не призналась «мужу» в своём попаданстве. Могла бы спрашивать у него всё, что нужно. Если для него так важны эти брачные метки, то может принял бы меня.

С другим источником информации тоже не сложилось. Почему мэтр Селестино больше ко мне не зашёл? Федерик запретил? Я ведь рассчитывала разговорить этого словоохотливого старичка.

И сам принц... Что у него в голове? Чую, там всё очень и очень не просто. Характер в нём чувствуется стальной, хоть и маскируется порой под учтивую обходительность. Тут он улыбается, обнимает, целовать собирается, а в следующий миг превращается в настороженного жёсткого хищника. И ведёт закрывать в комнате. Ласково и непреклонно.

А то, как его слушаются его люди. Тот же Рэймандо. С уважением и преданностью.

О нет, принц точно непрост.

О таких говорят «себе на уме».

Вот например, почему он не разрешает мне выходить из комнаты?

А ведь не разрешает. Потому что его настойчивая рекомендация ощущается именно, как приказ.

С одной стороны, аргументы Федерика понятны. Мне действительно надо бы поменьше светиться перед окружающими. А с другой – слуги наверняка и так все знают. Это же закрытый коллектив постоянно общающихся и пересекающихся между собой людей, в котором если что-то известно двоим-троим, то вскоре это становится всеобщим достоянием.

И в таком ракурсе это всё... пахивает ограничением моей свободы.

Внутри что-то нехорошо и согласно ёкает, в ответ на эту мысль. Точно закрыл.

Вот он вроде бы и обходителен со мной такой непонятной. С учётом всех обстоятельств многие на его месте вели бы себя далеко не так мягко. И тянет его ко мне – я же не слепая.

Но не доверяет.

Ну-у-у, это как раз понятно. Откуда тут взяться доверию? Я ведь тоже не доверяю.

Что самое интересное, я искренне верю в то, что он действительно защитит, раз сказал. Даже от собственного отца. На этот счёт моё чутьё устроило в голове целый митинг из тараканов. И все скандируют, что муж хороший, надо брать. И соглашаться на его защиту без сомнений.

Как будто я умею без сомнений.

Но если разобраться, то это ведь действительно его обязанность – защищать свою жену. Наверное, то, что брак магически скреплённый, тоже как-то влияет. И ещё, возможно, по репутации принца неслабо ударит смерть уже второй жены.

А я ведь не знаю даже, как его первая жена умерла. Сколько тогда девочкам было? Они помнят маму? А сам Федерик... какие у них с женой были отношения? Он её любил? Любит до сих пор?

Как-то мне было намного легче, когда я его воспринимала только как придаток к детям, которых мне посулили.

А сейчас вот... мы познакомились. И он мне понравился. Не только внешне. Не только в плане физической притягательности. Он мне, как человек понравился. Как мужчина во всех значениях этого слова. Да и как такой может не понравиться?

Чего только стоит это его обещание защиты.

Не доверяет. Явно подозревает какой-то подвох. И всё равно заботится. И все равно защищает. Ответственно. Благородно. По-мужски.

Это настолько разительно отличается от моего прежнего жизненного опыта, что я чувствую себя дезориентированной. И даже потерянной.

Вот он пошёл разбираться. И искать виновных.

А мне что делать? Сутками сидеть в этих комнатах?

И думать... думать... думать...

Я же так с ума сойду.

А может, я это всё себе придумала? Может никто меня и не думал держать взаперти?

Закрыл, или нет?

Надо проверить.

Поднявшись с кресла, иду в гостиную. И осторожно подхожу к двери.

Ухватившись за золочённую изогнутую ручку, аккуратно поворачиваю. Толкаю тихонько.

Хм. Открыто.

Неужели не закрыл?

Выглядываю в коридор. Пусто. Что, даже не стережёт никто? Как-то слабо верится.

Прислушиваюсь к себе. Что-то отзывается внутри ласковым теплом. И я, повинувшись интуиции, тянусь к этому огоньку. Очень осторожно. А то ещё опять вспыхну, а Федерика рядом нет, чтобы потушить.

И ведомая своими ощущениями поднимаю руку, пытаюсь уловить... не знаю даже что... тепло, наверное, живую энергию.

Напротив меня стена. На ней много картин. В основном пейзажи. Никаких дверей. Только ниши со статуями. Некоторые из этих ниш, на

подсознательном уровне кажутся мне странными.

Направо по коридору в метрах десяти дверь. Я помню, что за ней ещё один коридор, ведущий в общую часть особняка, и разветвляющийся на несколько неизвестных мне направлений. Именно оттуда меня вчера и привели. И в той стороне находится та самая гостиная, где мы с Иезеннией общались.

И именно оттуда я сейчас чувствую... тепло. Реальное тепло. Зажмурившись, медленно поднимаю и вторую руку. И перед моим мысленным взором предстаёт картинка похожая на тепловую сигнатуру. Словно на изображение с дисплея тепловизора смотрю. Там за дверью стоят двое. Судя по габаритам, мужчины.

Стража.

Охраняют. И стерегут.

Ещё пару секунд полюбовавшись на оранжево-красные фигуры, и поражаясь неожиданно открывшимся возможностям моего пока неисследованного дара, я уже из чистого любопытства веду руками в другую сторону. Слева коридор метрах в десяти заканчивается тупиком.

И по логике вещей там никого не должно быть.

Вот только... там кто-то есть.

Этих оранжевых человечков я вижу не так чётко. Словно через более непроницаемую для меня преграду. Но всё же достаточно хорошо различаю две маленькие фигурки, сидящие друг напротив друга и бурно жестикулирующие... будто обсуждают что-то, или спорят. В последней нише. Точнее... в переходе, который за ней спрятан.

Склонив голову набок, открываю глаза.

Хм. Ну надо же. Кажется, я нашла не только своих неуловимых падчериц, но и тайный ход, которым они активно пользуются.

И вот вопрос. Уйти назад в комнату, не подав виду? Или пойти попробовать послушать, что эти шkodницы опять затевают?

Оглянувшись назад, смотрю на дверь будуара, где я столько часов сегодня просидела. Нет уж. Не могу больше. От безделья и всех этих бесконечных раздумий скоро завою.

В коридоре пусто. Увидеть меня здесь никто не сможет. Не зря же стерегут.

А к девчонкам меня тянет с непреодолимой силой.

Сбрасываю туфли, чтобы не шуметь. И, подобрав юбки, поспешно устремляюсь к тайнику мелких заговорщиц. С удивлением ловя себя на будоражащем ощущении предвкушения и азарта, будто сама превратилась в шkodливую девчонку, которой была давным-давно в детстве.

Подойдя к нише, я осторожно и бесшумно прижимаю ладони к стенке, за которой близняшки спрятались.

Точно тут.

Стараясь не издавать ни звука, шагаю ближе, и прижимаюсь ухом, очень сильно желая услышать. Только теперь приходит понимание, что это у меня может и не получиться. За каменной-то стенкой.

Но то ли стенка не каменная, то ли слух у меня благодаря ведьмовскому дару усилился, девчонок я всё-таки слышу. Приглушенно и очень тихо, но вполне различимо.

– Я не хочу, Эми. Отец разозлится. Он утром догадался, что мы там делали. Я эмоции его чувствовала. Не хочу, что он снова злился на меня. На нас. Мне от этого плохо.

– Он не узнает. Мы осторожно.

– А если узнает?

– Его нет дома. А эта сидит одна. И не заметит нас.

– Утром же заметила.

– Нет, это ты нас выдала, Кати.

– Потому что она нас заметила. И собиралась сказать, чтобы нас закрыли.

– Что, правда, заметила? – ошарашенно уточняет, судя по всему Эмелин.

– Да. Ты разве не чувствовала? – удивлённо уточняет Каталина.

– Нет. Я не так хорошо чувствую, как ты. И не хочу. Раз от этого плохо.

– Я тоже не хочу. Утром не получилось закрыться.

Девочки умолкают. И на пару минут там за стенкой воцаряется тишина.

– И что она чувствовала? К нам? – осторожно интересуется Эмелин.

Глава 24

– Ну-у-у... не то, что раньше. Мне показалось... она была рада нас видеть... и мы ей понравились, кажется, – не менее осторожно отвечает ей Каталина. – Она, будто другая стала. Совсем. Я не знаю, как это... но её эмоции больше не были... неприятными.

И меня настигает ошеломительное осознание.

Они чувствуют эмоции! Реально чувствуют. Эмпаты! По крайней мере, Каталина точно.

Значит... они могут меня сейчас в любой момент почувствовать и обнаружить. И что тогда подумают? Вряд ли что-то хорошее.

Я ещё додумываю эту мысль, а рука уже сама заносится, чтобы постучать по перегородке. И несколько раз ударяет по декорированной под камень панели. Действуя на опережение. Лучше, пускай они решат, что я их только-что обнаружила, чем поймут, что подслушивала.

– Девочки, это вы? – зову достаточно громко, чтобы услышали.

За стенкой всё затихает. Настороженно.

– Выходите, я знаю, что вы там.

Отступаю от ниши, выжидающе застывая в паре шагов. Интересно, удерут, или выйдут? Мне очень хочется, чтобы вышли. Хоть немного и страшно, что оттолкну и всё испорчу. Осознав это, тут же гоню страх прочь.

Раз девчонки могут чувствовать эмоции... вытаскиваю наружу всё самое светлое, что чувствую к ним. А этого, накопилось, как не удивительно, уже немало. Я очень рада, что они есть и могут стать моими. Я очень хочу познакомиться с ними ближе. Я о-о-чень хочу стать им мамой, хоть девчонкам ещё явно рано об этом заявлять.

И они мне безумно нравятся. Красивые, милые, ершистые умнички.

Ну же, выходите. Я вас не обижу.

Минуты идут, а в тайнике по-прежнему тихо. Неужели удрали? Или прислушиваются? Как и я.

– Эмелин, Каталина, предлагаю заключить мирный договор. Как вы на это смотрите?

Слышу, как открывается в другом конце коридора дверь, и в неё заглядывает незнакомый мне мужчина. Наверняка один из стражников.

Вот испортят мне всё. Подняв палец к губам, молча прошу не шуметь, и машу руками, чтобы вышел. А потом ещё и умоляюще складываю ладони.

Мужик несколько секунд удивлённо таращится, а потом всё же закрывает дверь. Может, подумал, что я совсем из ума выжила.

И как раз в этот самый момент, панель, за которой прячутся девочки, чуть-чуть отъезжает в сторону.

– Мы будем с вами говорить, только если вы честно признаетесь, как нашли нас, – слышу я голос... Эмелин.

Ого, какие деловые. Условия выдвигают. Интересно, а они по эмоциям умеют ложь определять... как их отец? Ох, а ведь точно! Он... тоже... эмпат, получается. Намекал ведь, что не только ложь чувствует. Прислушивается вечно, реагирует странно, будто читает. Капец. И как я сразу не догадалась?!

Девчонки, ожидая моего ответа, снова затаились.

– Честно, говорите? – хмыкаю я.

– Мы поймём, если соврёте, – храбро заявляет мне Эми. Точно она.

И почему-то мне кажется, что блефует мелкая.

Наверное, точно определять ложь они всё-таки не умеют. Маленькие ещё, чтобы правильно интерпретировать чужие эмоции. Особенно у взрослых. Тут сам порой не всегда понимаешь, что ты чувствуешь и почему.

Но... полной уверенности у меня нет. Да и не хочу я им врать. Полную правду девчонкам, конечно, знать не нужно. Но кое-что можно и сказать, правильно подав. Всё равно ведь рано, или поздно узнают. А строить отношения на лжи... ну такое себе.

Да и отцу их мне, видимо, тоже пора сдаваться. Теперь уже понятно, почему он ко мне так подозрительно относится. Представляю, как сильно я отличаюсь от Анны в плане эмоций. У мужика наверняка жуткий когнитивный диссонанс из-за меня случился. И потерей памяти такой разительный контраст точно нельзя объяснить.

– Хорошо. Я скажу вам правду. Если вы обещаете, никому-никому не выдавать мой секрет. О нём будете знать только вы. И ваш отец.

Договорились?

Перегородка закрывается обратно. Кажется, они там шушукаются-советуются.

Ну до чего же они милые в своей детской серьёзности и деловитости. Затискала бы. Да не дадутся пока что.

– Мы согласны, – спустя пару минут веско сообщает мне неизменный парламентёр Эмелин, снова отодвигая панель.

– Тогда, приглашаю вас в гостиную на переговоры. Там наш разговор точно никто не услышит, – максимально серьёзно произношу я, изо всех сил стараясь не улыбаться.

И пронаблюдав, как девчонки выбираются из своего укрытия, отряхивая пышные юбки, приглашающе веду в сторону хозяйских покоев.

– Нас и тут никто не услышит. Кроме папы, – гордо задирает подбородок Эмелин. – И не увидит.

– Да? – вскидываю я брови. – Ну хорошо. Только я, если не возражаете, присяду. Мне немного больно долго стоять.

Тут я ни капли не лукавлю. Всё-таки последствия этой непонятной магической травмы ещё полностью не прошли. Мышцы живота и нижние рёбра всё ещё отзываются ноющей болью.

А ещё, мне очень нужно показать им, что я готова говорить с ними на равных, что воспринимаю их всерьёз. Ну и не лишнее продемонстрировать, насколько я не та Анна, которую они знали.

Поэтому без лишних раздумий просто усаживаюсь на пушистый ковёр под противоположную стенку, скрестив ноги по-турецки и красиво распрямив вокруг пышные юбки. И выжидающе поднимаю взгляд на ошарашенных близняшек.

Девчонки за моими действиями наблюдают с открытыми ртами и такими огромными шокированными глазами, будто я тут при них на голове хожу.

– Может, тоже присядете? Чтобы всем нам удобно было, – улыбаюсь доброжелательно. – Ковёр тут мягкий. И тёплый.

Что самое удивительное, в себя быстрее приходит Каталина. Потянув сестру за руку, она заставляет ту сесть на пол у противоположной стены напротив меня. И сама садится.

– А почему вам больно? – спрашивает робко.

– Со мной случилось кое-что очень нехорошее вчера ночью, – вздыхаю я.

– Вас ранили? – хмурится Каталина.

– Да, но всё уже почти зажило. Лекарь сказал, что завтра я буду здорова.

– Вы поэтому приехали сюда? Чтобы папа вас защитил? – вскидывает она брови.

– Это одна из причин, – согласно киваю. И добавляю абсолютно искренне: – Ваш папа самый смелый и сильный мужчина, из всех кого я знаю в этом мире.

Каталина в ответ понимающе кивает, явно разделяя такую точку зрения.

– Мы выполнили уговор. И хотим знать правду. Как вы нас нашли? – отмирает наконец и Эмелин.

Хм, видимо, с Каталиной контакт будет наладить проще, чем с её сестрой. Более спокойная, она, кажется, и более рассудительна. А вот Эми упрямства явно не занимать.

– Нас точно никто не сможет услышать? – смотрю я на девчонок по очереди.

– Клянёмся, – в один голос уверяют они.

Прикрыв глаза, я прислушиваюсь к своему чутью, чтобы убедиться. И у меня появляется ощущение, будто мы в прозрачном мерцающем коконе каком-то находимся.

Как интересно. Они это усилием воли делают? Неудивительно тогда, что их никто кроме отца изловить не может.

Открыв глаза, улыбаюсь довольно.

– Хорошо. Тогда слушайте. Когда-то давным-давно в роду Мораду были ведьмы, – заговорщически понижаю я голос, подаваясь немного к ним.

Глава 25

Услышав про ведьм, близняшки разом округляют глаза. Но хотя бы не испуганно. Скорее потрясённо. С тем непередаваемым детским восторгом, который может вызвать только что-то немного страшное, но жутко интересное.

– Никто не знает, куда они исчезли и почему. Но в венах рода Мораду, осталась их кровь. И во мне она тоже есть, – продолжаю я.

– Ведьм больше не существует. Так папа сказал, – веско припечатывает Эмелин.

– Твой папа, конечно, прав, – соглашаюсь я. Папин авторитет – вещь неприкасаемая. – А мне вот кое-кто не менее умный рассказывал ещё, что ведьмы этому миру очень нужны. И их надо вернуть.

– Папа самый умный, – упрямо поджимает губы Эми.

– Конечно. Но Богиня ведь не может быть глупее даже самых умных детей своего мира, – подмигиваю я лукаво.

– Богиня? – выдыхает потрясённо Каталина. – Вы говорили с Великой Праматерью?

– Да, говорила. Помните, я сказала, что со мной кое-что страшное случилось? Так вот, это она меня спасла и помогла выжить. А ещё очень сильно изменила. Я теперь не та, что была раньше. И у меня проявились некоторые ведьминские способности. Благодаря которым я вас и нашла. Сегодня утром и сейчас. И вчера в саду, кстати, тоже слышала.

Выразительно смотрю на них, отмечая и досаду в глазах Эми, когда она понимает, что я слышала их вчерашний разговор, и виноватое смущение её сестры по той же причине. Может и не стоило мне так открываться. Но девочкам лучше сразу понять, что их шалости со мной не сработают.

– Поэтому и предлагаю нам с вами заключить перемирие, – подвожу итог.

Каталина задумчиво хмурит тонкие бровки. А Эмелин бросает на меня насупленный взгляд.

– И почему мы должны на это согласиться? – задирает изящный носик.

– А зачем нам воевать? – склоняю голову набок.

– Вы хотите отобрать нашего папу. И все говорят, что теперь вы родите ему наследников. А мы что, значит, не нужны больше? – шипит зло, а я вижу, как плещется в её глазах страх, обида и гнев. Да и у Кати нижняя губа начинает дрожать.

Маленькие мои, какие же они уязвимые и ранимые. Как не уверены в себе. И как сильно мне хочется их обнять и утешить. Но пока приходится обходиться лишь словами. И идти, как по минному полю.

Но хорошо уже хотя бы то, что они говорят со мной и прямолинейно озвучивают свои страхи. Хуже было бы, если бы закрылись и не шли на контакт вовсе.

– Девочки, клянусь, я не хочу его у вас отбирать, – произношу, уверенно смотря им в глаза. – Он же ваш папа. И не перестанет им быть никогда. То что говорят... наследник, это ведь не значит, что вы станете отцу не нужны. Или что он перестанет любить вас. Просто титул наследного принца обязывает вашего отца иметь наследника-мальчика, так требует закон. Только и всего. А любить он всех своих детей будет одинаково, я уверена. Если я рожу вашему папе ещё сына, мой малыш будет вашим младшим братом. Намного младшим, на восемь лет, не меньше. Представляете? И он будет любить и слушаться вас, как старших сестёр. Вы для него будете самые умные, самые любимые и самые лучшие. Разве это плохо?

Мои слова заставляют девочек сильно задуматься. Видимо под таким ракурсом они на это не смотрели и не думали.

– Я не враг вам, Эмелин, Каталина. Мне очень жаль, что та Анна, которой я была раньше, так вам не понравилась. Но я теперь другая, вы мне очень сильно нравитесь, и я очень хочу всё исправить и наладить наши отношения. Хочу узнать вас лучше и стать вам другом. Дадите мне такой шанс?

Понимаю, что ждать их согласия и капитуляции прямо сейчас после одного разговора, наверное, ещё очень рано. Вряд ли они мне вот так сразу поверят. Но всё равно не могу не надеяться, всматриваясь в детские личики.

Эмелин, что было вполне ожидаемо, непримиримо и упрямо поджимает губы. А Кати, посмотрев по очереди на меня и на сестру,

расстроено опускает взгляд. Кусает губы, а потом выдаёт внезапно, несказанно меня удивив:

– Мы подумаем, ведь так Эми?

– Угу. И посмотрим, – буркает та. И, вскочив на ноги, протягивает руку сестре. – Идём, Кати.

Наблюдая, как девочки уходят, я изо всех сил стараюсь не расстраиваться. Ведь неплохо всё. Первый шаг сделан. Они уже далеко не так враждебно и категорично настроены ко мне, как вчера. Особенно, Каталина. И мысль о том, чтобы стать обожаемыми старшими сёстрами им, кажется, понравилась. А то, что меня они пока принять не готовы, ну так лиха беда начало. Не всё сразу. Надо просто набраться терпения.

Эмелин скрывается в нише первая. А Каталина перед тем, как скользнуть в узкий проход, украдкой бросает на меня внимательный взгляд. И мне не надо быть эмпатом, чтобы прочесть в нём робкую надежду.

Но вот панель становится на место, в коридоре наступает тишина. Исчезает ощущение непроницаемого кокона вокруг. Остаюсь одна лишь я, сидящая на полу.

Сейчас самое время зайти Федерику и спросить, что здесь происходит.

И я бы, пожалуй, даже рада была. Не пришлось бы возвращаться в мою комфортабельную тюрьму и снова сидеть в одиночестве.

Но никто не появляется. И я в конце концов поднимаюсь на ноги и плетусь обратно в хозяйские покои.

Интересно, а если бы он знал, что я ведьма, стал бы меня оставлять так безбоязненно в своей спальне? Какие вообще были ведьмы этого мира? Почему маги так рьяно с ними воевали, что аж извели подчистую? И вообще, как это возможно, полностью извести ведьм. Да ещё так, чтобы ни одной не осталось, лишь потомки, не имеющие ведьмовской силы? У меня, честно говоря в голове это не укладывается.

Вот была в моём родном мире Инквизиция, ведьм сжигали, топили, казнили, преследовали... Но раз я ведьма, как говорит Богиня, значит не извели. Инквизиторы ведь не везде были. Может, и не ведьм на самом деле они на костры тащили, а самых обычных женщин, в чём я и раньше была уверена.

А тут что? Неужели ни одна не спряталась? Не затаилась? Как так вышло? Как-то странно это всё. Надо бы историю этого мира изучить, особенно Арганды. Узнать, что за культ Навия такой, откуда он взялся, и как его последователи отметились в истреблении ведьм.

Мне бы в библиотеку. Сложно просить у Бригитты книги, если я понятия не имею, что мне нужно. Не притащит же она мне всё, что там имеется.

На этой мысли я замираю уже у самих покоев. И бросаю задумчивый взгляд на дверь, за которой стоят стражники. Может попытаться и попросить их отвести меня в библиотеку? В конце концов прямого запрета выходить из комнаты Федерик мне не озвучивал.

Решила же проверять. Значит, нужно проверить основательно. Чтобы понимать картину в полном объёме. И знать, закрыл или нет.

Кивнув своим мыслям, я решительно иду к этой двери, подбадривая себя и настраивая на нужный лад.

И тут со мной начинает происходить что-то странное. То ли я слишком зациклилась на происходящем и его значении, то ли что-то ещё, но...

Чем ближе подхожу, тем явственней вижу в голове исход своего маленького эксперимента. В малейших деталях и подробностях. А потом всё начинает воспроизводиться наяву. Словно на десятом повторе, я отстранённо наблюдаю, как поднимается моя рука, толкая одну из створок двери. Переступаю порог и передо мной тут же возникают две высокие мужские фигуры. Точь-в-точь, как в моём видении.

– Ваше высочество? Вы что-то хотели? – почтительно интересуется рыжеватый шатен, с интересом меня рассматривая.

– Да, можете провести меня в библиотеку? – благожелательно интересуюсь я.

И уже знаю, что он мне ответит.

– Извините, но его высочество настаивал на том, чтобы вы оставались в безопасности ваших с принцем покоев, – учтиво и полностью фальшиво заявляет мне второй, жгучий брюнет. – Если вам хочется почитать, можете рассказать нам, или вашей горничной Бригитте, какие книги вас интересуют. И вам всё принесут.

Хотела убедиться, Лана? Вот, пожалуйста. Тебя реально закрыли.

Вздохнув, закрываю на миг глаза, усмиряя вспыхнувшее внутри чувство обиды. Неприятно, да. Но Федерик в своём праве. Я на его месте поступила бы точно так же. Он не понимает, что со мной не так. И доверять не обязан. И не будет обязан, когда я расскажу правду. А рассказать нужно уже. Молчать дальше, только множить между нами обман.

– А его высочество когда вернётся? – открыв глаза, смотрю на шатена.

– Вечером, насколько нам известно.

– Благодарю. И раз мне нельзя выходить, принесите мне, пожалуйста, всю историческую литературу описывающую... последние века, когда в Совванире ещё рождались ведьмы.

У стражника даже лицо вытягивается ошеломлённо.

– Вы уверены? Все исторические хроники за тот период? Может, что-то более конкретное? У вашего супруга очень большая библиотека.

– Если бы я могла самостоятельно посмотреть, что есть, и выбрать, что мне нужно, я бы могла назвать что-нибудь конкретное. А поскольку я этого не могу, то принесите мне всё, пожалуйста. Читать и заниматься самообразованием мне ведь не запрещали? – склоняю голову набок с невинной улыбкой.

– Нет, что вы, ваше высочество, – моргнув, бормочет жертва моего произвола. – Конечно же вам принесут нужные книги.

– Благодарю... простите, не знаю как к вам обращаться.

– Алонсо Даньери к вашим услугам, – кланяется он.

Кивнув, я обращаю вопросительный взгляд на второго.

– Васко Гвенела, – представляется и тот.

Поблагодарив стражников, всё-таки возвращаюсь обратно. Негативный результат ведь тоже результат. Осталось определиться, какой вывод из него сделать. И как действовать дальше.

Ну не убегать же от мужа, обещавшего мне защиту, когда неведомо кто хочет меня убить. Это глупо.

Но и сидеть взаперти дальше не вариант. Сколько он так меня продержит? И что дальше меня ждёт, если молчать?

Единственный человек, который реально может мне помочь, точно знает, что со мной что-то не так, и это только вопрос времени, когда он поймёт, как сильно я его обманываю. А может уже понял.

Так получилось, что мы связаны. Мы муж и жена, волей Богини. Он это признаёт. Он готов меня защищать несмотря на свои подозрения. И мне от этого брака тоже никуда не деться. Да и не уверена я уже, что хочу куда-либо деваться. Однажды я уже вышла замуж по большой любви. Ничего хорошего не получилось. А тут мне дают возможность иметь всё, что я хочу плюс надёжного, благородного и сильного мужчину, которого нужно принять, как мужа. Зачем отказываться?

И раз так, мне нужно искать пути не только к сердцу его дочерей, но и добиться хотя бы доброжелательного отношения с его стороны. А об этом не может идти и речи, если я продолжу молчать.

Значит... выход один. Признаваться. Сейчас, пока не стало поздно, и этот мой обман с потерей памяти не накрыл медным тазом все шансы наладить с Федериком нормальные отношения.

Решение приходит окончательным осознанием, заставляя похолодеть внутри от волнения и самого настоящего страха.

Надеюсь, что правда не будет стоить мне жизни, или свободы.

Глава 26

Книги мне действительно принесли. Их оказалось довольно много. Но не настолько, как я себе представила после изумлённой реакции стражников.

Двое лакеев в сопровождении Бригитты втащили в гостиную две высокие стопки увесистых фолиантов и под её руководством сгрузили всё это добро на стол. А затем молча вышли.

Пробежавшись пальцами по тиснённым корешкам и прикинув внушительный объём представшей передо мной задачи, я попросила у горничной ещё и писчие принадлежности, чтобы делать пометки и, возможно, законспектировать важную информацию. Вряд ли у меня получится всё сходу запомнить.

– Ещё чего-то желаете, ваше высочество? Может чаю принести, или чего-нибудь перекусить? Сегодня повар расстарался на славу, чтобы вам угодить, – выжидающе посмотрела на меня горничная, когда вернулась с чернильницей, перьевой ручкой и молочно-белыми листами бумаги.

Жаль, конечно, расстраивать повара, который, оказывается, ради меня старался. Но аппетита вот совсем не было. И о еде я даже думать не могла. Поэтому пришлось снова отказаться.

– Скажешь, когда придёт время ужина, – улыбнулась я расстроено взирающей на меня девушке. – Тогда и поем, – и, подумав, прибавила: – Спасибо большое за заботу, Бригитта. Если мне чего-то захочется, я тебя обязательно позову. И передай повару мою благодарность за старания. Как только ко мне вернётся аппетит, я обязательно оценю его кулинарные шедевры.

Повеселев, служанка присела в книксене и унеслась дальше выполнять свою работу. Оставив меня наедине с книгами. Но книги – это тоже очень хорошо. Без знаний в новом мире прижиться будет очень сложно.

Поэтому я отодвинула все переживания по поводу предстоящего разговора с Федериком на потом и взялась за самообразование.

Просмотрев книги, чисто интуитивно отобрала парочку, с которых начну. Потом несколько минут потратила на то, чтобы разобраться с

ручкой, или как она тут называется. Вот никогда раньше не доводилось писать чернилами. Оказалось, что это не сложно. Только клякс очень легко наставить. Но постараюсь быть аккуратной.

Устроилась удобно за секретером у окна и открыла первый фолиант.

И неожиданно так увлеклась всеми историческими перипетиями, описанными довольно приятным лаконичным но вместе с тем образным языком, что даже не заметила, как пролетел остаток дня и за окном начало темнеть.

Очень интересные сведения я нашла, касающиеся огненных ведьм. Если верить автору, некоему Донато Рэнсарио, историку и исследователю, судя по кратким сведениям в предисловии, возможно, живущему и поныне где-то на севере Арганды, последователи культа тёмного Навия не просто воевали со мне подобными, они целенаправленно разыскивали и преследовали абсолютно всех ведьм. Даже тех, кто никак не проявлял свою ведьмовскую сущность и не пользовался своей силой.

Историк также нашёл сохранившиеся документальные свидетельства того, что девочек насильно забирали из семей ещё до того, как их дар проявлялся. Особенно это касалось огненных. Их буквально насильно отбирали у родителей, врываются ночью в дома и убивали всех, кто пытался отвоевать своё дитя.

Этих малышей никто больше никогда не видел. И никто не знал, что с ними случилось. Никаких костров, сожжений, принародных казней, пыток и обличающих допросов, как было у нас с Инквизицией. Стоило ведьме привлечь внимание культа, и она просто исчезала.

Откинувшись на спинку кресла, я задумчиво смотрю на расцвеченное закатным солнцем небо. Картина рисуется нерадостная. Получается, что последователи культа могли как-то определять наличие ведьмовского дара. Возможно за века это умение они растеряли. Но надеяться на это не стоит. Значит, и меня они могут раскрыть.

Жутко как-то.

Когда дверь позади открывается, я даже не сразу понимаю, что в комнате уже не одна.

– Уже пора ужинать, Бригитта? – спрашиваю, разминая шею.

– Да, ужин скоро накроют, – раздаётся за моей спиной голос принца вместо горничной, заставив меня вздрогнуть от неожиданности.

И на плечи почти сразу опускаются мужские ладони. Посылая по телу толпу обжигающих мурашек.

– Федерик, – выдыхаю удивлённо, чувствуя, как сердце подскакивает в груди, тревожно сжимаясь. И плевать мне, что на самом деле эти ощущения не имеют ничего общего с реальным состоянием мышечного органа, взволновано колотящегося под клеткой из моих рёбер.

– Я. Или ты ждала кого-то другого? – вкрадчиво спрашивает «муж».

– Кого я могла ждать, кроме вас? – фыркаю нерадостно. – Зачиталась, вот и не заметила, как время прошло.

И даже не продумала, что буду ему говорить. Как буду признаваться. Думала, что успею подготовиться... но вот он пришёл. И я ни черта не готова.

– И о чём же ты читала? – с интересом спрашивает мужчина. И, неожиданно перегнувшись через меня, поднимает открытую на столе передо мной книгу, чтобы посмотреть название. – Хм, нашла что-то интересное?

– Да. Узнала, что последователи культа Тёмного Навия преследовали и похищали ведьм чуть ли не с младенческого возраста, – кивнув, озвучиваю своё главное открытие.

– Да. Этому есть немало свидетельств, – подтверждает мои изыскания Федерик. – Девочкам из знатных семей больше повезло. Их лучше защищали. Но со временем ведьмы становились всё более слабыми и в конце концов просто перестали рождаться. Даже в таких сильных родах, как Мораду. Не только в Арганде, по всему материку и, как потом оказалось, по всему Совваниру.

– Я не понимаю, как это возможно, – забывшись, я обращаюсь к мужу. – Если они нужны для равновесия в этом мире, то почему так произошло?

– Этого никто не знает. Маги носят магию в себе, наращивая потенциал на протяжении жизни, и передавая свою силу по наследству. Ведьмы же, сливаясь со своей стихией, черпали силы из окружающего мира. И до сих пор неизвестно, почему сила перестала им служить, –

объясняет мне принц, задумчиво склонив голову набок. – Почему это тебя так волнует?

– Я пока не знаю и не понимаю, как это возможно, но мне кажется, что во всём виноваты эти из культа. А, кстати, почему он так называется? Кто этот Навий? Какое-то божество? Помню, вы меня от него тоже грозились защищать.

Понимаю, что таким нехитрым способом тяну время. Да и вопросы задаю, возможно, совсем не те, которые могла бы задавать Анна.

Федерик удивлённо прищуривается, но всё же отвечает. Причём довольно подробно.

– Навий – это один из богов нашего мира. Один из двух сыновей Великой Праматери. Хозяин загробного мира и вечный страж пристанища тёмных тварей Бездны. Чтобы контролировать свои владения ему периодически приходится в Бездну спускаться. И когда он оттуда возвращается, это тёмный и жестокий бог, требующий войн, жертв и кровопролития. И только брат Светлый Явар способен его усмирить и удержать. Считается, что чем сильнее нарушен баланс силы в нашем мире, тем чаще Навию приходится защищать нас от Бездны и становиться Тёмным.

То есть, богиня спасая магическое равновесие своего мира, ещё и о психическом здоровье сына печётся. Это я понять вполне могу. Вот только, если бы она мне ещё инструкций больше выдала. А то забросила, как диверсанта в стан врага, и разбирайся, ведьма, сама.

– Ты так и не ответила на мой вопрос, Анна. Почему это тебя так волнует? Что тебе до ведьм древности? Ты думаешь, что тебя пытались убить из-за их наследия в твоей крови?

Принц обходит меня и прислоняется бедром к столу. Нависает всем своим огромным ростом, ещё и смотрит на меня требовательно и выжидающе.

Меня так и подмывает увести разговор в другую степь. Но это лишь оттянет неизбежное. Пора, Лана. Раз решила сдаваться, то сдавайся.

– Я не знаю. Но у меня есть очень веские основания опасаться последователей этого культа, – признаюсь, собрав в кулак всю свою храбрость. Никогда так не боялась говорить правду. – Дело в том... что я ведьма. Самая настоящая. Огненная. Стала такой после

случившегося... и вообще... Я не Анна. Точнее, не совсем она. Только наполовину. Наверное. Мне сложно соразмерять физическую и духовную часть человека.

Лицо Федерика по мере моих путанных объяснений всё больше вытягивается. А меня просто прорывает. Нервное напряжение последних двух дней выплёскивается в слова и сбивчивые фразы, и я всё говорю... говорю... пытаюсь донести до него максимум информации, пока бедняга в себя не пришёл.

– Анну убили тогда. Как я поняла, её душу выжгли каким-то тёмным заклинанием. А я... погибла в своём... в другом мире. Моё тело умерло там. И ваша Богиня посчитала, что моя душа очень подходит вашему миру. Потому и предложила мне второй шанс, в обмен на то, что нужно ей. Возможность вернуть ведьм в ваш Совванир. Так я и очутилась в теле бедняжки Анны. Сначала даже ничего не поняла, собирала информацию по крупицам. Потом мне Праматерь приснилась и немного прояснила ситуацию. Но всё равно я почти ничего не знаю о вашем мире. Не потому что не помню. Извините, что обманула, но признаваться мне было страшно. Мне и сейчас страшно, если честно. Но врать больше не могу. И я пойму любую вашу реакцию. Знаю, это всё дико. И то, что мы, не зная друг друга, связаны браком. Я, ктати, спрашивала... Богиня сказала, что он нерасторжим. Но, может, вам какой-то способ развестись известен. Я не собираюсь ничего требовать и навязываться. Надеюсь только, что вы от меня не летальным способом избавляться будете... если будете.

Боже, что я несу? Мне явно пора заткнуться. Судорожно вздохнув, я нерешительно поднимаю глаза на «мужа».

«Муж» всё молчит. И от его тяжёлого немигающего взгляда мне под стол хочется забраться.

– Пожалуйста, скажите уже что-нибудь, – прошу тихо, едва справляясь с желанием истерично заломить руки.

Глава 27

– Не Анна, значит, – наконец произносит Федерик, лишённым эмоций голосом. Но на щеках так и вздымаются желваки, выдавая его чувства. – И кто же ты тогда? Уж точно не юная наивная девчонка, если судить по тому, как быстро тебе удалось и приспособиться и собрать информацию по крупицам. С кем меня Богиня связала без моего ведома и согласия?

Злится. Ожидаемо.

Могу себе представить, как его сейчас штормит. Но ведь держит себя в руках. И это ещё один огромный плюс к достоинствам его высочества.

Даже такой диалог позволяет мне немного расслабиться. И наконец-то собраться. Самое страшное уже позади. Я всё сказала. Открыла свои карты. Этого не изменить. Притворяться больше не нужно. Теперь всё зависит лишь от того, сумею ли я настоящая найти общий язык с тем, кого сегодня уже не единожды представляла своим мужем.

– Если вы меня пытались этим уколоть, то вам это не удалось. Да, мне далеко не восемнадцать, или сколько там было Анне. Но я и не старуха, можете не переживать. Полагаю, что всё же моложе вас, – замечаю таким же ровным тоном, оценивая пробегаясь взглядом по его высокой, мощной фигуре. – Я стала такой же заложницей ситуации, как и вы. И обзаводиться мужем уж точно не планировала.

– А как же второй шанс, который тебе предложила Богиня? Неужели она не сказала, что к нему ещё и муж прилагается? – язвительно прищуривается Федерик.

– Я этого не помню, если честно, – вздыхаю с досадой. Морщусь невольно: – Всё, что со мной было после смерти там... оно мелькает в памяти очень смутно. Боль, страх, свет, тьма, чей-то голос... Как сон, который с пробуждением забылся. Я помню, что на что-то соглашалась, но не помню на что. Вряд ли на замужество вслепую. Меня безмерно удивила новость о вашем существовании, когда я очнулась. Но даже если согласилась ради возможности жить... чем это хуже женитьбы на ком-то только ради наследника?

Уверенно встречаю его взгляд. Я ни в чём не виновата перед ним, что бы он там себе не думал. И ничего плохого никому не сделала. Анну убили не из-за меня. И она бы всё равно не выжила, независимо от моего решения. Даже то, что я не призналась во всём сразу... никто в здравом уме не решился бы на такие откровения, не убедившись предварительно, что за них не придётся расплачиваться жизнью.

– Ты права. Ничем, – хмуро роняет Федерик. Усмехается саркастично: – И если вспомнить наш утренний разговор, ты была не так уж и против брака со мной. Я определённо слышал твоё согласие быть мне женой.

Вот не пойму на чём он пытается меня подловить. Думает, я врала? Или, что сейчас пойду на попятную? Так я за свои слова отвечаю.

– От своих слов я не отказываюсь, – прищуриваюсь в ответ. – Но «не против» тут ключевое слово, ваше высочество. Когда я во сне с Богиней общалась, она твёрдо заявила, что развода мне не видать. Достоинства мне ваши расписывала, говорила, что душа у вас благородная. И дала мне чётко понять, что только от вас я могу получить то, что хочу. И тут вы. В общем привлекательный и интересный мужчина. И ваше ключевое требование к жене полностью совпадет с моим самым заветным желанием. К чему мне лукавить и нос воротить? Как вы правильно заметили, я не юная и наивная девочка. О большой любви не мечтаю. И знаю, чего хочу.

– И чего же? – подозрительно вскидывает брови принц. Но тут до него доходит: – Постой... моё ключевое требование. Ты наследников имеешь в виду? Ты хочешь от меня детей?

Какая занятная формулировка. Самомнения его высочеству не занимать.

– Я вообще хочу детей. Вы, как их возможный отец, и судя по всему, единственно возможный, меня вполне устраиваете. Дочки у вас прелестные получились, – говорю абсолютно искренне. – В моей прежней жизни я не смогла воплотить свою мечту стать матерью, о чём сильнее всего и жалела перед смертью. А здесь могу. Если выживу, конечно. И если вы не передумали иметь от меня наследников после этого разговора.

И снова принц выпадает в осадок. И смотрит на меня так потрясённо, что мне даже совестно становится. Вот жил себе

спокойно, никого не трогал, и тут жена-иномирязка на голову свалилась. Да ещё ведьма.

Не удивлюсь, если мне после сегодняшнего разговора из хозяйских покоев придётся в подвал переехать, или вообще в какую-нибудь темницу.

Может, не нужно было столько правды на него зараз вываливать? Но ведь назад уже не отмотаешь. Смысл жалеть о том, что уже не изменить?

– В твоём мире все женщины такие? – мотнув недоумевающе головой, интересуется Федерик. Но тон уже гораздо менее напряжённый. Отпустило немного беднягу.

– Какие? – приходит моя очередь удивляться.

– Прагматичные. И прямолинейные, – хмыкает он. Иронично. Неужели оттаял?

– Да нет, не все. Разные бывают, – пожимаю плечами. – Думаю, как и в вашем мире. Я просто стараюсь быть честной.

– Угу. Я оценил, – кивает с кривой усмешкой. – Значит, тебе от меня только дети нужны?

И вот чего он возмущается, если сам женился на Анне только ради сыновей?

Я даже не знаю, что на это сказать. Правда, мне и не приходится.

– И ты готова ради этого быть мне женой, – тянет задумчиво Федерик. – Делить со мной постель. Быть хозяйкой в моём доме... Стать матерью моим дочерям...

Чувствуется в его интонациях большое жирное «НО», поэтому я молчу. Лишь смотрю на него выжидающе. Уже даже шея затекла голову задрать. Вымахал же высоченный такой.

– Ты же понимаешь, что я не могу просто поверить тебе на слово? Просто так пустить тебя в свою жизнь, в свою семью, доверить тебе самое ценное, что у меня есть?

– Понимаю, конечно, но не представляю даже, как могу вам что-либо доказать, – признаюсь со вздохом.

– Тебе возможно и не понадобится. Я утром собирался посетить храм, чтобы узнать, не подсунули ли мне самозванку вместо жены. Но, пожалуй, съезжу туда после ужина. Всё равно не усну.

– В храм? Вы храм Праматери имеете в виду? – воодушевляюсь я. Не знаю, что там будет узнавать Федерик, но у меня тоже есть вопросы

к местной небожительнице.

– Да. А что? – вновь подозрительно прищуривается его высочество.

– Можно мне с вами?

Я даже умоляющие глазки делаю.

– Зачем? – удивлённо.

– Хочу кое-что спросить у Праматери. Очень важное, – улыбаюсь невинно в ответ.

– Опять о разводе? – скрипнув зубами, сужает глаза Федерик.

На самом деле нет, но... Пожимаю плечами.

– Ну вы же будете смотреть, можно ли от меня избавиться. А мне, что нельзя?

Глава 28

Меня очень усердно попытались оставить дома. Сначала намекнули, что уже поздно, а я, наверное, устала. Пришлось уверить, что сидеть взаперти для меня было совершенно неутомительно. Потом его хмурое высочество заявил мне, что это опасно.

– С вами мне не страшно, – искренне ответила я. – К тому же не верю, что вы открыто туда поедете. И если уж ваши дочери умеют делать такие качественные иллюзии, что никто, кроме вас их не может увидеть, то вам уж точно под силу спрятать одну маленькую ведьму.

Тут Федерику крыть было нечем.

– Ты останешься здесь! – в конце концов приказал он, бросив искать убедительные доводы для меня.

Теперь крыть было нечем мне. Ну не заставлю же я его в самом деле.

– Как скажете, – пожала я плечами, не пряча своего расстройства и разочарования. Какой смысл, если он всё равно эмоции чувствует? – Перед сном помолюсь вашей Богине, может она мне и так приснится. Желаю вам хорошо съездить. Говорят, вечерние прогулки очень полезны. Свежий воздух, всё такое. Правда, не знаю, как с воздухом тут у вас в вашей столице. Мне куда переселяться?

– Переселяться? – непонимающе нахмурился Федерик. – Куда это ты собралась переселяться?

– Я не могу никуда собираться. Я тут у вас на птичьих правах и вообще самозванка. И, если разобраться, то в ваших личных покоях мне не место. Как и в этом доме, наверное. Поэтому я и спрашиваю. Но если вы пока не решили, что со мной делать, то могу подождать вашего возвращения и, собственно, решения. Надолго вы? Далеко этот храм?

И вот понятия не имею, почему он опять зубами начал скрипеть, прожигая меня раздражённым взглядом.

– Хорошо. Я возьму тебя с собой. Пойдём ужинать, – в том же приказном тоне выдал мне «муж», тем самым безмерно удивив. Ещё и руку протянул, чтобы помочь встать.

И мы действительно пошли ужинать. Вдвоём. Точнее вчетвером, как вскоре оказалось. В просторной но довольно уютной столовой на первом этаже за столом уже чинно ждали отца Каталина и Эмелин. Федерик отодвинул мне стул, помог сесть, потом невозмутимо занял место напротив меня. Во главе стола. И кивнул слугам, чтобы те подавали первую смену блюд.

И вот если бы я не призналась во всём перед этим, то с головой выдала бы себя за столом. Не скажу, что столовых приборов было слишком много, но всё-таки гораздо больше, чем я привыкла использовать. И скорее всего я сделала далеко не одну ошибку, потому что не раз ловила на себе удивлённые взгляды девочек. Да и Федерик наблюдал за мной с интересом. Но ничем больше своего отношения к моим манерам не показал. Так что я успокоилась и сосредоточилась на еде. Волнение меня уже отпустило и наконец вернулся здоровый аппетит.

– Я обещал зайти к девочкам. Переоденься для конной поездки и жди меня, – распорядился муж, когда ужин подошёл к концу, и он привёл меня обратно в свои покои.

И вот тут я поняла, что попала.

– Конной? – посмотрела на него с надеждой, что мне послышалось.

– Да. С этим какие-то проблемы?

– Нет. Никаких проблем кроме того, что я коня вживую и вблизи позавчера первый раз увидела, – расстроено призналась «мужу».

И вот честно я была уверена, что он воспользуется этим предложением, чтобы всё-таки уехать без меня. Но принц лишь вздохнул тяжело, закрыв на миг глаза. Будто терпения набираясь.

– Тогда поедешь со мной. Оденься удобно и неброско. Я зайду за тобой, – и ушёл, оставив меня соображать, что в его понимании значит это «удобно и неброско», и как это соотнести с гардеробом, доставшимся мне от Анны.

Звать Бригитту не хотелось. Федерик мне никаких указаний по этому поводу не давал, и я не была уверена, стоит ли служанке знать, что я куда-то с ним уехала. Поэтому пришлось справляться самой, что, с учётом местной моды, не так уж просто. К моему счастью, я смогла найти более-менее приемлемый вариант среди вороха одежды в гардеробной. Этим вариантом оказалось простое платье сизого цвета с

минимумом отделки и украшений. И самое главное – со шнуровкой спереди. Возможно, какой-то дорожный вариант.

Осталось лишь снять тот наряд, что на мне.

А вот тут начались проблемы. Потому на нём-то шнуровка сзади.

Как я не изворачивалась, как не выгибалась, всё, чего мне удалось добиться, это слегка распушить тесьму на поясице. А потом эта гадость взяла и запуталась, заставляя меня чуть ли не рычать от раздражения и бессилия.

И вот время неумолимо истекает. Скоро наверняка придёт Федерик, а я из платья выбраться не могу. Это просто треш какой-то.

Осмотревшись и не найдя ничего острого, чтобы срезать эту пакость, устав пытаться распутать то, чего не вижу, я зло дёргаю проклятый узел.

– Да гори ты синим пламенем! – шиплю в сердцах, топая ногой.

Пальцы внезапно обжигает огнём, и в зеркале, перед которым я стояла боком, отражается яркая вспышка у меня на спине.

– Ай-ай-ай, я же не буквально имела в виду! – запричитав, волчком оборачиваюсь вокруг себя, пытаюсь сбить пламя. – Ну сколько можно?! Погасни, я сказала!

– Тебе явно нужно учиться контролировать свою силу, – раздаётся смешок от двери. – Стой на месте, а то спальню нам сожжёшь, – приказывает Федерик. И припечатывает с каким-то особым смаком и иронией. – Ведьма несносная.

Вспыхнув уже от досады, я замираю, поверженно опустив голову. Глупо получилось, ничего не скажешь. Хорошо хоть, что мой огонь меня уже почти не жжёт. А то ходить с ожогом на всю спину мне вот совсем не хочется.

– Почему ты служанку не позвала? – спокойно интересуется «муж», уже как-то буднично гася на мне пламя.

– Не была уверена, можно ли ей знать, что я еду с вами, – признаюсь, прислушиваясь к его действиям.

Мужские пальцы пробегают по новым прорехам в моей одежде, осторожно поглаживая обнажённую кожу.

Он прав. Силу мне нужно учиться контролировать. Если так и дальше пойдёт, я сожгу всю одежду Анны. А модистка, которую мне утром обещали, кстати, так и не пришла. Наверное, из-за запрета Федерика пускать в дом посторонних.

– После всего, что между нами было, думаю, тебе пора уже прекращать мне выкать. Можешь обращаться на «ты», – явно забавляясь, разрешает его высочество. – А насчёт служанки... Все слуги в моём доме принесли мне магическую клятву верности. Конечно, всё им знать не нужно. Но помощи можешь просить смело.

– Хорошо. Учту, – киваю, прижимая к груди платье, которое теперь уже норовит с меня слететь. – Тогда я её сейчас позову. Вы дадите мне ещё немного времени?

– Не нужно никого звать. Я сам тебе помогу, раз уж пришёл, – неожиданно заявляет Федерик.

– Эм, это не обязательно. Я сама могу дальше, – произношу растерянно, краем глаза наблюдая за мужчиной в зеркале. С чего это он вдруг решил горничную изобразить? И спину мне гладит так задумчиво.

– Утром ты не возражала против моей помощи, – напоминает, поднимая голову. И наши взгляды в отражении встречаются.

Ох, что-то мне жарко становится.

И что ему сказать? Что утром он подкупил меня своей мужской уверенной и бережной заботой? Что заставил вспомнить, как мало я её в своей жизни получала? И сейчас тоже... подкупает.

Вот стоит весь такой строгий. Не определился ещё, как ко мне относиться, не решил, что со мной делать... но при этом без сомнений приходит на помощь и помощь предлагает. И действует на меня так, что мурашки бегут по телу. Те самые. Приятные. Которые у меня уже очень давно никто не вызывал. До него.

– Я выбрала платье, которое теоретически могу надеть самостоятельно. Помощь мне нужна была только с этим. Тут шнуровка сзади, – бормочу растерянно. Так и не определившись с ответом.

– Я вижу. Она сгорела. И на корсете тоже... почти. Нужно запомнить, что тебя опасно злить, – усмехается Федерик. И, не дожидаясь моего согласия, принимается ловко расшнуровывать этот самый корсет. Тем самым избавляя меня от мук выбора.

Ловкие пальцы очень сноровисто справляются со своей задачей. Так, словно он бессчётное количество раз раздевал женщин. И это заставляет задуматься.

– У вас очень умело выходит, – замечаю ровно, снова наблюдая за мужчиной.

– Дай угадаю, твои мысли сейчас опять свернули в сторону моих предполагаемых любовниц? – слышу насмешливое хмыканье.

Хм. Какой догадливый однако.

– Зато ваши мысли для меня полная загадка. Ещё недавно вы на меня рычали. А сейчас поддразниваете и раздеть норовите. И на «ты» разрешаете обращаться.

– А ты этим разрешением не пользуешься.

– Ну-у-у... вы... ты же принц. Особа королевской крови. Я стараюсь быть вежливой и соблюдать... субординацию, – пожимаю плечами.

И платье всё-таки с них сползает. А ещё по мере действий Федерика становится легче дышать. Намного легче. Вот тебе и мягкий корсет.

– Мне потребуется время чтобы перестроиться, – продолжаю, прикрыв глаза от удовольствия. – А насчёт любовниц... мы взрослые люди. К чему лукавить? Ты мужчина и весьма привлекательный. Принц опять же. Уверена, от женщин у тебя отбоя нет. Наверняка так и липнут. Так что хоть кто-то да был. А может, и сейчас есть. Раз с Анной у тебя супружеские отношения не сложились. Я ни в коем случае не осуждаю. Потребности организма никто не отменял.

И в этот момент Федерик наконец снимает с меня эту пыточную штуку.

– О-о-ох, – выдыхаю со стоном наслаждения. – Как же хорошо. Вот зачем ваши женщины эту гадость носят? Это же вредно для здоровья.

– Можешь не носить, – хрипло отзывается его высочество.

А я затылком чувствую его дыхание. Неожиданно... и так волнующе.

– Тогда мне, наверное, нечего будет надеть. У Анны все платья корсет предусматривают, как мне Бригитта сказала, – произношу тихо, едва дыша и прислушиваясь к своим ощущениям.

Облизнув пересохшие губы, сама не замечаю, как склоняю голову вниз и чуточку набок. И лишь спустя несколько секунд начинаю понимать, как это может выглядеть для него. Выдыхаю, ощущая, как покалывает кожу. Но мне хочется, чтобы он коснулся... Так хочется.

– Думаю, в храм я всё же поеду утром, как планировал, – выдаёт неожиданно Федерик за секунду до того, как прижаться губами к моей шее. И за талию притянуть к себе.

– Что? – вздрагиваю я, пытаюсь отстраниться. – Как это утром? Почему утром? Нет-нет, я за то, чтобы мы уже сегодня разобрались, кем приходимся друг другу. А то вы... ты и дальше будешь меня неизвестно в чём подозревать. И взаперти держать.

– Ты точно ведьма, – со стоном сжимает меня в своих объятиях «муж». – Ну поехали, раз так.

Глава 29

Федерик

Мерный цокот копыт и тепло желанного женского тела, тесно прижатого ко мне бочком, неплохо умиротворяют. Стоило отъехать от особняка, полностью прикрывшись иллюзией невидимости, и моя жена-незнакомка, сразу притихла, беззастенчиво ухватившись за меня и восторженно рассматривая вечерние улицы Эрсалины.

Её искреннее чистое удовольствие, испытываемое от этой поездки, приятно греет душу. И это неожиданно помогает мне окончательно успокоиться и расслабиться. Наверное хорошо, что уступил и взял её с собой. Теперь это ощущается правильным.

Но красота города, который я уже давно научился любить, и которая сейчас так радует мою спутницу, меня самого оставляет равнодушным.

Мысли вертятся совсем в других сферах.

Эмоции, захлестнувшие меня после услышанного, уже немного схлынули. Слегка отступило и почти непреодолимое желание взять такую манящую и обманчиво-доступную в своей свободе рассуждений лакомую незнакомку, подсунутую мне сводницей Богиней. И разум постепенно становится всё более ясным.

Сложно сказать, в какой именно момент я поверил, что она говорит правду.

Возможно ещё тогда, когда фонтанируя страхом и достойной уважения решимостью, дрожа и запинаясь, призналась мне, что не Анна. Слишком часто я за сегодняшний день думал об этом сам. Сопоставлял несопоставимое. И отчётливо понимал, что с ней что-то не так.

Написал сестре, но ответа пока так и не получил. Полагаю, моё письмо сначала пройдёт тщательную проверку у её супруга, Яргарда Сэйнара, под чьё влияние Тэрэса Аннэлия так безоговорочно переметнулась, отрёкшись от отца и Арганды.

Собирался поехать в храм и увериться сам, что моя жена не самозванка. Но за собственным теперь ещё более усложнившимся

расследованием, и срочными делами, щедро отсыпанными мне королём по приезду, вырваться так и не удалось.

А может, это только оправдание для самого себя.

Слишком по вкусу мне пришлись все эти странные и необъяснимые изменения в супруге. Слишком по вкусу пришлась мне сама она вот такая. Захотелось изучить. И распробовать. Никуда ведь не денется от меня.

Но моя жена-незнакомка удивила опять. Открылась мне. И выдала такую правду, которую я уж точно не ожидал услышать. Правду, полностью объясняющую все несостыковки и странности. Но при этом вышибающую землю из-под ног.

Чувствовал, что она не врала.

Вот только поверить и принять, это далеко не одно и то же.

Я слушал взволнованный лепет незнакомки в теле моей жены, ощущал, как она боится, как эмоционально переживает всё, что говорит, понимал, что верю, и каждое её слово всё больше что-то во мне разрушало.

Предполагать вмешательство Богини в спасение Анны, и точно знать, что она в тело моей жены поселила душу из другого мира, слишком разные вещи.

Мною сыграли вслепую. Снова. И от этого до сих пор воротит. Но...

Богиня в своём праве.

Анну убили. Странную, нелепую в своей чудаковатости, немного наивную и глупую, как мне казалось, но в общем-то довольно светлую девочку... убили. Она была моей женой. Я клялся защищать и беречь её.

И не уберёг.

Нужно было не слушать весь этот бредовый лепет про стыд и срам, привезти её в свой дом и закрыть там. Отрезать возможность общаться с Иезеннией. Глядишь, Анна и поумнела бы. Хватило же ей ума пойти против старой вороны и не отказывать мне в консумации брака. По-другому то, что между нами происходило в первую брачную ночь я и назвать не могу.

Нужно было, да.

Я не настоял. Меня коробили и жутко раздражали её эмоции. Не таких ждёшь от молодой жены, которая по своей воле вышла за тебя.

Потому и не стал неволить. Позволил жить в королевском дворце, наивно полагая, что эта тихая скромница никуда не влезет. Не в моих правилах принуждать женщину быть со мной. И ломать волю, насилуя душу и тело, тоже... не по мне. Я не отец. И никогда не позволю себе таким быть.

Неужели... он убил Анну? Или этот отморозок Иего? Если культ возродился, и они оба замешаны, то вполне могли.

Но стоит ли вообще верить словам Иезеннии? Старую стерву ведь до сих пор не нашли.

– Как ты поступишь со мной, если Богиня откажется с нами говорить? – вырывает меня из размышлений голос... Анны.

– Мне не обязательно с ней говорить, чтобы узнать то, что я хочу. Но почему ты думаешь, что она откажется? – спрашиваю рассеянно.

– Я не думаю, просто пытаюсь... просчитать все возможные варианты. Откуда мне знать степень её участия в жизни своих чад? – пожимает моя спутница плечами.

– Чтобы воззвать к ней, жрицы погружаются в транс. Мало к кому Богиня приходит в сны.

– Ты мне не веришь? – спрашивает осторожно.

– Как тебя зовут на самом деле? – ухожу я от ответа.

– Светлана. Можно просто Лана, – понимающе хмыкает «жена». Явно заметив мою недомолвку.

Нечасто мне доводилось общаться с действительно умными женщинами, которые при этом ещё и не пытаются прятать свой ум за общественными нормами. И должен признать, это... интересно. Порой ощутимо выбивает из колеи, но и интригует.

– Красивое имя. Светлое, – замечаю непринуждённо. – И в сокращённом варианте довольно похоже на «Анна». Видимо, ты поэтому так легко отзывалась на имя моей жены.

– Ты сейчас намекаешь на то, что я себя никак не выдала эмоциональной реакцией на имя?

– Ты знаешь, что я эмпат? – удивлённо вскидываю брови.

Помню, что намекал ей. Но она тогда, кажется, не догадалась.

Может, потом сопоставила?

Хм. Вполне возможно.

– Я, наверное, самая глупая ведьма, раз выдаю тебе все свои секреты. Но должна ещё кое в чём признаться, – словно насмехаясь

над самой собой, хмыкает... Лана. – Я могу видеть через иллюзии, если сильно захочу и сконцентрируюсь.

– Какие именно иллюзии ты имеешь в виду? – заинтересованно уточняю я.

– Те, которыми пользуются твои дочери. Я случайно слышала их разговор, когда они были уверены, что их никто не обнаружит. И, собственно, из этого разговора поняла, что они ощущают чужие эмоции. Вспомнила твой намёк, ну и сопоставила.

Это... впечатляет. Умение создавать иллюзии у моих дочерей, и у меня, является природным даром. Как и эмпатия. Они делают это интуитивно, на чистой силе. И с тех пор, как способности к иллюзиям проснулись, увидеть Эми и Кати, когда они того не хотят, до сегодняшнего дня не мог никто кроме меня и моей матери. Что сделало воспитание девочек целым испытанием для их нянь и гувернанток.

– Это очень полезное умение, – замечаю нейтрально. – А насчёт секретов... Кто бы не убил Анну, теперь он является угрозой для тебя. И поскольку именно мне предстоит обеспечивать твою безопасность, я предпочитаю знать, каких сюрпризов от тебя ещё можно ждать.

– Логично. Я подумаю над этим, – кивает. Молчит несколько секунд и вдруг с явным облегчением улыбается. – И всё-таки ты мне веришь

Верю. Да. Но отвечаю не только за себя. Поэтому одной лишь моей веры мало. Я обязан получить неопровержимые доказательства.

За размышлениями и разговором дорога к храму на центральной площади Эрсалины пролетела довольно быстро. Подъезжать к центральному воротам я, естественно не стал, сразу же направив коня в небольшую улочку, огибая территорию храма, обнесённую высоким каменным забором..

– Мы приехали, да? – поворачивает ко мне голову Анна-Лана. – Красивая у вас столица. Напоминает мне одну страну в моём родном мире. Испания, называется. Я не успела там побывать, но всегда хотела.

Улыбается грустно. Вздыхает едва слышно, опуская голову.

– Как ты умерла? – вырывается у меня вопрос.

– Случайно. Попала в «аварию», – снова пожимает плечами. На этот раз потерянно и незащитно. – Ехала со знакомым коллегой в

машине – это такой вид транспорта – и мы разбились из-за сильного снегопада и гололёда на дороге. На нас налетела другая машина, намного больше, да ещё с моей стороны. В общем... не знаю, как он, а я не выжила.

Её тон спокоен. Но по хрупкому телу проходит едва заметная нервная дрожь, и я отчётливо чувствую как тяжело ей даётся эта видимость спокойствия.

– Сожалею, – прижимаю девушку к себе крепче. Мысль о том, что ей пришлось перенести, отзывается внутри сочувствием и жалостью. И неожиданным желанием унять её боль, утешить и защитить от всех невзгод в этой новой для неё жизни.

– Да ладно. Жива ведь всё-таки, – хмыкает. – Пусть в чужом мире и в другом теле, но хоть так. Анну, правда, жалко. Девчонка ведь совсем была. Зря она тебе не доверилась.

Согласен. Зря.

А если бы Богиня не заметила душу этой дерзкой ведьмочки, если бы ей некуда было прийти... получается, она бы умерла? Ушла на перерождение?

В душе поднимается что-то весьма похожее на неприятие и протест.

Это... заставляет задуматься.

Остановив коня у неприметной калитки, притаившейся за цветущими акациями и соцветиями глицинии, занавесившими невысокий арочный проём, я спешиваюсь и помогаю спуститься на землю своей спутнице.

– Стой здесь, я коня привяжу, – велю тихо.

Кивнув, она вскидывает голову, во все глаза рассматривая возвышающуюся над нами громадину храма. Даже рот приоткрывает от эмоций. Любуясь. Забавная. В один момент смелая, до безобразия прагматичная и острая на язык, в другой печальная и исполненная тихой грусти, а в следующий непосредственная и восторженная, как ребёнок.

И соблазнительная до одури каждую секунду.

Она вызывает во мне слишком противоречивые чувства, рушит мой контроль и постоянно сбивает с толку, пробивая насквозь все мои эмоциональные щиты. Я никогда раньше таких не встречал, и понятия

не имею, что с ней такой делать, кроме самого очевидного, о чём настойчиво просит изголодавшееся тело.

Хмыкнув про себя, увожу Диаго в тень акаций, чтобы привязать поводья к узловатой ветке.

Что ж...

Даров Богини я не просил. Но буду глупцом, если упущу из рук ту, что мне так щедро вручили.

Всё-таки хорошо, что мы приехали сюда вдвоём.

Здесь в храме мы точно узнаем кем приходимся друг другу. Точнее убедимся, поскольку я почти уверен в том, что мы женаты, и этого не изменить.

Думаю, Лане будет полезно услышать ещё раз, кому она принадлежит.

А мне... Стоит уже признаться самому себе... я далеко не прочь окончательно убедиться в том, что она действительно моя жена волей Праматери. Та эгоистичная часть моей натуры, которой нет дела до угрызений совести, самокопаний и доводов рассудка, всё решила ещё там в спальне, когда я держал дерзкую ведьмочку в своих руках.

Я хочу эту женщину. И такая жена мне по вкусу.

Глава 30

Лана

Дверь нам открыла немолодая уже женщина в одеянии, немного напоминающем монашеское. Светлое простое платье и более-тёмный платок на голове. Увидев ночных визитёров, она, как ни странно, не задала ни одного вопроса. Лишь поклонилась почтительно и приглашающе повела рукой, предлагая нам с «мужем» войти.

Нырнув в арку, утопающую в цветах, мы оказываемся во внутреннем дворе храма, освещённом лишь парой фонарей.

Федерик молча за руку увлекает меня вслед за безмолвной жрицей, петляя по плиточным белым дорожкам, выложенным между пышных цветочных клумб.

Пение цикад, благоухающий пьянящими ароматами воздух, яркий серп месяца и россыпь звёзд в ночном небе над нами... И я иду, держась за руки с мужчиной, привлекательным до мурашек. Как тут не видеть романтики? Очень сложно её не видеть, если честно. И у меня совершенно не получается.

Понимаю, что у нас уж никак не свидание. А всё равно... как на свидании, себя и чувствую. Может, потому что сто лет уже на этих самых свиданиях не была. И вообще... в другой жизни и вселенной, если разобраться.

А ещё с каждым шагом я всё больше ощущаю, как что-то знакомое поднимается в душе. Так будто пришла в гости к кому-то близкому и родному. Чувствую, что нахожусь в нужном месте.

– Мать настоятельница ждала вас, ваше высочество. И с радостью встретится у архива, – тихо сообщает жрица, пропуская нас в здание храма через очередную арочную дверь, массивную и украшенную кованными узорами. – А вашу супругу я проведу в малый ритуальный зал к статуе Богини.

– Нет, – непрекаемо сообщает принц. – Мы с супругой вдвоём встретимся с настоятельницей. А потом я сам отведу её к статуе.

Угу, и посмотрит, как я с этой статуей общаться буду. Хитрый какой.

Жрица оглядывается на нас удивлённо. Хмурится, но возражать явно не решается.

– Как скажете, ваше высочество. Тогда прошу, идите за мной.

Шагая анфиладой погружённых в полумрак залов рука об руку с Федериком, я все отчётливей понимаю, что мне именно этот храм и снился. Не конкретно эти же помещения, конечно, а само здание.

Наши шаги отдаются в ночной тишине гулким эхом, которое стелется под высоченными утопающими во тьме сводчатыми потолками. И кажется, что там, как на небе, мерцают звёзды, пульсируя в такт с моим сердцебиением.

Интересно, как они такого потрясающего эффекта достигли? Магия? Иллюзии?

Сколько всего неизведанного мне ещё предстоит открыть для себя в этом мире. Не думала, что когда-либо снова смогу почувствовать себя восторженным подростком, перед которым вся жизнь впереди.

Помню, как-то подруга моя Маринка сетовала, что вот бы нам в наши восемнадцать да свои тридцатилетние мозги иметь. Я тогда посмеялась, в шутку заметив, что, конечно, многих старых ошибок бы не совершила, зато наверняка наделала бы новых.

Кто же знал, что мне предстоит проверить на себе, каково это.

Меня так увлекает и завораживает красота потолка, что я даже не сразу замечаю женщину в чёрном одеянии, похожем на мантию, ожидающую нас у одной из дверей. Но вскоре чувствую на себе заинтересованный взгляд и понимаю, что за мной наблюдают.

Опустив голову, встречаюсь со смеющимися лукавыми глазами. В свете магического светильника, горящего рядом на стене, они кажутся мне похожими на светлый янтарь, в котором застыли блики солнца.

– Приветствую, уважаемая матушка Инес, – здоровается Федерик.

– Добрый вечер, – вежливо киваю и я.

Не знаю почему, но эта пожилая женщина мне чем-то очень нравится. Чувствуется в ней... свет и тепло.

– И я вас приветствую, – ласково улыбается она. – Я так полагаю, ваше высочество, вы желаете посетить храмовый архив?

– И вы даже знаете, почему? – склоняет голову набок принц.

– Мне было предупреждение от Богини, что вы придёте. И велено помочь вам двоим, чем смогу, – благожелательно отвечает матушка Инес, дёрнув уголком рта в ироничной усмешке.

Хм. Кажется, тут сейчас сошлись два мастера увиливать от прямых ответов.

Интересно, зачем Федерику в архив? Там есть какие-то сведения о попаданках? Если так, то мне тоже весьма интересно.

Мой супруг многозначительно хмыкает, но больше ничего у настоятельницы не спрашивает. И она приглашает нас пройти в то самое помещение, у двери которого нас встретила. Мы минуем небольшой предбанник с низким потолком и странно-гудящими стенами. Заходим в ещё одну дверь, которая буквально светится странными узорами, похожими на сложное кружево. И, переступив порог, оказываемся в огромном зале, освещённом лишь четырьмя светильниками, расположенными по бокам у двери... И чем-то, светящимся на постаменте в центре помещения.

– Свиток в вашем распоряжении, ваше высочество, – отступает в сторону главная служительница Богини. А потом, пропустив нас вперёд, и вовсе выходит из архива, оставив одних.

– Пойдём... Анна, – тянет меня к этому самому постаменту Федерик.

– А что там? – спрашиваю шёпотом.

– Сейчас увидишь, – слышу невозмутимый ответ.

Оказывается, действительно свиток. Скрученный в трубочку и перевязанный алой лентой. А светится не он сам, а полупрозрачный купол над ним. Ещё и гудит, будто под напряжением. Наверняка шарахнет какой-нибудь защитной магией любого, кто попытается коснуться.

Но Федерик, отпустив мою ладонь, спокойно подходит к этой штуке и уже тянет руку к свитку...

– Это не опасно для тебя? – не выдерживаю я.

Он бросает на меня удивлённый взгляд, даже не думая останавливаться.

– Нет. Я по праву крови имею полное право прикасаться и читать этот документ. Но твоё беспокойство мне приятно, – усмехается «муж», как ни в чём не бывало засовывая руку в это светящееся нечто и беспрепятственно вынимая оттуда пергамент.

Потом с тем же уверенным спокойствием развязывает ленту и принимается разворачивать свиток. Проводит пальцем, читая в нём что-то.

На миг его брови хмуро сдвигаются, но почти сразу на губах появляется удовлетворённая усмешка.

– Ну что? Готова убедиться в том, кем мы друг для друга являемся? – интересуется у меня, многозначительно щурясь.

– А там это написано? – даже не пытаюсь скрыть своего удивления.

– Смотри сама, – и принц разворачивает свиток уже передо мной. – Руками лучше не трогай. Может сработать защитная магия.

Но это уже не важно. Глаза выхватывают среди ровных строчек его имя и быстро пробегают по тому, что написано в свитке о Федерике... и о его жене.

«... жена Анна Иллария Мораду Арганди умерла двадцать пятого числа месяца мая...

... жена Светлана Мораду Арганди, брак заключён двадцать пятого числа месяца мая»

– Что это? Откуда эти записи? – поднимаю я глаза на Федерика.

– Это магический свиток, дарованный Богиней нашему роду. Такие же есть у всех королевских семей, что служат магическими столпами нашего мира. И в нём отражаются все, кто принадлежит к роду Арганди. Как видишь, мне не обязательно взывать к Богине, чтобы знать её волю, – объясняет Федерик. – И чтобы убедиться в твоих словах. И прежде, чем ты пойдёшь задавать Праматери свои вопросы, хочу предупредить тебя, что браки в моей семье нерасторжимы. Ты моя жена, Лана, хочешь того, или нет.

– Это не я возмущалась, что мне новую жену навязали без ведома и согласия, – возражаю, сузив глаза.

– Не ты, – кивает Федерик, сворачивая обратно свиток. – Но, обдумав ситуацию, я пришёл к выводу, что ты... мне идеально подходишь. Мне нравится твой ум, интригует характер... И я с удовольствием сделаю тебе столько детей, сколько захочешь. Можем приступить даже сегодня, – улыбается он.

Ну надо же, какой энтузиазм.

Федерик кладёт свиток обратно и подступает ко мне, обнимая за талию.

– Поехали домой... Лана. Кстати, думаю, будет лучше тебе всё-таки зваться Анной. Не нужно никому знать, кто ты на самом деле.

– Хорошо, буду считать это альтернативным сокращением от моего имени. А что касается процесса создания детей... Извини, но придётся нам это дело немного отложить. Мне всё-таки очень нужно пообщаться с Богиней. Проводишь меня к её статуе?

Глава 31

– Даже так? – удивлённо тянет Федерик. – И что же ты хочешь спросить у неё?

– Не о разводе, – хмыкаю лукаво. – Поняла уже, что от мужа мне не избавиться.

– А ты хочешь? Избавиться? – притягивает к себе.

Ох ты какой шустрый. И всё-то ему скажи.

– Это от тебя зависит, – смотрю на него из-под ресниц. – У меня ведь тоже требования к мужу имеются.

Бог ты мой, я что, флиртую?

– М-м, и какие же они? – прищуривается Федерик. И взгляд такой напряжённый становится. Небось в меркантильности сейчас пытается меня заподозрить.

– Ничего особо сложного, ваше высочество, – пожимаю плечами. – Верность. Уважение. Надёжность. Честность в отношениях. Многое в вас мне уже нравится. То, что вы замечательный отец. И то, что не рубите с плеча, прежде чем принять решение. Так что... возможно, мы действительно подходим друг другу.

Хмурится удивлённо, склонив голову набок.

– Хм. Твои требования я вполне могу удовлетворить. Но мне странно, что ты ничего о любви не говоришь. Из твоих слов получается, что для тебя не особо важны общественное положение мужчины и его состояние, но неужто и любовь тебя не интересует? Ты скорее качества друга перечислила, чем мужа.

И смотрит на меня так, будто я что-то очень странное и весьма неожиданное для него сказала.

В принципе, может и сказала. Женщины, действительно, в большинстве своём хотят любви. Вот он, видимо, и удивляется, что я этого чувства не ищу в браке.

– Любовь... любовь делает женщину беззащитной, слепой и слабой, – качаю головой. – Заставляет хотеть несбыточного. Делает зависимой. А мужская так и вовсе обманчива и непостоянна. Тут он любит, а тут ты уже стала слишком обременительна и неудобна. Не знаю, какие отношения вас связывали с вашей первой женой. А я уже

была замужем по любви. И едва собрала себя по осколкам, когда он бросил меня в самый тяжёлый для меня час. Поэтому нет, любовь меня не особо интересует, ваше высочество. И требовать её я не вижу смысла.

Пару секунд Федерик буравит меня потяжелевшим взглядом, переваривая услышанное.

– Ты была замужем? – выдаёт наконец.

– Да. Была, – вскидываю подбородок.

И пусть только попробует меня этим упрекнуть. Сам-то два раза уже был женат.

– Мы с моим бывшим мужем развелись за два года до моей гибели, так что умерла я абсолютно свободной женщиной. Можете об этом не беспокоиться. Можно мы уже к статуе пойдём?

И опять этот читающий препарирующий взгляд, пробирающий до мурашек. Далась ему мои эмоции? Да, я далеко не самые приятные чувства сейчас испытываю, вспоминая бывшего и свой опыт супружеской жизни.

– Хорошо, идём, – кивает Федерик спустя пару минут задумчивого молчания. И опять берёт меня за руку.

За порогом архива нас снова встречает матушка Инес.

– Вы узнали то, что хотели, ваше высочество? – улыбается она принцу, пока я краем глаза наблюдаю, как оплетают светящиеся магические узоры закрывшуюся за нами дверь.

– Да, – уверенно кивает муж, притягивая меня ближе.

– Я слышала, вы желали лично отвести супругу в ритуальный зал. Но может, вы не будете возражать, если я составлю вам компанию? – интересуется жрица, окинув нас проницательным взглядом и особо задержавшись на соединённых руках.

– Нет, наоборот буду рад. У меня как раз к вам есть парочка очень важных просьб, – отвечает Федерик. – Раз уж Праматерь уполномочила вас помочь нам с супругой.

Настоятельница кивает удовлетворённо и дальше мы уже продолжаем путь втроём.

– И что же это за просьбы? – интересуется она, когда мы отходим на несколько метров от архива. Ещё и ведёт над головой пальцем, будто чертит что-то.

Нашу троицу тут же накрывает оглушительная тишина. Даже эхо шагов теперь не слышно, будто звуковая волна чем-то гасится.

– Не говорите моему отцу, что мы с... Анной здесь были. Я бы попросил вас вообще не показывать ему свиток, но понимаю, что у вас нет такого права. Поэтому попрошу лишь сообщить мне, ежели его величество вдруг им заинтересуется.

Матушка Инес задумчиво хмурится, смотря на Федерика искоса.

А меня мороз пробирает, когда я осознаю смысл им сказанного. Получается, король, который возможно, убил настоящую Анну, в любой момент может прийти сюда, как мы сейчас, и увидеть в свитке, кто я такая. Что в общем-то логично. Он же глава рода Арганди. Вот это засада.

– Хорошо. Эту просьбу я могу выполнить, ваше высочество, – согласно кивает главная жрица Праматери. – Что-то ещё?

– У меня появились сведения, что в Арганде снова возродился культ Тёмного Навия. Вам ли не знать, насколько опасны его последователи, матушка Инес. Мои люди уже занимаются расследованием этого дела, но я хотел бы попросить и вас о содействии. Если вам вдруг станет что-либо известно...

Лицо пожилой женщины мрачнеет с каждым его словом.

– Я обязательно сразу же поделюсь этой информацией с вами, – без сомнений произносит настоятельница. – Вы правы, ваше высочество. Если тёмные снова вышли из тени, нужно это немедленно пресечь. Нельзя позволить этому богомерзкому культу войти в полную силу. Наш мир однажды уже дорого заплатил за их игры с тёмными материями.

– Что вы имеете в виду? – тут же настораживается Федерик.

Да и я тоже уши наостряю, лишь краем сознания отметив, что мы сейчас идём той самой галереей, которую я видела во сне.

– Лишь то, что за всё приходится платить. За силу, полученную в обход законов мироздания особенно. Вот только платить порой приходится не только виновникам, – обтекаемо отвечает матушка Инес.

– А в храмовых архивах случайно не сохранилось никаких записей о том, что именно позволило последователям этого культа получить столько мощи? В чём состоит суть их кровавых ритуалов?

Как им удаётся наращивать свои резервы, выходя за собственные пределы? – напряжённо спрашивает Федерик.

– На этот вопрос я не могу сейчас ответить, ваше высочество. Не имею права, – со вздохом качает головой пожилая женщина. – Даже если бы такие записи велись, это не та информация, которой можно позволить свободно существовать. И уж тем более свободно передавать её другим. Слишком большим искушением она может стать для многих.

– Я понимаю, – роняет Федерик, мрачно сжимая губы.

А я вот ничего не понимаю. И мне хочется задать кучу вопросов. Это что, принцу, сейчас намекнули, что не уверены, не станет ли он свихнувшийся на силе злодеем, попирающим все законы?

Это что же такое жуткое эти тёмные воротили?

Хотя... если из-за них исчезли ведьмы... страшно даже представить.

Некоторое время мы шагаем молча, каждый думая о своём. И вокруг всё сгущается напряжение от этих мрачных дум.

– Вот мы и пришли, – остановившись у двери ритуального зала, поворачивается к нам мать настоятельница. Смотрит теперь уже на меня. – Может и у вас есть ко мне вопросы, ваше высочество?

Вообще-то есть. Хотя Федерик умудрился задать те, что и меня интересуют.

– Как мне... говорить с Богиней, чтобы она согласилась ответить и помочь? – спрашиваю я.

Инес склоняет голову набок. Шагает ко мне, будто над землёй парит. Заглядывает в глаза.

– Открой ей своё сердце, дитя, – произносит с материнской ласковой улыбкой. – Если она захочет ответить, в чаше, которую держит статуя, появится напиток, который нужно будет выпить. Хотя... возможно, он тебе и не понадобится, огненная, – жрица тянется к моему челу. – Ты и так отмечена её благословением. Иди и спрашивай.

Так просто... Посмотрим, что из этого получится. Удастся ли мне... Вдруг, моя спасительница считает, что уже достаточно подсказок мне дала?

Ритуальный зал встречает нас тишиной и покоем. И в полумраке, царящем вокруг, белая статуя Богини кажется настоящим средоточием

света.

– Я была здесь. В своём сне, – признаюсь немного отставшему позади Федерику, когда подхожу к царственно-прекрасной мраморной фигуре.

Матушка Инес с нами не пошла.

Замерев напротив Праматери, я наверное с минуту собираюсь с мыслями. Сейчас мне уже начинает казаться, что зря пришла. Она и так мне очень много дала. И, наверное, мне теперь нужно самой со всем разобраться, а не бежать каждый раз к Богине за советом.

Но раз пришла... не отступать же теперь?

– Приветствую тебя, Великая Праматерь, – произношу хрипло.

А в ответ нас внезапно обдувает порывом тёплого ветерка. Может, это просто сквозняк... Но нет, не просто. Почему-то я в этом уверена.

– Хм. Тебя явно услышали, – усмехается Федерик, подходя ближе и становясь рядом. Склоняет почтительно голову перед ликом своей Богини.

Ну что ж.

– Помоги мне, Богиня. Пожалуйста. Подскажи, где искать ответы на свои вопросы? – прошу я, смотря в светлое мраморное лицо. – Как мне научиться контролировать свой огонь, чтобы от него никто не пострадал? И как научиться защищать себя и своих детей от последователей этого жуткого культа?

Мои слова словно повисают в воздухе, звеня многоголосым эхом.

– Так много вопросов, – внезапно шепчет кто-то мне на ухо, заставляя испуганно подпрыгнуть.

Замечаю, как напрягается рядом Федерик, внимательно осматриваясь по сторонам. И тут же слышу ироничный смешок. Хотя рядом никого, кроме принца, нет.

– Вижу с мужем, вы уже пришли к согласию. А остальное... Ты можешь сама получить все ответы, – шелестит голос на другое ухо.

Вокруг меня словно маленький смерч поднимается, вздувая юбку пузырям.

– Ведьмы из твоего мира гораздо сильнее в ведовстве, чем были мои в Совванире, – проводит невидимая рука по моей щеке. – Ты можешь ведать прошлое, настоящее и будущее, как истинная ведьма. Стоит только захотеть и принять свой дар до конца. Отпустить свою силу.

– Я боюсь это делать. А если не справлюсь? Если причиню вред кому-то? – мотаю головой.

Я же каждый раз, когда у меня зудит какой-то вопрос, воспаляюсь, как факел. Как я могу себе такое позволить? Это же опасно! Вдруг из-за меня пострадает кто-то?

– Тогда ищи ответы в замке Мораду, – хмыкает Богиня. – Именно там жили последние огненные. Но тебе всё равно рано или поздно придётся принять себя, огненная. И чем раньше, тем лучше. Это и станет твоей собственной защитой.

Глава 32

Федерик, как оказалось, моего разговора с Богиней не слышал. Всё, что он видел, это как я застыла, неотрывно смотря на статую. И простояла так, по его словам, не меньше четверти часа, даже не шевелясь. Только ветер трепал мою одежду.

Пришлось на обратном пути к особняку пересказывать мужу всё, что я спрашивала, и что мне отвечала Богиня. Заодно и поведала, какие выводы успела сделать из прочитанного сегодня.

На это мне понадобилась всего лишь половина пути. Домой принц, несмотря на все свои намеки о срочном создании наследников, не сильно-то и спешил. Словно давал мне возможность насладиться тем самым свежим воздухом и самой поездкой.

Ночные улицы уже совсем опустели, и даже редкие прохожие не попадаются. Лишь кошки кое-где на заборах и крышах сидят, и патруль пару раз встречается. Но бравые вояки нас не замечают, невозмутимо шагая дальше.

– Мне нужно в этот замок Мораду. Не подскажешь, как туда попасть? – уже сонно бормочу я, закончив свой своеобразный доклад, и сама не замечаю, как прислоняюсь головой к его груди.

Прикрываю глаза, спасая от света уличного фонаря, под которым мы как раз проезжаем, да так и оставляю, потихоньку погружаясь в уютное состояние полудрёмы.

– Почему у меня такое чувство, что ты туда одна собралась? – спустя пару минут мрачно интересуется Федерик.

– Я пока не знаю, как мне быть в этой ситуации. Вот соберу информацию, что да как... Разведу дорогу... – тяну, пряча в ладонь зевок. – Но мне действительно очень нужно. Я не контролирую свою силу, могу дом спалить, девочкам навредить. С этим нужно что-то делать и немедленно...

– Можешь не тратить время. Никуда ты не поедешь... – слышу внезапно.

– Почему? – распахиваю я глаза, мгновенно просыпаясь.

– ...Одна не поедешь, – жёстко припечатывает принц. – Если нужно в этот старый склеп, поедем вдвоём. Но сначала мне нужно

решить все срочные дела в столице. Как только закончу, отвезу тебя с Эми и Кати в свой замок Анжерон. Там у меня есть мощный стационарный портал, перемещения которого никем не отслеживаются. Оттуда и отправимся. А насчёт самовозгораний... есть у меня идея, как тебе временно помочь.

– А-а-а... тебя не хватятся? Король не разозлится? Я, правда, не хочу добавлять тебе проблем, и так уже свалилась на голову по милости Богини. Теперь вот защищать меня приходится... неизвестно от кого. И уезжать из столицы. Может, я просто хорошо замаскируюсь, а ты мне выделишь кого-то в охрану?

Не хочется ему лишний раз напоминать о том, что именно короля мне и приходится считать главным подозреваемым в смерти Анны и соответственно главной угрозой для себя. Но невысказанные мною мысли всё равно будто в воздухе висят, звеня натянутыми струнами.

– Нет. И это обсуждению не подлежит. Ты поедешь со мной, – не терпящим возражений тоном выдаёт мне муж, весьма красноречиво напоминая, что я имею дело с принцем. Настоящим, обладающим реальной властью и ответственностью, привыкшим управлять и командовать, а не сказочно-прекрасным раздолбаем на белом коне.

Конь у моего принца, кстати, вороной, могучий и очень красивый. Диаго зовут.

Но суть не в этом. Мне дико непривычно, что кто-то вот так просто берёт и принимает за меня решения, снимает с моих плеч ответственность, говорит, что делать... Это сбивает с толку и возмущает. Особенно тем, что возмущаться в моей ситуации глупо.

Приходится признать, что вздыхать о настоящих сильных мужиках одно, а быть с таким, совсем другое. Я привыкла сама за себя отвечать, ни на кого не полагаясь. Привыкла тянуть все решения и всю ответственность на себе и действовать так, как сама считаю правильным, ни на кого не оглядываясь.

И как уживаться с таким вот экземпляром властной мужественности в глубоко-патриархальном обществе, пока не знаю.

– Отец утром спрашивал о тебе, когда вызывал меня к себе. Мне пришлось сказать, что ты в моём доме раненная и ничего не помнишь после случившегося, – неожиданно признаётся Федерик, заставив меня похолодеть внутри.

– Он... поверил? – спрашиваю тихо.

– У меня нет причин полагать иначе, – обтекаемо отвечает муж.

Что ж... я должна задать этот вопрос.

– То что сказала Иезенния... это может быть правдой?

Я бы не удивилась сейчас, если бы муж твёрдо ответил мне: «Нет». Всё-таки речь идёт об его отце. Скажи он так, меня бы это не убедило до конца, но хоть немного укрепило надежду на то, что Иезенния солгала. Но Федерик слишком долго молчит и слишком мрачно думает. Взвешивает. И это... пугает.

– Я не могу ответить с полной уверенностью, – роняет он наконец. Усмехается цинично: – Мой отец... слишком любит власть и силу. И мне сложно предположить, что бы он сделал, приди к нему кто-то с предложением получить всего этого больше с помощью тёмной магии. Поэтому... как не мерзко мне это признавать, да, такова вероятность существует.

Судорожно вздохнув, невольно прижимаюсь к нему сильнее. Словно за якорь держась. Иметь врагом короля, который в своей стране наверняка почти всемогущ... это жутко.

– И что теперь? Как мне... как нам быть? Прости, что спрашиваю... но если это, правда, у меня вообще есть шансы выжить? И что будет, если это он убил Анну, если он действительно в этой секте... культе то есть?

– Как быть... – хмыкает безжизненно Федерик. – Действовать по порядку. Сначала нужны доказательства. Без них у меня связаны руки, по крайней мере, в рамках закона. А дальше... я буду принимать решения по обстоятельствам. И да, помереть я тебе не дам. Уже говорил об этом и ещё раз повторяю для особо-недоверчивых. Ты под моей защитой, Анна.

Знает он, как будет действовать, на самом деле. Знает, что придётся идти против родного отца. Чувствую это. Не столько из-за меня, сколько из соображений чести и долга. Может, не желает признавать это сейчас, но знает. И это знание причиняет ему боль, в которой такой сильный и сдержанный мужчина вряд ли кому-то признается.

Поэтому я больше ничего не спрашиваю. Лишь, поддавшись порыву, обнимаю его крепче, изо всех сил пытаюсь поделиться своей поддержкой. Пусть мы пока мало знакомы и не особо близки, но странным образом уже не чужие друг другу. По крайней мере, он мне

не чужой. И мне уже не всё равно, что он чувствует. Просто... я могу представить, каково это. Когда предаёт тот, кто должен быть близким и родным, это больнее всего.

Федерик поначалу никак не реагирует. Но когда под мерное покачивание в седле опять начинаю клевать носом, мне кажется, я чувствую лёгкий поцелуй на макушке.

В особняк мы возвращаемся уже поздней ночью. У меня от усталости ноги заплетаются. И спать хочется немилосердно. Тело мне досталось довольно изнеженное, а ещё эта рана... И когда я третий раз подряд во дворе на ровном месте спотыкаюсь, муж не выдерживает и подхватывает меня на руки.

– Я и сама могу, – бормочу смущённо.

– Нос разбить? Не сомневаюсь, – фыркает его высочество, невозмутимо транспортируя меня дальше.

Он что, до самых покоев собирается меня нести? А не надорвётся?

Но вскоре меня начинают занимать другие вопросы. Вот сейчас мы придём... в спальню. Будучи официально женаты. Он явно продемонстрировал своё желание сделать наш брак полноценным во всех смыслах.

И вполне возможно уже сегодня захочет секса со мной...

И вот тут вопрос.

А я? Я хочу этого сегодня?

После бесконечно-долгого дня и всех потрясений... Чувствуя себя выжатой, как лимон... Не знаю даже. Устала я.

Особняк уже, как и город за его пределами, давно спит, не считая вышедшего нам навстречу Рэймандо. Может ещё охрана где-то тоже бодрствует.

Мужчины обмениваются короткими малопонятными фразами, смысл которых сводится к тому, что всё спокойно и чисто. И Федерик со мной на руках бесшумно направляется к центральной парадной лестнице на второй этаж.

До покоев он меня всё-таки доносит. И даже виду не подаёт, что его это хоть как-то напрягло. Возможно, из чистого мужского упрямства и желания покрасоваться, а может ему и действительно не тяжело. Тело у моего мужа мускулистое, будто литое, не как у

спортсмена из качалки, нет, скорее как у истинного воина, который тренировался всю сознательную жизнь.

И вот перед нами распахиваются двери спальни. Меня наконец ставят на ноги, придерживав за плечи, чтобы не свалилась. А затем принимается ловко расшнуровывать моё платье.

– Эй, я правда, сама могу, – вздыхаю возмущённо. – Тут шнуровка спереди.

– Да что ты говоришь? И как я не заметил? – слышу ироничный ответ. – А ещё ты можешь спать, стоя. Потрясающее умение.

Губы мужа подрагивают в едва заметной ухмылке. Забавляется... Красивый он. Мне нравится. Очень. Может... ну её эту усталость?

– Это полезное умение, – бормочу, неосознанно поглаживая его запястье. – Оно меня очень выручало, когда на работе случались тяжёлые смены.

– И что же это за работа... Хотя нет, не говори. Завтра расскажешь. Сейчас ты уже едва языком ворочаешь, – качает головой муж, спуская с моих плеч платье. – Давай, дальше сама. Я тебе ванну наберу, чтобы ополоснуться с дороги. А потом сразу спать.

И уходит.

Вот как? Спать? Надо бы, да.

Постояв пару секунд, покачиваясь, всё-таки снимаю платье. Зацепив по очереди задники туфель, сбрасываю и их. Потом длинную сорочку, оставшись в тонкой штучке на бретелях, похожей на короткий топ – кажется, это камисолью называется – в панталонах и белых чулках с завязками бантиками чуть выше колена.

Надо хотя бы халат найти. Но мне так лень копаться снова в гардеробе. Да и что он там не видел у меня? Всё почти видел... но далеко не всё трогал.

Представив, что ещё мог бы потрогать мой весьма привлекательный муж, которым я теперь имею полное право пользоваться, я даже просыпаюсь немного, чувствуя, как отступает усталость. И на её место приходит приятное тянущее тепло внизу живота.

Я так давно никого не хотела, что сейчас реально не вижу причин себе отказывать.

Сама вешаться на него, конечно, не буду. Но вряд ли это понадобится. Уж очень красноречиво супруг мой на меня реагирует.

Прямо как я на него. Даже интересно, естественная это химия между нами, или кое-кто божественный так за размножение ведьм в Совванире радуется.

Хмыкаю, забавляясь с собственных догадок, и иду в ванную так. Говорят, мужчинам нравится, когда женщина в чулках. Вот и проверим. Я, стыдно признаться, в своей прошлой жизни чулки ни разу не надевала. Даже тогда, когда мы с Артёмом только начинали встречаться. Мне казалось это непрактичным и неудобным. А теперь вот никуда не деться, придётся привыкать.

– Ванна готова. Тебе помочь? – не глядя на меня спрашивает Федерик, перекрывая воду.

Выравнивается, оборачивается ко мне... и застывает, жадно рассматривая. Буквально пожирая глазами и просвечивающую через камисоль грудь, и ноги в чулках, и всё остальное...

– Помоги, – киваю согласно, чувствуя, как напрягаются ещё больше соски под тонким батистом. Выдавая меня с головой, если ему вдруг моих эмоций не хватает.

Ну да. Я пришла сдаваться.

Глаза Федерика мгновенно зажигаются хищным огнём, а тело напрягается, как перед прыжком.

Ох, кажется, я кого-то не на шутку раздразила.

Глава 33

Муж наступает медленно и по-хищному плавно, словно позволяя мне всё взвесить и одуматься. И вместе с тем так неотвратно, что даже сомнений не возникает в том, как далеко мне позволят убежать. Максимум до кровати.

Но бежать я не собираюсь. Наоборот. Закусив губу, наблюдаю за ним из-под ресниц. И понимаю, что бесстыдно теку уже только от этого тёмного многообещающего взгляда.

Шершавые ладони ложатся мне на талию, обжигая обнажённую кожу. И неспешно скользят вверх, комкая камисоль. Тонкая ткань собирается на груди, поднимая ту немного... а потом отпускает упругие полушария.

Утром он уже видел меня полностью голой. Но тогда это воспринималось как-то совсем по-другому. Почти обезличенно. Да, мне было приятно, но... Тогда он трогал только мою телесную оболочку. Да ещё ту, к которой я сама толком не привыкла.

А сейчас... есть этот взгляд, этот жар и голод, исходящие от мужчины рядом, взаимное притяжение и тонкие нити взаимной симпатии, протянувшиеся между нами. И теперь даже самое невесомое прикосновение отзывается во мне где-то глубоко внутри, звеня незнакомыми струнами. Заставляя дрожать... и ждать... и желать.

Камисоль невесомо падает на пол, а мы застываем друг напротив друга. Широкая ладонь мужа накрывает мою правую грудь, ласково сжимая, оглушая этим первым интимным соприкосновением. Дыхание учащается, пересушивая губы. Так тут не облизать их, сознательно привлекая мужское внимание? Хочу поцелуя. Хочу ощутить вкус его губ.

Федерику просьб не требуется. Он и так всё чувствует. Сильная рука обвивает мою талию. Рывок, и я прижата к его телу. В живот упирается весьма внушительное доказательство моей привлекательности. А губ касается горячее дыхание.

– С огнём играешь, ведьмочка, – ласкает он мой слух чувственной хрипотцой в бархатном голосе. Трогает мои губы своими, неспешно,

знакомясь. – Я ведь не стану держаться на расстоянии. Моя будешь. Полностью.

– А ты? Будешь мой? – отстранившись, смотрю ему в глаза. – Я не шутила насчёт любовниц.

– Да-да, я помню. Ты брезгуешь тем, что пихается куда не попадая, – хмыкает Федерик, поглаживая мою поясницу. Проникает пальцами под краешек панталон, заставляя толпы мурашек бежать по моему телу. И одновременно с этим сжимает тугую вишенку соска, перекачивая и посылая в мою кровь разряд острого удовольствия. – Магический брак завязывает желания супругов друг на друга. Это не делает измену невозможной, но превращает её в занятие лишённое всякого вкуса и удовольствия. А ещё я предпочитаю иметь отношения только с одной женщиной. С последней любовницей расстался в тот день, когда попросил руки Анны. Такой ответ тебя удовлетворяет, собственница моя рассудительная?

– Вполне, – улыбаюсь довольно, прикрывая потяжелевшие веки, и решительно преодолеваю те пару миллиметров расстояния, что нас разделяют. Прижимаюсь к его чувственным губам в быстром жарком поцелуе. И прежде чем муж успевает перехватить инициативу, решительно отстраняюсь. – Позволишь помыться сначала?

Он на миг застывает удивлённо, а потом широкие плечи начинают трястись в едва сдерживаемом смехе. Федерик прижимается своим лбом к моему, качая головой.

– Ты невозможна. Когда я до тебя доберусь, ведьмочка бессовестная, будешь молить меня о пощаде. Иди мойся, только недолго. Я сейчас вернусь.

И запечатлев на моих губах многообещающий поцелуй, уходит из комнаты.

Присаживаясь на бортик ванны, чтобы снять чулки и панталоны, осознаю, что улыбаюсь так широко и блаженно, как не улыбалась уже много лет. А может и никогда. И даже опасения за свою жизнь сейчас не омрачают моего настроения. Это всё потом, а сейчас мне хорошо и, возможно, скоро станет ещё лучше.

Погрузившись в тёплую душистую воду, с наслаждением откидываюсь на бортик ванны, полностью расслабляясь. Недолго, так недолго. Но пару минут спокойного умиротворения я могу себе позволить, разве нет?

Вот только глаза сами собой слипаются. И скоро я ловлю себя на том, что начинаю выпадать из реальности, погружаясь в сон. Хорошо что хоть не в воду. Надо бы собраться и помыться... но в тепле и неге усталость опять берёт своё, наваливаясь неподъёмным грузом, мягкими путами сонливости опутывая моё сознание. Я ещё пару раз пытаюсь разлепить пудовые веки, напоминая себе, что спать в ванне вредно и вообще опасно, но проигрываю эту битву с собственным пока ещё не изученным организмом, засыпая окончательно.

Сквозь сон, кажется, ещё слышу настойчивый голос Федерика, его раздосадованный смешок. Мне ещё снится, что я лечу, а потом бархатная тьма поглощает меня без остатка.

Просыпаюсь уже утром. И сперва мне кажется, что лежу на печке. Которая при этом ещё и мерно вздымается. И стучит под ухом.

Сонно вздохнув, отворачиваюсь от солнечного света и невольно сжимаю свою большую и удобную подушку руками. И тут же на мою попу опускается что-то тяжёлое. Что-то очень похожее на увесистую ладонь, которая тут же принимается жамкать моё левое полулопие. А потом ещё одна лапища обхватывает талию. И меня неожиданно смещают ниже, прижимая промежностью к горячему и твёрдому... Ох, осознание, к чему именно сейчас прижимаюсь, будит меня окончательно, заставляя удивлённо распахнуть глаза.

Я опять забралась ночью на Федерика. И он, кажется, проснулся. Отдельными частями тела так точно.

И мы обнажены... Чёрт, я уснула в ванной. Раздразнила, возбудила... и уснула. Некрасиво получилось.

Поднимаю осторожно голову и натываюсь на пылающий и слегка насмешливый взгляд голубых глаз.

– Доброе утро, жена.

– Доброе, – шепчу хрипло.

– Сегодня ты ведь всё помнишь? – нарочито строго хмурится принц.

– Да-а-а, наверное, – тяну неуверенно, пока не понимая, к чему он клонит.

– То, что ты мне жена, а я тебе муж, помнишь? – сужает он глаза.

– Да.

– И как провоцировала меня вчера, дразня своими прелестями и смелыми речами?

– Помню, – признаюсь, краснея виновато. – Прости...

– Это хорошо, что помнишь, – хищно ухмыляется муж.

И я почти мгновенно оказываюсь на спине с разведёнными ногами, прижатая к кровати его огромным телом. А мои руки вздёрнуты вверх к изголовью, и скованы невидимыми путами.

– Теперь никуда от меня не денешься, ведьмочка несносная, – почти плотоядно рычит Федерик. И сминает мои губы жёстким требовательным поцелуем.

Глава 34

Когда-то я считала, что не люблю секс по утрам, потому что спросонья не могу достаточно завестись, чтобы получить хоть какое-то удовольствие.

Видимо как-то не так я утренним сексом занималась. Или со мной не так занимались...

Сейчас такие глупости мне даже в голову не приходят. Кажется, я готова кончить уже от одного этого крышесносного поцелуя. От пылкого танца наших языков, в котором неоспоримо ведёт Федерик. От столкновения наших губ, в котором я с удовольствием проигрываю. От собственной беспомощности, неожиданно такой волнующей...

От ощущения его тяжести на мне и жара гладкой кожи, от этого взаимного голода... И от этих рук... О да-а-а! Они сводят меня с ума. Они, кажется, везде. Трогают, гладят, сжимают и ласкают. Оставляя огненные дорожки на коже.

Мне до безумия хочется тоже трогать, тоже касаться его. Но как не дёргаю запястья, освободиться не получается.

– Пожалуйста... отпусти... – выдыхаю, закатывая глаза, когда Федерик, оставив губы, прижимается ртом к моему горлу.

Ведёт языком по сверхчувствительной коже, срывая с моих губ прерывистый стон. Прихватывает губами, зубами. И бёдра сами подаются вверх. Приглашающе раскрываясь.

А-а-а-а, ну что же ты делаешь? В кошку блудливую меня превращаешь.

– Отпустить, говоришь? – рычит тихо, сжимая мои бёдра и вжимаясь своей эрекцией мне между ног. Искры из глаз вышибая этим скольжением. Дразнится, бессовестный. И продолжает находить на моей шее самые эрогенные точки. – Ты хочешь, чтобы я тебя отпустил?

Совсем с ума сошёл? Покусаю, если только посмеет. И файерболы научусь бросать, если кто-то осмелится нам помешать.

Новое жестокое в своей недостаточности движение его бёдер, и дыхание снова перехватывает. Из груди рвётся жалкое хныканье.

– Руки... касаться тебя... хочу-у-у-у...

– Ах руки... Руки отпущу. Но позже, – улыбаётся хищно, смещаясь немного ниже. Целует теперь уже мою грудь, нежно прикусывая и посасывая соски. Будто смакует. Каждой болезненно-сладкой лаской подпитывая пылающее в моей крови безудержное пламя.

Чувствую, как мужская ладонь накрывает лобок, а пальцы уверенно раздвигают мокрые складочки половых губ. Гладят вокруг клитора, доводя до исступления. Снова дразня и возбуждая до предела. Заставляя со всхлипами подаваться навстречу каждому движению. Жестокий.

– Хочешь меня, ведьмочка? – поднимает голову и заглядывает в глаза. Продавливает вход мягкими толчками пальцев.

– Да-а-а, – всхлипываю, двигаясь навстречу этой невыносимой ласке, пытаюсь насадиться, хоть как-то унять нестерпимый голод. – Возьми уже!

В ответ слышу довольный смех.

И пальцы всё-таки проникают внутрь, срывая с моих губ протяжный стон. Раз, второй. Почти доводя до оргазма. И оставляя на грани. Точно покусую.

– Такая отзывчивая. Невероятная, – урчит Федерик, снова накрывая меня собой. Обхватывает ладонью затылок. Смотрит в глаза так жадно, будто пьёт мои эмоции. А может действительно пьёт... Пусть. Мне не жалко.

И я наконец чувствую, как к промежности прижимается гладкая горячая головка, неотвратимо раздвигая тугие мышцы. Растягивая до предела. О боже. Наконец-то.

Да. Да. Вот так.

Всё во мне замирает натянутой звенящей струной...

Ничто не сравнится с этим ошеломляющим ощущением первого слияния двух тел. Когда оживают все нервные окончания там, где мы соединены. Когда тесно, жарко и влажно, и даже немного больно. Когда немного страшновато от той власти, которую над тобой имеет твой мужчина. И сладко одновременно. А инстинкты требуют и бежать, и раскрыться больше, принять глубже.

В тот момент, когда Федерик входит в меня до конца, я тону в его пылающих глазах точно так же, как в собственном почти животном

наслаждении. Выгибаюсь дугой, с гортанным вскриком, чувствуя себя так, будто сейчас разлечусь на тысячу мелких осколков.

То ли это моё новое тело настолько чувствительно, то ли дело в партнёре, но мне никогда не было так хорошо, как сейчас. Уже от одного лишь ощущения такой правильной наполненности. От первых плавных толчков внутри.

Мне не хватает лишь одного – возможности держаться за того, на ком сейчас сосредоточены все мои чувства.

– Пожалуйста. Освободи, – дёргаю я скованные запястья.

– Ну если дама так просит, – усмехается муж. Напряжённый. Будто из стали вылит. Сдерживается ведь.

Опираясь на левую руку, правой тянется к изголовью. Проводит по моим запястьям, словно снимая что-то, и я наконец-то получаю свободу.

Со вздохом облегчения хватаюсь за широкие плечи. И как раз вовремя.

– Держись, сладкая, – хрипло велит мне прямо в губы.

Целует жарко и глубоко, проталкивая язык в рот. Снова захватывает затылок, фиксируя. Проводит другой рукой по моему телу до бедра, обхватывает его жёстко, отводя в сторону. И начинает двигаться. Буквально вколачиваться в моё тело.

Сначала неспешно и с оттяжкой, позволяя мне прочувствовать всё в мельчайших деталях. Жадно выпивая мои стоны и вскрики. Продолжая целовать так, что я чувствую себя всецело наполненной, принадлежащей ему без остатка.

Все мысли окончательно улетучиваются из головы. Остаётся лишь чувственное безумие. Эти толчки и ощущение его силы. Лишь чистая стихия наслаждения, жидким пламенем омывающего меня изнутри.

Федерик всё больше наращивает темп, отпуская себя, теряя контроль. Разжигает бушующий между нами огонь всё сильнее, пока тот полностью не поглощает меня, наполнив каждую клеточку невыразимо острым удовольствием.

Оргазм накрывает нещадной волной. Я захлёбываюсь в тонком крике, судорожно вздрагивая ей в такт, извиваясь под Федериком, как безумная. Каждый удар его члена внутри теперь, как по обнажённым нервам рывок. Почти невыносимо. Кажется, мои руки снова горят. И я горю. Царапаюсь и оплетаю его гибкой лозой.

Чтобы взорваться снова с последним толчком. Упиваясь победным мужским рыком и дрожью мощного тела надо мной.

Боже, как же хорошо. Меня нет. Я растаяла... точнее сгорела. Чтобы возродиться, как феникс.

Блаженно жмурясь, обнимаю придавившего меня к кровати мужа. Мы сейчас даже дышим в унисон. И сердца грохочут рядом.

– Хорошо, что я перед сном наложил на кровать противопожарные заклинания, – бормочет Федерик, целуя моё плечо. Перекатывается набок, подгребая меня к себе.

Эм, что?

Открыв один глаз, я с опаской осматриваю наше брачное ложе. Ну-у-у, оно не загорелось. Но это явно не моя заслуга. Балдахин цел, деревянные столбики и изголовье, насколько я могу судить, тоже. Но мы лежим на белом нетронутым огнём островке посреди обгоревших простыней.

Чёрт. Одни убытки от меня.

– Я тебя не обожгла? – спрашиваю с тревогой. И на мужа смотрю уже во все глаза. На первый взгляд он вроде бы цел и невредим, не считая царапин на плечах и спине, но мало ли.

– Нет. Мне было определённо горячо. Но твой огонь меня странным образом не обжигал. Возможно из-за нашей брачной связи. – Федерик поднимает голову и с усмешкой смотрит на меня в ответ. Поднимает руку к лицу, нежно гладя по щеке. – Ты очень пылкая и страстная женщина, ведьмочка моя. Гореть с тобой вместе было для меня огромным наслаждением.

Глава 35

Утро, которое началось, как самая сладкая эротическая мечта, плавно перетекло в новый насыщенный событиями день.

На обгоревшей кровати уже никак было не поваляться, так что пришлось нам обоим вставать.

Федерик, пока я была в ванной, быстро оделся, окончательно разрушив тем самым все мои представления о принцах – камердинера у него, кажется, нет – и куда-то ушёл.

Вернулся, когда я уже оделась в новое домашнее платье, нежно-голубое в синий цветочек. С помощью Бригитты. Платья, оставшиеся мне от Анны, посложнее будут, чем его костюмы.

Велев горничной оставить нас, мой супруг неожиданно достал из кармана деревянную прямоугольную шкатулку и торжественно протянул мне.

– Это что? – несказанно удивилась я, осторожно открывая крышечку. На чёрном бархате лежали парные браслеты. Искусно переплетённые золотые язычки пламени с рубиновыми вкраплениями. Изящно и невероятно изысканно. – Спасибо. Это потрясающе красиво... но зачем? Если из-за того, что между нами утром произошло...

Я замялась, чувствуя себя крайне неловко. Никогда мне не доводилось принимать такие дорогие и роскошные подарки. Чего не умею, того не умею. Не баловали меня подарками, да. И мне не очень приятно думать, что он, возможно, так расплачивается со мной за секс. С одной стороны мы, конечно, вроде как женаты. А с другой – по-прежнему мало знаем друг друга... и я же не поэтому с ним была.

Федерика мои сомнения явно удивили. Нахмурившись, он пальцем поднял мой подбородок, заставив посмотреть на него.

– Анна, ты моя жена. Жена кронпринца Арганды. И я буду время от времени дарить тебе подарки, в том числе и драгоценности. По поводу и без. С этим есть какие-то проблемы? – поинтересовался почти строго.

– Нет, наверное. Просто я не хочу, чтобы ты думал, будто я с тобой сплю из-за таких вот подарков, или других материальных благ, –

пробурчала я, прекрасно понимая, как это, наверное, глупо звучит.

– А если я сейчас скажу, что это парные артефакты, которые помогут тебе сдерживать стихию огня под контролем, ты решишь, что я дарю их тебе только из опасения, что ты дом спалишь? – иронично вскинул он брови.

– Так это артефакты? Ну-у-у, такой полезный подарок я могу принять без проблем, – под его пристальным взглядом я невольно ещё сильнее смутилась. Слишком уж задумчивым стало лицо мужа. Опять ведь читал меня. И мне остаётся только гадать, что он понял из моих сумбурных эмоций.

Но хоть дальше тему развивать не стал, и на том спасибо. Предложил помощь с активацией браслетов, застегнул их у меня на запястьях, показал что к чему, кратко объяснив, как они работают. И предупредил, что поскольку сила у меня ведьминская, а браслеты больше рассчитаны на стихийных магов, то всё же мне лучше сильно не нервничать. По крайней мере, когда его дома нет. Ну или звать Рэймандо, в крайнем случае.

На этот раз позавтракать со мной и девочками Федерику никто не помешал. Правда, сильно задерживаться с нами за столом он всё равно не стал. Объявил, что, возможно, уже завтра мы все отправимся в Анжерон, велел девочкам собирать вещи и готовиться к поездке, предупредил меня, что ближе к обеду явится мэтр Селестино, а после обеда ко мне всё-таки допустят модистку, быстро поел и отправился решать свои срочные и важные дела, чтобы освободиться к этой самой поездке.

И вот я осталась наедине с потрясёнными Эми и Кати, которые теперь настороженно смотрят на меня.

– Расскажите мне об этом замке? Вы же были там? – улыбаюсь я девочкам, откладывая вилку. Есть больше не хочется. А вот закрепить вчерашний прогресс в общении с падчерицами точно не мешает.

– Там могила нашей мамы, – мгновенно ощетинившись, Эми резко поднимается из-за стола. Со скрипом отодвигает стул...

И убегает, чуть ли не дверью хлопнув. Даже сестру с собой не позвав

Вот тебе и приехали. Вот и поговорили. Мог бы и предупредить меня... Хотя, когда бы он это сделал?

Ох, сколько ещё подводных камней всплывёт в моей новой семейной жизни.

Вздыхнув, я смотрю на вторую близняшку, тоже хмурю и расстроенную. Вряд ли той новостью, что они едут в края, где похоронена их мать. Скорее их зацепило за живое то, что туда еду и я.

– Извини, Кати. Я не знала об этом, и не хотела вас расстроить, – произношу я осторожно, наблюдая за девочкой.

И ведь даже понятия не имею, что говорить сейчас. О первой жене Федерика мне вообще ничего не известно. Не знаю, когда она умерла, сколько девочкам тогда было, помнят ли они её. Не было у меня пока что возможности разузнать обо всём этом. И ни у кого кроме Федерика об таком и не спросишь. А его до позднего вечера, наверное, не будет.

– Я не расстроена, – мотает головой Каталина, хмуро гоняя по тарелке половинку вареного перепелиного яйца. – Мне нравится Анжерон. Там красиво. Море. Мамин сад.

Ага, не расстроена она. Я, конечно, не эмпат, но не слепая же.

Так, ладно... Мамин сад пока точно не трогаем. Можно и на другие темы поговорить.

– Море? Это же замечательно! Тёплое? – округляю я глаза.

– Да-а-а, а что? – удивлённо вскидывает на меня взгляд девочка.

– Ничего такого. Просто я очень люблю купаться и плавать, но у меня давно не было такой возможности, – улыбаюсь мечтательно.

– Купаться? В море? – приходит черёд Кати округлять глаза.

– Неужели ты никогда этого не пробовала? – заговорщически понизив голос, я подаюсь ближе к ней, немного пригнувшись к столу.

– Нет. Я плавать не умею. И Эми тоже. Нам нельзя. Мы принцессы рода Арганди. И должны соответствовать своему происхождению, – сообщает мне семилетняя девочка, старательно произнося явно заученную фразу.

– Это папа вам так сказал? – вскидываю удивлённо брови.

– Нет, данна Грэссия.

– А данна Грэссия это ваша гувернантка?

– Была раньше. Папа её уволил и нанял данну Элисию.

Ага. Значит, эта Грэссия вполне могла и ошибаться в методах воспитания юных принцесс.

Нужно с Федериком эту тему обсудить. В числе прочего. Пора уже список вопросов к мужу составлять. И разбивать их по темам и степени важности.

Чую, мне и самой гувернантка не помешает, а то я ведь понятия не имею, что должны знать и уметь принцессы. Ни взрослые, ни маленькие. А мне ещё и принцев, скорее всего, придётся со временем воспитывать.

Надо с этой данной Элисией знакомиться.

– Поня-а-атно. Что ж, думаю, с этим вопросом нам поможет разобраться только настоящий принц рода Арганди. Мы у вашего папы спросим, можно вам купаться или нет, – подмигиваю я падчерице.

Глава 36

– Рад вам сообщить, что вы полностью здоровы, ваше высочество, – лучезарно улыбаясь, выдаёт мэтр Селестино, отпуская мою руку. – Даже ваш магический резерв практически не пострадал. Но, кажется, у вас возникли проблемы с контролем силы. Она ощущается странно-нестабильной и хаотичной. Как я вижу, ваш супруг уже позаботился об этом?

Он указывает глазами на браслеты, оплетающие мои запястья.

– Да, с контролем некоторые временные проблемы имеются, – неопределённо пожимаю я плечами, не собираясь углубляться в детали.

– Может, вам тогда успокоительные капли прописать? – задумчиво поджимает губы пожилой лекарь.

Ага, щас. Мало ли что там в этих ваших каплях. В истории земной медицины всяких сомнительных «успокоительных» пилюль, препаратов и процедур было более, чем достаточно. Одна лоботомия только чего стоит. А как «чудно» успокаивала, загляденье.

– Нет, благодарю, – улыбаюсь целителю, садясь на диванчике, куда он попросил меня прилечь для обследования. – Уверю вас, я абсолютно спокойна.

– Да? – он окидывает меня удивлённым и недоверчивым взглядом. Но, видимо, всё-таки не находит в моём внешнем облике никаких следов волнения, и в конце концов удовлетворённо кивает. – Так это же замечательно. – Хлопает себя руками по коленям. – Что ж, тогда... думаю, мне пора откланяться. Рад, что смог быть вам полезным...

Я поспешно хватаю его за морщинистую руку.

– Постойте. Мэтр Тино, не выпьете ли со мной чашечку чая? Мне столько всего хочется у вас расспросить, я столько всего не знаю и не помню.

Я бросаю взгляд на застывшую у двери Бригитту, и та утвердительно кивает, подтверждая что в гостиной уже всё готово. Сегодня никто даже не пытается мне препятствовать в передвижениях по дому.

Даже наоборот. После того, как Каталина позавтракала и ушла к себе, сославшись на утренние занятия, ко мне в столовую заглянул дан Рэймандо и спросил, не проводить ли меня в библиотеку, как я вчера просила. Пришлось признать, что книг мне в покои доставили более чем достаточно. Но в отместку попросила показать мне первый этаж и где можно принять гостя.

Ну а что? Я же ничего «не помню». Вряд ли Федерик кого-либо посвятил в нашу общую теперь тайну.

Дан Рэймандо моей просьбе удивился, но краткую экскурсию провёл. Так я и заприметила, где можно будет посидеть пообщаться с пожилым спасителем принцесс.

– Чай? – вскидывает кустистые брови лекарь. – Ну если вы приглашаете, ваше высочество, то я, конечно же, с удовольствием. Как я могу отказать столь прелестной девушке? Позвольте помочь.

Поднявшись со своего кресла, он молодецки распрямляет плечи и галантно предлагает мне локоть. Само собой, я с улыбкой принимаю помощь уважаемого мэтра.

И вскоре мы уже спускаемся на первый этаж, где в одной из уютных гостиных, выходящей панорамными окнами на роскошный сад, нас ждёт сервированный для чаепития столик. А за нами следом невозмутимо шагают те же охранники, что вчера меня стерегли. Алонсо и Васко, кажется.

– Это очень печально, что с вами такая беда приключилась, ваше высочество. Но разве не замечательно, что в результате ваши с принцем Федериком отношения наладились, – задумчиво выдаёт мэтр Селестино, когда мы усаживаемся в изысканные плетённые кресла у окна, а я наливаю в чашки ароматного чая.

Поднимаю удивлённо глаза и встречаюсь с его чуточку рассеянным взглядом. Тино улыбается грустно.

– Не удивляйтесь, дитя. Все в столице знают, что после свадьбы вы жили отдельно друг от друга. Зато сейчас воосоединились, как и положено новобрачным. И это не может не радовать моё старое сердце. Его высочество всегда был добрым и благородным мальчиком. И ему очень тяжело приходилось в детстве и юности. Двор короля Гельмута не место для светлых душ. Вот и вам довелось в этом убедиться.

Поставив чайничек обратно, я осторожно придвигаю к мэтру его чашку. И серебряными щипчиками кладу на блюдечко посыпанное пудрой пирожное.

Приглашая старого лекаря на чаепитие, я сама не была уверена до конца, что именно буду у него спрашивать. Ведь многое действительно гораздо безопасней узнать у Федерика. Но теперь тему и выбирать не нужно. Мэтр Тино по своему обыкновению выдаёт ту информацию, которая ему в голову приходит. И зацепил как раз те моменты, на которые я не прочь узнать взгляд со стороны.

– Вы долго служили при дворе? – интересуюсь, сохраняя маску спокойствия.

– Да. Лучшие годы своей жизни на это положил. Сначала одному королю, потом второму, – с ностальгией усмехается мэтр. – Я стал одним из придворных лекарей ещё тогда, когда король Гельмут был только кронпринцем. Конечно, при покойном Рэнардо Арганди мне долго проработать не довелось. Ему уже тогда было на добрых два десятка больше сотни и старость брала своё, как наша братия не старалась.

Просто огромнейшим усилием воли мне удаётся не выдать своего удивления и удержать челюсть на месте.

Больше ста двадцати и старость только начала брать своё? Неплохие такие гены Федерику достались от деда. А может не только от него. Вполне логично предположить, что магические методы лечения в этом мире и жизнь его жителей делают долгие. А может ещё и этот пресловутый магический резерв играет роль.

– Мне очень неловко не помнить таких вещей, – осторожно подбирая слова, начинаю я. – Скажите, мэтр, а сколько его величеству сейчас?

– О, он ещё не особо стар. Всего семьдесят девять, – как ни в чём не бывало отвечает мне лекарь, на возраст которого я теперь начинаю смотреть по-новому. А ему-то самому сколько? – Да и здоровьем боги не обидели. Жаль, что о нашей доброй королеве я такого не могу сказать.

На этих словах мэтр Селестино мрачнеет, опуская взгляд. Замечает свой чай и принимается рассеянно его помешивать.

Та-а-ак, а со свекровью моей что? Ох и не нравится мне выражение лица у моего собеседника.

– Её величество болеет? – спрашиваю участливо.

– Не то чтобы, – хмуро морщится мэтр Тино. Бросает на меня внимательный и неожиданно цепкий взгляд, потом смотрит на дверь, проверяя... снова на меня. Подаётся ближе: – Я не имею права вдаваться в подробности семейной жизни их величеств, милое дитя. Но мой вам совет, старайтесь держаться от короля как можно дальше. Не всякая женская хрупкая психика сумеет уцелеть... в близком общении с его величеством. Он очень тяжёлый человек. И жестокий.

Его слова гранитными плитами падают, придавливая плечи. Пусть, пожилой лекарь и не поведал никаких подробностей, но они и так угадываются. Все эти намёки на здоровье королевы и жестокость короля... Домашнее насилие оно и в другом мире, и в королевской семье остаётся домашним насилием.

Да и Федерик своего отца не спешил защищать от обвинений Иезеннии. Наоборот признал, что тот способен на многое ради власти и силы. И что-то не заметила я в своём муже большой сыновьей любви. Встречаться с королём мне теперь ещё больше не хочется. Но чую, рано или поздно придётся. И хорошо бы было, чтобы я к тому времени уже освоилась со своей силой и могла за себя постоять.

– Простите, что встревожил вас, ваше высочество, – покаянно хмурит брови мэтр Тино. – И не волнуйтесь понапрасну. Ваш супруг уже очень давно живёт собственным умом, по собственным понятиям чести и морали, и за это его очень любит и уважает народ Арганды. Так что вряд ли вам доведётся много общаться и видеться со свёкром. А уж наедине... не думаю, что его высочество такое допустит, хорошо зная своего отца. Уж вас-то, свою законную супругу, точно сумеет от него уберечь, если вы это позволите, конечно.

Глава 37

Слова мэтра не шли у меня из головы весь остаток дня.

И хоть я старалась сильно не концентрироваться на том, что означали все эти его недосказанности, пыталась не докапываться внутренне до истины, но всё равно периодически ловила себя на том, что ладони жжет, а внутри начинает полыхать пламя... Ведьма должна ведать, так ведь сказала Богиня?

Должна-то должна. Но не тогда, когда это угрожает пожаром. Научусь с собой справляться, тогда и буду смотреть дальше и глубже. Ну или хотя бы в таком месте буду это делать, где никому не смогу навредить. В воде, например. Морской. Чем не выход?

Слава богу, браслеты со своей задачей справились, и я, к моему огромнейшему облегчению, за день так ни разу и не воспламенилась. Ни когда стояла столбом, выдерживая снятие мерок, ни тогда, когда мерила многочисленные готовые наряды, которые мне принесла модистка, исходя из размера предоставленного ей Бригиттой – и когда только успела? – домашнего платья. Ни потом, когда долго выбирала фасоны новых нарядов, слушая, что сейчас модно носить в высшем обществе Арганды и как можно незаметно избавиться от корсетов, а сама мысленно всё равно то и дело возвращалась к мужу и его предполагаемым детским травмам.

Мне несложно представить, каким он был ребёнком. Я понимаю, что люди с возрастом меняются. Но некоторые вещи остаются неизменными. Наверняка Федерик всегда очень трепетно и с любовью относился к матери. И считал своим долгом защищать её от тирана отца. Это просто видно. Он даже на мою защиту стал без сомнений и колебаний. Как истинный рыцарь. Как тот, кто привык быть защитником и опорой.

Вот только вряд ли в детстве ему хватало сил противостоять жестокому отцу. И можно только гадать, что ему довелось пережить мальчишкой, если я правильно поняла намёки старого лекаря.

К тому же неизвестно, как король к собственному сыну относился. Есть подозрения, что отцом он был таким же «хорошим», как мужем.

Может, поэтому Федерик предпочитает жить в собственном особняке, а не в королевском дворце?

Объект моих тяжких дум к ужину так и не вернулся, передав через Рэймандо послание, что будет поздно, и его не нужно ждать.

Девочки тоже отказались спускаться, как мне сообщила Бригитта, когда явилась звать к столу. Они, мол, устали и хотят лечь пораньше перед завтрашним днём. Помнится, в детстве я тоже старалась побыстрее лечь спать перед каким-то важным событием, чтобы это событие быстрее наступило. Мне осталось лишь понадеяться, что желание Кати и Эми действительно вызвано предвкушением поездки, и это не уловка, чтобы со мной лишний раз не видеться.

– Они поужинали у себя? – всё же уточнила я. – Надеюсь, не сидят голодные, лишь бы не спускаться?

– Нет, что вы. На кухне мне сказали, что юные хозяйки уже забегали поесть пару часов назад, – был мне ответ. – Девочки часто так делают, когда его высочества нет дома. Их прежняя гувернантка данна Грэссия очень старалась отучить принцесс от этой пагубной, как она считала, привычки. Но хозяин сказал, что не видит ничего плохого в том, что его дочери едят в тёплой компании преданных людей, а не в одиночестве, когда его нет рядом.

Что-то мне подсказывает, такой подход к воспитанию далеко не самый распространённый в аристократических кругах Арганды. Всё-таки девчонкам несказанно повезло с отцом.

Поужинала я всё-таки одна.

А потом попросила Бригитту отвести меня к комнатам падчериц.

Понимаю, что вряд ли мне обрадуются. Но проверить их должна. Вдруг они не спать легли, а какую-то шалость опять затевают. Или наоборот нервничают перед нашей общей поездкой и не могут уснуть. Целый день ведь на глаза не показывались.

Однако, когда я подхожу сначала к комнате Каталины и тихонько приоткрываю дверь, то вижу, что девочка уже действительно спит. Притом с непогашенным светом и в обнимку с чем-то весьма напоминающим альбом. Видимо рисовала перед сном, да так и уснула.

Жестом попросив Бригитту подождать в коридоре, тихонько проскальзываю в комнату и подхожу к кровати. Осторожно перекладываю одну руку Кати на одеяло, потом вторую, вытащив из запачканных пальчиков кусочек сангины. Поднимаю альбом, упавший

ей на лицо, стараясь не разбудить кроху. И закрываю, поборов желание посмотреть. Пусть она маленькая, но это всё-таки её личное. Захочет, сама покажет.

Положив всё на прикроватный столик, поправляю сползшее на пол одеяло. Да так и застываю, со щемящим сердцем любуюсь крохой. Какая же она милая. Маленькая красавица.

Не в силах сдержаться, склоняюсь и целую тёмно-русую макушку. Густые ресницы на нежных щёчках чуть вздрагивают, но девочка продолжает спать.

Сладких снов, моя радость.

Приглушив свет прикроватного светильника – благо уже научилась вчера, наблюдая за Бригиттой – так же тихо выхожу и осторожно закрываю за собой дверь. И иду к соседней комнате.

Эмелин, кажется, уже тоже легла. Даже свет погасила. Но когда я бесшумно открываю дверь, мне чудится какое-то шевеление на кровати, которое буквально мгновенно стихает.

Спит? Или притворяется?

Буду считать, что спит. Оставив дверь немного приоткрытой, чтобы было хоть что-то видно, подхожу теперь к своей более колючей и упрямой падчерице.

И ведь точно не спит. Дыхание выдаёт. И слишком цепко ухватившись за одеяло пальчики. Но упрямо притворяется. Ёжик мой милый. Вся такая колючая снаружи, а внутри наверняка нежная и ранимая. Нуждающаяся в любви.

Я уже их люблю. Они уже мои.

Улыбнувшись своим мыслям, присаживаюсь рядом с ней на кровать. Глажу по голове, убираю с лица прядку волос за ухо. Девочка даже дышать забывает.

– Сладких снов, моя хорошая, – шепчу, склоняясь. И тоже целую в макушку, буквально чувствуя, как стучит взволнованно маленькое сердечко.

После чего тихо встаю и, подоткнув одеяло, выхожу из спальни. Сделав вид, что ничего не заметила.

– Спят, маленькие, – улыбаюсь ожидающей меня Бригитте. – Пожалуй, и я пойду. Проведёшь обратно?

Дорогу я, кажется, запомнила, но на все сто процентов в этом не уверена, а плутать длинными коридорами огромного особняка мне на

ночь глядя совершенно не хочется.

В нашей с Федериком спальне меня встречает полумрак и тишина. Запах гари уже давно выветрился – подозреваю тут не обошлось без магии. А обгоревшее постельное на кровати горничные ещё утром заменили на свежее.

Раздевшись с помощью Бригитты, и сходяв в ванную, ложусь наконец спать. Мысли тут же снова устремляются к мужу. Но на этот раз я думаю не о его родителях, короле и королеве, и не о тайнах его прошлого.

Я думаю о том, что мне очень интересно, каково это засыпать рядом с Федериком. Каково это лежать с ним в обнимку после секса, переводя дыхание, и погружаться в сон. Или тихо разговаривать перед сном обо всём на свете. А то до сих пор как-то так получалось, что рядом с мужем я только просыпалась. Точнее – на мужа. Даже спящую он меня притягивает, как магнит. Не знаю даже, хорошо это, или плохо.

Впрочем, я совсем не против и завтрашнее утро встретить так же, как сегодняшнее. И так же хорошо начать новый день своей новой жизни.

Глава 38

Моё тело плавится горячим воском в умелых мужских руках. Они трогают и ласкают везде, пробуждая искрящиеся ручейки пламени под кожей. Спину обжигает множеством поцелуев, от сведённых лопаток к пояснице и ещё ниже.

Возмущённо застонав, я пытаюсь ускользнуть, когда расшалившийся... муж кусает за ягодицу, но он со смехом меня перехватывает, возвращая обратно и накрывая собой. Отводит волосы, скрутив их в жгут. Целует теперь уже мои плечи, шею сзади... ритмично прижимается, толкаясь своей эрекцией между ягодиц. И мои бёдра сами расходятся, позволяя мужскому телу вклиниться между ними. Ещё и приподнимаются, прижимаясь ближе.

– Просыпайся, сладкая, – бархатно зовёт Федерик между поцелуями. Подхватывает меня под живот, поднимая и ставя в удобную для себя позу.

Умелые пальцы по-хозяйски уверенно разводят половые губы, распределяя влагу. Обводят в настойчивой ласке клитор. Толкаются внутрь. Раз, второй... готовя. И почти сразу я чувствую, как ко входу прижимается кое-что значительно больше.

– М-гм, – бормочу сонно, комкая простыню, когда он одним плавным толчком проникает в меня на всю длину. – А-а-а-ах, – срывается губ гортанный стон, а я прогибаюсь в пояснице, приподнимая бёдра ещё выше чтобы получить больше удовольствия... больше этой сладкой распирающей наполненности... больше его внутри.

– Доброе утро, жена, – улыбается мой личный принц, делая первый толчок. Я чувствую эту его улыбку кожей, слышу в интонациях.

– Доброе, – мурлычу, повернув голову. Обхватив одной ладонью мою грудь, а второй шею с подбородком, он ловит мои губы в жарком властном поцелуе, клеймя и порабощая, утверждая свои права.

Так сладко и хорошо.

И я отдаюсь на волю тому чувственному безумию, которое он творит со мной. Его рукам, резким глубоким толчкам, большому телу,

которое обтекает меня со всех сторон, движется на мне и во мне. И собственному возбуждению, которое разгорается всё сильнее, превращаясь в нестерпимо острое наслаждение.

Так правильно и закономерно.

– Мне нравится, что ты ждала меня, – урчит удовлетворённо Федерик чуть позже, когда мы уже немного отдышавшись лежим в обнимку в разворошенной но уцелевшей на этот раз постели.

– С чего ты взял, что я тебя ждала? – фыркаю лениво. Щурюсь от удовольствия, когда мужская ладонь нежно скользит по моей спине. – Я спала, как младенец.

– М-м-м. И сорочку поэтому не надевала? – вторая лапища красноречиво сминает мою ягодицу.

Подловил. Но это не значит, что я признаюсь ему в том, что действительно ждала.

– А я вообще голышом предпочитаю спать, – пожимаю плечами, лукаво улыбаясь. Преувеличиваю, конечно, но и длиннющие закрытые сорочки не люблю, некомфортно мне в них.

– Это хорошо. Я тоже предпочитаю, чтобы ты спала голышом, – со всей серьёзностью уведомляет меня супруг. Правда, достаточно поднять на него взгляд, чтобы заметить смешинки, пляшущие в глазах.

– Вот даже не сомневалась. Согласна, если и сама взамен смогу любоваться голым мужем, – мурлычу, водя пальчиком по его груди. Вот что с женским организмом крышесносный утренний секс делает, да ещё с хорошими оплодотворительными перспективами. Не помню я уже, когда столько флиртвала с кем-то, как за последние пару дней. И когда кто-то вызывал во мне одновременно столько желаний. И дразнить, и трогать... и узнавать ближе.

Ох, гормоны. Кажется, у меня норадреналина передоз.

– Только любоваться? – вскидывает Федерик брови. А в глазах уже откровенный огонь пылает. И в живот мне красноречиво упирается снова готовое в бой мужское достоинство.

М-м-м, какой резвый. Вот только мой организм уже и о других потребностях напоминает, так что продолжение придётся отложить.

Но как его не поддразнить? Это же такой кайф, оказывается. Видеть, как весь такой большой, сдержанный и сильный теряет контроль от желания. Знать, что я тому причиной.

Подаюсь к мужу ближе, так что лица наши оказываются совсем близко. А моя ладонь словно сама собой опускается всё ниже и ниже, оглаживая столь восхитительные на ощупь и на вид кубики, завлекательный треугольник косых мышц, ведущий к паху, и наконец обхватывает твёрдый ствол. Который тут же приветственно приподнимается и твердеет ещё больше.

– Нет, не только. Пользоваться голым мужем я тоже буду с удовольствием, – сообщаю вкрадчиво, оглаживая столь внушительное богатство. Запечатлеваю на губах опешившего мужа шаловливый поцелуй и облизываюсь по-кошачьи.

Чтобы уже в следующий миг со смехом вывернуться из его объятий и, скатившись с кровати, убежать в ванную, под низкое раздосадованное рычание. Прямо так. Гольшом.

В том, что расплата нагрянет, я ни капли не сомневаюсь. И даже предвкушаю. Зря что ли дразнила?

Он приходит тогда, когда я уже собираюсь перешагнуть бортик ванны, деликатно дав мне время на другие нужды. Но на этом вся его деликатность заканчивается. Бесцеремонно обхватив меня за талию и поставив в воду, Федерик тут же присоединяется ко мне сам. Разворачивает к себе лицом, жадно сминая губы, целуя так глубоко, порочно и сладко, что у меня ноги подкашиваются.

– Несносная... Дерзкая... Сладкая... хочу тебя постоянно, – хрипло рычит мне в губы. Снова целует. И я не уступаю ни на йоту, лаская его с неменьшей страстью, прижимаясь и потираясь, снова оплетая его руками и ногами.

Как мы оказываемся целующимися и сидящими лицом к лицу в ванной, я даже не замечая. И даже не могу с полной уверенностью сказать – он меня на себя насадил, или я сама в чувственном угаре насадилась на каменно-твёрдый член, желая как можно скорее почувствовать его внутри. Скорее всего это было нашим совместным действием, как и то безумство, что творилось дальше.

Из ванной комнаты мы выбрались ещё не скоро. Точнее меня вынесли. Ноги слегка не ходили. И голова слегка не думала.

Наверное, слуги в доме вздохнут с облегчением, когда мы уедем в этот Анжерон. Не придётся больше ликвидировать последствия хозяйской личной жизни.

Теперь среди наших общих с мужем достижений числится не только пожар, но и потоп.

А дальше события начали развиваться с невероятной скоростью. Получив свою законную дозу супружеского интима, муж развил бурную деятельность, поставив весь дом на уши. Оказывается, он-таки успел завершить все свои срочные дела, требующие его присутствия в столице, и мы отбываем сразу же после завтрака.

И пока я приходила в себя и одевалась в новое дорожное платье, наблюдая, как горничные под неусыпным контролем Бригитты оперативно доупаковывают мои вещи – утром от модистки прибыла значительная часть заказанных мною обновок – так же организованно и слаженно были завершены все остальные приготовления к поездке.

Моя горничная с удовольствием доложила мне, что вещи девочек и хозяйина, сложенные и упакованные ещё вчера, уже благополучно погрузили в багажное отделение дорожной кареты, вслед за ними отправились и мои. Она, как моя личная служанка, тоже уже полностью готова. От Бригитты я также узнала, что с нами также едет данна Элисия, гувернантка принцесс, а так же дан Рэймандо и целый отряд его лучших боевиков – так в этом мире называют профессиональных боевых магов, как я поняла.

Вроде бы всё хорошо и продуманно, но... Что-то насторожило и царапнуло меня во всём этом. Из слов Бригитты получалось, что отправляемся в путь мы чуть ли не целым кортежем. Открыто. Ещё и Федерик наверняка был вынужден доложить королю, что уезжает из столицы. Скорее всего, сказал и о том, что меня увозит.

Может, и не король виноват в смерти моей предшественницы. Может, тот другой... его собеседник, которого тоже слышала и видела Анна. Но где гарантии, что от монарха о наших планах не узнает убийца, кем бы он ни был? Да и за домом вполне могут следить.

Безопасно ли это, вот так открыто покидать особняк? Не попытаются ли меня достать по дороге? А с нами ведь девочки будут...

Об этом я и спрашиваю у мужа сразу после завтрака. Воодушевлённые скорым отъездом близняшки, которые всё утро странно на меня поглядывали, уже убежали за своими шляпками, и мы остались за столом вдвоём.

– Да, ты права. Король действительно знает, что я тебя увожу в Анжерон, – кивает Федерик, поднимаясь и подавая мне руку, чтобы помочь встать. – Я официально объявил, что моей супруге сильно нездоровится после покушения, и ей нужен отдых и покой, чтобы восстановиться. И за особняком скорее всего действительно следят, так что наш отъезд не останется незамеченным.

– Но... но как же тогда?.. – растерянно бормочу, пытаюсь понять, чем всё это может быть чревато.

– Очень просто, бдительная моя, – разглаживает морщинку у меня на переносице муж. – Пока все будут следить за кортежем с багажом и слугами, который, не таясь, поедет к стационарному городскому порталу под охраной Рэймандо и его людей, мы с тобой и девочками тайком отправимся другим путём и другим порталом. Частным. Перенесёмся из столицы сразу на место. Так тебе будет спокойней?

– Да, гораздо, – с облегчением улыбаюсь я. – А сам замок? Если о нашем месте пребывания будет всем известно...

– Анжерон стоит на острове, Анна, – криво усмехается Федерик. – При наличии сильных магов в гарнизоне, он превращается в неприступную крепость, все подступы к которой полностью контролируются. Так что да, там безопасно. И для тебя, и для девочек, – смотрит твёрдо и уверенно в глаза. – Успокойся и доверься мне. Я знаю, что делать.

И, обняв сконфуженную меня за талию, увлекает из столовой.

– Пойдём, пора отправляться.

Глава 39

После слов Федерика о другом пути и другом портале я, честно говоря, думала, что мы вчетвером поедem куда-то после отправления основного кортежа. Возможно в другой карете, как-то магически замаскированной, под охраной. Строила предположения, как это всё будет происходить, где этот тайный портал может находиться...

Но реальность превосходит все мои ожидания.

Когда мы выходим в вестибюль, оказывается, что там нас уже ожидает Рэймандо с подозрительно объёмной охапкой какой-то одежды в руках, привычные уже мне охранники Алонсо и Васко, и дворецкий Сэрджио.

Со второго этажа как раз спускаются девочки в кокетливых соломенных шляпках, очень подходящих к их голубым платьям, подходят к нам, и мой муж бросает выразительный взгляд на своего главного безопасника.

– Всё готово, ваше высочество. Все заняли свои места, ждут только вас, – тут же докладывает Рэймандо, странно усмехнувшись.

– Замечательно, – кивает Федерик и, отпустив меня, выходит вперёд. – Приступим.

А дальше я наблюдаю самое поразительное зрелище, которое мне в жизни доводилось видеть. Вперёд выходит Васко и молча берёт у Рэймандо... две мягкие тряпичные куклы в детский рост, одетые в детские плащи. Мужчина встряхивает их, распрямляя, и разводит в стороны руки, удерживая эти чучела за довольно жёсткие на вид плечи – палки там вставлены что ли? К нему тут же шагает Сэрджио, поправляя на тряпичных головах капюшоны.

Оторопело глянув на Федерика, я вижу, что он сосредоточенно, не мигая, смотрит на боевика с этими куклами и плетёт что-то в руках перед собой.

Что сейчас вообще происходит?

Как-то это жутковато всё выглядит.

Снова сморю на Васко... и у меня глаза на лоб лезут. Вместо охранника я внезапно вижу... самого Федерика. А куклы в его руках постепенно меняют очертания, и вскоре моему потрясённому взору

предстаёт муж уже в компании обеих близняшек. Причём оригиналы по-прежнему стоят рядом со мной и даже хихикают, обсуждая шёпотом то, как выглядят их двойники.

Как только иллюзия обретает чёткий вид, оригинал принца сдувает на эту фальшивую троицу тонкую, полупрозрачную и светящуюся вязь заклинания. Та вздымается над головой замаскированного Васко и плавно оседает, накрывая и боевика и обеих кукол, выглядящих, как Эмелин и Каталина в длинных, скрывающих фигуры плащах.

Удовлетворённо кивнув, Федерик переводит свой взгляд на Рэймандо. Тот без лишних указаний демонстрирует ещё одно чучело. На этот раз большего размера. Ростом со взрослого человека. И процедура повторяется. С той лишь разницей, что на своего безопасника муж никакую иллюзию не набрасывает. А куклу превращает уже в моего двойника, застывшего со спокойным умиротворённым выражением лица.

– Всё готово. Можете идти. Вы знаете, что делать, – мрачно произносит Федерик, как только на тряпичной мне оседает второе заклинание.

И вся эта наполовину иллюзорная компания отправляется к выходу, а Серджио невозмутимо открывает перед ними дверь.

Провожая глазами мужчин и плывущие, аки лебеди, женскую и детские фигуры в плащах и с пышными, подметающими пол юбками, под которыми не видно неподвижных ног, я кое-как собираю мысли в кучу.

Ну подумаешь... увидела тряпичную себя. И девочек... Жутковато, но зато как интересно.

А с другой стороны, это ведь шикарный способ сбить всех со следа, а ещё... шикарный способ ловли на живца. Все ведь увидят, как в карету садятся жена и дочери принца Федерика. И слуги. И наблюдатели со шпионами. Конечно, вблизи обман раскусить можно. Слишком мало движений, хоть я подозреваю, что Рэймандо и Васко как-то и эту проблему решат. Безопасник принца тоже неплохо умеет с иллюзиями обращаться, насколько я помню.

Обернувшись к нам, Федерик бросает на меня чуточку ироничный взгляд, а потом смотрит на дочерей.

– Эми, Кати, справитесь сами? – вскидывает бровь.

– Конечно, папа, – тут же с готовностью отвечает Эми. И спустя пару секунд они обе прямо у меня на глазах растворяются в воздухе.

Моргнув, я ошарашенно смотрю на то место, где они только что стояли. Не сразу даже замечаю, как заинтересованно наблюдает за мной муж. Проверяет он меня, что ли?

И ведь видела уже издалека, что девочки так умеют, а всё равно осознать сложно. Вот только что они стояли здесь, и вот уже исчезли. Не привычная я всё ещё ко всем этим магическим штучкам. А привыкать надо. И уметь находить двух проказниц, доставшихся мне в дочки, тоже нужно.

Сосредоточившись, тянусь сознанием к падчерицам, пытаюсь определить, где они. Раньше ведь получалось. Они тут, я чувствую. Просто... спрятались под очередным своим невидимым щитом. И, кажется, отошли немного в сторону. Прислушиваясь к себе, сужаю глаза, и перед моим мысленным взором проявляется картинка показывающей язык Эмелин и прыскающей смехом Каталины. Обе они какие-то полупрозрачные, но вполне различимы.

– Я всё вижу, Эми, солнышко, – усмехаюсь лукаво. И неожиданно даже для самой себя показываю проказнице язык.

Та округляет изумлённо глаза, и бросает на улыбающуюся сестру досадливый взгляд.

– А ты не верила, – шепчет Кати. – Я же говорила, что ведьма она самая настоящая, а не понарошку.

– Готова? – внезапно обнимает меня за талию Федерик, незаметно оказавшийся рядом.

– К чему? – опасливо уточняю я, повернув к нему голову. И что это он так удовлетворённо выглядит? Рад, что я действительно могу девчонок обнаружить?

– Как? Ты уже забыла? Мы в Анжерон отправляемся, жена. Идём, – он берёт меня за руку. И я внезапно ощущаю, как нас обоих накрывает пелена, похожая на ту, что я уже наблюдала во время душевного разговора с девочками в коридоре. Кажется, мы с мужем теперь тоже невидимые.

Зато дочки стали для меня более различимы. Кати и Эми, получив разрешающий кивок отца, разворачиваются и, держась за руки, устремляются прочь из вестибюля. А Федерик увлекает меня за след за ними.

– А куда мы идём? – спрашиваю шёпотом, когда мы вчетвером оказываемся в примыкающем к вестибюлю коридоре.

– Увидишь, – улыбается муж загадочно.

И мне не остаётся ничего, кроме как молча следовать за ними тремя. Позади остаётся один коридор, потом ещё один, в который мы свернули. Нам по пути встречается парочка горничных, но они нас, конечно же, не замечают. А потом девочки останавливаются возле какой-то неприметной двери, будто прозрачной плёнкой затянутой. Мы с Федериком тоже подходим к ней. И муж, не отпуская моей ладони, свободной рукой чертит на дверном полотне какие-то замысловатые символы, после чего прикладывает к центру ладонь. Тихо щёлкает замок. И дверь открывается, являя нам темную лестницу, спускающуюся куда-то в непроглядный мрак.

Девочки смело заходят первые. И, спустившись на несколько ступенек, замирают ожидая нас.

Сочетание темноты и закрытого пространства я очень не люблю. Не до фобии, но всё же... мне в таких местах некомфортно. Вот и сейчас, переступив порог и став возле девочек, я чувствую себя весьма неуютно. Особенно, когда Федерик погружает всё во тьму, закрыв за нами дверь, и принимается чертить на ней какие-то светящиеся линии.

– Почему вам страшно? – спрашивает тихо Кати, и я чувствую её взгляд. Не только её. Кажется, они обе сейчас на меня внимательно смотрят.

Хочется отрицательно покачать головой и уверить, что со мной всё в порядке. Но я вовремя прикусываю язык. Поймут ведь, что обман. Не самый лучший способ добиться доверия.

– Когда-то в детстве мне довелось долгое время просидеть в темноте в маленьком закрытом чулане. И с тех пор я немного боюсь темноты, – признаюсь девочкам.

– А кто вас там закрыл? – удивляется Эми.

– Другие дети. Девочки постарше. Мы повздорили из-за того, что я не захотела делать, как мне велели. И они вот так вот решили меня проучить. Запихнули в чулан и закрыли, – рассказываю, наблюдая, как вспыхивают и гаснут последние заклинания на двери.

– И как вы выбрались? – это опять Эми. Впервые за время нашего знакомства она не ершится и разговаривает со мной без своей обычной неприязни. Как тут не сделать шаг навстречу?

Вот только я мало что могу рассказать.

– Услышала неподалёку шаги и позвала на помощь, – сообщаю обтекаемо. Не рассказывать же им о том, как я несколько часов орала в том чулане и плакала, а никто не слышал. Да и уточнить, что меня нашла уборщица, и всё это происходило в детдоме, я тоже никак не могу. Для девочек я, пускай и сирота, но Анна, аристократка в чёрт знает каком поколении, выросшая в собственном родовом замке.

– Эта лестница нестрашная. Мы тут не раз ходили. Папа уже запечатал дверь и можно сделать вот так, – авторитетно заявляет Эмелин, и в её ладошках зажигается светлячок, освещая всё вокруг золотистым сетом.

Каталина следует примеру сестры, и светлячков становится два. Красиво.

– Спасибо, девочки, – улыбаюсь им благодарно.

И с любопытством поворачиваюсь к Федерику. Он тоже зажжёт?

Муж, удивлённо вскидывает бровь.

– Тебе нужно ещё больше света? – интересуется с усмешкой. И в его большой ладони появляется сразу целая пригоршня огоньков, которые он тут же подбрасывает в воздух. И те, роём закружив вокруг нас, поднимаются вверх, ярко освещая всё вокруг.

Так мы и продолжаем путь. Девочки со светлячками впереди. Мы с Федериком позади.

– Так куда мы идём? – не выдержав, снова интересуюсь я.

– В Анжерон, – хмыкает муж.

Издевается, бессовестный. Ладно, пусть молчит.

Вздохнув, я всё своё внимание сосредотачиваю на ступеньках. И вскоре они приводят нас к ещё одной двери. Тут всё повторяется. Муж опять что-то чертит, открывая, пропускает нас с огоньками вперёд и закрывает дверь обратно.

И пока он ею занимается, я с интересом осматриваюсь, пытаюсь понять, куда меня привели.

Мы находимся в небольшом круглом помещении. Выложенные камнем стены, каменный пол... и в центре арка. Каменная.

– Что это? – подхожу я к этому странному сооружению.

– Как что? Портал, – как маленькой, снисходительно сообщает мне Эмелин.

Портал? Так вот он каков? Но если тут в особняке имеется свой отдельный, то зачем мы куда-то ещё отправляемся?

– Этот портал узконаправленный и завязанный на одну единственную точку, Анжерон. Больше никуда им перенестись нельзя, – словно прочитав мои мысли, объясняет Федерик, приближаясь к нам. – Но зато работающий переход нельзя засечь, даже надеясь в особняке. А у меня всегда есть возможность увести семью из столицы в случае опасности. Об этом портале знает очень узкий круг людей. И так должно оставаться и дальше, как ты понимаешь. Я тебе позже дам допуск и научу пользоваться.

Это чего же так опасается принц Арганды, если предусмотрел в собственном особняке настолько секретный путь для экстренной эвакуации?

А ведь... король тоже не знает об этом портале.

Это чёткое и уверенное осознание приходит ко мне, когда я наблюдаю, как муж подходит к арке и прижимает ладони к её опорам.

– Идите сюда, – велит Федерик, когда арочный проём внезапно идёт мутной рябью и затягивается белесой пеленой.

Девочки тут же подбегают к нему. Я тоже подхожу, с опаской поглядывая на этот магический пространственный переход.

– Ждите здесь, – приказывает муж. И ныряет в эту муть.

Проходит не меньше пяти минут, прежде чем он возвращается, вынырнув обратно.

– Девочки, – жестом подзывает дочерей.

И те, держась за руки, дружно шагают к portalу. Миг, и они обе исчезают в мареве перехода.

– Анна, – смотрит на меня, протягивая руку.

Сделав глубокий вдох, я хватаюсь за его ладонь и позволяю провести меня через арку. Задерживаю дыхание и даже зажмуриваюсь невольно, шагая в пелену, но ничего кроме лёгкого головокружения не чувствую.

– Уже всё. Открывай глаза, трусишка, – обнимает меня сзади Федерик.

Посмотрела бы я на него, окажись он в моём мире.

В лицо неожиданно бьёт сильный порыв ветра с солёным бризом. Лёгкие наполняются морским воздухом. Распахиваю глаза, убирая

волосы с лица. Да так и замираю, забыв дышать от открывшегося мне великолепия.

Глава 40

Кажется, мы стоим на смотровой площадке какой-то башни. Позади возвышается арка портала, по периметру зубчатый парапет, слева в каменном полу открытый люк...

А передо мной слепяще-синее небо и бескрайняя морская гладь.

И никого кроме нас на площадке.

– А где девочки? – с тревогой оглядываюсь на Федерика, развернувшись в его руках. Он даже не думал меня отпускать.

– Их увела Норин, экономка. Я её позвал. Мы давно не были здесь, в замке уже все соскучились по Эми и Кати, и очень ждали нашего прибытия, – прижав меня к себе, муж поднимает руку и неожиданно проводит кончиками пальцев по моему лицу, убирает прядь волос, брошенную ветром мне в глаза. – Не беспокойся, с ними всё в порядке.

Ну да. Конечно же, он всё продумал и позаботился. Как и о безопасном способе добраться сюда. А я вот, получается, постоянно подвергаю сомнению его предусмотрительность. А теперь ещё и ответственность. Нехорошо как-то выглядит. Будто без меня он не знает, что делать.

– Извини. Тебе, наверное, кажется глупым моё беспокойство, – бормочу, рассматривая серебряную пуговицу на его камзоле. Не выдержав, поддеваю её пальцем, пробуя на ощупь. – Не думай, пожалуйста, что я считаю тебя невнимательным отцом. Или, что не верю в твою способность защитить и обезопасить свою семью. Просто... я привыкла всё контролировать... нести ответственность, и понимать, что происходит. А тут... я слишком много не понимаю и не знаю. Вот и нервничаю. И задаю вопросы.

– Не нужно извиняться. Твоё беспокойство и забота о девочках не могут казаться мне глупыми, – дёргает уголком губ Федерик. – И вопросы ты правильные задаешь. Но как-нибудь я обязательно расспрошу, какой была твоя прежняя жизнь, если ты настолько не привыкла полагаться на мужчину рядом.

– Нормальная у меня жизнь была, – смутившись, ворчу я. И спешу поменять тему. – К парапету ведь можно ближе подойти? Мне бы

хотелось посмотреть на окрестности с высоты.

– Конечно. Я для этого и задержал тебя здесь, – теперь уже откровенно усмехается Федерик. И склонившись, добавляет вкрадчиво на ухо. – Чтобы видами вместе полюбоваться. Наедине.

– Оу, надо же. Очень романтичный жест, ваше высочество, – улыбаюсь немного растерянно. – Осторожно, а то я ещё решу, что вы за мной ухаживаете.

Правда, тут же начинаю жалеть, что вообще подняла эту тему. Особенно когда муж немного отстраняется и смотрит на меня с непонятым выражением. Будто я сказала что-то очень странное и требующее анализа.

– А разве я не могу ухаживать за собственной женой? – удивлённо тянет он.

– Ну-у-у, это совсем необязательно. У нас же взаимовыгодный брак по воле Богини, мы обо всём договорились и... – запнувшись, я умолкаю.

– И? – выжидающе вскидывает он бровь.

В ответ я лишь вздыхаю, не зная что сказать. Под этим пристальным взглядом все мои соображения о том, что в нашем случае лишнее пускать мне пыль в глаза всякими там ухаживаниями и романтичными жестами, кажутся глупыми и неискренними.

Во-первых... Ничего такого сверхромантичного в его намерении показать мне вид с башни на самом деле нет. Это лично моё восприятие. И я же сама попросила. А во-вторых – довольно лицемерно с моей стороны получать удовольствие от того, как муж себя со мной ведёт, и тут же намекать ему, что так себя вести не надо. Только потому что разучилась принимать мужскую заботу. А может, никогда и не умела.

– Наш брак, Анна, будет таким, как мы с тобой захотим, – многозначительно выдаёт мне муж, не дождавшись ответа. – И моё отношение к тебе определяется не тем, откуда ты взялась, а тем, какая ты есть.

И что это должно означать? Какая я?

Но теперь уже Федерик меняет тему.

– Идём. Ты посмотреть хотела, – обняв меня за талию, ведёт к парапету.

И я на время забываю обо всём, наслаждаясь действительно потрясающим видом и близостью такого притягательного для меня мужчины.

Башня, на которой мы стоим, не единственная в этом замке. И даже не самая высокая – центральная значительно выше. Зато эта, являясь угловой частью крепостной стены, будто парит над морем. Как я не заглядываю, увидеть скалу внизу у меня не получается.

Зато во всей красе видна многобашенная и живописная жилая часть замка, которая, кажется, донжон называется, крепостные стены, расходящиеся от нашей башни и дальше, образуя шестиугольник, судя по словам Федерика, ещё две башни в остальных углах – остальные мне не видны за донжоном – и ещё одна более широкая над воротами справа от нас. Ну и внутренний двор, естественно.

– Так это остров, или полуостров? – киваю я на протянутый от ворот к скалистому берегу длинный мост, зависший над тонким и впалым перешейком суши. Вполне возможно, этот перешеек накрывает водой во время прилива. И замок тогда с сушей соединён только мостом.

– Остров. Ты сейчас смотришь на территориально большую его часть. Замок стоит на отдельном клочке. У нас тут, можно сказать, полуостров на острове, – с улыбкой объясняет мне Федерик. Показывает рукой на светлые громады скал, кое-где покрытые зеленью, и на уходящую от моста дорогу. – На север от Анжерона находится небольшая деревня, частично обеспечивающая замок провизией. Там же и основной портал, через который скоро прибудет из столицы наш кортеж.

– А выход к морю здесь есть? – интересуюсь с нескрываемой надеждой.

– Да, с другой стороны от крепостных стен, – показывает он мне на запад. – Там есть и живописный грот в скале и довольно красивый уединённый пляж. Покажу тебе, как будет время, – рука мужа на моей талии слегка сжимается, а мне достаётся предвкушающий взгляд.

– А мы сможем с девочками пойти? – сбиваю я его с пылкого настроения.

– С девочками? – снова удивлённо приподнимается тёмная бровь.
– Ты уверена?

– Ну да. Детям очень полезно плавать. Да и не только детям. Но мне Кати поведала, что они не умеют. Потому что им прежняя гувернантка сказала, что это очень неподобающее занятие для принцесс рода Арганди.

Нахмурившись, Федерик раздражённо вздыхает.

– Надо было её не просто уволить, а спустить с лестницы пинками. Мне эта курица заявила, что для здоровья девочек плаванье крайне вредно.

– А они болеют чем-то? – сразу настораживаюсь я, вспоминая близняшек и начиная перебирать в памяти все мельчайшие симптомы, которые могла заметить, но не придала значения. Ничего страшного не вспоминается, но надо бы осмотреть...

– Успокойся. Здоровы обе, – хмыкает Федерик, заметив моё волнение. – Она имела в виду всех девочек, а не только моих.

– Что за глупости? Наоборот! Плавание закаляет, укрепляет мышцы, скелет, сердечно-сосудистую систему... – запальчиво принимаюсь я перечислять. Но меня останавливает мужской палец на губах.

– Я тебе верю, Анна. И не возражаю. Сходим с ними обязательно. Но сначала вдвоём. Сегодня вечером, как вернёмся из Мораду. Оценишь место.

Что-то в его вкрадчивом бархатном голосе говорит мне, что место я буду оценивать не только визуально.

Хм. Мы только вдвоём. Вечер, скорее всего поздний. Уединённый пляж. Море... Кажется, меня зовут на горячее свидание. Заманчиво.

– Хорошо. Я согласна, – улыбаюсь ему с самым невинным видом.

– Я рад. Тогда пойдём, представлю тебе слуг и покажу замок. А как только прибудет кортеж, отправимся в родовое гнездо Мораду искать ответы на твои вопросы.

Глава 41

Первые десять лет своей жизни я вместе с родителями прожила в небольшом но очень древнем и красивом городе Каменце-Подольском. Ходила мимо Старой крепости в школу, не раз была там с классом на экскурсии, да и с родителями множество раз в старом городе гуляла, и во время ежегодных фестивалей, и просто так. Папа и мама любили иногда устраивать праздники без особого повода, просто чтобы и меня порадовать, и друг друга. Конечно, движущей силой всегда больше была мама, наша зажигалочка. Более флегматичный папа её тем не менее всегда поддерживал в любых начинаниях. И она его...

А потом... Папе предложили более выгодную и крутую работу, как он мне тогда объяснял, и мы всей семьёй переехали. На новом месте... прижиться было трудно. А спустя два года они погибли. И я осталась одна.

Именно поэтому то время... до переезда, воспринимается мной как самое хорошее и светлое в моей жизни. Время, когда я была счастлива, когда родители были живы, когда мы все были вместе и любили друг друга.

И каждая мелочь, случившаяся в те годы, тщательно хранится в моей памяти, как бесценное сокровище.

Экскурсии в крепости и рассказы гидов я тоже неплохо помню. Именно с них у меня сложилось стойкое мнение, что чаще всего средневековые замки, если речь идёт о фортификационном сооружении с военно-стратегическим значением, были далеко не теми сказочно-романтичными зданиями, которые обычно рисуются в воображении. Изначально ведь в замках главное было не удобство и красота, а неприступность и оборонная способность.

Поэтому, когда Федерик мне сказал, что Анжерон это неприступная военная крепость на острове, я невольно стала ожидать холодных тёмных, слабо проветриваемых помещений, отсутствия удобств и прочих реалий жизни в средневековой крепости. В других ведь я не бывала.

Но всё оказалось не так страшно. Наоборот. Вскоре я убедилась, что благодаря магии можно устранить большинство неудобств

связанных с архитектурой, включая сырость, холод и сквозняки. И что комнаты в замке бывают необычайно уютными, а полумрак из-за небольших окон прекрасно рассеивается магическими светильниками, подчёркивающими особый шарм замкового интерьера.

А ещё мне очень понравились обитатели Анжерона и царящая в нём дружелюбная атмосфера. Чувствовалось, что тут Федерику рады. А девочек так и вовсе обожают. Особенно пухлощёкая данна Норин, исполняющая обязанности экономки. И Паола, повариха.

Ко мне, само собой, отнеслись более сдержанно. Но откровенной неприязни я не заметила. Разве что посматривали на нас с принцем с любопытством, подмечая и его собственнические замашки, и руку на моей талии, и то как мы друг с другом общаемся.

От парочки молодых горничных, правда, каким-то внутренним чутьём уловила что-то весьма похожее на ревнивую досаду. И Федерика они влюблённо глазами облизывали, но под моим пристальным взглядом сразу же стушевались и натянули на лица услужливые и вежливые улыбки.

Так-то лучше. Моё трогать нельзя. Даже глазами.

Было бы странно, если бы на столь привлекательного мужчину, как мой супруг, не засматривались особи женского пола, так что я решила на этом моменте не акцентировать своё внимание. Не он же пялился.

В общем к прибытию кортежа мне представили всех слуг и жителей замка, включая начальника гарнизона, огромного усатого дядьку дана Кахира, которого Федерик с уважением назвал своим бывшим наставником и одним из сильнейших боевых магов королевства. Представили мне, к моему удивлению, и офицерский состав гарнизона, суровых вояк с обветренными лицами и цепкими взглядами.

И только потом супруг наконец показал мне замок. Начал с первого этажа, где расположены общий зал, трапезная, кухня, кладовка, откуда можно спуститься в погреб, магическая котельня, комнаты слуг, в которые мы естественно не заходили, и ещё много жилых и служебных помещений. Потом повёл меня на второй этаж и дальше, показывая по очереди где расположены гостевые комнаты, детская половина, комнаты девочек – сами они остались на кухне с

Паолой, делясь новостями – и наконец хозяйские покои, под которые отведена целая отдельная башня.

– Нравится? – спросил, обнимая меня, пока я с восхищением рассматривала нашу спальню, большую кровать с множеством подушек, застеленную богато расшитым покрывалом, резную мебель с вышитой оббивкой, благоухающие цветы в вазах, красочные гобелены на стенах, кованные люстры, свисающие с деревянных балок, пересекающих беленый потолок, мягкие ковры и белую шкуру у большого камина... и ещё много-много радующих глаз деталей.

– Да, очень, – кивнула, стараясь не думать о том, что на этом ложе он когда-то спал со своей первой женой.

Я спрошу об этом. Но не сейчас.

– Можешь не переодеваться. Но обязательно возьми плащ. Замок Морату расположен на севере Арганды, и там значительно холоднее. К тому же мы, возможно, задержимся допоздна, – выдал мне распоряжение Федерик, разворачивая к себе лицом. – Отдохнёшь немного с дороги? Либо, если не устала, я тебе ещё и внутренний двор могу показать, и рассказать что где находится.

– И с чего бы я устала? – фыркнула насмешливо. – Ты выбрал самый неуютительный путь, дорогой мой супруг.

– Чтобы потратить твои силы на гораздо более приятные вещи, дорогая супруга, – хмыкнул в ответ Федерик. – Ну пойдём, раз не устала. Хочешь сначала на служебные помещения взглянуть, или на оружейную и тренировочные площадки?

А про сад своей первой жены он ничего не сказал. А я ведь видела его, когда мы шли галереей на крепостной стене. Мне туда нельзя?

– Тренировочные площадки? Это те, где тренируются грозные и brutальные боевики? – прищурилась я с интересом, отодвигая неприятные мысли. – И на тренировку можно будет посмотреть?

– Так хочешь увидеть грозных и brutальных? – недобро сузил глаза муж. Хм, а мне собственник достался.

Ну-у-у, я сама такая, так что понять могу.

К тому же меня только один боевик интересует. А в том, что мой супруг тоже один из них, я уже почти не сомневаюсь. Что-то чувствуется в нём такое, военная выправка, наверное... к тому же, сложно не заметить, с каким уважением относятся к Федерику служащие ему боевые маги. Они подчиняются, не только потому, что

он принц, но и потому, что признают за ним право сильного в своей какой-то внутренней иерархии.

– М-м-м. Одного конкретного я была бы совсем не прочь увидеть... в деле, – мурлыкнула многозначительно, окидывая красноречивым взглядом этого самого конкретного, водя пальчиком по его широкой груди. – Покажешь, что представляет собой настоящий боевой маг?

– С удовольствием, ведьмочка моя. Покажу всё, что захочешь, – многообещающе хмыкнул муж, за секунду до того, как подхватить под ягодицы и усадить на комод, скинув попутно парочку статуэток и вазу с цветами на пол.

– Я вообще-то боевую тренировку имела в виду, – со смехом возмутилась, когда он с весьма откровенными намерениями задрал мою юбку и принялся возиться с панталонами. Слушать меня никто не стал. Рот заткнули поцелуем. Тонкая вещица очень быстро пала в неравной битве, и вскоре я уже стонала, насаженная на боевое оружие своего личного боевого мага.

В общем продолжение экскурсии нам пришлось отложить. К тому моменту, как мы смогли оторваться друг от друга, из открытого окна донесся звук открываемых ворот, цокот копыт и грохот колёс по мостовой. Кorteж прибыл.

Оставив меня приводить себя в порядок, Федерик быстро оправил одежду и поспешил вниз.

Кажется, пришла пора отправляться в другой замок. Тот, где выросла под надзором двинутой Иезеннии запуганная бедняжка Анна. Где жили когда-то много веков назад огненные ведьмы. И вот чует моё сердце, ждут нас там не самые приятные открытия.

Очень сомневаюсь, что замок Мораду мне понравится так же, как Анжерон. Стоит о нём подумать, и мурашки бегут по коже. Но чутьё твердит, что мне туда обязательно нужно попасть.

Глава 42

Я была права. Мне здесь действительно не нравится.

В замок Мораду мы прибыли с помощью того самого портала на башне. И перенеслись сразу в порталный зал родового гнезда Мораду. Мы с Федериком, Рэймандо и Васко. И ещё несколько доверенных людей принца. Мужчины даже отдыхать с дороги не стали.

Вообще, как я поняла из объяснений Федерика, координаты таких вот личных порталов обычно держатся в секрете и абы кому их не доверяют. Их можно считать только после личного разрешения хозяина.

Анна была последней в своём роду и по идее должна была бы стать хозяйкой. Но не в Арганде. Женщины в этой патриархальной стране, по крайней мере в древних магических семьях, не наследуют. Так что временным хозяином тут... является Федерик. Как её законный супруг.

– По закону, вся собственность рода Мораду должна отойти старшему сыну последней его представительницы. Нашему старшему сыну, – многозначительно смотрит на меня муж, объясняя что к чему и за руку увлекая мрачными коридорами замка.

Мы с ним сейчас направляемся в архив, для чего вынуждены были спуститься в почти подземелье. Можно сказать, на минус-первый этаж без окон само собой, тёмный несмотря на немногочисленные светильники, стылый, затхлый и весьма жутковатый.

Наши спутники остались допрашивать немногочисленных домочадцев. Угрюмых и не особо приветливых. Для них мы, наверное, выглядим наглыми захватчиками, которые пришли чтобы заграбастать имущество древнего славного рода.

Я сюда прибыла под иллюзорной личиной молодого парня, которого его высочество представил своим секретарём, так что свою молодую госпожу, обитатели замка не узнали.

Странно это выглядеть мужчиной, и чувствовать на себе платье. По этому поводу я даже вытянула из мужа позволение обзавестись мужской одеждой. А вдруг ещё понадобится? Ну а сегодня уж так и

быть похожу в том, что есть. Подмету пышными юбками вековые залежи пыли и паутины в этом склепе, именуемом замком Мораду.

– Если ты не родишь мне сына, все земли Мораду станут моими, – продолжает просвещать меня в законах наследования Федерик. – С правом передать их вместе с титулом другому сыну, или старшему внуку от любой из дочерей.

Кошмар, как всё сложно.

– Про другого сына... это ты намекаешь, что если снова овдоеешь, будешь вынужден снова жениться, чтобы он у тебя всё-таки появился? – бросаю на мужа внимательный взгляд. Он в ответ мрачно хмурится. Не кивает, но я и так ответ знаю. Тема и для меня не самая приятная. Но я должна разобраться. – А что если девушка наподобие... меня умирает, не успев выйти замуж и родить наследника?

Мы здесь одни, и эхо наших шагов гулкой волной несётся впереди. Вокруг мерцают щиты, не позволяющие подслушивать. Но всё же в разговоре мы по негласному согласию стараемся говорить обо мне, как об Анне. Чтобы и потом не путаться.

– Тогда по закону наследником становится ближайший родственник по мужской линии. Если такового нет, всё отходит короне.

Ясно. И опять всплывает корысть, которую мог поиметь король со смерти Анны. Если ему, конечно, нужно имущество Мораду. Ведь оно так и так потомкам его величества должно достаться, раз уж Анна вышла замуж за Федерика.

– А ведь получается, тебе... моя смерть тоже выгодна, – хмыкаю мрачно. – Такой замок чудесный можешь получить в своё безраздельное пользование.

В ответ достаиваюсь весьма тяжёлого взгляда. Но встречаю его спокойным своим. Ещё и брови вскидываю. Ну а что? Разве нет?

– Род Мораду был одним из древнейших и сильнейших в Арганде. Помимо этого замка я ещё очень много чего могу получить. Но сын от тебя мне нужнее, – замечает Федерик. Усмехается цинично: – Поверь, я не бедствую, ведьмочка. На перерождение всё нажитое имущество всё равно не заберу. Так или иначе потомкам оставлю. Так что с живой жены мне пользы больше. А уж теперь и подавно. Мне в супруги настоящую ведьму вручили. Первую за многие столетия. Такое сокровище надо беречь.

М-да. Аргумент веский.

– Богиня ясно дала понять, что я не первая. Так что тут извини, – поправляю его с ироничным смешком. – Ну а что с ближайшими родственниками по мужской линии Мораду. Есть такие?

– Да. Есть. Родной брат Иезеннии, которого и назначили... твоим опекуном, когда погибли родители. Именно у него я и просил твоей руки, – огорошивает меня супруг.

Так у Анны и опекун имелся? Впрочем чему я удивляюсь, если тут женщина не может даже родной дом наследовать. Теперь понятно хоть, откуда рядом с бедняжкой эта спесивая старуха взялась. Хотя вопросов, как водится, становится наоборот ещё больше.

– Я так думаю, что ты его проверил вдоль и в поперёк, – снова бросаю на мужа быстрый взгляд.

– Да. И меня не радуют результаты, – мрачно поджимает губы Федерик. – Судя по отчётам моих людей, он совершенно не участвовал в судьбе своей воспитанницы. И уже многие годы вёл затворнический образ жизни, избегая общения с людьми. Особенно с собственной сестрой, которая и воспитывала Анну единолично. После того, как Иезенния исчезла, мои люди снова наведались к нему, но он... в несколько невменяемом состоянии.

Что значит, в невменяемом? Это как понимать?

Но большего Федерик рассказать не успевает. Мы как раз подходим к массивной двустворчатой двери, густо оплетённой светящейся паутиной заклинаний. Кажется, я их ещё чётче и ярче стала видеть в последнее время. Научиться бы такие плести.

Муж подходит к двери, что-то магичит, хмурится настораживаясь, но слышится щелчок и высокие обитые железом створки медленно открываются перед нами. Федерик запускает вперёд что-то весьма напоминающее сеть, прислушивается пару минут и только после этого удовлетворённо кивает. Зажигает светлячок, подбрасывая его в воздух, и позволяет мне войти в очередной ещё более тёмный коридор. И сам заходит со мной.

Дверь позади с гулким и каким-то роковым грохотом закрывается. И я застываю, тревожно всматриваясь в густые тени, которые не способен разогнать один маленький огонёк.

– Не бойся. Тут безопасно. До ловушек мы ещё не дошли, – заметив моё состояние, уверяет муж, уже совершенно привычно

обнимая за талию. И подталкивая дальше. К следующей двери.

– Каких ловушек? – настораживаюсь я.

– Магических, – хмыкает муж. – Боишься? А так рвалась исследовать семейный архив Морату. Без меня ехать собиралась.

– Конечно рвалась. Где я ещё возьму информацию про то, как обуздать свои силы? Ну и немного боюсь, да, – издаю нервный смешок. Это место на меня действует угнетающе. – Не хочу быть продырявленной какой-то стрелой, или раздавленной между надвигающихся стен. Провалиться под пол мне тоже не улыбается.

– Боги, откуда такие предположения? – Федерик даже останавливается, чтобы удивлённо посмотреть на меня.

– Приключенческих книг в детстве перечитала. И фильмов насмотрелась о всяких расхитителях гробниц.

– Что такое фильмы? – вскидывает брови.

И вот попробуй объясни.

– Эм... это как спектакль. Актёры играют свои роли, специальные люди... запечатлевают изображение этого действия, а потом с помощью особых технологий дорисовывают всякие спецэффекты, и такие истории потом, как двигающиеся и говорящие картинки, демонстрируют в кинотеатрах по всему миру.

И не только в кинотеатрах, но принцип работы телевизоров я сейчас не готова объяснять.

– Хм, как интересно, – задумчиво склоняет голову набок мой супруг. – Я знаю кое-что похожее. Артефакт запечатления, изобретённый одним гениальным артефактором из Сэйнара. Он запечатлеват и воссоздаёт энергетические колебания пространства, в том числе световые и звуковые. Используется их разведкой. Мы пытались вывести секрет изготовления, но пока безрезультатно.

Ничего себе изобретение.

– И что, ни переманить этого артефактора, ни подкупить нельзя? – заинтересованно прищуриваюсь я. Представляю, какое преимущество имеет разведка этого Сэйнара, с такими-то занятными штучками.

– Нет. Герцог Севастьен Гиерно, глава Департамента госбезопасности Сэйнара, родственник и близкий друг королевской семьи, слишком предан своей стране и слишком неподкупен, – с досадой и нескрываемым уважением сообщает мне Федерик.

Ого. Целый глава госбезопасности. Неудивительно, что к нему не могут подобраться. Ещё и друг королевской семьи...

– Стой. Под королевской семьёй ты имеешь в виду свою старшую сестру и её мужа? Я же правильно запомнила, это ведь за королём Сэйнара она замужем?

– Да, – кивает Федерик, останавливаясь перед очередной дверью и принимаясь разбираться с запирающими заклинаниями.

Что-то царапает меня в услышанном. Интересно получается. Пятнадцать лет назад королева Сэйнара чуть не умерла, сильно изменилась после покушения, порвала все связи со своей родиной. А друг её семьи изобретает такой интересный и уникальный, как я поняла, артефакт.

– А когда он этот артефакт изобрёл? – интересуюсь осторожно.

– Впервые мы услышали об этой разработке лет пятнадцать назад, может немного меньше, а что? – бормочет сосредоточенный на распутывании какого-то особо сложного узла Федерик. Правда, тут же замирает и с недоумением оглядывается на меня. – Ты думаешь?..

– Я не могу утверждать, – пожимаю плечами. – Просто интересное совпадение. Много интересных совпадений.

– По донесениям нашей разведки, Тэрэса Анэллия действительно очень дружна с герцогом Гиерно и его супругой, – тянет муж задумчиво. Хмурится: – Ты права, совпадений очень много. Но тогда, выходит, что на самом деле это может быть не совсем... моя сестра.

Голубые глаза темнеют, покрываясь синим льдом. Сжав челюсти, муж отворачивается. Мгновенно замкнувшись. А меня при виде его напряжённой спины начинает разбирать чувство вины. Ну зачем, спрашивается, полезла со своими домыслами? Вдруг я ошиблась? А Федерик теперь думает, что его родная сестра умерла уже много лет назад, и её тело заняла другая душа, такая же попаданка, как я.

Узел под чуткими пальцами супруга наконец поддаётся, расплетаясь. По ниточкам вспышкой пробегают огоньки. Федерик ещё пару минут в напряжённой тишине возится с остальными узлами, а потом оглядывается на меня через плечо.

– Приложи ладонь вот тут. Нужна кровь Мораду, – сухо велит мне, показывая на центр двери, украшенный резным узором в виде пронзённого пиками овала.

Кивнув, молча шагаю ближе и медленно поднимаю руку. Не нравится мне это, но если нужно...

– Может быть немного болезненно, – ровно предупреждает Федерик.

Ладно. Прикладываю ладонь к указанному месту. Сначала ничего не происходит. А потом кожу в месте соприкосновения начинает очень знакомо жечь, и вены будто жидкое пламя впрыскивается. Вскрикнув, я невольно пытаюсь отшатнуться, но ничего не выходит. Руку не оторвать. Кажется... я влипла. Буквально.

Рядом ругается муж.

– Федерик... – зову жалобно, дёргая свою несчастную конечность.

– Тш-ш-ш, не паникуй, – тут же оказывается он рядом. Обхватывает моё запястье, прижавшись со спины. – Просто отпусти это. Ты слишком жёстко сдерживаешь свою силу, отрицаешь. Прими, она поможет сейчас.

– Что происходит? – спрашиваю, зажмурившись и пытаюсь выровнять дыхание. Становится немного легче. Но я чувствую, как поднимается из глубин моего естества ревущее пламя. И это пугает.

– Не уверен... сейчас, когда ты коснулась двери, я ощущаю тут не только магические заклинания. Эта сеть напитана силой, очень схожей с твоей. Ведьмовской. Прислушайся к себе, что она тебе говорит?

– Сила и говорит? – скептически фыркаю. Но выходит скорее истерично. Неужели, опять факел придётся изображать?

– Да. Говорит. И твоя задача научиться её слышать. Слышать себя и свою стихию. Дыши со мной, я помогу, – уха касаются нежные губы. – Всё будет хорошо, маленькая. Что бы не говорили законы, по крови истинная хозяйка этого замка теперь ты. Позволь ему говорить с тобой.

Это звучит, как полный бред. Ну как замок может говорить? Как может говорить стихия? Однако выбора-то у меня нет, похоже. Либо попытаться услышать и понять, либо стоять тут прилепленной к двери вечно.

– Дыши, малыш, – мягко, увещевает Федерик.

И я подчиняюсь. Дышу вместе с ним. Вдох. Выдох. Расслабляюсь, отпуская свой страх. В каменном коридоре пожар не устроишь. Разве что дверь спалю, а её не особо и жалко.

А мужу моё пламя не страшно. Можно не сдерживаться.

По телу проносится огненная волна. Вторая рука сама взмывается вверх, опускаясь на дверное полотно рядом с первой. И я с выдохом позволяю пламени охватить меня полностью. Нас полностью.

Что ты хотел сказать мне, замок рода Мораду?

Глава 43

Кто-то был здесь. Совсем недавно. Кто-то чужой и неприятный, отчего сила, разлитая вокруг нас ярится, как рой разъярённых пчёл, больно жаля мою пылающую кожу.

Кто? Я хочу увидеть. Покажи!

И меня накрывает видением. Перед мысленным взором рисуются две тени. Смазанные и скрытые чуждой извращённой силой. Два смутных силуэта, женский и мужской. Они подходили к этой двери. И женщина пыталась открыть... прикладывала свою руку. Как я сейчас. Как она делала уже не единожды раньше с позволения хозяйки этого места. Но на этот раз замок не пустил. Женщина привела с собой смерть с окровавленными руками. Убийцу ведьм. И за это нарушительница была жестоко наказана. Сеть защитных заклинаний в ответ на попытку проникнуть в архив без хозяйки ударила огнём. Не щадя.

Меня топит в удушающем омуте тёмной жуткой энергии. Сознание мутится от нестерпимого жара во всём теле и от тех видений, которые посылает мне замок... от осознания, что тут недавно сгорел заживо живой человек. Какое счастье, что моё право тут быть древние силы, охраняющие замок Морату, признали и приняли. Я действительно теперь тут хозяйка. Гораздо больше, чем даже была сама Анна.

Во мне есть та сила, которой не хватало ей.

И я имею право не только войти в семейный архив, но и изучить те фолианты и гримуары, к которым жилище огненных ведьм уже много столетий никого не подпускало.

В двери тихо щёлкает замок, и этот звук набатом бьёт по моим натянутым, как струна, нервам. В тот же миг защитная сеть отпускает мои руки.

Со всхлипом выдохнув, я шарахаюсь назад, в объятия Федерика. Он так и стоял рядом, поддерживая, и теперь в ответ крепко прижимает к себе. Странно, на мне даже платье не сгорело. Наверное, благодаря мужу.

– Замок меня принял, – бормочу то, что ещё недавно посчитала бы бредом.

– Я знаю. Это было закономерным, – гладит он меня по покрытым копотью волосам.

– Так уж и закономерным? – интересуюсь скептически, пытаюсь отстраниться. Нет, мне не хочется искать в его действиях подвох... просто слишком свежи воспоминания об увиденном. И я не могу не думать о том, что было бы со мной, не имей мы права тут находиться.

– Конечно, – отзывается ровно Федерик. Кажется, моё недоверие его снова задело. – В тебе течёт кровь Анны Мораду, ты огненная ведьма, которую сюда отправила сама Богиня. Не на сожжение же. И защитная сеть вела себя так, как и должна вести в присутствии истинной хозяйки. Уж можешь мне поверить.

Ну да... я же сама видела, как послушно расплетались узлы заклинаний в его умелых пальцах.

– Прости, – вздыхаю. – Я не хотела тебя оскорбить. И не намекала...

– Не извиняйся, – довольно резко роняет Федерик, перебив меня на полуслове, отпуская и помогая обрести равновесие. – Осторожность и недоверчивость в высшем обществе Арганды тебе точно пригодятся, ибо являются залогом долголетия. Но возможно, со временем ты всё же согласишься окончательно, что я не враг тебе. А сейчас я хотел бы услышать, что тебя так испугало? Что ты почувствовала? Можешь мне рассказать, или недостаточно веришь?

И всё-таки обидела. Опять на те же грабли, Лана? Нет бы промолчать и не показывать свою дурную недоверчивую и вечно сомневающуюся во всём натуру.

Извиниться, я уже извинилась. Объясняться... а есть ли смысл? Он уже сделал свои выводы, а я не хочу оправдываться. Но и промолчать не могу.

– Я верю, – оборачиваюсь к мужу. Заглядываю в глаза. – Правда. Настолько, насколько вообще способна в нашей ситуации. Для меня это уже много. Я по жизни недоверчивая, а тебя знаю всего третий день.

Федерик прищуривается, но молчит, буравя меня пронизывающим взглядом. Читает, конечно же. Ну и пусть.

– А почувствовала... – сглотнув, закрываю глаза. – К двери приходили двое. Мужчина и женщина. Кажется, это была Иезенния, но я не уверена. Она ведь родственница Мораду, и Анна ей, похоже, разрешала посещать архив. Но в этот раз замок посчитал её угрозой из-за того, что привела с собой этого незнакомца. Он... смерть, убийца. Убийца ведьм, вот что крутится у меня в голове, как только о нём думаю, – передёрнув зябко плечами, я обхватываю себя в защитном жесте. – В общем Иезенния сунулась к двери, охранки сработали, и она сгорела тут заживо. Её спутник убрал труп и все следы. И ещё... кажется, её тело до сих пор где-то в замке... обгоревшее.

Последнее слово царапает горло горечью. На плечи словно бетонная плита опускается. Нет, я не боюсь мёртвых. Это было бы странно при моей профессии. И Иезеннию я совсем не знала, чтобы скорбеть о ней, тем более, в свете её странных деяний. Но сама ситуация мягко говоря угнетает. Пугает до дрожи.

– Иди сюда, – внезапно притягивает меня к себе Федерик. Обратно заключая в свои объятия. Прижимает к своей груди, накрывая голову ладонью, словно желая спрятать от всего. – Прости. Я даже не предполагал, что тебе откроется такое.

– Ничего, – хрипло шепчу я, позволяя себе прижаться к его большому телу, напиваясь силой и теплом. И лишь спустя пару минут нахожу в себе силы произнести: – Зато мы знаем теперь, куда подевалась Иезенния. И что она сама далеко не безобидным божим одуванчиком была. Понять бы ещё, к чему она Анну готовила. Может, это как-то с культом связано? Тот убийца... мне, кажется, он из этих тёмных навийцев.

– Ты о нём ничего не можешь больше сказать? – осторожно интересуется муж, даже не думая отпустить.

– Я видела это всё нечётким... словно тени, силуэты. Смазанные и частично скрытые от меня. Больше на эмоциях и ощущениях информацию воспринимала. Поэтому многого сказать не могу. Мне показалось, он далеко не молод. Безумно силён. От его тёмной энергетики мне до сих пор дурно.

Произнеся это, я замираю, осознав, что частично из-за остатков энергетики тёмного мага, и из-за эманаций смерти в коридоре мне так жутко и тяжело тут находиться.

– Нам нужно разобраться, что они тут искали, – сипло озвучиваю очевидный вывод. – Давай, пойдём уже в этот архив.

Мне очень, о-о-очень нужно узнать, в каком ритуале эти мрази хотели использовать Анну. Может... может её вовсе и не король убил. Может, её для ритуала похитили, а она как-то сбежала? В замке вполне могут быть какие-то намёки.

В голове мелькает смутная мысль, что одинокая затюканная девочка, которой наверняка даже не позволяли нормальное общение с людьми, чтобы лишнего себе не надумала, вполне могла вести какой-нибудь дневник. Чтобы хоть где-то выплёскивать свои мысли и эмоции.

Стоит об этом подумать, и я чувствую, что на верном пути. Дневник должен быть. Надо потом после архива наведаться в её комнату и найти его.

– Ты права, пойдём в архив, только сначала я отправлю Рэймандо приказ обыскать замок, – соглашается со мной Федерик. – Если Иезенния действительно здесь, её нужно отыскать.

Тут с ним не поспоришь. Поэтому я лишь киваю, отстраняясь и позволяя мужу отстегнуть от пояса тот самый почтовый футляр, с незнанием которого я так спалилась в день нашего знакомства.

Написав на маленьком клочке бумаги и отправив распоряжение своему безопаснику, муж сам увлекает меня к двери архива. И вскоре мы уже вместе по уши увязаем в изучении хранящихся в нём материалов. И их оказывается довольно много. Ещё и без какой-либо чёткой системы в том, где что расположено. Дневники, биографии, генеалогическое древо с пояснением в виде огромного фолианта, содержащего информацию обо всех представителях рода Мораду. Целые многотомные жизнеописания выдающихся представителей этой семьи. Магические гримуары, вызвавшие особый интерес у моего мужа. Сборники рецептов по зельеварению. И просто всевозможная деловая документация всего рода.

И всё это на многочисленных полках, выстроившихся вдоль каменных стен.

Чтобы изучить такую прорву всего и найти нужную мне информацию, вероятно, придётся просидеть тут не один день. И где же искать те самые ведьмовские гримуары, мысли о которых навеял мне

замок? Магические ведь есть, уже нашли. А ведьмовские должны быть отдельно, наверное. Или я сама себе их придумала?

Задумавшись, не замечаю, как подхожу к высокому и узкому стеллажику, заваленному свитками. Притом подхожу уже не первый раз. Что-то притягивает меня сюда. А что, непонятно. Ну не любовная же поэзия в самом деле. Мы с Федериком уже просмотрели несколько штук, и я, честно говоря очень удивилась содержанию. В этих свитках хранятся поэмы и баллады одного из предков Анны, некоего Давида, который подписывался никому неизвестным Бардом, погибающим в окопах чести и долга. Наверное, семья не одобрила страсть бедолаги к поэзии, вот он и строчил в стол. Кстати, произведения у него получались довольно красивые и романтические. Плавные, лирические, цепляющие за душу. И отнюдь не ханжеские, скорее совсем наоборот. Этот давно почивший трубадур явно знал толк в том, как поэтично и образно описать муки и наслаждения любви.

Странно только, что его творчество тут хранится, а не в библиотеке. И странно то, что я вот уже четвёртый раз подхожу к этому стеллажу, вместо того, чтобы искать нужную мне информацию о ведьмах рода Мораду. Может в этих свитках есть какие-то важные упоминания?

– Федерик, как думаешь, ничего страшного не случится, если я возьму несколько свитков с собой, чтобы почитать на досуге? – окликаю мужа, закопавшегося в очередное жизнеописание. Провожу пальцами по золотому набалдашнику, венчающему деревянный держатель одного из свитков. И внезапно палец обжигает болью. Укололась обо что-то.

Поморщившись отдёргиваю руку, рассматривая каплю крови, выступившую на подушечке указательного пальца.

– Думаю, ничего. Ты же сама сказала, что ведьмовская защита замка признала тебя за хозяйку, – отвечает благоверный, мазнув по мне внимательным взглядом. – Всё в порядке? – вопросительно вскидывает бровь.

– Да, укололась просто, – улыбаюсь успокаивающе.

Муж хмурится, выравниваясь. Кажется, хочет что-то сказать. Но отвлекается на свой почтовый футляр.

– Иезеннию нигде не нашли пока. Рэймандо говорит, что нужно больше людей. Замок большой. Надавили на слуг, и те подтвердили,

что она вчера утром тут была. Но с ней никого не видели. И куда старуха делась потом, тоже никто не знает, само собой, – сообщает мне Федерик.

Кивнув, я опускаю задумчиво взгляд и тут замечаю, как падает капля моей крови на пол. Медленно и плавно, как в замедленной съёмке. Какая-то слишком яркая и алая, она будто светится. И как только соприкасается с камнем, на нём вспыхивают странные светящиеся линии... целый узор, замысловатый и ажурный. Растущий и бегущий по полу странными дорожками. Похожий на заклинания, которые я уже не раз видела. Но напитанный совершенно другой силой. Близкой и родственной мне.

– Федерик, я, кажется, что-то нашла. Случайно... а может и нет.

Глава 44

Вот хорошо, что я не сама поехала. Без Федерика все эти светящиеся узоры на полу для меня так и остались бы всего лишь светящимися узорами. Всё-таки ведьма я необразованная. И даже если бы интуитивно поняла, что делать, то либо потратила бы уйму времени, либо что-нибудь снова сожгла.

– Тайник должен быть здесь, – уверенно сообщает мой супруг, расчистив проход к стене в ближайшем от того самого стеллажа с поэмами углу.

– И как его открыть? – заглядываю я из-за его спины, обойдя отодвинутые в сторону ящики.

– Сейчас разберёмся. Вполне возможно, что тебе опять придётся своей кровью жертвовать. Раз уж все эти ведьмовские плетения на неё завязаны, – задумчиво изрекает Федерик, изучая эти самые плетения, проступающие на стене. – Смотри, как они на твоё присутствие реагируют. Как живые.

– Угу. Если бы я их ещё понимала, – вздыхаю с досадой. Терпеть не могу чувствовать себя неучем.

Облизнув пересохшие губы, сжимаю странно зудящие пальцы в кулаки. Хочется уже поскорее добраться до содержимого этого тайника. И раздражает тот факт, что сама я бы с этим никак не справилась.

– Я тоже в них далеко не всё понимаю, – явно уловив мои эмоции, уверяет муж. – Они сильно отличаются от классических, используемых в магии. Со временем научишься читать и понимать. Если не найдём тут учебников по ведовству, я найму тебе лучших наставников, изучишь приёмы классической магии, и мы вместе придумаем, как приспособить их к твоей смешанной силе. И будем искать информацию дальше. В конце концов, не только в роду Моряду были ведьмы. И не только в Арганде.

Он прав, конечно. Раскисать, действительно, нечего. У меня вся жизнь впереди. Если никаким тёмным не позволю её укоротить. Успеется ещё всё изучить и понять.

Без моей крови действительно не обходится.

Скрупулёзно всё изучив, Федерик объясняет мне, куда нужно ткнуть порезанным пальцем, чтобы тайник открылся. И вскоре фрагмент стены перед нами сначала немного проваливается внутрь, а потом и вовсе отъезжает в сторону, скрипя скрытыми механизмами. Открывая нашим взглядам глубокую нишу с деревянными полками. И на них... книги. Под мерцающим магическим куполом. Древние даже на вид. И разящие такой мощной энергетикой, что у меня волосы дыбом поднимаются на затылке, и мурашки бегут по всему телу.

Громадные фолианты, закрытые на настоящие замки, которые то ли охраняют, то ли... сдерживают. Такие манящие, обещающие огромные знания и силу. Обещая невероятные возможности. Мне, своей новой хозяйке.

Мой взгляд, как прикованный, скользит по кожаным переплётам, сознание дурманится острым желанием немедленно прикоснуться, поделиться своей кровью и зачерпнуть из этого кладезя всё что, смогу. И я сама не замечаю, как шаг за шагом подхожу к гримуарам всё ближе и ближе. Пока меня за талию не перехватывает Федерик.

– Подожди. Это может быть опасно. Дай, сначала я проверю, – требует, отгаскивая в сторону.

– Нет. Они зовут, – шепчу, лихорадочно пытаюсь освободиться. – Мне очень нужно. Они мои. Отпусти.

Внутри поднимается неконтролируемая злость. Почему он мне мешает? Почему держит? Себе забрать решил?

Муж резко разворачивает меня к себе лицом, заглядывая в глаза.

– Что с тобой? – прищуривается хмуро.

– Всё хорошо. Отпусти, – изо всех сил выкручиваюсь из жёсткой хватки. Впиваюсь ногтями в его запястья, стараясь отодрать от себя.

Кажется, ещё чуть-чуть и из ушей пар повалит, так меня раздражает это вынужденное промедление. Мне кажется, я уже даже голоса вожделенных книжечек слышу. И они взывают ко мне, просят в пульсирующие жаром руки. Они соскучились. Они хотят снова обрести хозяйку, которая сумеет их понять.

– Отпусти немедленно, – уже почти рычу я.

Вместо этого муж меня ощутимо встряхивает.

– Приди в себя, Лана. Сейчас же! – приказывает жёстко. – Если не успокоишься, прямо сейчас уведу отсюда, и никаких гримуаров ты сегодня не увидишь.

– Что? – непонимающе смотрю на него. Даже сознание чуть-чуть проясняется от шока. – Как это не увижу? Ты не можешь...

– Хочешь проверить? – вскидывает бровь. Такой суровый, что даже дрожь берёт. И ведь не блефует. Действительно, уведёт.

– Нет, пожалуйста... не надо, – я замираю, пытаюсь собраться с мыслями.

Действительно... что это со мной? Будто под дурью какой-то. Полный неадекват. Трясу головой, прогоняя наваждение. Помогает слабо, но я хотя бы уже могу немного соображать.

– Я не знаю, что это на меня нашло. Когда я на них смотрю, меня просто переполняет желание прикоснуться, взять, узнать, что там написано. Настолько сильное, что я себя почти не контролирую. Я чувствую, что они мои. Только мои.

– Никто отбирать их у тебя не будет. Но эти книги могут быть опасны для тебя, раз имеют над твоим разумом такую власть. Ты же понимаешь это? – как ребёнку малому, объясняет Федерик, смягчившись.

– Понимаю. Но не оставлять же всё это богатство тут... Или их нельзя уносить? – испуганно вскидываю глаза на мужа.

– Если они действительно твои, то ты имеешь полное право забрать эти гримуары с собой и найти им другое хранилище, – слышу обнадеживающий ответ.

– И где же я это хранилище возьму? У меня ничего своего нет в этом мире. Кроме того, что осталось от Анны, – замечаю со вздохом. – Понимаю, что выносить из полностью защищённого архива столь опасные фолианты не очень разумно. Но я ведь ради них сюда пришла. И вдруг опять кто-то из тёмных сюда явится? В архив-то пробраться не смогут, а вот ловушку какую-нибудь оставить для нас, запросто. Ведь так?

– Так, – криво усмехается Федерик.

– Значит, придётся все гримуары забрать, – делаю закономерный вывод. – Чтобы ещё раз не возвращаться.

– Как ловко ты подвела к тому, чего тебе хочется, – хмыкает Федерик. – Хорошо. Уговорила, заберём все. Я тебе предоставлю под них место в моём личном архиве. Но сейчас ты мне позволишь проверить эти занятные книжечки на предмет возможных ловушек.

Чтобы одна жадная до древних знаний ведьмочка не нажила проблем на свои аппетитные округлости. Договорились?

Пришлось соглашаться. Аргументы муж навёл более чем убедительные. А потом ещё и меня отвёл в сторонку, чтобы к гримуарам меньше тянуло.

Было очень сложно выдержать и оставаться на месте всё то время, что он корпел над магическими плетениями, накрученными над книгами. Но я уже осознала, как на меня воздействует наша находка, и более-менее могла себя контролировать.

В результате спустя каких-то полчаса мне позволили не только потрогать свалившееся на меня сокровище, но даже переложить его в объёмные холщовые сумки, которые мы специально для этого принесли.

И лишь после этого мы с Федериком наконец покидаем семейный архив Мораду, предварительно запечатав всё обратно внутри и снаружи. Как я поняла, Федерик ещё и от себя добавил каких-то мудрёных плетений.

– Мы можем ещё зайти в комнату Анны? – спрашиваю у мужа, когда выходим из того самого жуткого коридорчика?

– Зачем?

– Мне кажется, она вела дневник. Я просто чувствую, что это так. Если найдём его, возможно, узнаем, к какому ритуалу её готовила Иезенния, – поясняю я.

Одна из сумок, самая лёгкая, отвоёванная у супруга, приятно оттягивает моё плечо, напоминая о том, что мои бесценные по ощущениям гримуары находятся рядом и никуда от меня не денутся.

– Хорошо, – невозмутимо кивает Федерик. – Зайдём.

Привыкну ли я когда-нибудь к тому, что приходится быть настолько зависимой от мужчины и его решений? С одной стороны мне вроде как грех жаловаться, поскольку решения мой супруг принимает адекватные и взвешенные. По крайней мере, до сих пор принимал только такие. И ещё он умеет слушать, даже мои эмоции ощущает, что в нашем взаимовыгодном союзе скорее плюс, чем минус. А с другой... непривычно это. Спрашивать разрешения и понимать, что если откажет, то против его решения не попрёшь особо.

Это тебе не Артём, который, если не находил достойного аргумента, то сразу переводил стрелки, обвиняя меня во всех тяжких,

или вообще уходил дуться, предоставляя мне разбираться самой.

Федерика я знаю всего ничего, но этого времени мне хватило, чтобы оценить по достоинству и выдержку, и железную волю, закованную в броню из сдержанной рассудительности и хороших манер. И если в наших супружеских отношениях он во многом повёл себя довольно мягко и чутко, то сегодня я отчётливо поняла, что даже давая видимую свободу, он жёстко держит под контролем абсолютно всё. Себя, происходящее вокруг, своих дочерей, и теперь меня, получается. И как к этому относиться, я до сих пор не знаю.

Поднявшись из подземелий, мы сначала находим Рэймандо, занятого поисками трупа в громадном замке-крепости, размерами не уступающем Анжерону. Ну как находим. Федерик просто вызывает того очередной запиской.

– Не нашли? – интересуется мой муж.

– Нет пока, – с досадой поджимает губы безопасник. – Вы уверены, что она здесь?

Бросает на нас внимательный взгляд.

– У меня есть веские основания так думать, – кивает Федерик.

Ну да. Ведьм же вроде как не существует. Объяснить всё моими видениями он не может.

– Тогда вполне возможно, она находится в каком-то тайном помещении, или переходе. Тут таких невероятно много. Если есть, найдём, – твёрдо заявляет Рэймандо.

Вместе с ним мы сворачиваем к малой восточной башне, где, как объяснял мне по прибытии муж, должны находиться личные покои Анны. Поднимаемся на второй этаж. Я, вполуха слушая доклад Рэймандо о допросах слуг и поисках Иезеннии, внимательно смотрю под ноги, поскольку тут как раз ступеньки неровные. И навернуться можно запросто.

Замок Мораду уже не вызывает во мне такое отторжение, как сразу по прибытии. Наверное, дело в том, что я теперь его вроде как чувствую своим. Но все равно тут мрачно и местами жутко. Вот взять эту башню. Она же жилая, по идее. Тут Анна обитала. Молоденькая девочка. А по ощущениям мы будто в склеп пришли, а не обитель юной дочери герцога Мораду. Каменные ступеньки сменяются каменным полом, голым и холодным. Каменные стены без каких-либо украшений, картин и гобеленов, лишь магические светильники. Из

общей удручающей картины выбивается только немногочисленная мебель. Деревянная, само собой, но резная и красивая, не уступающая по красоте той, которую я видела в Анжероне... Будто всё вынесли, а мебель, уж так и быть, оставили.

– Комната Анны наверху, – показывает мне Федерик на ещё одну лестницу, по спирали ведущую на верхний этаж. Она закручивается вдоль внешней стены с маленькими окошками бойницами, огибая при этом жилые помещения.

– А там что? – киваю я на единственную дверь на этом этаже, находящуюся напротив нас.

– Комната Иезеннии. Её уже обыскали, – слышу в ответ.

Заходить в логово покойной старухи мне совершенно не хочется, поэтому я сразу иду к лестнице. Федерик, велев Рэймандо оставаться на месте, следует за мной.

Аскетизм личных покоев Анны меня уже не удивляет. Чего-то такого я и ожидала. Тут чисто и опрятно. Но абсолютно безлико. Унылые цвета. Холодно и сыро.

Единственное яркое пятно – гобелен, висящий над изголовьем массивной кровати. На нём женщина в длинном белом платье, охваченная огнём. Огненная ведьма. В её руках чаша, наполненная синим пламенем, которое словно цветок распустило свои лепестки.

– Красиво, – произношу тихо, кивая на вышитую картину.

– Да, красиво, – соглашается со мной Федерик, подходя сзади и обнимая за плечи. – Ты в порядке? Ничего необычного не чувствуешь?

– Не знаю. Сложно сказать. Я себя необычно чувствую с того самого момента, как мы сюда прибыли. Отличается лишь степень необычности. Мне здесь тяжело. Во всём замке, и в этих покоях особенно. Слово стены давят. И вся атмосфера. Кажется будто сам воздух пропитан отчаянием и тоской. Одиночеством. И смертью.

– Смертью? – уточняет муж.

– Да. Что-то похожее я чувствовала, когда мы были там в коридоре. Мне страшно на подсознательном уровне.

– Можем уйти отсюда.

– Нет, – качаю головой. – Я должна найти этот дневник. Это важно. Поможешь, если я опять воспламенюсь?

– Конечно, – слышу ответ, заставляющий почувствовать зарождающееся внутри тепло. Так ли уж страшно, если муж попался властный, контролирующий и продуманный, если при этом на него можно положиться и в любой момент опереться?

Сделав глубокий вдох, я закрываю глаза, снова отпуская свою силу. Делать это постепенно и контролировано у меня до сих пор не получается, но я уже не так пугаюсь этого ощущения необузданной стихии, закручивающейся вокруг меня. Мы одно целое. Я и мой огонь. И пока что только так я могу смотреть глубоко внутрь себя и видеть то, что хочу.

И сейчас у меня получается намного лучше, чем там в коридоре. Словно пали какие-то сдерживающие бастионы.

Я хочу знать, где Анна хранила свой дневник.

И ещё... почему здесь в её комнате ощущается смерть?

Что-то похожее со мной было тогда в особняке Федерика, когда мне пришло краткое видение о том, что случится в течение следующих нескольких минут. Только теперь перед моим мысленным взором разворачиваются картины прошлого... и настоящего. Не моего. Чужого.

Огонь отступает спустя несколько минут, оставляя меня опустошённой после новых видений. Пошатнувшись, я прислоняюсь к стоящему позади мужу.

– Дневники Анны там, – спустя пару минут показываю пальцем на перекрещенные балки под довольно высоким потолком. – Она ставила стул на стол, на стул табурет, залезала и, балансируя на носочках, прятала там свои секреты... от всех. Достанешь?

И пока Федерик выполняет мою просьбу, обходясь без табурета, я с тяжёлым сердцем подхожу к высокому камину. Пробегаю пальцами по холодным камням под каминной балкой. И нажимаю на нужные, чтобы открыть тайный проход.

Раздаётся тихий скрежет. И внутри всё приходит в движение.

– Анна, стой, – рычит позади Федерик, спрыгивая со стола.

– Стою, – произношу тихо, зябко ежась. Киваю подбородком на открывшийся лаз, в который только на четвереньках и можно пропихнуться. Оттуда прямо у нас на глазах вываливается обгоревшая рука. – Иезенния там.

Глава 45

Оставаться и смотреть, как будут доставать найденное мною тело, Федерик мне не позволил. Я не спорила.

При всех объяснять ему, что медик и не из пугливых, посчитала неразумным. Да и устала нереально после всех этих... приключений, сеансов огненного ясновидения и обгорелых находок.

Вручив мне в руки три толстые тетрадки, найденные им под потолком, Федерик подхватил меня под локоток и повёл к порталу, предварительно сдав место происшествия Рэймандо и велев вызвать из столицы какого-то Дэмиэно и его людей.

Путь до порталного зала прошёл в молчании. Я всё вспоминала своё видение, пытаюсь вычленить хоть-что-то полезное. Но если с дневниками я видела всё чётко, вплоть до шатающегося под ногами Анны табурета, то с Иезеннией... наоборот всё было мутно. Урывками. Это видение давило на меня, заставляя чувствовать подступающий к горлу комок горечи. Не из-за трупа... нет, из-за того жуткого человека, который этот труп от нас спрятал в комнате бедняжки.словно... послание.

– Нам надо поговорить о том, что ты увидела, – словно подслушав мои мысли, произносит Федерик, когда мы выходим из арки портала на смотровой площадке башни Анжерона.

Разворачивает меня к себе, буравя пронизательным взглядом. На небе висит огромная полная луна, освещая нас обоих холодным мерцающим светом. В лицо снова бьёт порывом солёного ветра. И здесь в замке моего принца, под открытым ночным небом, дышать наконец становится легче.

– Да, надо, – соглашаюсь я. – Только толку от этого мало. Я не видела, кто её туда засунул. Точнее... я знаю, что это тот же мужчина, который был с ней в коридоре. Но я не смогла его рассмотреть. Снова. Не знаю, почему принёс её именно в комнату Анны. Догадываюсь только, что это своеобразное послание... для меня. Кажется, эта тварь знала, что мы придём. Но в чём смысл этого послания, я не знаю, – вздыхаю, закрывая глаза. – Его будто что-то прикрывает от меня, превращая в смутную неясную тень. Что-то не позволяет мне видеть.

Вот когда смотрела на Анну, понимала, что она делала и зачем, что чувствовала при этом. А с ним... пусто. И муторно, будто в какую-то гниль вляпалась и продраться через неё не могу. Наверное, я пока слишком слабая ведьма, чтобы рассмотреть кого-то настолько сильного.

– Или последователи культа в своё время нашли способ закрываться от ваших видений, – задумчиво замечает Федерик, заставляя меня удивлённо распахнуть глаза.

– Думаешь?

Он притягивает меня к себе, обнимая и прижимая к груди. Нежно. Утешающе. Вздыхает мрачно:

– Это логично. Иначе я не представляю, как бы тёмные умудрились извести всех ведьм. Если ваше племя способно видеть столь подробные видения, чувствовать угрозу... сама посуди.

В его словах есть смысл. Если бы ведьмы могли видеть, кто их враг, и в чём его коварный план, то разве позволили бы уничтожить себя? Разве не попытались бы противостоять, или на худой конец спрятаться. А может, и прятались. В таких вот замках, как Мораду. Тёмные не могли не понимать, какими силами обладают ведьмы, и наверняка искали способы скрывать от них свои намерения. И вполне возможно преуспели.

Вот только, если это так, то мои дела ещё хуже. Как узнать, кто мне угрожает, если мои видения тут бессильны? Надежда только на расследование Федерика.

– Ну да. Действительно, – киваю хмуро. – И что теперь делать?

– Тебе идти спать, – уверенно заявляет муж. – А я отнесу твои гримуары в архив и вернусь в замок Мораду, чтобы тщательно изучить место преступления. Должны остаться магические следы.

Спать... будто я смогу. А вот насчёт следов, будет хорошо, если они что-то найдут, если уж я больше ничего толкового сказать не могу.

– И в том коридоре? – вскидываю вопросительно брови.

– Да. Я, правда, ничего там не обнаружил, что могло бы нам помочь – тёмный затёр всё очень тщательно. Но если там остались хоть какие-то улики, мои люди их найдут.

Это он, наверное, о тех, кого приказал вызвать из столицы.

– Пойдём, я проведу тебя, – увлекает муж меня к открытому люку.

Как же здесь хорошо после того мрачного склепа, в котором выросла Анна. Шагая рядом с Федериком коридорами и галереями Анжерона, наблюдая за слугами и стражниками попадающимися нам по пути, гадая, чем занимались сегодня девочки и спят ли уже, уставшие за день, я всё больше прихожу в себя, очищаясь от дыхания смерти, коснувшегося меня в замке Мораду. Тут всё живое. И я постепенно оживаю, напитываясь... энергетикой этого места, наверное.

В наших покоях растерянно стою посреди гостиной некоторое время, не шевелясь и краем сознания отмечая, как Федерик сначала всё проверяет, потом отдаёт распоряжения стражникам, и лишь после этого подходит ко мне.

– Мне нужно идти. Дэмиэно уже наверняка прибыл в Мораду, – неохотно произносит он, нежно погладив мою щёку. Хмурится: – Ты как? Сможешь уснуть одна?

Беспокоится обо мне. Это чувствуется, и... Приятно, чего уж там.

– Я нормально. А насчёт сна... Не знаю, – пожимаю плечами. – Постараюсь.

Сейчас, под его пристальным взглядом, мне становится немного неловко. День сегодня выдался тяжёлый. И мы друг друга увидели с новых сторон. Не только я его, но и он меня. И эти новые стороны не всегда были нам приятны. Как это всё повлияет на наши отношения? На его отношение ко мне?

– Ты очень храбро сегодня держалась. Другая на твоём месте уже билась бы в истерике, а ты довольно спокойно всё восприняла, хоть и подавлена. Не перестаёшь меня удивлять, ведьмочка, – слышу неожиданный комплимент.

Хм, могу себе представить. Наверное, я для него ещё тот чудик отмороженный, если сравнивать с нежными аристократами.

– Я была... лекарем, – признаюсь с кривой усмешкой. – В моём мире нет магии. И в лечении людей можно полагаться лишь на свой ум, свои руки и фарм... лечебные снадобья. Долго учиться этому умению. При необходимости резать, чистить, пилить... складывать переломанные кости, сшивать ткани, сосуды... Мне много чего доводилось и видеть и делать своими собственными руками, так что мёртвым телом меня не испугаешь.

– Лекарь, значит, – тянет Федерик. – Это многое объясняет. – Хмыкает: – Тогда можно не волноваться о том, что ты сорвёшься в истерику, как только я уйду?

– Можешь не волноваться – не сорвусь, – фыркаю с демонстративным возмущением. Чтобы не думал даже, будто я тут без него расклеюсь. – Я сейчас искупаюсь, переоденусь в чистое и пойду проведу девочек, раз тебе срочно нужно уходить. Потом возможно заставлю себя что-нибудь поесть, чтобы поддержать организм. И лягу спать.

– Хороший план. Я действительно не успеваю к ним зайти, – со вздохом признаёт муж. – Не перенапрягайся, малыш. Тебе нужно отдохнуть после всего. Если всё же что-то случится, или я тебе буду срочно нужен, скажи Алонсо, он со мной свяжется. И ещё... завтра же научишься пользоваться почтовым футляром. Я тебе подарю личный.

О-о-о. Личное средство связи с мужем это просто замечательно. Не придётся больше думать, к кому обращаться, если вдруг что.

– Такому подарку я буду очень рада, – улыбаюсь ему благодарно.

На этом мы и расходимся. Федерик, стащив с моего плеча сумку с гримуаром, отправляется в архив, чтобы потом вернуться обратно в замок Моряду. А я, предварительно позвонив в колокольчик, чтобы вызвать Бригитту, и спрятав дневники Анны в ящик небольшого письменного стола в будуаре, топаю в ванную комнату. Хотя бы умоюсь пока горничной нет.

В ванной, взглянув на своё отражение, я начинаю понимать почему Федерик так беспокоился о моём состоянии. Золотистая кожа, доставшаяся мне от Анны, сейчас кажется до серости бледной. Воспалённые глаза из-за тёмных кругов под ними кажутся до жути чёрными. И какими-то потухшими. Не прибавляют мне здорового вида и покрытые копотью волосы. Да и платье потеряло свой элегантный вид.

– Ваше высочество, вы здесь? – слышится из спальни голос горничной.

– Я в ванной, Бригитта. Можешь помочь мне раздеться? – окликаю её.

– Конечно, ваше высочество, – с готовностью отзывается та, появляясь на пороге. И застывает, изумлённо меня рассматривая. – С вами всё хорошо?

– Если ты о моём плачевном виде, то не обращай внимания. Мы с его высочеством были в очень пыльном и грязном месте. И я очень устала. Только и всего, – улыбаюсь с самым невозмутимым видом, пуская воду в ванну. – Как там мои падчерицы? Наверное, так нагулялись сегодня, что уже спят без задних ног.

Выпрямляюсь, поворачиваясь к служанке спиной. По взгляду Бригитты в зеркале вижу, что про место нашего с мужем «свидания» ей очень любопытно услышь больше. Но конечно же, девушка ничего не спрашивает и виду не подаёт. Субординация.

– О вы правы, ваше высочество. У юных принцесс сегодня был очень бурный день. И они уже давно поужинали и ушли к себе, – сообщает, расшнуровывая моё платье.

– Его высочество показывал мне их комнаты, но я боюсь, что сама не найду с первого раза. Проведёшь? – бросаю на неё взгляд через плечо.

– Конечно, ваше высочество, – с улыбкой уверяет меня Бригитта. – Так вам приготовить домашнее платье?

– Да. И что-нибудь лёгкое на поздний ужин, будь добра, – улыбаюсь я в ответ.

Садясь в ванну спустя некоторое время я с опаской напоминаю себе, что спать в воде нельзя. Тем более, что Федерик меня отсюда не вытащит. Но опасения мои напрасны. Стоит хотя бы на секунду прикрыть глаза, и перед мысленным взором тут же снова мелькают моменты из сегодняшних видений. И снова я пытаюсь понять, зачем Иезеннию было оставлять именно в комнате Анны? Чтобы напугать? Предупредить? Спровоцировать? Зачем?

Эти вопросы царапают изнутри, не позволяя расслабиться. Тут не то что не уснёшь, тут как бы живьём не свариться ненароком.

Вздохнув, откидываю голову на бортик ванны.

Так, надо абстрагироваться. Выбросить это всё из головы сейчас. Я одна и никто не поможет, если вдруг воспламенюсь от нервов.

Завтра подумаю. На свежую голову. Обсужу всё с мужем ещё раз. Расспрошу его, как идёт расследование, что уже известно, а что нет. А то ведь какой смысл вхолостую силы тратить? Вдруг я увижу то, что ему и так известно?

Уняв свои навязчивые мысли этими весьма вескими на мой взгляд аргументами, я уже гораздо спокойней продолжаю мыться.

Тщательно промываю волосы, смываю с тела не только копоть, но кажется и душевную тяжесть.

Жаль, что сегодня Федерик меня уже не сводит на пляж, как обещал. Мне бы хотелось подышать морским воздухом, искупаться, поплавать, или хотя бы ноги намочить. Ощутить эту благодать. Может, завтра получится? Может, даже с девочками? Проведём время все вместе...

Мечты о море и о завтрашнем дне помогают, возгорания и вскипания не случается, и вскоре я уже чистая, в лёгком удобном домашнем платье цвета какой-то там розы, с высушенными Бригиттой волосами, заплетёнными в простую косу, направляюсь к комнатам девочек. В сопровождении Алонсо, которому Федерик, оказывается, приказал не отходить от меня ни на шаг за пределами покоев.

Скорее всего близняшки спят. Но я просто хочу их увидеть и поцеловать на ночь.

Вот Бригитта останавливается у уже знакомой мне двери. И я, благодарно кивнув ей и жестом попросив Алонсо остаться в коридоре, захожу в комнату Каталины. Малышка действительно спит. На этот раз без альбома. Но я замечаю его на столике рядом. Надо будет завтра попросить показать. Интересно, что она рисует.

Поправив тонкое одеяло, склоняюсь, чтобы поцеловать девочку. Губы касаются её лба. И в этот миг Кати сонно вздохнув, открывает глаза.

– Ваше в... – бормочет удивлённо.

– Меня зовут Анна, Кати, – с нежной улыбкой прикладываю я палец к её губам, садясь рядом. – Просто Анна.

Мне бы хотелось, чтобы они называли меня мамой, но до этого надо ещё дожить.

– Хорошо, Анна, – потрясённо шепчет она.

– Извини, что разбудила. Я пришла проведать вас перед сном. У вашего отца появилось очень срочное и важное дело, он вернётся поздно поэтому не смог зайти сам. Зато утром будет с нами. А сейчас спи, солнышко моё. Завтра будет новый чудесный день.

Она послушно закрывает сонные глазки, погружаясь обратно в сон. Словно и не просыпалась. А я, поцеловав пухлую щёчку и убрав прядку волос за ухо, поднимаюсь с кровати, чтобы проведать и вторую близняшку.

И если в прошлый мой визит Эми явно не спала, то сейчас этот милый ёжик очень мило сопит. И спит-крепко-крепко, не реагируя ни на моё присутствие, ни на поцелуй. Умаялась. Может и не выспалась с прошлой ночи.

Постояв пару минут, любуясь крохой, я всё-таки выхожу в коридор.

Теперь ужинать и спать. Вот только спать... не хочется. Организм устал, а мозг до сих пор перевозбуждён. Боюсь, опять эти видения в голову ползут, и мысли о тёмном, которого я так и не смогла увидеть.

– Алонсо, а вы знаете, как спуститься к морю? – смотрю на своего охранника.

– Конечно, ваше высочество, – удивлённо смотрит тот на меня.

– А можете меня отвести на пляж? Его высочество ведь не запрещал? – склоняю голову набок.

– Не запрещал. Но ведь уже поздно, – с явным намёком сообщает мне мужчина.

– Я знаю. Но мне очень нужно, – умоляюще смотрю на него.

Пару минут мы меряемся взглядами. Я не сдаюсь.

– Хорошо, я отведу вас, – смирятся Алонсо.

– А как же ужин? – тихо всплескивает руками Бригитта. – Ваше высочество! Вам нужно поесть, сами же говорили.

Ну вот... И ведь не отступится теперь. Зря я ей призналась, что не ела ничего почти с самого утра.

– А потом ужин, – приходит теперь уже моя очередь проявить смирение.

Глава 46

Зарывшись пальцами ног во влажный песок, оглядываюсь назад, на сидящих в сторонке и о чём-то беседующих Алонсо и Бригитту. Моя сердобольная горничная на ужине не просто настояла, она мне его сюда на пляж притащила в небольшой корзине. Собрала, пока я, подобрав юбки, бродила по колени в морской воде под надзором своего бдительного охранника. Ещё и одеяло для меня прихватила с пледом. Чтобы «ваше высочество не простыли».

Пришлось ужинать. Старался же человек, заботился. В отместку я попыталась пригласить её разделить со мной трапезу, но девушка наотрез отказалась. Мол не положено, и всё тут, да и не голодная она, ужинала. В отличие от меня, что так и читалось в упрямом взгляде.

Даже не думала, что мне такую опекающую наседку в служанки подсунули. Но её забота обо мне искренняя, и это тоже согревает душу. Приятно. Кажется, я всё больше приживаюсь в этом мире, привязываясь к окружающим людям.

Отвернувшись от увлечённой друг другом парочки, снова устремляю взгляд на бескрайнюю морскую гладь, горизонт которой теряется вдаль, сливаясь с ночным небом.

Набродившись и нагулявшись, я просто уселась почти у самой воды, постелив себе на песок тонкое лоскутное одеяло, принесённое Бригиттой и закутавшись в плед.

Не знаю, сколько сейчас времени, но уходить отсюда не хочется.

Мерный шум успокаивает, даря умиротворение. Висящая в небе над морем огромная луна и мерцающая лунная дорожка на воде приковывают взгляд, завораживая и гипнотизируя. Волны накатывают на мои ступни, порой обдавая брызгами, заставляя порой вздрагивать от неожиданности и невольно улыбаться. Вдыхая полной грудью солёный с примесью йода воздух, я чувствую, как всё дальше отступают жуткие видения.словно пламя под напором воды. И это хорошо.

Как отсюда уйти? Если в замке меня ждёт всего лишь пустая постель, в которой, возможно, когда-то мой муж любил другую женщину.

О ней я ведь так ничего и не спросила. У других за спиной Федерика не хочу, а у него самого... Не до того нам было.

Его появление я ощущаю сразу. Просто как-то чувствую, что он рядом. Мой мужчина. Действительно ведь мой. Очень быстро таковым стал.

Он просто подходит и садится позади меня, обтекая своим большим телом так, что я оказываюсь сидящей между длинных мускулистых ног, тоже босых, окружённая им со всех сторон. Обнимает, притягивая к своей груди. А в моей как-то слишком взволнованно трепещет глупое восемнадцатилетнее сердечко. Сложно не проникнуться романтическим моментом. Ночь, море, луна и потрясающий мужчина, который пришёл именно ко мне.

– А говорила, что спать пойдёшь, – бормочет муж, зарываясь лицом в мою шею.

В том, что Алонсо сразу же доложил моему супругу, куда я подалась, даже сомневаться не приходится.

– Передумала. Ты хоть не бросил там всё из-за этого? – поворачиваю к Федерику голову, чем неосознанно напрашиваюсь на поцелуй в висок. – Извини, если так. Я не хотела тебя отрывать от работы.

– Не бросил. Всего лишь постарался справиться быстрее, – слышу в ответ. – Почему ты здесь?

– Тут... спокойно. И всякие гадости в голову не лезут, – признаюсь, закрыв глаза. Наслаждаясь прикосновением его губ к моей коже. – Мне не хотелось снова и снова видеть то... что уже видела, не хотелось думать об этом, искать ответы... сам знаешь почему. Боюсь, браслеты тут бы не спасли.

Федерик на это ничего не говорит. Лишь подтягивает меня ещё ближе и плотнее закутывает в плед, накинутый мне на плечи.

– Нашли что-нибудь? – не выдержав неизвестности, спрашиваю спустя пару минут молчания. Муж отвечать не спешит, поэтому я поворачиваюсь в его руках, заглядывая в глаза. – Пожалуйста, расскажи мне. Я должна знать.

Наши взгляды встречаются. Не знаю, как ему, а мне его в лунном свете достаточно хорошо видно. И сжатые губы и хмурюю складку над переносицей.

– Да, нашли, – произносит, уступая. – Остатки весьма специфических заклинаний. Запрещённых. Обследовали тело... Иезенния погибла в точности так, как ты мне рассказала, судя по следам магии на ней. Но всё это, к сожалению, ничего не говорит о личности её спутника, кроме того, что нам и так уже известно. Мы имеем дело с очень сильным тёмным магом.

– Которого я не могу видеть, – вздыхаю с досадой.

– Твои видения, это не единственный способ его найти, – пытается приободрить меня Федерик. – И у нас теперь есть новые зацепки благодаря тебе. Раз уж мы теперь точно знаем, что Иезенния была тоже причастна к культу, то Анна вполне могла что-то знать об этом и написать в своих дневниках. Ты умничка, что подумала о них и нашла. Кстати, ты говорила, что с Иезеннией был скорее всего пожилой мужчина... Насколько пожилой?

Похвала всем приятна. И я не исключение, даже если он это сказал только, чтобы ободрить меня.

– Ну, сложно сказать. Не дряхлый старик точно, но ощущался именно пожилым, древним, не знаю, как объяснить, – пытаюсь я оформить в вербальную форму то, что видела в замке Мораду. – Я бы дала лет семьдесят, но на мои ощущения тут точно нельзя ориентироваться. Мне тяжело соотнести их с точным возрастом, у вас тут, как я поняла, сильные маги живут значительно дольше, чем люди в моём мире. А что? Есть предположения, кто это может быть?

– Скорее, кто это точно не может быть. Я установил слежку за Иаго Вэлеско после того, как ты рассказала мне, о чём говорила с Иезеннией. Он сейчас занят подготовкой к поездке в Босварию, отбывает с делегацией уже завтра, и его вчера многие видели в то время, когда Иезенния со своим спутником прибыли в Мораду. Исходя из этого и твоих слов о возрасте, я могу исключить Иаго из кандидатов на роль Тёмного из Мораду.

– Почему из моих слов? Он не пожилой?

– Ему сорок пять, – выразительно смотрит на меня Федерик.

– М-да, не древний, – соглашаюсь. – А что... его величество?

Напоминать мужу, что тот как раз по возрасту более-менее подходит не считаю нужным. Сам наверняка понимает.

– Нет, это точно был не король, – качает головой. – Я бы заметил, если бы он вчера отлучался из дворца. И его магию бы узнал. Да и не

стал бы отец лично таким заниматься. Во-первых – он всегда был умелым и очень хитрым манипулятором. Обычно его величество предпочитает действовать чужими руками, коварно сталкивать противников лбами, управлять людьми через их страхи и слабости. А во-вторых... Если культ возродился, да ещё так высоко поднялся, то в этом деле могут быть замешаны многие маги королевства. Особенно те, чья сила значительно превышает средние показатели в роду. Те, кто нарастил собственный потенциал сверх всякой меры.

А круг потенциально-опасных для меня людей-то всё шире становится.

– Ясно, – киваю, устремив взгляд на то место, где сидели Алонсо с Бригиттой.

Сейчас там никого нет, нас, судя по всему, оставили наедине. Поэтому Федерик и говорит со мной столь откровенно. И про расследование... и про отца. Боже, это что же за человек там такой, если родной сын ему такую характеристику даёт.

Федерик умолкает, мрачно смотря на море. И мне сейчас безумно хочется чем-то помочь, как-то унять ту горечь, которую ощущала в его словах. Но всё что я могу, это просто обнять его, обхватив руками, делясь свои теплом и эмоциями. В ответ получаю немного удивлённый взгляд. Криво улыбнувшись, муж поправляет мой плед, заботливо натягивая обратно на плечи.

– И много таких магов, выбивающихся из нормы? – уточняю, уже догадываясь, каков будет ответ.

– Немало, – мрачно подтверждает мои опасения супруг. – Но мы для начала проверяем лишь тех, кто упорно рвётся к власти, не брезгуя никакими методами, идя по головам. Либо уже занимает высокое положение. Последователи культа в своё время наращивали мощь не для того, чтобы в тени сидеть. Им нужна безграничная власть, контроль, влияние... ещё больше силы. Тёмная магия накладывает отпечаток на личность, берёт высокую цену, пожирая души, уничтожая всё человеческое. Мы знаем, что ищем, Анна. А значит, найдём и уничтожим.

– Я тебе верю, – сжимаю мужское запястье. – Спасибо, что рассказал мне это всё и объяснил.

– Зря благодаришь. Такое женщинам обычно не рассказывают, – слышу в ответ саркастичный смешок. – Да ещё на ночь глядя.

Придётся твой сон стеречь, чтобы кошмары не снились.

– Ха-ха. Может у вас в Арганде и не рассказывают, но я предпочитаю знать...

– Знать, что происходит. Я помню, независимая моя, – теперь уже явно подначивая меня, тянет Федерик.

Сразу вспоминаются его взгляды сегодня, когда я позволяла себе задавать не самые приятные для него вопросы.

– Наверное, ты не такую жену себе хотел, – роняю я, пытаюсь незаметно отстраниться. Но мужские руки тут же сжимаются вокруг меня сильнее, пресекая эту попытку на корню.

– Да, не такую, – соглашается он небрежно, заставляя моё сердце болезненно трепыхнуться.

– Ну... по крайней мере честно, – выдаю я, старательно пытаюсь побороть дурацкую реакцию глупой мышцы.

А чего ты хотела, Лана? Думала, тут твой характер к месту придётся? Вот уж вряд ли.

Наверное, он о кроткой и тихой скромнице мечтал, которая будет во всём его слушаться. Не такой, как Анна, конечно. Там был явный перебор. Но всё же...

– Таких, как ты, мне не доводилось раньше встречать, – прерывает Федерик мой уже вовсю запущенный сеанс самонакручивания и самобичевания. – Поэтому и жену я себе такую даже представить не мог, ведьмочка.

– Ну извини. Я как-то за принца замуж тоже не стремилась, – ворчу, ещё не разобравшись, как относиться к его уточнению. – Мне тоже сложно привыкнуть, что мною кто-то постоянно командует и говорит, что делать.

– Не думал, что встречу женщину, которая будет считать мой титул моим недостатком, – хмыкает Федерик.

– А твоя первая жена, как она относилась к тому, что ты принц и будущий король? – решаюсь я наконец поднять животрепещущую для меня тему.

Глава 47

Федерик застывает, снова нахмурившись. В лунном свете его черты кажутся резче чем обычно. И я чувствую, что о покойной жене ему говорить совершенно не хочется.

– Прости, если зацепила за больное, – иду на попятную. – Если не хочешь, можешь не отвечать. Я пойму.

На меня устремляется пронзительный взгляд серебристых сейчас глаз, нереальных, завораживающих.

– Я расскажу, раз ты спросила. Но взамен хочу услышать о твоём первом браке, – заявляет спокойным тоном, вышибая меня из колеи. И прежде чем я успеваю что-либо ответить, продолжает: – Наша с Ноэми помолвка была заключена, когда мне исполнилось пятнадцать, а ей одиннадцать. Династический союз между наследным принцем Арганды и княжной Манара, это небольшое, но весьма богатое княжество на западе от нас. Её с рождения готовили к подобному браку, поэтому мой титул моя невеста воспринимала, как должное. Но тебя ведь не только это интересует, верно?

Отрицать не вижу смысла. Всё равно ведь по эмоциям поймёт. Поэтому просто молча киваю, предоставляя ему самому решать, что говорить.

– Мы поженились, когда ей исполнилось двадцать, – продолжает свой рассказ Федерик. – Так настояли её родители, а я не возражал. И только перед свадьбой выяснилось, что она сильно переболела в свои семнадцать. Перенесла белую лихорадку, тяжёлую болезнь, которая наносит непоправимый вред не только организму, но и магическому резерву. Когда мой отец узнал об этом, то тут же потребовал, чтобы я расторг помолвку и взял другую жену. Я отказался. Ноэми была очень светлым и добрым созданием, мне она искренне нравилась, и ломать её жизнь своим отказом жениться мне не хотелось. Тем более, что болезнь она победила, лекари в один голос твердили, что её жизни и здоровью больше ничего не угрожает, если следовать некоторым незначительным предписаниям, а подождать пару лет с наследниками в двадцать четыре мне не казалось сложным.

– Лекари ошиблись? – тихо спрашиваю я.

– На тот момент нет. Ноэми действительно поправилась. И первые годы всё было замечательно. Мы хорошо подошли друг другу, и между нами зародились взаимные нежные чувства. Но спустя три года мы решили, что пора уже подумать о детях. Я, конечно же, вызвал лучших врачей, чтобы удостовериться, что это не повредит моей супруге. Те заявили, что она здорова и может выносить мне наследника. Вот только с этим возникли проблемы. Забеременеть она не смогла. Лишь спустя ещё три года в её чреве зародилась жизнь, наши девочки. И за это время Ноэми в полной мере ощутила, каково это быть неугодной невесткой короля Арганды.

Голос Федерика рокочет неприкрытой злостью. И даже если бы я ещё могла сомневаться до этого в муже, то сейчас у меня даже сомнений не возникает, на чью сторону он стал тогда.

Каково это хотеть ребёнка, но быть неспособной его выносить, знаю слишком хорошо. А если девушку ещё и с детства готовили к тому, что она обязана родить мужу наследника и учили, что в этом её первоочередная ценность... Тут Ноэми можно только посочувствовать. Представляю, в какой ад может король превратить жизнь своей невестки, если пожелает того. Особенно такой, каким мне рисуется отец моего мужа.

Но она была не одна. Её поддержал тот, кто мог первый ткнуть пальцем и сказать, что она сама во всём виновата.

– Ты из-за этого переехал с ней из королевского дворца в свой личный особняк? – мой голос звучит так сипло, что я сама его не узнаю.

– Да, – задумчиво кивает Федерик. – Сначала я увёз Ноэми сюда, в Анжерон. Но мои обязанности требовали моего частого присутствия в столице. Тогда я приказал построить тут внутренний портал. Но постоянно мотаться сюда означало риск раскрыть его координаты. Поэтому я купил знакомый тебе особняк и превратил его в самое защищённое место в столице, с возможностью убраться сюда в любой момент. И когда Ноэми всё-таки забеременела, возвращаться с ней в королевский дворец наотрез отказался. Покуда жив мой отец, там не место моей семье.

Жёстко.

И сейчас меня до мурашек пугает мысль, что она умерла из-за беременности и родов. Не потому, что такая смерть ужасает сама по

себе. А потому, что такая смерть оставляет живых с чувством вины. Мужа, которому так нужен был наследник. Детей, которые стали причиной... Хочется по-детски спрятать голову в песок и попросить не говорить мне этого.

Но с этим мужем мне жить, и этим детям я хочу стать мамой. Поэтому знать обязана.

– Почему она умерла? – задаю я тот самый вопрос.

– Лихорадка вернулась, когда девочкам было три года, – слышу ответ. – Она сгорела за пару недель, никто не смог помочь.

Федерик наблюдает за мной. И точно ощущает моё облегчение.

– Значит, у девочек нет причин считать себя виноватыми, – пытаюсь я объяснить свои чувства. – Думаю, ей бы этого не хотелось.

– Да. Они не виноваты в этом никоим образом. Это случилось не из-за беременности. А что насчёт тебя, Лана?

Моё настоящее имя он произносит с нажимом, будто подчёркивая.

– Меня? – вскидываю на него удивлённый взгляд.

– Да, тебя. Я рассказал о своём первом браке, теперь твоя очередь.

И вот зачем ему это? Ну ладно у меня шкурный интерес и нужно понимать, чьё место я заняла, понимать, как к девочкам подступиться. А мой брак тут причём? Но договор есть договор, даже если он слегка навязан.

– Моя история довольно обычная, – пожимаю плечами. – Мы с Артёмом познакомились, когда я проходила интернатуру. Это такой этап обучения моей профессии, когда полученное образование закрепляется на практике под контролем... наставника. Столкнулись с ним в коридоре клиники, в которой он проводывал свою больную маму, а я собственно и проходила эту самую практику. Разговорились, он пригласил на свидание. Потом начали встречаться. И через полтора года поженились.

– Ты любила его? – оглушает меня Федерик неожиданным вопросом.

– Любила, – киваю отстранённо. – Мне так думалось. Без всех этих спецэффектов, бури-страсти-безумия, но я доверяла ему, верила, что и он любит.

Так сложно подобрать слова, чтобы не скатиться в бабское нытьё с пересказом своих женских обид. Не хочу этого. Тряхнув головой,

продолжаю сухо:

– Я закончила, интернатуру, ординатуру, получила хорошее место, стала детским хирургом. И мы с мужем тоже решили, что пора становиться родителями. Мне очень хотелось стать мамой. Ещё с тех пор, как умерли мои родители, оставив одну, я мечтала, что когда-нибудь у меня будет большая семья и несколько детишек. Но оказалась бесплодна. Множество попыток, несколько выкидышей... Последний, два года назад, чуть не разрушил меня, и разрушил мой, как оказалось, совершенно не крепкий брак. Пока я собирала себя по кусочкам, Артём свалил в закат, заявив, что не может так больше жить и устал от моих истерик и депрессий. Вывалив попутно ещё кучу обвинений, из которых следовало, что я повёрнутая на работе и детях ледышка, а ещё стерва редкостная. Сейчас у него другая семья и другая женщина, молодая и беспроблемная. А я вот умерла там. И попала сюда. И теперь тебе придётся терпеть такую неудобную жену, которая задаёт неудобные вопросы и не привыкла подчиняться мужу.

Закончив свой краткий рассказ, я застываю опустошённая. Отвернувшись, снова смотрю на море. Несколькими предложениями не передать ту боль и разочарование, которые я испытала. Да и незачем это. Было и прошло. У меня новая жизнь. С другим мужчиной. С девочками, которым так нужна мать. И я постараюсь прожить эту жизнь лучше, чем прежнюю.

– Посмотри на меня, – взяв меня за подбородок, Федерик вынуждает повернуть к нему голову. Смотрит строго в глаза. – Твой бывший муж болван и трус. Не позволяй его словам и поступкам влиять на твою уверенность в себе. Он был недостоин такой сильной и прекрасной душой женщины.

– Только душой? – чувствуя неловкость, нервно хмыкаю я.

– Я же не видел тебя прежнюю. Вдруг, ты страшная была, – поддразнивает муж.

– Нормальная я была. Конечно, Анна эффектней и красивей, но и на прежнюю свою внешность я не жаловалась, – фыркаю возмущённо.

– Не сомневаюсь в этом. Такая страстная и горячая женщина не может быть некрасивой, – как-то очень бархатно и ласково уверяет меня Федерик, склоняясь к моему лицу и вызывая во мне такой уже привычный в его присутствии внутренний трепет. – Я рад, что ты здесь со мной, Лана. Жаль, что это стало возможным лишь при таких

обстоятельствах, но дар Богини я в полной мере оценил. И благодарен ей за то, что она мне тебя вручила. Таковую, как ты есть.

– Какую? – сознательно поддаюсь я на эту уловку, чувствуя, как замирает и щемит сердце в груди, а губы горят в предвкушении поцелуя.

– Сладкую, дерзкую и пылкую ведьмочку. Идеально мою, – шепчет он мне в уста за миг до того, как смять их жаркой лаской.

Глава 48

Это первое утро после нашего с Федериком знакомства, когда я просыпаюсь одна без него. Муж ещё перед сном меня предупредил, что на рассвете ему надо будет на пару часов отлучиться в столицу по какому-то очень важному и очень срочному делу. И я даже смутно припоминаю, как он целовал меня перед уходом. Я тогда сонно пыталась его затащить в кровать обратно. У меня даже почти получилось.

Потянувшись кошкой, мечтательно вздыхаю. Вчерашний день и особенно наш с Федериком разговор на пляже что-то основательно сдвинул в моём восприятии.

То, что он мне рассказал, и то, что смогла рассказать ему я... Его слова после, и та нежность, с которой этот большой и сильный мужчина меня утешал...

Как тут остаться равнодушной? Невозможно просто.

Это было бы невозможно, даже если бы я не испытывала к мужу такую сильную симпатию с самого начала. А так... у меня просто не было шансов устоять. Не было шанса уберечь своё сердце от первых ростков того самого чувства, которое я зарекалась снова к кому-либо испытывать.

Мы ещё долго сидели у воды, целуясь, как подростки. И, скорее всего, поцелуями бы дело не ограничились, но начался прилив, и нам пришлось убираться с насиженного места.

К тому моменту, как мы поднялись к замку и добрались до наших покоев, я уже едва ноги переставляла от усталости. Длинный тяжёлый день давал о себе знать. Да и Федерик устал не меньше. Я чувствовала это, хоть он и не подавал виду.

Поэтому, ополоснувшись от песка, мы просто завалились в кровать и в обнимку уснули.

Так словно делали это сотни раз. Вместе.

Может... может, действительно из нашего брака выйдет что-то гораздо большее, чем я смела надеяться?

Может, между нами всё-таки возможны более сильные взаимные чувства?

Ох, неужели мне действительно нужна вся эта чепуха, именуемая любовью?

Выходит... что всё-таки нужна. По крайней мере, мысль о том, что Федерик, возможно, со временем меня полюбит, вызывает в душе вполне определённый трепет и щемящую надежду. В том, смогу ли я сама его полюбить, как-то даже сомневаться не приходится. Я уже подошла к этой пропасти слишком близко. А может и вовсе на краю стою.

До моего слуха доносится тихий звук открываемой двери и едва слышные шаги. Это не Бригитта, точно нет. Кажется, муж уже успел справиться со своими делами и даже вернуться из столицы.

Прикрыв глаза, я из-под ресниц наблюдаю, как он заходит в спальню. Осторожно и тихо, явно стараясь меня не разбудить. Снова хмурый и сосредоточенный. Так и хочется разглядеть эту складку над переносицей. Тёмные волосы растрёпаны. Может, ветер на башне растрепал, а может он сам...

Снимает сначала ремень с ножнами, вешает на спинку кресла, потом расстёгивает строгий графитово-серый камзол, украшенный золотыми пуговицами и всякими позументами, названий которых я не знаю. Бросает его туда же, и в одной рубашке и штанах садится на край кровати, спиной ко мне. Устало трёт лицо... И моё сердце сжимается. Бедный... Опять ведь не спал почти.

Поднявшись, я перемещаюсь к нему. Ладони ложатся на широкие плечи.

– Доброе утро, муж мой, – здороваюсь тихо, принимаясь легонько разминать напряжённые мышцы.

Ему бы массаж расслабляющий.

Федерик замирает... то ли от неожиданности, то ли прислушиваясь к своим ощущениям. А я решаю этим воспользоваться и тяну белую рубашку вверх, обнажая мускулистую спину.

А-а-ах, какая красота. До чего же мне муж мужественный достался. Аж слюнки текут. И я... теку.

Федерик мне не сопротивляется, наоборот ещё и руки поднимает, позволяя снять мешающий мне предмет одежды.

– М-м-м, мне очень нравится твой способ здороваться, – заявляет с улыбкой в голосе.

– Ложись на живот, руки вытяни вдоль тела и просто расслабься, – велю я, решив, что массажу всё-таки быть. – Штаны и обувь желательно сними.

Федерик удивлённо оглядывается на меня через плечо.

– Что ты задумала?

– Буду делать тебе хорошо и приятно, – подмигиваю ему.

Замечаю, как муж несогласно выдвигает подбородок. Ну да, ну да, как же он такой весь контролирующий и доминирующий контроль женщине отдаст.

– Или ты боишься? – вскидываю иронично брови.

– Напрашиваешься, ведьмочка, – фыркает он в ответ, но всё-таки поднимается, принимаясь расстёгивать ширинку.

А я, удовлетворённо наблюдая за его действиями, вспоминаю, что в ванной видела всякие флаконы с полезными маслами.

– Ты устраивайся поудобнее, а я сейчас вернусь, – соскользнув с кровати, устремляюсь в нужное мне помещение.

В ванной, пробежавшись взглядом по флакончикам на полке, выбираю миндальное масло. И раз уж я здесь, то быстренько умываюсь и удовлетворяю другие свои утренние нужды, наведя после этого чистоту и красоту.

А в спальне, по возвращении, нахожу обнажённого Федерика, развалившегося на кровати на боку. Муж с явным нетерпением буравит взглядом дверь ванны, но стоит мне показаться, как его глаза предвкушающе загораются. Правда взгляд становится чуточку напряжённым, когда он замечает, что я что-то прячу за спиной.

– Я уже начал думать, что ты не придёшь, – хмыкает он.

– Угу. И буду жить в ванной комнате, – усмехаюсь лукаво. Прошу ещё раз: – Ляг, как я просила, пожалуйста. И расслабься. Обещаю, тебе понравится то, что я собираюсь делать.

Пару секунд он колеблется, задумчиво меня рассматривая. Видно, что мужчину разбирает любопытство, и гложут сомнения. Не привык его высочество отдавать женщине власть над собой. Ой не привык. Но всё же он выполняет мою просьбу и переворачивается на живот.

Ха. Попался.

Мысленно потирая руки, я снимаю с себя ночную сорочку и залезаю на кровать, садясь ему на бёдра. Откупорив флакончик, капаю несколько капель вдоль позвоночника. Муж в ответ поворачивает

голову, пытаюсь рассмотреть, что у меня в руках. Вот же недоверчивый.

– Это всего лишь миндальное масло. Оно очень полезное для кожи. С его помощью я хочу сделать тебе расслабляющий массаж, – поясняю, принимаясь уверенными нежными поглаживаниями разогревать его спину. Начиная от ягодиц, и двигаясь вверх вдоль позвоночника, вызывая тем самым удивлённый вдох у Федерика.

Потом перехожу к растиранию, особое внимание уделяя напряжённой шее. Двигаюсь обратно вниз, кайфуя от ощущения его кожи под руками, от запаха, от соприкосновения наших тел. Так и хочется потереться, поцеловать, лизнуть...

Не помню, чтобы я когда-нибудь так возбуждалась от простого массажа. Хотя Артёму делала довольно часто, поскольку у него была сидячая работа и постоянно затекали мышцы.

И такого сильного желания заботиться и причинять мужчине удовольствие тоже за собой раньше не замечала.

Зато Федерик постепенно всё больше расслабляется, растекаясь по кровати.

К тому моменту, как я перехожу к самой трудоёмкой части массажа, тщательно прорабатывая все мышцы, он уже открыто постанывает от удовольствия, хотя поначалу молчал, как партизан.

К сожалению, очень скоро мои руки начинают уставать – всё-таки тело мне досталось хрупкое и нежное. Но я упорно довожу дело до конца, сполна насладившись тем, что сумела сделать своему супругу очень хорошо. Теперь можно и к другому виду массажа перейти. Более интимному.

– Перевернись, – прошу после того, как соскальзываю с него и сажусь рядом.

На этот раз упрашивать не приходится. И переворачивается Федерик весьма бодро.

– М-м-м, я вижу тебе всё очень понравилось, – лукаво улыбаюсь, стрельнув глазами на гордо возвышающееся мужское достоинство.

Муж в ответ скользит по моему телу откровенно голодным взглядом.

– О, я даже слов не найду, чтобы передать, насколько мне всё нравится, – тянет он, лаская глазами мою грудь. Протягивает ко мне

ладонь: – Иди ко мне.

– Нет-нет. Я ещё не закончила. Лежи смирно и получай удовольствие, – подмигиваю ему и демонстративно вытаскиваю пробку из горлышка флакона.

– Жестокая женщина, – вздыхает наигранно мученически. И ложится закидывая руки за голову, отчего его мощная грудная клетка прорисовуется ещё соблазнительней, как и мышцы пресса.

Ну держись у меня. Если не съем, то хотя бы покусая.

Масло на него я капаю с самым непринуждённым видом, хотя на деле внутри всё уже сводит от предвкушения и желания. Закупорив обратно флакончик, отставляю тот в сторону и, перекинув ногу через торс Федерика, сажусь на него сверху. Сдвигаюсь так, чтобы прижаться ягодицами к подрагивающей эрекции. Ерзаю, будто устраиваюсь поудобней.

Муж реагирует шипящим выдохом. Так тебе и надо.

– Ведьмочка, – усмехается хищно, опуская руки.

И когда я начинаю размазывать по его телу капельки масла, тоже тянется к флакону. Наливает себе на ладонь немного, отставляет остальное.

И прежде чем я успеваю понять, что он задумал, растирает масло уже в обеих ладонях, после чего накрывает ими мою грудь. Обводит оба полушария, тиская и разминая, уделяет внимание животу, скользит обратно вверх на шею... эти волшебные руки на моём теле ощущаются так хорошо, что из моей головы на некоторое время вылетает даже то, что массаж тут вроде как я делаю, а не мне.

Вспоминается с трудом. Но всё же я нахожу в себе силы продолжить. Скользя ладонями по совершенному телу. Задыхаясь и постанывая от ответных ласк и прикосновений. Неосознанно раскачиваясь, потираясь самым сокровенным об него и оставляя мокрый след на смуглой коже.

– Я сейчас умру, если не окажусь в тебе, – со стоном бормочет Федерик, щипая и оттягивая мои соски. – Хочу тебя до безумия, моя ведьмочка.

Усмехаюсь, игриво закусив губу. Заведя руку за спину, обхватываю возбуждённый член, принимаясь ритмично поглаживать. С маслом на ладонях, это получается так скользко и возбуждающе, что у меня пальцы на ногах подгибаются. Хочется трогать ещё и ещё.

Хочется слушать это прерывистое дыхание и хриплые стоны. Но ещё больше мне хочется ощутить его в себе, заполнить гложущую меня пустоту. Приподнявшись, я сама направляю твёрдую плоть внутрь. И, опускаясь, нанизываюсь на него на всю длину до упора.

С горла вырывается хриплый стон, и глаза сами собой закатываются от невыносимо сладкой наполненности. Качнувшись раз, второй, принимаюсь двигаться на нем, постепенно увеличивая темп и амплитуду, поднимаясь и опускаясь, виляя тазом в поисках своего ритма и наибольшего наслаждения. Растворяясь в нарастающем удовольствии.

– Да, малышка, вот так, – слышу хриплое урчание Федерика. – Боги, какая же ты нереальная... невозможная, моя ведьмочка, моя сладкая девочка. Да вот так, моя хорошая.

Его руки теперь, кажется везде. Ласкают мои груди, пощипывая соски так, как мне нравится, сжимают талию, гладят живот... Вернувшись одной рукой к моей груди, вторую он опускает туда, где соединены наши тела. Накрывает большим пальцем клитор и принимается потирать в такт моим движениям, сводя с ума окончательно.

Оргазм накрывает меня такой мощной волной, что я на миг теряюсь во времени и в пространстве, содрогаясь и слепо цепляясь за мужа с гортанными стонами.

И сама не замечаю, как внезапно мир переворачивается и я оказываюсь прижата к кровати всей возбуждённой мощью мужского тела. Закинув мои ноги себе на плечи, Федерик врывается в меня одним мощным толчком. И сразу же срывается в бешенный темп. Вынуждая меня уже в голос кричать от закручивающегося по спирали невозможно острого удовольствия. Разбивая моё сознание вдребезги новой вспышкой такого глубокого и всеобъемлющего наслаждения, что я выпадаю из реальности полностью, растворяясь без остатка в ревущем пламени. Лишь на краю сознания слыша низкий рык мужа, когда и он догоняет меня в своём освобождении.

Глава 49

На моём муже очень удобно лежать. Я это отметила ещё в первое наше совместное утро. И Федерику, кажется, не доставляет никаких неудобств то, что я снова расположилась сверху. Иначе зачем бы он самолично меня на себя затаскивал. И тискал всё, до чего мог дотянуться.

– Мне показалось, что ты был чем-то расстроен, – бормочу, скользя пальцами по гладкой смуглой коже. – Что-то случилось?

Широкая грудь подо мной вздымается на вдохе, но муж молчит. Подняв голову, я кладу подбородок на сложенные ладони. Смотрю ему в глаза. Вижу, как в них пляшут тени. Да и выражение лица становится замкнутым.

– Тебе не о чём беспокоиться, Анна, – уверяет ровным тоном.

– Так обычно говорят, когда беспокоиться есть о чём, – дёргаю уголком губ. Но больше ничего не спрашиваю, как бы не хотелось.

Захочет, сам расскажет. Не захочет – всё равно промолчит. Я на него обижусь, он, скорее всего, разозлится. Ещё поссоримся зазря. Зачем портить такое хорошее утро ссорой? Незачем. Потом лучше как-нибудь выпрошу.

Поэтому я просто смотрю. Рассматриваю его мужественное лицо, упрямый квадратный подбородок покрытый тёмной щетиной, чётко очерченные чувственные губы сжатые в строгую линию, патрицианский нос с чуть расщеплённым кончиком – где-то в какой-то псевдонаучной статье я, кажется, читала, что это признак тиранистости и властности... И глаза, до невозможности голубые, пронзительные, красивые... немного удивлённые. Под моим взглядом выражение его лица смягчается, на губах появляется задумчивая улыбка.

– Ты поразительная женщина, Лана, – хмыкает он внезапно. – Твоё выразительное молчание действует похлеще самого умелого допроса. Всю подноготную хочется рассказать. Точно ведьма.

А я что? Я же ничего... Смотрю, люблюсь, думаю... чувствую...

– Ведьма-ведьма. Можно подумать, ты в этом раньше сомневался, – фыркаю насмешливо. – Значит, всё-таки что-то случилось?

– Можно и так сказать, – мрачнеет. – Король требует, чтобы мы с тобой вместе присутствовали на официальном приёме в королевском дворце через неделю.

Ох ничего себе. Неожиданно.

Перспектива так скоро познакомиться с тем самым королём, который вполне возможно желает мне смерти, оглушает не на шутку. А ведь ещё королева есть, которая мне свекровью приходится.

Неделя, это ведь совсем немного. Особенно с учётом того, насколько я неподготовлена к таким мероприятиям. И к этой встрече. Вот только почему Федерик заявил, что мне не о чём беспокоиться? Тут ещё как есть.

Неужели отказал отцу?

– Мы не пойдём? – спрашиваю осторожно.

– Нет, – жёстко припечатывает Федерик. Хмурится опять. – Моя жена была серьёзно ранена всего пару дней назад. Без божественного вмешательства, о котором никто кроме нас с тобой не знает, ты бы ещё была прикована к кровати. Его величеству придётся смириться с мыслью, что не все согласны плясать под его дудку, выпрыгивая из штанов.

Потянувшись, я разглаживаю не дающую мне покоя складку над мужниной переносицей. Глажу его по щеке.

– Не кипятись. Если ты считаешь, что так лучше, то конечно не пойдём, – уверяю мужа, мысленно полностью поддерживая. – Я лишь волнуюсь о том, чтобы этот отказ не обернулся для тебя новыми проблемами.

Федерик перехватывает мою ладонь, притягивает к губам, нежно целуя в серединку.

– Не волнуйся. Справлюсь. Мне не впервой не оправдывать ожидания отца, – бормочет со вздохом. – Я не хочу, чтобы он тебя видел. Сначала нам нужно найти виновного в смерти Анны. Не хочу, чтобы с тобой что-то случилось. И разобраться с твоим даром.

Тут не поспоришь. Приём в королевском дворце, это не поход в замок Мораду под иллюзией секретаря. Там уж точно нельзя себя выдавать ни в коем случае.

Вот только... чует моё сердце, что так просто эта ситуация не разрешится. Знать бы только, чем обернётся нам отказ пойти на этот приём. Может, потом попробовать посмотреть? Будет мне тренировка.

– Нам, наверное, пора вставать, – меняю я тему. – Как ты смотришь на то, чтобы сегодня сходить с девочками на пляж? Или как-то по-другому провести с ними вместе время? И они будут рады побыть с тобой подольше, и ты отдохнёшь немного от всех забот? М-м?

– А ты? – заинтересованно прищуривается.

– Ха-ха-ха! А я воспользуюсь этой прогулкой, чтобы коварно втереться ко всем вам в доверие и очаровать своими ведьмовскими чарами, – изображаю зловещую ухмылку. – Особенно девочек. Эти прекрасные принцессы гораздо более осторожны со всякими мачехами-ведьмами, чем их отец.

– М-м, вот как? – поджигает губы Федерик. В глазах вспыхивают весёлые искорки. На моей талии сжимаются мужские руки, подтягивая выше, а сам он подаётся ко мне, сообщая почти в губы: – Просто их мачеха-ведьма слишком очаровательна, чтобы отец прекрасных принцесс смог перед ней устоять.

И целует, нежно прикусывая нижнюю губу. Выпивая мой тихий вздох.

– Так что? Ты согласен? – хрипло спрашиваю, когда муж отстраняется, и моё сердце перестаёт сбоить.

– Конечно. Разве я могу такое пропустить? – фыркает он в ответ. – После завтрака поможешь Эми и Кати подготовиться и подобрать одежду для купания, раз уж решила учить их плавать.

Одежду для купания? Точно. В этом мире ведь наверняка нет ничего напоминающего привычные мне купальники. Да и вряд ли такая вещь тут, в Арганде, считалась бы приемлемой. Придётся помозговать над этим. Да и самой ещё нужно что-то подходящее подобрать.

Сложную задачу я себе организовала, однако.

Но ради возможности побыть хотя бы несколько часов вместе с мужем и девочками, одной семьёй, радуясь жизни и узнавая друг друга, я готова и не на такие подвиги.

Глава 50

Солнечные лучи, играют яркими бликами на воде. Мокрая ткань панталон и сорочки облепливает тело так, что и купальнику не снилось. Но я, предвидев это, надела под сорочку ещё и камисоль, чтобы не светить грудью.

Правда, мне сейчас нет никакого дела до того, как я выгляжу. Слишком ответственное у меня занятие.

– Расслабься, Кати. Просто расслабься, полностью. Не напрягай ни рук, ни ног, ни позвоночник. Лежи и качайся на волнах. Вода держит тебя, поднимает вверх, чувствуешь? – ласково увещаваю я девочку, поддерживая снизу под лопатками и коленками.

– Да-а-а, – потрясённо выдыхает она, стараясь сделать, как я велю.

И у неё, конечно же, получается. Дети обычно быстро схватывают эту простую науку. У них ещё не выстроились жёсткие сознательные рамки, которые говорят, что вот это вот они не умеют и не могут.

– Ну вот. Ты уже можешь лежать на воде, – я незаметно убираю руки. – Запомни это чувство. Расслабляешься, и вода тебя поднимает, качает, как в колыбели.

– Это так приятно, – жмурится от удовольствия девочка, покачиваясь на волнах. Море сегодня спокойное и тёплое. Купаться с детьми одно удовольствие.

Нахожу взглядом вторую сестричку. Эми со мной учиться отказалась. Но когда я предложила Федерику покатать дочку на спине, устремила на отца такой восторженный и полный надежды взгляд, что у того просто не было шансов отказаться. Вот и сейчас он на некотором отдалении от нас рассекает водную гладь мощными уверенными гребками, а сияющая от счастья малышка, крепко держится за его плечи.

– Теперь новый урок, Кати, – обратно подступаю я к блаженно улыбающейся малышке. – Чтобы стать обратно на ноги, тебе нужно всего лишь ноги согнуть в коленях. И сразу же попа опустится вниз, и ты сможешь стать ногами на дно. Попробуй. Я рядом, и если вдруг что, поймаю.

Каталина, сосредоточенно нахмурившись, сгибает коленки, немного испуганно бьёт руками по воде, я тут же устремляюсь ей на помощь, но девочка сама находит ступнями дно. И вскоре уже прыгает возле меня довольная, хлопая в ладоши:

– У меня получилось, получилось.

– Конечно, получилось. Ты молодчинка. Учимся дальше? – весело интересуюсь у неё.

– Да, – без малейших сомнений кивает Кати.

– Хорошо. Ты научилась лежать на спине, но плавать гораздо удобнее на животе, лицом вперёд. И в таком положении вода тоже будет тебя держать. Чтобы это ещё лучше почувствовать, можно сделать ещё одно упражнение. Мне его показали, когда я была маленькая и училась, как ты сейчас. Называется «поплавок». Нужно набрать в грудь побольше воздуха и задержать дыхание. А тогда присесть и, обхватив ноги руками, прижать голову к коленям. Свернуться в клубочек. И тогда вода сама тебя вытолкнет попой вверх. Смотри.

И отойдя на несколько шагов, чтобы было глубже я демонстративно выполняю всё вышесказанное. А потом выравниваюсь обратно.

– Повисишь так немного, пока дыхания хватит, и встанешь, – заканчиваю инструктировать. – Сможешь?

Моя ученица с энтузиазмом кивает, и вскоре я уже наблюдаю её всплывшую спину, обтянутую мокрой тканью белой короткой сорочки. А ещё через пару минут Каталина заливаясь радостным смехом, рассказывает мне, как это было смешно, плавать кверху попой.

– Папа, папа, посмотри, как я умею, – кричит она Федерику, как раз идущему с Эми на плечах к нам на мелководье.

Глубоко вдохнув, надув щёки и закрыв глаза, задерживает дыхание. И повторяет столь понравившийся ей трюк.

Пронаблюдав за дочкой, Федерик устремляет изумлённый взгляд на меня.

– Это упражнение, чтобы почувствовать свою плавучесть, – объясняю иронично. Он понимающе кивает.

– Эми, давай ты тоже научишься. Это весело, – предлагает Каталина, как только с летящими вокруг брызгами встаёт из воды, отфыркиваясь. Отжимает мокрую косу.

Её сестра бросает на меня хмурый взгляд, закусывает губу, явно разрываясь между желанием повторить подвиги своей близняшки и настороженностью по отношению ко мне.

– Хочешь? Это несложно, я покажу и помогу, – мягко улыбаюсь ей.

И в груди всё сжимается от радости, когда мой милый ёжик несмело кивает.

– Спасибо за доверие, солнышко, – расцветаю я, чувствуя как переполняет душу ликование. Пусть мелочь, а всё-таки шаг мне навстречу. И это бесценно.

Наградив меня одобрительным взглядом, Федерик снимает дочку с плеч. И протягивает руку второй.

– Пойдём, поплаваем немного, Кати.

Вместо ответа та бросается к нему обниматься.

И вот мы с Эмелин остаёмся наедине. Девочка в моём присутствии по-прежнему немного скована и молчалива. На все обращения отвечает односложно и будто бы нехотя. Но от прикосновений не шарахается и не зажимается, как делала бы, будь я действительно ей неприятна. И все мои указания выполняет без труда. Так что вскоре передо мной на волнах качается уже вторая звёздочка-принцесса, жмурясь от солнечного света и старательно старающаяся не улыбаться. А к тому моменту, как возвращаются Федерик с Каталиной, у неё без проблем получается и поплавок изобразить.

Мы уже вдвоём с мужем показываем девчонкам, как можно плавать. Кое-что под нашим контролем они пробуют повторить, а потом и вовсе начинают резвиться, хихикая и брызгая друг на друга водой.

Дав им немного времени побаловаться, я решаю первый урок закончить. Чтобы не переохладились и не простыли с непривычки.

На берегу нас уже ждут расстеленные стёганные одеяла, полотенца, сменная одежда и даже корзина со снедью. Благодаря помощи незаменимой уже для меня Бригитты, а ещё экономки данны Норин и кухарки Паолы, к пикнику на пляже я подготовилась основательно.

Выйдя из воды первым делом хватаю большие полотенца и по очереди заворачиваю обеих девчонок, промакивая длинные толстые

косы. Смущённые моей заботой, они усаживаются рядышком на одеяло, прижимаясь друг к другу и греясь на солнышке.

Может, стоит их переодеть в сухое, чтобы не замёрзли? Закусив губу, склоняю голову набок. Вроде бы не сильно дрожат. Но губы немного посинели. Я всегда относилась к тем, кто считает, что детей нужно закалять, и не стоит чрезмерно оберегать их от всего на свете. Но когда это уже своё родное, за которое ты не только несёшь ответственность, но и переживаешь всем сердцем, то как-то всё немного сложнее воспринимается. Кажется, у меня уже материнский инстинкт зашкаливать начинает.

На плечи опускается нагретое солнцем полотенце. И сзади ко мне прижимается Федерик, заворачивая в мягкую ткань.

– О чём задумалась так сосредоточенно? – касается он губами моего уха, обдав жарким дыханием. По телу сразу же бегут мурашки.

– О том, не замёрзнут ли Эми и Кати. Не хочу, чтобы простыли.

– Не замёрзнут, – хмыкает он.

И прямо передо мной, не выпуская из объятий, сплетает что-то воздушное и ажурное между длинных сильных пальцев и лёгким незамысловатым движением бросает это заклинание в сторону девочек. То оседает на их плечах кружевной вязью, заставив вскинуть удивлённые взгляды на отца.

– Что это было такое красивое? – спрашиваю у мужа.

– Просушивающее заклинание, – получаю ироничный ответ.

И ещё одно такое же опускается на мои плечи, мгновенно испаряя влагу из полотенца и мокрой одежды.

– Научишь меня? Красивый узор, такой уютный что ли. И вообще все заклинания, которые ты при мне... сплетал, очень красивые, тонкие, ювелирные. Настоящие произведения искусства.

Спиной я чувствую, как напрягается Федерик.

– Ты их настолько чётко видишь? – уточняет он преувеличенно ровным тоном. – И можешь отличить мои, от чужих?

– Да, а что? – удивлённо оборачиваюсь к мужу.

– Да так. Ничего, – поражённо качает головой он. – Способности у тебя... занятные и уникальные. С какой стороны не посмотреть. Сегодня после обеда выделю тебе базовые учебники по общей теории магии. Почитаешь, тогда многое поймёшь. Ну и на твои драгоценные книжечки посмотрим. Пора уже восполнять пробелы в твоих знаниях.

– Анна будет учиться магии, как и мы?

Обернувшись на голос Каталины, мы замечаем, что обе близняшки с интересом прислушиваются к нашему разговору.

– Да, буду. Я ведь вам рассказывала, что многое позабыла. Теперь вот придётся учиться, – улыбаюсь им, садясь рядом на одеяло.

– Только, девочки. Всё, что вы слышите от нас с Анной, никому другому знать не нужно. Всё, что происходит в нашей семье, только в семье и остаётся, помните? – строго уточняет Федерик, по-прежнему возвышаясь над нами.

– Помним, папа, – серьёзно кивает Кати.

– А Анна уже тоже наша семья? – с толикой вызова спрашивает Эми, вышибая воздух из моей груди.

Между нами повисает звенящее напряжением молчание. И для меня эти пару мгновений, пока Федерик подбирает слова для ответа, тянутся нестерпимо долго.

– Да. Анна тоже часть нашей семьи, – твёрдо заявляет он. – Вы не хуже меня чувствуете, насколько она хорошо к вам относится. Насколько заботится и желает стать вам матерью. И я ожидаю, что вы пойдёте ей навстречу.

– А как же мама? – тихо спрашивает Эмелин дрожащим голосом, и я замечаю, как вздрагивает муж. Да и у меня самой всё внутри сжимается от той тоски, которая слышится в её словах. – Ты хочешь, чтобы мы совсем её забыли?

Хмуро помолчав с минуту, буравя дочерей своим особым читающим взглядом, он шагает ближе и приседает на корточки перед ними.

– Нет, Эми. Забывать маму не нужно. Она очень любила вас обеих и всем сердцем желала вам счастья. И сейчас её душа наверняка радуется тому, что рядом с вами появилась та женщина, что сможет дать вам материнскую ласку и заботу, которую не успела дать она сама, – он подаётся к девочкам, став на одно колено, и порывисто обнимает обеих, целует тёмно-русые макушки. – Ты не предашь её память, если примешь Анну, Эми.

В ответ слышится тихий всхлип.

– Я не помню, папа. Только запах... и тепло. В её руках было так тепло. А я не помню, какая мама была. Совсем. Я плохая, да? – без ножа режет по живому Эмелин. Пусть она была гораздо младше, чем я,

когда потеряла родителей, но это не делает её утрату менее значимой. Их утрату.

Стиснув полотенце до побелевших костяшек, молча смотрю на них троих. Глаза жжёт от непролитых слёз.

– Что? Нет! Конечно, нет, – качает головой муж. – Ты не плохая, Эми. Не нужно так думать.

– Я тоже почти не помню, – грустно признаётся Кати, прижимаясь к нему.

– Вы были слишком маленькие. Три года всего, начало жизни, – сипло произношу я, устремляя взгляд вдаль. – Человеческий мозг так устроен. Мы редко помним то, что происходило в нашем раннем детстве. Не помним рождения, падений, когда учимся ходить... Если бы помнили все угрозы и страхи, с которыми сталкивались в младенчестве и даже не могли отреагировать как нужно, всю боль, которую доводилось испытывать, то попросту сошли бы с ума. Но вместе с тем из нашей памяти стирается и много хорошего. Первые достижения... первые улыбки... первые открытия... и лица родных, которые были с нами, и которых больше нет. Не нужно винить себя за то, что не в человеческих силах, девочки. Пусть вы не можете вспомнить черты маминого лица, но вы всегда можете помнить, как сильно она вас любила. Помнить, что в вас её продолжение, и она навсегда жива в ваших сердцах.

Глава 51

Немного не того я ждала от нашего похода на пляж. Не думала, что у нас пойдут такие разговоры. Но разговор этот был нужен. Нам всем. Он будто нарыв вскрыл. Показал самое проблемное место, на которое мне нужно больше всего обратить внимание в отношениях с девочками. А то, что Федерик вслух объявил меня частью их маленькой сплочённой семьи, и вовсе бесценно.

Вот только беззаботное настроение бесследно испарилось, уступив место грусти и тягостным размышлениям. Своей тоской по матери, девочки сами того не ведая, разбередили и мои раны. Старые, но до сих пор не зажившие. И как знать, что проще? Помнить лишь светлый образ из раннего детства, или... как я, знать, каково это расти в полной любящей семье, но потерять это в одночасье и долгие годы отчаянно тосковать по каждой минуте совместно проведённой с любимыми людьми.

– Эми, Кати, вы, наверное, проголодались уже? – спрашиваю, надеясь отвлечься от грустных воспоминаний. Тянусь к корзинке. – Тут пирожки со сладкими сливами есть. Паола говорила, что вы их очень любите. Хотите?

– Я хочу, – с энтузиазмом заявляет Федерик, хотя я чувствую на себе его внимательный взгляд. – Не только Эми и Кати их любят.

Он садится с другой стороны от девочек, рядом с Каталиной.

– Правда? – улыбаюсь, лукаво стрельнув в него глазами. – Буду знать, чем вас баловать, супруг мой.

– Я тоже хочу, – неожиданно для меня, тихо просит Эмелин.

– И я, – не отстаёт от неё сестра.

– О-о-о, теперь уже и я горю нетерпением попробовать, что же это за пирожки такие необыкновенные, – тяну, раздавая мужу и нашим девочкам столь любимое угощение.

Пирожки действительно оказываются очень вкусные. Тесто больше напоминает песочное, чем дрожжевое, целые половинки больших слив внутри нежные, сочные, сладкие с лёгкой кислинкой без приторности. Лакомство посыпано сахарной пудрой, которая тут же оказывается на наших руках, обсыпается на мокрые коленки, как бы

мы ни старались есть аккуратно. И вся эта прелесть буквально тает во рту, заставляя с наслаждением щуриться и тянуться за добавкой.

И улыбаться от удовольствия.

Надо будет Паолу ещё раз поблагодарить за такое волшебное и поднимающее настроение лакомство. И за мятный лимонад в запотевшем кувшине, и за кусок рыбного пирога, который проголодавшиеся после купания девочки в компании своего отца почти весь умяли.

Вкусная еда и хороший погожий день вскоре берут своё, возвращая улыбки на детские лица. Да и на наши тоже. Высушив свои штаны и развалившись на одеяле, муж втягивает дочерей в обсуждение того, как они провели вчерашний день, выпрашивает, чем занимались, и чему их учила данна Элисия, их гувернантка, которая, как я поняла, в Анжерон своих воспитанниц сопровождает впервые.

Слушая их, я в который раз делаю мысленную заметку, что нужно с этой данной познакомиться. Судя по впечатлениям и рассказам девочек, она вполне приятная и компетентная особа. И имеет у них определённый авторитет. А я сама её только из окна пока видела.

Вот сегодня нужно обязательно найти время и исправить этот недочёт.

Отдохнув и вволю наобщавшись с отцом, девочки снова просятся в воду. Очень уж по душе им пришлось новое развлечение. Федерик разрешает, но с оговоркой, что ненадолго.

– От берега далеко не отходить. Полчаса и всё. Вы с Анной в Анжероне, скорее всего, останетесь не на одну неделю, так что успеете и купаться вволю и научиться плавать, – заявляет он строгим тоном.

Выдав дружное «Хорошо, папа» Эми и Кати уносятся к воде. Такие красивые в этих своих панталонах и сорочках с оборками. Как куколочки.

– Только я с ними? А ты? – спрашиваю тихо, когда они уже не могут нас слышать.

– Ночевать я буду стараться здесь, – ровно произносит он. – И помогу тебе освоиться с даром. Но большую часть времени мне придётся отсутствовать. Мои обязанности никуда не делись. И в расследовании появились некоторые сдвиги. Открылись моменты, которые требуют моего личного участия.

– Расскажешь? – подвигаюсь ближе.

– Всего не могу, – поджимает губы. – Скажу лишь, что по моему приказу были подняты все протоколы расследований странных случаев исчезновений и человеческих смертей в столице. Негласно ведутся проверки и в других городах Арганды. И картина, которая вырисовывается, мне очень не нравится. Я должен разобраться со всем этим лично. И предпринять ответные меры. Пока всё не утрясётся, здесь вам будет безопасней.

Что это за меры, он мне навряд ли скажет. Если дело касается культа... или самого короля... Страшно даже предположить.

Но муж уже хотя бы немного говорит со мной о своих делах, планах и намерениях.

Прогресс. И серьёзный, как по мне.

– А ещё ночью нашли место, где предположительно удерживали Анну, – крутя в пальцах белую ракушку и зорко следя за плещущимся в море дочерьми, сообщает Федерик. – Есть свидетели, которые видели, как её туда привезли.

– Свидетели? – вскидываю брови.

– Двое мальчишек-беспризорников. Случайно попались ищейкам Дэмиэно. Я сегодня с ними говорил. Напуганные, но огрызаются, как волчата.

– И где они сейчас?

– У Дэмиэно, само собой. Он сам таким когда-то был и хорошо знает, как из пацанят выудить всю нужную информацию.

– Он хоть не будет... – подбираюсь я, невольно представляя всякие ужасы допросов.

– Я не беру на службу детоубийц, Анна, – жёстко отрезает Федерик.

– Я не убийство имела в виду, – возражаю, сжав одеяло в кулак. – Этого Дэмиэно я в глаза не видела, так что извини, судить о его методах допроса не могу.

Мне уже даже интересно, что это за Дэмиэно такой интересный, если Федерик так на него полагается? И вчера в Мораду его вызывал.

– Калечить, запугивать и причинять им какой-либо вред он тоже не будет, – хмыкает мой муж. – Не беспокойся об этом. В своих людях я уверен. Кстати, куда ты дела дневники Анны? Я бы хотел на них взглянуть.

– Они в наших покоях, в ящике письменного стола в будуаре. Только не забирай, пожалуйста. Мне тоже нужно их прочитать, – замечаю, наблюдая, как дочери носятся друг за дружкой, поднимая тучи брызг.

Федерик в ответ лишь понимающе кивает. А потом неожиданно обхватывает меня за талию и придвигает вплотную к себе, обнимая и заставляя на него опереться. И молча прижимается губами к моему виску.

Застигнутая врасплох, я сначала замираю на мгновение, не зная как реагировать и воспринимать эту внезапную нежность. А потом расслабляюсь в мужских руках, позволяя себе просто наслаждаться моментом. Растекаюсь мягким воском по его телу. Лишь сердце в груди гулко трепещет. И глаза странно щипает.

Так и пролетает остаток выделенного нами на прогулку времени. Эми и Кати радуются жизни в тёплых морских волнах, а мы просто сидим в обнимку на пляже, смотря на них. И я не помню, чтобы когда-либо чувствовала себя настолько уютно и на своём месте.

Но вскоре приходится позвать девочек и собираться обратно в замок. Слишком много над нами ещё висит проблем, чтобы позволить себе о них надолго забыть.

Поднимаясь вихляющей между скал тропинкой к замку, держась за руки с мужем и слушая жизнерадостный весёлый щебет шагающих перед нами близняшек, я уже не могу не думать о спрятанных в архиве Федерика гримуарах. И о дневниках Анны.

Эта вылазка к морю дала возможность немного отдохнуть и разгрузиться морально. Так что пора и делом заняться. Пора уже узнать больше о том, что я собой представляю и на что способна.

Глава 52

«Сила ведьмы в её душе. И лишь от того, какая эта душа, зависит то, какую силу ведьма будет черпать из своего мира. Злая и чёрная будет сеять зло. Светлая добро и свет.

Но как в чистом небе порой появляются грозовые тучи, так и в светлом сердце могут появиться злые мысли, обиды, горе, ненависть. Даже самая добрая ведьма способна проклясть своего обидчика и его потомков на много поколений.

Бывает и наоборот. Как в тёмном колодце можно зажечь факел, так и в тёмной душе можно зародить светлые чувства. Даже самая злая ведьма способна пожертвовать всем ради любимых.

Посему должны мы помнить, что сила ведьмы в её чувствах и искренних желаниях.

Не в эмоциях, которые быстротечны, непостоянны и сбивают с намеченного пути, не в корысти и бессмысленных прихотях, которые следует понимать и учиться контролировать. А в искренних сильных и настоящих чувствах.

Нет ведьмы опасней, чем та, что ненавидит. И нет ведьмы сильней, чем та что искренне и всем сердцем любит...»

Аккуратно перевернув пожелтевшую от времени страницу гримуара, который первый мне в руки «попросился», я с увлечением продолжаю читать, выпадая из реальности. После общих размышлений, в виде довольно логичных прописных истин, и основных определений, начинается описание обретения дара маленькими ведьмами, советы, как мамкам-ведьмам обуздывать силу своих одарённых чад, как учить контролю и так далее.

Описаны занятные дыхательные упражнения, поданные как игры-потешки, сопровождаемые мысленными заговорами.

С заговорами вообще интересно. На Земле я о них мельком слышала, кое-какие даже на глаза попадались, но вызывали лишь ироничное недоумение. Мне было невдомёк, как какой-то стишок может иметь какую-то силу.

К молитвам у меня приблизительно такое же отношение было. Всегда думала, что Богу, если он существует, без разницы, как к нему

обращаются, в рифму, или нет.

Собственно, неизвестная ведьма рода Мораду, давшая себе труд написать этот, по сути, учебник для начинающих ведьм, частично подтвердила мои мысли своими поучениями. Главное чувства, вкладываемые в слова и сила намерения. Лишь тогда те обретают силу. Боги слышат лишь искреннее обращение к ним. Стихии подчиняются лишь искренним желаниям. Как-то так.

Но... форма тоже имеет значение. Ритм, рифма, произнесение в определённой последовательности слов с определённым значением, должно помогать мгновенно включать нужную эмоцию и настрой. То есть... так своего рода рефлекс вырабатывается. С малолетства.

Хмыкнув, я переворачиваю очередную страницу.

– Что-то занятное нашла? – интересуется Федерик, оторвавшись от изучения первого по датированию дневника Анны, и заглянув через моё плечо.

Вернувшись из архива, мы с ним вдвоём устроились в будуаре наших покоев. Притом, что я, без раздумий уступив мужу место за письменным столом, уселась на уютный диванчик-отоманку, аккуратно расположив гримуар у себя на коленях. И вот никак не ожидала, что муж проигнорирует мой жест вежливости и нагло подвинет, чтобы сесть рядом. Пришлось искать удобное положение и опять опираться на него. Это уже становится для нас привычным делом.

– Да, тут много занятного и интересного, – киваю, пробегая глазами очередные примеры заговоров и шепотков. – Вот зря маги считали, что все ведьмы неконтролируемые. Ведьмы держать себя в руках учились с детства под контролем старших родственниц. Тут целая наука, оказывается.

– Вот как? Значит, наших совместных дочерей ты сама всему и обучишь, – довольно замечает мой супруг.

– Дочерей? – поворачиваюсь к нему.

В воображении тут же рисуются милые малышки, похожие на Эми и Кати, только с волосами потемнее.

– Да. Маленьких ведьмочек, которых ты мне обязательно родишь, – кивает невозмутимо. – Таких же упрямых, своевольных и очаровательных.

Ну-ну. Про очаровательных приятно. А вот остальное... Когда это я была упрямой? Наоборот старалась все углы сглаживать.

– Кто бы говорил? Твоих близняшек вон злодейками называли. Ещё те проказницы.

– Тем более. Представь, что у нас двоих получится, – усмехается Федерик.

– Сомневаюсь, что личностные характеристики души по наследству передаются, – смотрю на него, задумчиво нахмурившись. – Хотя... раньше я бы и в переселение душ ни за что не поверила. В магию, в ведьм, в то что сама ведьма. Так что... время покажет. Главное позаботиться, чтобы никакой культ нашим детям не угрожал.

– Сделаю для этого всё возможное, – посерьёзнев, уверяет муж. И меняет тему: – Готова попрактиковаться?

– Ещё немного хотела бы почитать. А что? Нашёл какую-то полезную информацию? – киваю на дневник в его руке.

– Сложно сказать. Пока тут больше описаны её страдания от одиночества и жёстких ограничений, которыми Иезенния окружила девочку. И никаких намёков, с чем это связано. Но ты была права, Анна действительно воспринимала дневник, как собеседника, которому можно выговориться. Многие вещи, которые она тут записала, воспитанная в старых традициях девушка, в жизни бы не озвучила никому постороннему.

Ого. Заинтриговал, однако.

– И что же там такое? – вскидываю брови.

– Некоторые моменты взросления женского организма, например. И момент, когда она случайно увидела, как спариваются лошади.

– Представляю, как бедняжка была шокирована, – фыркаю, с удивлением ловя себя на странном царапающем чувстве неприятия. Мне... не нравится, что он читает интимные откровения другой женщины. Но это ведь глупо. Уж мне ли не понимать.

Нахмурившись, я отворачиваюсь, возвращаясь к своему гримуару. Правда, тут же вскидываюсь, осенённая новой мыслью, поспешно отложив древнюю книгу.

– Взросление, говоришь? Вот оно! Если этот неведомый ритуал требовал, чтобы Анна оставалась девственницей, то скорее всего после первых менструаций Иезенния просто обязана была ей это объяснить. Хотя бы как-то.

Развернувшись обратно к Федерику, ловлю его изумлённый взгляд.

– Менстр... чего? – прищуривается он.

– Ежемесячные выделения крови у женщин. У девочек начинаются в среднем в двенадцать-четырнадцать лет. Об этом взрослении писала Анна? – требовательно смотрю на него.

– Об этом, – прокашлявшись, подтверждает он.

– Во-о-от. Значит, об ритуале она вполне могла написать уже в следующих записях. Дай, посмотрю.

И я выхватываю у зазевавшегося мужа тонкий дневник.

– У тебя есть что читать, – возмущается он, пытаюсь отобрать.

Увернувшись, я открываю на зажатой пальцем странице. Пробегаю глазами по диагонали запись про то, как Анна испугалась менархе, о котором её, естественно, никто не предупредил. Как предполагала у себя самые страшные болезни с внутренними кровотечениями, тем более, что у неё всё проходило очень болезненно, судя по записям. И наконец дошла до того места, где испуганная тринадцатилетняя Анна всё-таки призналась Иезеннии.

– Вот, слушай, – обращаюсь я к недовольно сопящему Федерику. – Анна пишет: «Признаваться данне Иезеннии мне боязно. Но ещё больше меня страшит, что я могу умереть от этой неведомой болезни. Как моя бедная няня. И наша повариха. Все, кого я люблю, умирают. Начиная с родителей. Возможно, пришла моя очередь».

Боже, бедная девочка. Я буквально ощущаю её отчаяние, её страх и тоску. Знаю примеры из жизни, когда мамы заблаговременно не говорили со своими дочерьми и не разъясняли нюансы женского взросления, потом у девчонок был испуг и паника, но в моём мире, в моё время есть масса возможностей добыть информацию другими способами. А тут... даже подумать страшно, что несчастная Анна могла себе навоображать. Если ещё и столько близких людей у неё умерло.

Мрачно перелистнув страницу, я продолжаю читать вслух уже новую запись: «Не верится, но я всё-таки нашла в себе храбрость рассказать о своей болезни данне Иезеннии. То, что она поведала мне в ответ, кажется невозможным. И пугает не меньше, чем мои прежние страхи. Утешает то, что я не больна. Моя дуэнья пояснила мне, что эта кровь – плата за все прегрешения женского рода, которую раз в месяц терпит каждая девушка, вступившая в зрелую пору. От этого не умирают. Но недолго мне довелось радоваться. Данна Иезенния

заявила, что раз я уже наконец-то повзрослела, то пора мне узнать правду о том, для чего я предназначена и чего должна опасаться, чтобы достойно выполнить свою миссию. А дальше мне больше часа пришлось слушать такие ужасающие вещи, что стыдно даже тебе поведать, милый мой дневник. Я узнала, какой ужас творят мужчины с женщинами на брачном ложе, как протыкают своими большими мерзкими отростками женские тела, причиняя невыносимую боль и страдания, чтобы посеять в женской утробе своё семя. Но по словам моей дуэньи мне это не грозит. Я рождена для другого. Когда придёт время, я должна буду послужить на благо всего мира, взойдя на ритуальный алтарь и отдав свою невинную кровь. Чтобы вернуть в Совванир великих огненных ведьм рода Моряду.»

Глава 53

– Э-э-э, что? – опешив, вскрикиваю я. – То есть как?

Нет. Не может быть. Это просто в голове не укладывается.

Потому что моё напичканное всякими книжными и киношными сюжетами сознание, сопоставляя несопоставимое, сразу начинает выдавать жуткие варианты, как должен был проходить этот ритуал, и с какими последствиями. Наталкивая на такие выводы, от которых тошно становится. Тем более после нашего вчерашнего визита в Мораду.

Воспользовавшись моим замешательством, Федерик вытаскивает из моих пальцев тетрадку. И дальше читает сам. Молча.

– А может такое быть, что ритуал с Анной всё же провели? И поэтому вместо её души, пришла моя? – сиплю помертвевшим голосом.

Мысль безумная и жуткая. Но она сверлит мне мозг, доводя до иступления. А что, если это действительно так? Что если моё счастье в этом мире куплено кровью этой несчастной девочки? Не случайно. А вот так, намеренно и жестоко. Когда её готовили к этой жертве с детства.

– Лана, прекрати сейчас же, – на плечах смыкаются сильные руки, сильно встряхивая. – Посмотри на меня.

Этот безапелляционный тон немного приводит меня в себя.

Подняв глаза, попадаюсь в ловушку сумрачного, пронзительного взгляда. Федерик склоняется ко мне, смотря так, будто душу сканирует.

– Ты. Ни в чём. Не виновата. Поняла меня?! – чеканит строго.

– Ты не можешь этого знать... – бормочу в ответ. Умолкаю растерянно, не в силах унять собственные сомнения и тревогу. Может, кому-то и просто договориться с собственной совестью, найдя крайних в других людях, но не мне.

– Ты желала попасть в другой мир? – прищуривается муж.

– Нет, я даже не знала, что другие миры существуют, – фыркаю, мотнув головой.

– Хотела новую жизнь, ценой убийства ни в чём не повинной девушки?

– Боже, нет конечно. Я давала клятву жизни беречь и спасать.

– Может сама себя намеренно убила? – продолжает этот странный допрос мой супруг.

– Нет, – вздыхаю, уже поняв, куда он клонит. – Хорошо, я поняла, что не виновата. Умом. Но это не отменяет вероятность того, что её могли убить ради... призыва ведьминской души в этот мир.

– Не думаю, – качает головой Федерик, сурово играя желваками. – Дальше Анна пишет, что этот ритуал должен был вернуть потомкам ведьм способность черпать силу из источников нашего мира. А это совершенно не то же самое, что призвать душу ведьмы из чужого. У нас так же ничего не известно о других мирах, как и у вас. Только боги знают. Ну и, выходит, те немногие, кому они эту истину открыли. Как нам с тобой. К тому же мы точно знаем, что твоё появление в Совванире дело рук Великой Праматери. Богини жизни. Она бы точно не требовала человеческого жертвоприношения. А вот воспользоваться ситуацией, чтобы повернуть всё по-своему, переместив тебя, это запросто. Да и врать ей тебе просто незачем. Ну и последнее. Анна точно не была девственницей, можешь мне поверить.

– Ладно. Всё это звучит логично. Но всё равно... вся эта ситуация с ритуалом жуткая и очень мутная. Получается, Анну буквально на заклятие растили.

– Не факт. Может «отдать кровь» означало лишь руку порезать? – пожимает плечами мой муж.

– Или... потерять девственность на алтаре, – широко распахиваю глаза. – Раз уж её невинность так сильно берегли.

– Возможно, – хмурится Федерик, но тут же с сомнением качает головой. – Но она согласилась на брак со мной. И от первой брачной ночи не отказалась. Наоборот была полна решимости. Будто ей это было важнее, чем мне, несмотря на всё внутреннее неприятие.

Ну да. Странно. Очень странно.

– Может потенциальный ритуальный дефлоратор... то есть избавитель от невинности, ей не нравился в отличие от тебя? – озвучиваю новое предположение.

Удивлённо взглянув на меня, Федерик устремляет задумчивый взгляд в окно. Подпирает лоб ладонью, кривя губы.

– Можно гадать до бесконечности, – выдаёт наконец. – Иезенния вполне могла и обмануть Анну. Сказать именно то, что было нужно

для её целей. Или не её. Думаю, сначала необходимо прочитать все дневники до конца. Возможно, тогда картина прояснится.

– Или станет ещё запутанней и обрастёт новыми вопросами, что более вероятно, – медленно киваю. – А можно ещё мне попробовать посмотреть. Увидеть то, что она не могла знать. Например, реальные мотивы Иезеннии.

Услышав моё предположение, муж снова обращает на меня свой особый сканирующий взгляд.

– Хочешь попробовать? Сейчас? – спрашивает тихо. И видя мой утвердительный кивок, обхватывает рукой за затылок. Склоняется к моему лицу. – Ты уверена, что готова к этому? К видениям из жизни Анны?

– Да. Мы должны узнать, что с ней случилось. И мне пора учиться контролю над своей силой, договориться со своей стихией. Раз могут маленькие ведьмы, то и я смогу. Только это может занять время. И требуется место, где я никому не причиню вреда.

– Хорошо. Тогда, давай поднимемся на нашу башню. Там есть открытая смотровая площадка. Нас никто не увидит, я прикрою щитами. А тебе, скорее всего, будет легче на свежем воздухе.

– Ну да. Пламени необходим воздух, – дёргаю уголком губ в кривой ухмылке.

Медлить не хочется, под кожей уже и так будто искры пляшут, угрожая вырваться наружу. Но я больше не стараюсь бороться с собой и с огненной стихией в своей крови. Лишь прошу её подождать, совсем немножко. И решительно поднимаюсь с отоманки.

Спрятав дневники обратно в ящик стола, положив туда же гримуар и дождавшись, пока муж защитит этот нехитрый временный тайник охранными заклинаниями, я первая устремляюсь к двери. Вот только Федерик настигает меня уже в гостиной и берёт за руку. Опять поражая жестом, которого можно ожидать разве что от... влюблённого мужчины.

Застигнутая врасплах этой мыслью, я даже спотыкаюсь на ровном месте.

– Осторожней, ведьмочка, – перехватывает меня муж за талию. – Всё в порядке?

– Да, – киваю растерянно, внимательно его рассматривая.

Федерик отвечает удивлённым и не менее внимательным взглядом, поэтому я глаза опускаю, делая вид, что под ноги смотрю. И позволяю теперь мужу вести за собой.

Может ли такое быть, что он в меня влюбился?

В принципе... почему нет?

Физически нас притягивает друг к другу так, что аж искры летят, с самого первого пробуждения вместе. Но ведь и помимо физической стороны отношений... я ему, кажется, нравлюсь. Иначе не вёл бы он себя со мной так ласково, не пытался бы постоянно прикасаться и обнимать. Не смотрел бы так... как смотрит.

Ну, действительно... почему нет?

Когда я стала настолько низко себя воспринимать, что до этого момента даже мысли не допускала, что доставшийся мне в мужья мужчина, мог уже в меня влюбиться... как я в него?

Влюблённость, это ведь не так уж и сложно. И времени много не нужно. Симпатия, интерес, эмоции, химия... вот и получается зажигательный коктейль.

Сможет ли он меня глубоко и искренне полюбить на всю жизнь – это уже совсем другой вопрос.

Время покажет.

Я думала, что нам придётся спуститься с нашего этажа и подниматься на башню по узкой лестнице, идущей вдоль внешней стены. Но в предбаннике наших покоев Федерик увлекает меня к тёмной нише, на которую я как-то раньше внимания не обращала. Ещё и светлячок зажигает.

– Иди сюда, – притягивает меня и, поставив перед собой, объясняет: – Внимательно следи за моими действиями. Я покажу тебе, как открыть тайный ход, которым в случае опасности из наших покоев можно, как спуститься на первые этажи и в подземелье, так и подняться на башню.

С этими словами он проводит по одному камню кладки, на уровне своего лица, нажимает на второй. Потом повторяет те же действия, но наоборот, с другой парой камней уже на уровне правой подмышки. И, указав мне кивком вниз, вбивает носок сапога в круглый непримечательный камень в сантиметрах двадцати от пола. Тут же внутри стены раздаётся скрежет, часть стены будто проваливается внутрь, а потом и вовсе отодвигается в сторону.

– Запомнила? – касается губами моего уха.

– Да. Только я удивлена, что ты такие секреты мне открываешь, – вырывается у меня. – Или таким образом ты отвлекаешь меня от гораздо более тайных вещей?

В ответ Федерик лишь насмешливо хмыкает, подталкивая меня в тёмный проход.

За ним обнаруживается маленькая площадка, зажатая между двух стен, узкая лестница, ведущая куда-то вниз в темень тёмную, и такая же, поднимающаяся вверх. На неё-то мы и сворачиваем.

И через несколько минут упираемся в обитый металлом люк. А ещё спустя минуту, Федерик его открывает, выбирается наружу и помогает выбраться мне.

Эта башня значительно выше той, на которой порталная арка построена. И вид отсюда ещё более потрясающий. Обернувшись вокруг своей оси, я с восторгом обзираю окрестности. Но время не ждёт. Пора браться за дело.

– Я, не знаю, как всё пройдёт, – оглядываюсь на Федерика. – Постараюсь сразу же рассказать тебе, что увижу.

Он подходит ко мне, обхватывает лицо ладонями. И, запечатлев на губах нежный ободряющий поцелуй, уверенно произносит:

– Не беспокойся. Если не сможешь сразу, расскажешь потом. Главное, помни, что я рядом и ты в любой момент можешь позвать меня на помощь.

Глава 54

Прежде чем отступить в сторону, Федерик снимает с меня сдерживающие браслеты. И искры в крови взметаются с новой силой, больше не скованные чужой магией.

Замерев в центре смотровой площадки, я делаю глубокий вдох. Закрываю глаза, отстраняясь от окружающего, пытаюсь, как написано в гримуаре, заглянуть внутрь себя, почувствовать свою стихию. Не как что-то неизведанное и страшное, что рвётся на волю, не как неконтролируемое пламя, готовое сожрать всё вокруг и меня в первую очередь.

Я пытаюсь принять тот факт, что этот огонь во мне – часть меня, что это я. Моя душа. Я – это пламя. И всегда такой была. Огонь был во мне с рождения. Всегда горел в моём сердце, пока я не научилась его сдерживать, страшась того, что умела узнать и сделать. Страшась своих снов и знаний, которые приходили ко мне помимо воли.

Когда-то я могла видеть... Когда-то я видела... Смерть родителей снилась мне много раз. Я просыпалась в ужасе, в панике, плакала, бежала к ним с истериками. Они меня успокаивали, пытались уверить, что это просто кошмары. Даже к детскому психологу отвели. Всё это ничем не помогло. Я лишь начала считать себя ненормальной. Неправильной. Закрылась, давя в себе страх.

А потом они умерли. Так, как я и видела в своих снах.

Несчастный случай.

Но человеку свойственно искать виноватых. А детям свойственно искать виноватых в себе. И я нашла.

Прошло уже много лет. Мне казалось, что проработала это. Оставила позади. Заставила себя поверить, что не я своими дурными снами притянула беду. Но в глубине души всё равно не простила себе, что не смогла ничего изменить. Если уж увидела.

Может, потому так рьяно и отрицала в себе всё, что хотя бы как-то напоминало об этом. Отрицала саму мысль, что я не такая как все, что имею необычные способности. Мне было безопасней считать себя нормальной. И, сцепив зубы, всем доказывать, насколько я

состоятельна в своей нормальности. А получилось, что выжгла себя изнутри, лишив возможности иметь детей.

Но сейчас у меня есть шанс изменить всё. Полностью принять эту часть себя. И этим не только помочь себе и своим детям, которых приведу в этот мир, но и восстановить справедливость. Я хочу знать, что случилось с Анной, хочу знать, кто её убил и почему. И заставить заплатить убийц.

Раскачиваясь на ветру, я всё глубже погружаюсь в странное ощущение отстранённого умиротворения. Мысли текут плавной рекой, потоки которой омывают меня, не сбивая с ног. Мой огонь больше не пугает меня. Я принимаю его. Принимаю себя.

Подняв зудящие ладони, чувствую, как вспыхивает на них пламя. И как плавно, неспешно и ласково оно охватывает всё моё тело. Послушное моей воле.

Откуда-то приходит понимание, что я могу видеть то, что хочу, и без этих спецэффектов. Что до этого моя стихия рвалась из-под контроля, лишь потому что я её давила в себе. Об этом мне говорила и Богиня. Но разве может кто-то помочь человеку, если он сам не готов себе помочь? Как нельзя спасти того, кто не хочет быть спасён, так и нельзя ничему научить того, кто не желает учиться, только выдрессировать. Вот и я не была готова последовать её совету тогда. Мне понадобилось время, чтобы прийти к этому. Хорошо, что хоть не годы.

Вдохнув, искрящийся воздух, медленно выдыхаю. И возвращаюсь мыслями к Анне. К её дневнику. К её одиночеству. К её жизни... и смерти...

Я хочу знать! И я могу...

...Маленькая девочка лет восьми стоит рядом с затянутой в чёрное Иезеннией. Сама она тоже в чёрном. На бледном заплаканном личике отражаются блики погребального костра. Дрожащие пальчики цепляются за женскую руку.

– Бедная сиротка, – переищёптываются люди, пришедшие проститься с герцогской четой Мораду.

– Убили её родителей. Точно вам говорю...

– Никто не знает...

– Яд скорее всего... Маги-дознаватели не нашли следов...

А пламя пожирает тела герцога и герцогини Мораду, как было принято испокон веков в этой семье. Мораду рождаются из огня, с огнём в душе живут, и огонь их забирает...

Рвано выдохнув, запрокидываю голову. Хватаю ртом воздух, чувствуя как глаза обжигает вскипевшими слезами. Но надо с собой справиться. Надо посмотреть глубже. Огонь взматывается вокруг меня огненным столпом, когда я с головой ныряю в видения прошлого.

...Иезенни страшно. Этот мужчина пугает её до дрожи. Она сама не знает, зачем связалась с ним, зачем впустила в свою душу. И позволила посеять там ростки нестерпимой жажды. Жажды власти и силы, которая позволит ей жить, пускай не вечно, но намного дольше, чем живут даже самые сильные маги королевской крови. И всё это данне обещали дать, если она вырастит последнюю наследницу ведьм Мораду так, как нужно для ритуала. А девчонка ей ещё благодарна будет, когда станет первой за многие века настоящей огненной ведьмой. Ритуал не такая уж и большая цена за такую силу.

– Почему умерли родители Анны? Это ваших рук дело? – решается она спросить.

Её собеседника не видно. Он, как тёмное пятно. Прячется... прячется... прячется от меня. Я слышу только мягкий, но пробирающий до дрожи голос.

– Это не вашего ума дело, почтенная данна, – произносит он почти нежно. И Иезенния с облегчением позволяет себе обмануться. Она ведь ничего не знает. Всего лишь воспитывает юную сиротку, оставшуюся без родных. У Анны есть только она, разве нет? И совесть её чиста.

– У всех есть своё предназначение, – продолжает увещевать Тёмный. – Герцог и герцогиня своё выполнили. Теперь дело за вами. Девочка должна быть чиста, невинна и послушна. Заставьте её дать вам доступ к семейному архиву. Найдите старые гримуары. Они должны быть там. Пусть читает и соприкасается с силой своего рода. И тогда она будет готова принять своё предназначение, когда придёт время.

Это он. Он убил родителей Анны. Они мешали до неё добраться. Я чувствую, что права. О небо, всё ещё хуже, чем я думала. Только кто

этот Тёмный? Король? Почему я не могу увидеть его? Настолько силён?

Но других ведь могу. Значит, буду смотреть через них.

Лёгкие уже горят. Тело сотрясается мелкой дрожью. Я собираюсь с силами, тяжело дыша.

Рядом чувствую Федерика. Чувствую его тревогу. Сейчас я тоже почти эмпат. Он волнуется за меня. Думает даже остановить, выдернуть из видений, привести в себя, чтобы больше не истязала себя. Шагает ко мне.

– Нет. Я могу это сделать... закончить. Потом... поможешь. А сейчас не мешай, – шиплю пересохшими губами. – Пожалуйста...

И он неохотно отступает, чувствуя мою решимость.

Я закрываю глаза. И видения снова захлёстывают меня с головой.

... Сам принц сделал ей предложение. Анна уже много лет не общалась ни с одним мужчиной. Данна Иезенния ревностно блюла её чистоту и невинность помыслов. А тут девушке сказали, что в замок прибыл его высочество Федерик Исая Арганди и требует встречи с ней, никому не интересной и не нужной бедной сироткой Анной Мари Илларией Мораду. Она видела, что данна Иезенния буквально кипит от злости и досады. Но запретить эту встречу не в силах. Слишком важный гость.

И девушка пошла. Жутко стесняясь и страиась. Едва дыша под бронёй жёсткого корсета. Но вместе с тем испытывая давно забытое чувство... любопытство.

Принц оказался... приятным и, наверное, привлекательным, хоть и гораздо старше. Он был учтив. Деликатен. Честен. И он предложил ей стать его женой. А она... не смогла отказать. Впервые... ей подумалось, что возможно... есть другой путь кроме того, к которому её готовят.

– Ты сейчас же напишешь ему и скажешь, что передумала, – жёстко чеканит Иезенния.

– Я не могу. Это будет оскорблением его высочества, отказать так, – шелестит Анна, вжимая голову в плечи.

– Тогда попроси с ним встречи. И откажи, как положено, – прищуривается её единственная родственница. И надзирательница.

– Я... не хочу, – выдыхает девушка, не веря в то, что решилась на это. – Он мне... понравился.

А ещё своим предложением он дал ей надежду на то, что этого страшного ритуала в её жизни не будет. Никогда.

– Что?! – взвизгивает старуха. – Ты разве забыла, для чего пришла в этот мир? Не откажешь ты, я сделаю так, что он откажется от тебя сам.

И ведь сделает. Анна знала. Как и то, что Иезенния ей врёт. Не для блага всего мира она старается. А для себя. И того жуткого старика, с которым девушка застала её пару месяцев назад. И никогда раньше Анна не видела, чтобы её дуэнья так боялась кого-то и настолько лебезила.

Даже если ритуал действительно сработает, и она обретёт утраченную силу своего рода, всё равно останется пленницей. Ведьмой на цепи. Лучше с мужчиной лечь и позволить ему сотворить с собой все те ужасные вещи, из-за которых появляются дети. Может, одного наследника принцу будет вполне достаточно.

Но если Иезенния сделает так, что он откажется...

– Этот брак будет нам полезен, – выпаливает девушка, впервые решаясь открыто противостоять своей дуэнье. И врать, да. – Я... объяснила его высочеству, что не смогу сразу с ним лечь, что мне страшно. И он... обещал, что подождёт, сколько нужно. Время ритуала ведь уже очень близко. Я продержусь. Зато потом... я стану не только ведьмой, но и принцессой, и будущей королевой. А вы моей самой приближённой дамой. У меня ведь больше никого нет кроме вас, данна. Только вы.

В глазах старухи загораются алчные огоньки.

– Подождёт, говоришь. Что ж... может, ты и права... Но только посмей меня обмануть, дрянная девчонка.

– Никогда, данна, – изображая привычную покорность, склоняет голову девушка.

Картинка меняется...

– Что мне делать, данна Иезенния? Мне страшно. Его величество видел меня, – умоляюще заглядывает в лицо дуэньи заплаканная Анна.

– Не реви. Ты сама виновата. Я же говорила тебе, что этот брак до добра не доведёт, – зло кривится Иезенния. – Видишь, я была права. Король член ордена Тёмного Навия. Этот культ уничтожил века назад ведьмовство в нашем мире. И теперь ты тоже можешь

стать их жертвой. А муж и не подумает тебя защищать от родного отца. Ещё и сам тебя отдаст, если король потребует.

– Простите меня. Я же не знала, – рыдает девушка, комкая свою юбку. – Скажите, что я должна делать? Только скажите. И я всё выполняю.

Старуха поджимает тонкие губы, думает с минуту. И наконец произносит.

– Сейчас ты вернёшься во дворец.

– Нет, пожалуйста...

– Я поеду с тобой. Прикажешь служанкам собирать твои вещи. И завтра же утром мы отправимся в Мораду. Там ты будешь в безопасности.

– Спасибо, данна, – с облегчением и благодарностью улыбается Анна. Склоняется, целуя морщинистую руку, которая столько раз отвешивала ей оплеухи, воспитывая. И, склонённая, не видит, как недобро сжимаются губы старой дуэньи.

– Иди умойся и приведи себя в порядок. А то похожа на чучело, – ворчит та сварливо.

Анна, конечно же, не спорит. И сразу же убегает из будуара.

Как только за ней закрывается дверь, старуха поднимается с кресла, в котором восседала, как на троне. И идёт к секретеру. Берёт маленький клочок бумаги, перо, пишет что-то... я всем существом тянусь ближе, чтобы увидеть. И у меня получается. Я будто смотрю через её плечо, вчитываясь в два коротких предложения.

«Анна знает об Ордене. Что с ней делать?»

Скрутив листок в трубочку, засовывает в почтовый футляр, лежащий там же. Данне снова очень страшно. Из-за бестолковой девчонки Мессир на неё и так зол. А теперь вот малолетняя дурочка ещё и влезла, куда не следует.

Наверное, пролетает несколько минут, когда наконец приходит ответ. Поспешно отвинтив крышечку футляра, Иезенния вытряхивает на ладонь послание. Разворачивает его.

На желтоватом клочке бумаги красивым витиеватым почерком написано:

«Я знаю. Его величество очень зол. Ждите, пришлю за вами карету. Время пришло» ...

... На этой картинке меня внезапно выбрасывает из видения, и тело само собой начинает оседать. Призванной силы было слишком много... кажется. Внутреннего ресурса не хватило. Непривычная я. Голова трещит так, что выть хочется. Но даже звука из себя выдавить не получается.

Упасть мне не позволяют мужские руки. Такие родные... уже.

– Бедовая ведьма, – ворчит Федерик, перехватывая меня удобней.
– Вот зачем так себя изводить? Нельзя было постепенно?

– Нельзя, – бормочу заплетающимся языком, склоняя голову ему на плечо.

Не знаю почему, но я уверена, что всё это увидеть надо было сегодня. Пока не поздно...

– Я многое рассмотрела... Иезенния сама отдала Анну похитителям... Но кто он, этот Тёмный, я всё равно не узнала... Надо будет ещё раз попробовать.

– Только когда хорошо отдохнёшь и наберёшься сил, – припечатывает строго Федерик.

– Угу, – соглашаюсь и, кажется, проваливаюсь в полудрёму.

Прихожу в себя уже тогда, когда он пытается со мной на руках открыть тайный проход в наши покои. Для этого Федерику приходится поставить меня на ноги, чтобы освободить хотя бы одну руку.

– Я что спала, да? – интересуюсь сонно, изворачиваясь в его объятиях и обнимая его за талию.

– Как младенец, – хмыкает муж.

– Извини. Я постараюсь не спать. Нужно тебе всё рассказать сначала.

– Завтра, ведьмочка. Всё расскажешь завтра. Сейчас тебе нужно лечь и выспаться. Ты на ногах не держишься, – непрерываемо возражает он, нажимая на камни в нужном порядке и оттаскивая меня в сторону, когда каменная дверь со скрежетом начинает открываться.

– Ну завтра так завтра, – покладисто соглашаюсь я.

Сил действительно не осталось. Федерик снова подхватывает меня на руки, заноса в наши покои. Позади раздаётся скрежет запираемой тайной двери. А мои глаза окончательно закрываются. Вот только увиденное не даёт покоя, зудит на подкорке, мешая забыться. Хочется хотя бы самое важное рассказать.

– Знаешь... она действительно слышала твоего отца... он как-то причастен, – вздыхаю я грустно. Так тяжело на сердце становится, когда я чувствую, как напрягается тело моего супруга, как сильнее сжимаются вокруг меня его руки. – И культ этот, они его называют Орденом. Этот ритуал был нужен тёмным, Федерик. Иезенния отдала им Анну. Просто... отдала.

– Она уже поплатилась за всё. Заплатят и все остальные, кто причастен, – бесцветно произносит мой муж. – Придёт время, и все заплатят, Анна. А сейчас спи.

Это последнее, что я слышу. Важное сказала, остальное может и подождать... наверное. Нечеловеческая усталость даёт о себе знать и сон накрывает моё сознание тяжёлой пеленой.

Вырывает меня из его цепких объятий чей-то взволнованный, даже встревоженный голос.

– Ваше высочество, ваше высочество, просыпайтесь.

– Бригитта? – удивлённо сиплю я, разлепляя пудовые веки. – Что случилось?

Зевнув в ладонь, перевожу взгляд на зашторенное окно. Оттуда льётся рассеянный солнечный свет. Это ещё вечер, или уже утро?

– Его высочество велел вас срочно разбудить и сообщить новости. Он сам очень занят.

– Какие новости? – вскидываю я брови.

– К нам едут король и королева. Их кортеж прибудет уже через пару часов.

Глава 55

– Как король? – лезут мои глаза на лоб.

Мгновенный выброс адреналина в кровь, заставляет не то что проснуться окончательно, но и подорваться в кровати, испуганно таращась на горничную.

– Почему король? – вырывается у меня ещё один глупый вопрос не по адресу.

– Я не знаю, ваше высочество. Он, кажется, неожиданно решил приехать. Но как всё на самом деле, лучше спросите у вашего супруга.

Ну да. Логично. Уж он-то точно должен знать, что к чему.

– А где мой супруг? – уже более осмысленно интересуюсь я.

– Когда я его видела в последний раз, он раздавал указания офицерам гарнизона во внутреннем дворе. А сейчас, наверное, проверяет всё ли готово к прибытию его величества.

Угу. И прячет всё, что величеству показывать никак нельзя. Чует моё сердце, что Федерика этот визит застал врасплох не меньше чем меня.

– Ясно. Тогда пожалуйста приготовь мне, пока я буду в ванной, вишнёвое... нет, лучше... персиковое платье, – прошу, спуская ноги на пол. Надо постараться изобразить перед королём забитую болезную тихоню, какой по идее должна быть Анна.

– И украшения к нему? – сбивает меня с толку вопрос горничной.

– Какие украшения? – непонимающе поднимаю я взгляд на Бригитту.

– Те, которые его высочество приказал взять из особняка, когда мы отправлялись, – не менее удивлённо сообщает мне она.

Какой его высочество предусмотрительный, однако. Только вот непонятно, что это за украшения и кому принадлежали раньше. Анна ведь во дворце жила. Да и сомневаюсь я, что она украшениями была балована. А если это первой жены... то не хочу.

– Нет, не надо украшений, – решаю я. – Думаю, его величеству больше понравится, если я проявлю скромность.

По крайней мере, для меня это точно будет безопасней. И главное теперь помнить об этом. И держать язык за зубами, какую бы глупость кто не морозил.

С этими мыслями я и уйду в ванную, приводить себя в порядок. На мне только короткая сорочка, которую я поддевала вчера под платье, и маленькие панталончики. Остальное Федерик видимо снял, укладывая меня спать. И после вчерашнего мне явно не мешает хорошенько помыться и выполоскать запах гари с волос. Чем я и спешу заняться.

Подгоняемая тревогой и волнением, с гигиеническими процедурами справляюсь в рекордные сроки. А дальше отдаюсь в умелые руки Бригитты, которая сноровисто помогает мне облачиться в выбранный мною наряд, а потом с помощью двух гребней собирает высушенные магией волосы в незамысловатую, но весьма милую причёску. И меньше чем через час после пробуждения я уже выхожу из наших покоев, намереваясь первым делом найти супруга и получить хоть какие-то объяснения и инструкции.

Федерика я нахожу в общем зале, где он вовсю гоняет замковых слуг и своих людей. Но, заметив меня, тут же умолкает, окидывая внимательным взглядом. Удивлённо хмыкнув, идёт ко мне, не обращая внимания на любопытные взгляды собравшейся челяди.

– Здравствуй, Анна, – обнимает за талию. И нежно целует в губы, заставляя снова ощутить столь непривычный для меня трепет в груди.
– Как твоё самочувствие?

– Хорошо. Спасибо, – произношу сипло и, прокашлявшись, замечаю: – Надо было меня раньше разбудить.

Из слов Бригитты, в замке к прибытию короля готовятся уже часа два, не меньше.

– Зачем? Ты бы нервничала дольше, – усмехается муж.

– А сейчас я чувствую себя жутко неподготовленной, – фыркаю тихо.

– Как и я. Отец застал меня врасплох своим решением. Хорошо, что хоть известил, – хмуро поджимает губы Федерик.

– Ты не знаешь, почему он решил приехать? – спрашиваю очень тихо, подавшись к мужу ближе.

Он вместо ответа, оглянувшись, строго зыркает на слуг, и те поспешно делают очень занятой вид, уносясь выполнять

хозяйские распоряжения и оставляя нас наедине. Но Федерик всё равно ведёт рукой в уже знакомом мне жесте, накрывая нас куполом тишины. И лишь убедившись, что нас точно никто не услышит, отвечает на мой вопрос:

– Могу только догадываться, почему. Мне написал, что желает лично убедиться, что его невестка пострадала несмертельно и действительно идёт на поправку. И заодно везёт сюда маму, чтобы она могла побыть с внучками.

– Звучит... правдоподобно, – замечаю осторожно.

– Это если не знать моего отца, – лицо Федерика искажается в саркастичной гримасе. – Нам надо будет с тобой поговорить, чтобы ты подробно мне рассказала, что именно увидела о нём вчера. Вообще всё, что видела. Но сейчас мне нужно убедиться, что защитная сеть замка не имеет брешей и не допустит посторонних вмешательств...

Он морщится, с досадой запуская руку в волосы.

– Я могу чем-то помочь? – сочувственно смотрю на мужа.

– Да, – кивает он рассеянно. – Наверное, можешь. Сходи к девочкам и проследи, чтобы они были готовы. И... просто поддержи, наверное. Они деда побаиваются, особенно Каталина. А я не успеваю зайти.

– Я найду, конечно, – сжимаю его ладонь. – И буду с ними, сколько понадобится. А ты занимайся своими делами. – И, поднявшись на носочки, целую в уголок сурово сжатых губ. – Я в тебя верю, муж мой. Не волнуйся о нас. Мы справимся.

Федерик удивлённо моргает, а затем внезапно сжимает мою талию, дёргая на себя и ловя мои губы в гораздо более откровенном поцелуе. Тихо застонав, я обнимаю его за шею в ответ, зарываясь пальцами в густые тёмные волосы, пылко отвечая на такую нужную мне ласку. И не могу сдержать разочарованного выдоха, когда муж неохотно отпускает.

На мужественном лице мелькают странные эмоции. Словно он хочет сказать что-то одно... но говорит совсем другое:

– Иди к девочкам, ведьмочка. Отправлю за вами кого-то, когда нужно будет спуститься.

– Хорошо. Мы будем готовы, – киваю, отстраняясь. И, опустив взгляд, направляюсь к лестнице на второй этаж.

Обеих близняшек я нахожу в комнате Эмелин. А вместе с ними и ту самую данну Элисию, с которой мне до сих пор так и не довелось познакомиться. Довольно молодая женщина, максимум лет двадцати пяти, темноволосая, красивая неброской классической красотой, хоть и бледная немного, в строгом сизо-голубом платье, единственным украшением которого можно назвать только аккуратный белый воротничок и оборки на манжетах.

На первый взгляд, она не вызывает во мне никаких неприятных чувств. Скорее наоборот.

Уже одетая в васильковое с пышным белым подъюбником платье Кати сидит на диванчике, нервно теребя юбку, а Эми в таком же наряде, развернувшись спиной к гувернантке, ждёт пока та затянет ей шнуровку на спине.

– Доброе утро, Эмелин, Каталина, – здороваюсь я, переступая порог. Вежливо киваю выпрямившейся при мом появлении гувернантке: – Данна Элисия.

Та тут же порывается бросить шнуровку, чтобы поклониться мне, но я предостерегающе машу ладонями.

– Нет, нет, сейчас не время... для церемоний. Не надо из-за меня прерываться. Я всего лишь пришла убедиться, что всё в порядке, и помочь, если нужно.

– Ваше высочество, – данна Элисия с нервной улыбкой всё же изображает подобие книксена, если я не путаюсь, и продолжает немного растерянно возиться с платьем своей подопечной.

– Доброе утро, Анна, – бледно улыбается Кати.

– Доброе утро, – довольно вежливо здоровается и её сестра.

К ней-то я и подхожу в первую очередь, чтобы обнять за плечики и поцеловать ошарашенную девочку в макушку.

– Очаровательно выглядишь, солнышко, – сообщаю ей, и направляюсь ко второй близняшке, чтобы тоже обнять и поцеловать. – И ты тоже, милая. Вам очень идёт этот цвет.

Усевшись рядом с девочкой, я решительно беру её за руку, ободряюще пожимая.

– Как вы тут? – обвожу всех внимательным взглядом. – Сильно волнуетесь?

– С чего нам волноваться? – гордо задирает нос Эмелин, но я вижу, что это явная бравада.

Притом вижу это не только я – данна Элисия бросает на девочку понимающий участливый взгляд и грустно поджимает губы, едва заметно хмурясь. Значит, скорее всего, в курсе, что собой представляет король, и как девочки к нему относятся.

– Хорошо, если так. Потому что я волнуюсь очень, – заговорщически сообщаю девочкам. – Говорят, его величество бывает очень страшный.

Может и не стоит затевать этот разговор при гувернантке, но времени действительно мало, а мне нужно понять, насколько всё плохо с их страхом перед дедом.

– О да, – кивает сидящая рядом со мной Каталина. – Когда он рядом... вот тут... так тяжело, – она прикасается к своему виску. – Будто давит что-то. Эмелин хорошо, она закрываться умеет. А я не могу.

– Потому что ты слишком сильно чувствуешь, – сочувственно буркает Эмелин. – Как папа.

А ведь Федерик наверняка вот так же с детства всё чувствовал и не мог закрыться. И эмоции родителей тоже. Отца-деспота... Ох, что-то мне даже дурно становится, как представляю.

– Кати, солнышко, может тебе можно как-то помочь? Может, отца попросить? – обнимаю я напряжённые плечики девочки.

– Нет. Папа говорит, что эмпатию нельзя ничем перекрыть со стороны, – шмыгает носом бедняжка. – Только самому научиться закрываться. У меня уже начало хорошо получаться, но иногда оно всё равно пробивается ко мне. Особенно, если кто-то слишком сильно чувствует, как ты сейчас... или когда чувства слишком... тяжёлые.

А Эмелин внезапно скидывает голову, устремляя на меня полный надежды взгляд.

– Папа говорил, что нельзя перекрыть... магией, – произносит она выразительно.

Удивлённо моргнув, я пару секунд смотрю на неё в ответ, пытаюсь понять, что это всё должно означать. А потом до меня доходит.

Магией, но не ведьмовством.

А я... сумею?

Глава 56

Каталина непонимающе смотрит сначала на сестру, потом на меня, хмурит изящные бровки, пытаюсь сообразить о чём идёт речь. И в её расширившихся глазах вместе с пониманием постепенно зарождается и неистовая надежда, и даже мольба.

И вот как таким глазам отказать? Невозможно просто. Тут в лепёшку расшибёшься, чтобы помочь.

Только я боюсь навредить. По уму надо как-то узнать, возможно ли такое вообще. И вряд ли можно повернуть такой фокус незаметно. А мы тут с девочками не одни. Нужно хоть как-то уединиться.

– Кати, я видела у тебя альбом. Покажешь мне свои рисунки? У себя в комнате? – смотрю на падчерицу.

– Сейчас? – удивляется малышка.

– Да, сейчас, – киваю с улыбкой. – Мне нужно... поговорить с тобой наедине. А потом с Эмелин.

– О-о-о, да, конечно, – поняв, наконец, к чему я клоню, вскакивает Каталина с диванчика. И, ухватив меня за руку, тянет за собой: – Пойдём скорее.

Рассмеявшись, я подмигиваю воодушевившейся Эми, киваю на прощанье озадаченной данне Элисии и выхожу вслед за Каталиной.

В её комнате царит идеальный порядок. А я вот даже не знаю, сама она такая аккуратистка, или горничная уже убралась. Я очень многого о сестричках не знаю. Всё в бегах и расследованиях.

Мне безумно хочется проводить с девочками больше времени, узнавать их, сближаться, но пока не раскрыта тайна смерти Анны, боюсь, спокойная жизнь нам не светит. Остаётся только утешать себя, что потом, когда всё решится, у нас будет вся жизнь впереди... и урывать для общения каждую свободную минуту.

– Вам, правда, показать рисунки? – немного смущённо спрашивает Каталина, как только я закрываю за нами дверь.

Ну вот, снова стесняется и перешла на «вы». А ведь вчера ещё когда плавать её учила, договорились отбросить церемонии.

– Рисунки покажешь обязательно. Я очень-очень хочу на них посмотреть, но сейчас нам нужно поспешить и попробовать защитить

тебя от тяжёлых эмоций короля и всех, кто с ним приедет.

– Бабушка хорошая. Только грустная всегда, – с серьёзным видом сообщает мне Кати. – От неё, наверное, защищать не надо.

– Ясно, – киваю, шумно выдыхая. Бабушка хорошая, значит. Бедная бабушка.

Потираю зудящие руки, изучающе смотря на девочку и настраиваясь.

– Вы правда сможете? – с надеждой вскидывает она брови домиком.

– Да, – киваю с невесть откуда взявшейся уверенностью.

Стоило принять решение, и внутреннее чутьё, пока что заменяющее мне знание, сразу включилось, подталкивая в нужном направлении.

Пламя в моей крови уже тоже проснулось, снова пульсируя в венах. Но после вчерашнего... я контролирую свою силу. Действительно, контролирую. Сейчас она, как никогда отзывчива и даже... пластична. Многогранна и многолика. Я ведьма, и я могу то, чего не могут маги, ограниченные рамками своих врождённых способностей и резервов. Мои рамки только во мне самой. А значит, мне по силам их сдвинуть.

В памяти картинками вспыхивают прочитанные мною ритуалы-обереги, которыми ведьмы защищали своих детей. И пусть это не совсем то, но я думаю, что можно использовать общий принцип для концентрации, и добавить от себя уточняющих деталей.

Нет ведьмы сильнее, чем та, что любит. А я люблю. Каталина и Эмелин мои девочки, мои дочери. Пусть не по крови, пусть сами ещё не знают и держат дистанцию, но они мои. Я так чувствую. И люблю их уже всем сердцем.

– Стань посередине комнаты, – прошу я, поворачивая в замке ключ.

Отпустив кусочек металла, делаю глубокий вдох и оборачиваюсь к застывшей в центре Каталине, наблюдающей за мной уже с некоторой опаской.

– У вас глаза горят, – благоговейно шепчет она.

– Так надо, маленькая. Это моя стихия проснулась, чтобы тебе помочь. Мы же вчера договорились, что ты не будешь мне выкать, – напоминаю, делая шаг к ней.

– Да, договорились, – кивает, замороженно наблюдая за моим приближением.

– Вот и не выкай. И ещё мне нужно, чтобы ты мне доверилась, как вчера. Сможешь?

– Смогу, – вижу решительный кивок.

– Умничка, – улыбаюсь, останавливаясь перед ней. – Не бойся ничего.

Разведя в стороны ладони, я позволяю огню вспыхнуть на них жаркими лепестками. Улыбаюсь восторженному аху Каталины. И рисую огненный круг над тёмно-русой макушкой. А затем и вовсе иду по кругу, мысленно представляя пылающий защитный заслон вокруг моей девочки.

И слова заговора сами приходят на ум, срываясь с губ огненными каплями.

– Как Великая Праматерь бережёт этот мир и всё сущее в нём, как волчица бережёт волчонка, как медведица своего медвежонка, так я берегу свою доченьку. Пусть моё пламя ей станет щитом, моя сила оберегом, моя воля опорой. Не коснутся чужие чувства моей Каталины, не смутят чистую душу, покуда она сама не захочет иначе. Слово ведьмы – замок. Да будет так.

Сквозь меня словно горячий поток воздуха проходит, растекаясь вокруг замершей и притихшей девочки. Образуя тот самый щит.

Слегка покачнувшись и опустив руки, я отступаю.

– Кажется, всё. Чувствуешь мои эмоции?

– Не-е-ет, – потрясённо выдыхает девочка.

– А если сосредоточишься? – прищуриваюсь. Вряд ли мне Федерик спасибо скажет, если я ей природный дар насовсем перекрою.

Кати сосредоточенно морщится, внимательно уставившись на меня, и её лицо светлеет.

– Да, чувствую.

– Отлично. Зови теперь Эмелин. Поставлю и ей защиту. Мне так спокойней будет, – прошу я, чувствуя лёгкую слабость.

Даже позволяю себе подойти к небольшому столику у окна и присесть на один из стульев с красочно вышитой обивкой. Непривычная я к ведьминским штучкам. Ох непривычная. В здоровом теле, судя по всему, не только здоровый дух. Со здоровым телом и силушки можно побольше зачерпнуть и через себя пропустить. Но

нужно привыкать и прокачиваться. Если рамки только во мне, то расширять их моя прямая задача. Ну а сегодня уже пусть... легче болезную Анну будет изображать.

– Анна, – отрывает меня от мыслей тихий голосок Каталины. Подняв голову, я вижу, что она не ушла за сестрой, как я просила, а стоит топчется у двери.

– Что, солнышко? – ласково улыбаюсь я ей.

А малышка в ответ внезапно кидается обратно ко мне и крепко обнимает за шею.

– Спасибо тебе. Большое-большое!

Растерявшись лишь на миг, уже в следующий я крепко прижимаю её к себе, обняв обеими руками.

– Не за что, Кати. Я рада, что смогла тебе помочь, – шепчу, глядя ребёнка по спине.

– А... ты, правда, считаешь меня своей... доченькой? – с затаённой надеждой спрашивает Каталина. И моё сердце в груди делает кульбит.

– Да, иначе заговор бы не сработал. Для меня вы с Эмелин уже стали родные, – признаюсь, чувствуя, как спирает дыхание от волнения.

– Тогда... я не против... и рада, что ты будешь нашей мамой. И Эми... она уже не злится, что ты тут. И ты ей нравишься. Просто... она... – Каталина умолкает, подбирая слова.

– Ещё не готова себе в этом признаться? – со щемящим чувством подсказываю ей.

– Да, – кивает, отстраняясь, моя проникательная девочка.

– Я буду ждать столько, сколько Эмелин понадобится, – уверяю Каталину. – И сейчас нам нужно позаботиться, чтобы твоя сестра тоже была защищена. Позовёшь её?

На этот раз Кати не задерживается. Вот только стоит ей выскочит в коридор, как я слышу там голос Рэймандо, интересующегося, где я.

Приходится, самой поспешить к двери.

– Что-то случилось? – спрашиваю я у мужчины, ступив за порог.

Дверь комнаты Эмелин тоже открыта и сама девочка стоит на пороге, а за её спиной, сжимая хрупкие плечики в немой поддержке замерла данна Элисия.

– Королевский кортеж уже на подъезде, – сообщает Рэймандо, обводя нас всех внимательным взглядом и останавливаясь на мне. – Ваше высочество, ваш супруг просил вас спуститься вместе с принцессами. – Смотрит на гувернантку. – Вам, данна Элисия тоже придётся. Ваше присутствие может понадобиться.

– Конечно, – кивает молодая женщина. А я отмечаю, что она, кажется, ещё сильнее побледнела.

– Сколько у нас времени? – требовательно интересуюсь я у Рэймандо. – Мне нужно срочно переговорить с Эмелин. Есть несколько минут?

Придётся поторопиться, чтобы вложиться в эти несколько минут, но я уж постараюсь.

– Я не думаю, – отрицательно качает головой мужчина. – Кортеж прибудет в замок с минуты на минуту. Король проявил небывалую спешку. И если его не встретят, как должно, будет, мягко говоря, недоволен.

Что ж этому королю на месте не сиделось? Что он тут забыл? Что так спешит увидеть? Невестку при смерти? Армию, спрятанную от него сыном? Что?

И как мне теперь быть? Я не могу оставить Эми без защиты.

– Идите без нас, – принимаю я решение. – Мы с Эмелин спустимся чуть позже...

– Нет. Я не хочу. Со мной всё будет в порядке... Анна, – подаёт голос главный объект моей тревоги. Вскидывает уверенно подбородок. – Правда. Я не хочу, чтобы король на нас злился из-за опоздания. А он будет.

Чёрт. Чёрт. Чёрт. Возможно, она и права. Вряд ли моя помощь пойдёт на пользу, если потом Эми прилетит от деда. Чтобы ранить ребёнка, порой и злых слов достаточно.

– Точно, Эми? – всё-таки уточняю я.

– Да. Я могу сама, – уверяет девочка, многозначительно округлив глаза.

Шагает к сестре и, взяв её за руку, тянет в направлении основной лестницы.

Нам, взрослым ничего не остаётся, кроме как последовать за девочками. Навстречу незванным, но неизбежным неприятностям.

Глава 57

К тому моменту, как я вместе с девочками выхожу во двор к Федерику, карета короля как раз въезжает в ворота. Данна Элисия и Рэймандо остаются у двери, а мы идём к возвышающейся впереди высокой фигуре принца.

Заметив нас, муж взглядом показывает на место рядом с собой, и вскоре я уже стою справа от него, а девочки передо мной. Чтобы поддержать их и успокоиться самой, я обнимаю обеих за плечи. Некстати, или совсем наоборот, вдруг вспоминается тот факт, что до сих пор я так и не удосужилась узнать, как должна себя вести при встрече с королевской четой, как приседать, кланяться, и так далее.

Федерику наверняка просто некогда было вспомнить об этой мелочи, а мне бы стоило подумать и озаботиться, притом давно. Расслабилась я в роли принцессы, которой все кроме мужа кланяются. Но уже ничего не поделаешь. Придётся как-то выкручиваться.

И всё то время, что требуется кучеру дабы вырулить шестёрку белоснежных лошадей так, чтобы большая роскошная карета остановилась ровно у крыльца, где мы все собрались, я усердно перебираю в памяти всё, что видела в воспоминаниях Анны. Она, когда встречалась с Федериком первый раз, точно должна была изобразить соответствующий случаю реверанс.

Точно. Есть. Вот оно... Анна двумя пальчиками приподнимает юбку, по-хитрому отставляет ножку... склоняется... Чёрт, мудрёно-то как. Повторить бы.

Но вот карета останавливается, с запяток позади неё соскакивают лакеи в алых ливреях. И мне приходится вынырнуть из этого своеобразного мысленного мастер-класса и сосредоточиться на происходящем.

Один из лакеев открывает дверцу, второй опускает ступеньки, и оба замирают навтыжку по сторонам от этих ступенек, подняв ладони в воздух так, чтобы на них можно было опереться.

Первым из кареты показывается сам король. Невысокий, нескладный, седой, с неприятным надменным лицом. Поверх тёмного

камзола накинут плащ с серебристой меховой оторочкой, выглядящей дико на летнем зное. На голове золотой обруч короны. Окинув нас всех мимолётным острым взглядом, он степенно спускается на землю. И сразу же направляется к нам, заставив меня недоумённо нахмуриться. А королева что, не приехала?

Однако уже спустя несколько секунд в проёме дверцы показывается и седая женская макушка с высокой элегантно причёской. И тонкая рука опирается на протянутую ладонь лакея.

Скрипнув зубами, Федерик устремляется к карете. Без приветствий миновав нахмурившегося отца, он жестом отстраняет лакея и сам подаёт матери руку, помогая выбраться из кареты.

– Спасибо, мой мальчик, – улавливаю я её тихий благодарный голос.

Но сама застываю, чувствуя на себе пристальный пробирающий до дрожи взгляд монарха. Стоящие передо мной девочки заметно напрягаются. Напряжение я чувствую даже от собравшихся позади офицеров и слуг. В общем сказать, что у его величества короля Гельмута давящая энергетика, это по сути ничего не сказать.

Повинуясь какому-то внутреннему чутью, я чуть надавливаю девочкам на плечи, понукая их поклониться, и, склонив голову, сама приседаю в подобии того реверанса, который видела у Анны, и вижу сейчас в исполнении своих падчериц.

– Я смотрю, в твоей семье, сын, хотя бы кто-то способен проявить к гостю достойное почтение и изобразить положенную этикету учтивость, – слышу я. – В отличие от моего единственного сына и наследника.

Не знаю, как меня не перекашивает от этого заявления. А ещё... от в общем-то обычного, но какого-то вкрадчивого и неприятного голоса. Будто змея шипит. Фу.

Хорошо, что эмпатия у Федерика и девочек от матери, а не от отца. Иначе я бы сейчас точно себя выдала своими эмоциями.

– Я проявляю учтивость ровно в той степени, в какой вы подаёте пример, ваше величество, – лишённым эмоций тоном замечает мой муж. И теперь я едва удерживаюсь от того, чтобы не взглянуть уже на него.

Таким голос Федерика я ещё ни разу не слышала. Из него будто всю жизнь выкачали, напитав ледяным холодом взамен.

Мой слух улавливает тяжёлые шаги, и в поле зрения появляются обутые в высокие чёрные сапоги ноги.

– Можете подняться, – небрежно, как подачку, роняет король.

Мы с девочками выпрямляемся, подняв настороженные взгляды на монарха.

– Эмелин, Каталина, вы... подросли, – произносит он без капли заинтересованности.

– Здравствуйте, ваше величество. Да, ваше величество, – в один голос соглашаются близняшки, словно какой-то неприятный ритуал соблюдают.

– Анна, – взгляд стеклянных карих глаз устремляется на меня.

– Рада приветствовать вас, ваше величество, – учтиво произношу я, очень стараясь, чтобы голос звучал ровно.

– Мне сказали, что ты серьёзно ранена и не можешь присутствовать на приёме, который состоится в моём дворце через несколько дней, – обличающе заявляет он.

– Меня действительно серьёзно ранили, ваше величество. И участвовать в светском мероприятии для меня будет весьма... затруднительным, – осторожно подтверждаю я.

– И тем не менее ты стоишь сейчас здесь передо мной и не выглядишь больной.

Вот так заявочка. Я даже рот открываю от неожиданности, чувствуя, как меня с головой захлёстывает злость. Вот же гадость припёрлась.

– Спуститься ненадолго во двор, чтобы встретить гостей, и выдержать целый вечер в толпе спесивых придворных, это разные вещи, отец. Это несложно понять, если иногда давать себе труд задумываться о человеческих чувствах. Анна никуда не поедет, и это моё последнее слово, – холодно чеканит Федерик, подводя к нам свою спутницу.

Взглянув на мужа, я судорожно вдыхаю. Его будто закаменевшее лицо кажется чужой пугающей маской, а в глазах такая ярость плещется, что мороз берёт.

– Твоя дерзость не делает тебе чести, Федерик, – оборачивается к сыну король, потеряв к нам с девочками всякий интерес. – Или ты всерьёз думаешь, что можешь противостоять мне на равных, щенок. Может, решил, что способен сместить меня и занять мой трон?

– Ну что вы, отец. Я не настолько озабочен властью... – цинично усмехается мой муж. И недосказанное им «как вы» буквально чувствуется в воздухе.

Во дворе повисает звенящая напряжением тишина, пока король и кронпринц меряются тяжёлыми взглядами. Я неосознанно шагаю к девочкам ближе, обнимая и прижимая их к себе в инстинктивной попытке защитить.

И бросаю взгляд украдкой на ещё одну действующую особу этой немой сцены. Королеву. Ведь именно пренебрежительное отношение к ней так выбесило моего довольно сдержанного супруга, что он чуть ли не в открытую схлестнулся со своим долбанутым папашей.

Королева Мариса Арганди – её имя я сегодня не раз слышала от Бригитты – в молодости наверняка была потрясающей красавицей. Федерик явно больше в неё пошёл, по крайней мере, внешностью. А девочки так и вовсе на бабушку, как две капли воды, похожи. Высокая, голубоглазая, статная, она тем не менее производит впечатление хрупкой полупрозрачной статуэтки, и вряд ли от хорошей жизни. В больших несчастных глазах, с мольбой смотрящих сейчас то на сына, то на мужа, чувство вины и страдания. Кусая бледные губы, её величество сжимает на груди изящные руки с музыкальными пальцами. И, кажется, будто вот-вот заплачет. Но вмешаться не решается.

Подозреваю, что дорога сюда в обществе короля обернулась для неё настоящим испытанием. О супружеской жизни вообще боюсь даже думать.

Как бы там ни было, а ситуацию срочно нужно спасти. Иначе страшно представить, чем это всё может для нас обернуться. И поскольку Федерику выдержка изменила, придётся мне.

– Ваши величества, вы, наверное, очень устали с дороги? – с вежливой улыбкой обращаюсь я к свекрам, намеренно переключая общее внимание на себя. – День сегодня обещает быть очень знойным. Не желаете ли пройти в замок? Может подняться в приготовленные для вас покои, чтобы отдохнуть? Приказать, подать вам освежающие напитки?

Взгляд короля снова обращается на меня. Пронизывающий и изучающий. Подозрительный, даже.

– Желаем, дорогая невестка, – склоняет он голову набок. – И пройти, и подняться. Может, ты сама меня и проводишь? Я как раз хотел с тобой пообщаться, узнать больше о твоём здоровье и о похищении.

Вот же чёрт коронованный. Точно хочет узнать, помню ли я о его делишках.

На лице Федерика вздымаются желваки. Он уже открывает рот, чтобы что-то сказать, грозно подаваясь вперёд, но я его опережаю:

– Умоляю, простите меня ничтожную, ваше величество, – жалобно прошу, покаянно склонив голову. – Но я, к сожалению, никак не могу, меня от слабости ещё сильно шатает. Боюсь свалиться со ступенек. Конечно, я верю, что такой сильный и мужественный мужчина, как вы, всегда благородно придёт даме на помощь, но мне будет стыдно вас обременять.

Ха, не только Федерика я умею сбивать с толку. Его гадский папаша тоже слегка теряется. Правда, ненадолго. Но я ведь только начала.

– А как же ты по замку передвигаешься, если тебя на ступеньках шатает? – подозрительно сужает глаза король.

– Так я и не передвигаюсь, ваше величество, – признаюсь смущённо. – В кровати лежу в основном, как мне лекарь и мой супруг велели. Либо его высочество на руках носит, как истинный благородный рыцарь из старых лирических сказаний.

И восторженно хлопаем глазами, облизывая опешившего мужа влюблённым взглядом. Вполне искренним, кстати.

До чего же полезный человек – личная камеристка, оказывается. Не будь у меня всезнающей Бригитты, между делом рассказывающей все самые интересные новости, я бы сейчас даже не знала, где эти покои, предназначенные для королевской четы, находятся. Отдельные для короля и королевы, между прочим. И книжки, которые она мне приносила в первый день моего пребывания в столичном особняке, тоже оказались полезны. Теперь можно изобразить наивную девочку, смотрящую на мир через призму книжных историй о любви.

– Я с радостью отвечу на все ваши вопросы позже, – продолжаю изображать святую простоту. – Правда, многого рассказать не смогу. Память ко мне всё ещё не вернулась, к счастью.

– К счастью? – тут же хищно подбирается его мерзостное величество. – Почему же? Разве тебе не хочется помнить свою прежнюю жизнь? Рассказать нам, кто тебя пытался убить?

Судорожно вздохнув, я зажмуриваюсь. Кривлю жалобно рот, лихорадочно соображая, что сказать. Ну же! Соображай, Лана! Соображай! Быстро!

– Нет, не хочу, – качаю головой. И осенённая внезапной идеей, тихо продолжаю: – Его высочеству удалось узнать, что меня похитителям отдала моя бывшая дуэнья, данна Иезенния. Я не знаю и знать не хочу, зачем она это сделала. И зачем пыталась настроить меня против моего мужа... и против вас.

– Против меня? – как я и ожидала, натянуто уточняет напрягшийся монарх.

– Да, она приезжала ко мне, когда я была уже в безопасности в особняке мужа, – киваю уже с полной уверенностью, что действую правильно. – Пыталась выманить, чтобы увезти куда-то. И говорила всякие гадости, уверяла, что это по вашему приказу меня чуть не убили. И что муж меня никогда не станет защищать от собственного отца, и что все мужчины мерзкие и жестокие. И делают только больно.

Эх, тут бы покраснеть, но под заказ не умею. Ладно, бледность тоже сойдёт.

– А это не так, – мотаю головой. – Богиня дала мне самого лучшего супруга, какого только может желать девушка. Он со мной добр, ласков, бережен. Я ему верю, а не тем бредням, которые вывалила на меня эта ужасная женщина. Не хочу помнить, что она ещё мне говорила, раз сама меня убийцам и отдала. И годы, которые прожила под её властью, тоже не хочу вспоминать. Вряд ли в той жизни у меня что-то хорошее было.

На этом я умолкаю, тяжело дыша. Даже прерывистый вздох из себя выдавливаю. И из-под ресниц наблюдаю за ошарашенными лицами окружающих.

– Не надо ничего помнить, маленькая, – первым отмирает Федерик.

Сориентировавшись в ситуации, шагает ко мне и, обняв меня вместе с девочками, целует в макушку.

– Тебе не нужно ни о чём переживать и тревожиться, я же говорил, – и, став рядом с нами, поворачивается к отцу. – Ваше

величество, всё что касается расследования о похищении моей жены, я сам вам сообщу. И лично отвечу на все ваши вопросы. Анне вредно волноваться.

Глава 58

Стоило королю оказаться в общем зале, как он вдруг заявил, что в отдыхе не нуждается и предпочитает сразу осмотреть фортификационные укрепления Анжерона, раз уж посетил столь важный для Арганды стратегический объект. Естественно в сопровождении Федерика. Видимо, решил сразу приступить к расспросам сына, раз со мной не получилось.

В итоге королеву Марису в её покои отправился провожать Рэймандо. А мы с девочками под охраной разбрелись по своим комнатам. Был у меня сначала острый порыв отправиться с ними и поставить защиту ещё и на Эмелин. Но вслед за королём прибыл и весь его кортеж. Гельмут, оказывается, так спешил, что их карета оторвалась от остальных. А вдобавок и небольшой отряд гвардейцев, которых я поначалу попросту не заметила за королевским громоздким экипажем. В замке внезапно оказалось очень много чужаков, в большинстве своём магов. И кто его знает, насколько эта братия чувствительна к ведьмовской силе. Ещё засекут, не дай бог. Или, не приведи богиня, как в этом мире говорят.

Поэтому пришлось ради сохранения легенды в сопровождении уже привычных мне Васко и Алонсо отправиться в наши с принцем покои, а с близняшками пошла данна Элисия и двое других охранников, чьи имена я, к сожалению, не смогла вспомнить.

И вот вроде бы можно выдохнуть. По крайней мере, до торжественного обеда в обществе королевской четы. Всё равно ничего больше сделать не могу. Но мне жутко неспокойно.

Вот и мечусь по нашей гостиной уже почти час, усиленно размышляя над всем случившимся. Перебирая в голове новые сведения и впечатления. Сверяя и сопоставляя с теми, что уже имелись, особенно со вчерашними видениями. Заодно подробно восстанавливаю эти самые видения в памяти. И выводы получаются... неоднозначные.

За этим занятием меня и застаёт Федерик, бесшумно открыв дверь.

Зайдя в комнату, он активирует охранный периметр и останавливается у порога, внимательно наблюдая за мной. Я же, заметив мужа, сначала торможу. А потом иду к нему и просто обнимаю. Потому что... просто хочется.

– Всё в порядке? – спрашивает, немного растерянно обняв меня в ответ.

– Нет, не в порядке. Более неприятного, токсичного и одновременно с этим опасного человека, чем твой отец я, пожалуй, не встречала, – признаюсь запальчиво. – То как он себя ведёт, как говорит... это... просто гадко.

Меня аж передёргивает, как вспомню.

– Он тебя не тронет, – успокаивающе гладит меня по спине Федерик. – Ты очень умно всё вывернула. Теперь его величество уверен, что я намеренно не позволяю тебе вспомнить прошлое, чтобы ты вела себя, как нормальная жена, – прибавляет саркастично.

– По себе судит? – фыркаю с нескрываемой злостью. – Вот скажи, как при таком отце, ты такой замечательный получился?

– Замечательный? – недоумённо хмыкает муж. Качает отрицательно головой. – Малыш, ты обо мне ещё многого не знаешь. Я далеко не идеальный. И далеко не всегда поступал правильно и хорошо.

– Конечно, не идеальный, – отстранившись, киваю.

Смотрю на него, испытывая потребность поделиться своими чувствами и мыслями, чтобы хоть немного поднять настроение. Ему это нужно, я чувствую.

– Идеальные люди, если бы они существовали, были бы самыми скучными созданиями на свете. Кому он нужен, идеал этот? Не мне, так точно. А вот ты мне очень нравишься такой, как есть. В тебе сочетаются все те качества, которые мне хотелось видеть в своём мужчине. И, думаю, не одной мне. Так что... да, замечательный. И не спорь.

– Ладно, не буду. Кому ж не хочется побыть замечательным? – смеётся муж. Склоняет голову набок, рассматривая меня с такой нежностью в глазах, что у меня сердце начинает сбоить. – Хотя ты у меня гораздо более... замечательная. И умница. Я горжусь тем, как ловко тебе удалось обернуть ситуацию в нашу пользу.

– Что ты ему рассказал? Всё нормально прошло? Он поверил? – спрашиваю, невольно хмурясь.

– Да. Я не стал вдаваться в подробности, сослался на случайных свидетелей, которые якобы видели, как Иезенния с тобой уезжала из своего особняка в неопознанной карете. С учётом того, что изначально она свидетельствовала, что осталась дома после визита Анны, этого вполне достаточно, чтобы сделать соответствующий вывод. Меня больше интересует, что ты видела вчера. Можешь подробно рассказать?

– Да, конечно. Я как раз занималась тем, что восстанавливала всё в памяти, – А ещё изводила себя переживаниями. – Пойдём сядем. Что-то устала немного.

Следующие полчаса трачу на то, чтобы подробно пересказать Федерику все свои видения, постаравшись воскресить в памяти малейшие детали. О смерти родителей Анны, и о роли в этом Иезеннии, о том, как Анну воспитывали, к чему готовили. Делюсь её воспоминания и о тёмном, которого она видела вместе с Иезеннией. Этому магу я уделяю самое пристальное внимание. И закончив свой рассказ описанием записки, которую он прислал дуэнье, признаюсь, что невольно рассчитывала узнать его в короле.

– Меня жутко раздражает то, что я не могу его видеть. Кого угодно, но не его. Это ощущается неправильным. Как бельмо на глазу. Бесит, – вздыхаю, потирая виски. – Но знаешь, я почти уверена, что это не твой отец. Во главе ордена стоит кто-то другой. Но они явно связаны друг с другом.

Выслушав меня, Федерик пару минут задумчиво молчит, мрачно буравя взглядом носки своих сапог.

– Меня это не удивляет, – выдаёт наконец. – Отец настолько помешан на власти, что вполне мог связаться даже с самим Тёмным Навием ради того, чтобы сидеть на троне Арганды дольше, чем ему отпущено богами.

– Почему он воспринимает тебя конкурентом? – спрашиваю осторожно.

Вот не верится мне, что Федерик реально так рвётся к власти, как думает его отец.

– Ему кажется, что я пользуюсь слишком большой популярностью у простого народа Арганды. И среди военных. Вот и опасается, что

воспользуюсь этим, чтобы сместить его с трона.

– Но почему?

Всё равно не понимаю.

– Как ты говоришь, по себе судит, – на губах мужа появляется циничная усмешка, полная горечи. – В своё время, он так поступил со своим отцом. Ну и считает, что раз его предала старшая дочь, на которую им возлагались очень большие надежды, то и сыну ничего не стоит поступить так же. По сути, он не так уж и далёк от истины. То, что я вынужден буду сделать, когда соберу достаточно доказательств, уличающих его причастность к Ордену, многим действительно покажется предательством. Я, как и он, собираюсь прийти к власти, сместив своего отца на троне.

Ну вот это и прозвучало. Признание Федерика гранитными плитами ложится на плечи. Не только на мои. На него это давит гораздо больше. Сомневаюсь, что моему мужу легко далось такое решение.

– Всё ещё считаешь меня замечательным? – мрачно смотрит на меня.

– Я считаю тебя правым, – отвечаю так, как чувствует сердце.

Глава 59

Не знаю, как бы сложилось наши с Федериком отношения, не будь у нас необходимости сплочённо противостоять врагам и опасностям. Хочется верить, что двое разумных взрослых людей в любом случае нашли бы общий язык. Но, скорее всего, вылезло бы много острых моментов, которые мы сейчас усердно сглаживаем, чтобы действовать сообща. И общий язык искался бы гораздо дольше.

Надеюсь, эти моменты и конфликт характеров не вылезут потом, когда всё закончится. Когда-то же всё это закончится... расследование... тёмные... противостояние с королём.

А сейчас мы с мужем вдвоём спускаемся на первый этаж в большую трапезную, чтобы снова вместе держать удар. Конечно, более пафосно было бы сказать, что идём мы плечом к плечу. Но на самом деле меня тащат на руках. Оправдывая выдуманную мною же легенду.

– Лестница закончилась. Я дальше и сама могу, – нервно посмеиваясь, прошу у мужа, когда он направляется к переходу из нашей башни в общее крыло.

– Нет уж. Пока не встретим свидетелей, никаких «сама», – с серьёзным видом качает он головой. Но дрожащие уголки губ выдают едва сдерживаемую улыбку. – Рассказала, что на руках ношу, вот и молчи теперь.

Хм. Чтобы были свидетели, нам нужно, как минимум, миновать эту галерею. Тут и в обычное время мало кто ходит, а сейчас почти все слуги заняты обслуживанием высоких гостей,

– Ладно. Мне-то что? – хмыкаю, расслабленно кладя голову ему на плечо. – Не я же надрываюсь.

– Как благородный рыцарь из столь любимых тобою лирических сказаний, я сейчас, наверное, должен уверить свою прекрасную даму, что она ничего не весит и легче пёрышка, – уже откровенно усмехается Федерик. Насмешничает.

– И что? Не уверишь? – подначиваю его.

Даже интересно, что скажет. Доставшееся мне от Анны тело грех назвать некрасивым. Молодое, тонкое, упругое. И лишнего веса на нём нет ни грамма. Наоборот мышцы не мешало бы немного проработать и

нарастить, а то слишком уж хрупкая-нежная. Зато грудь и попа то, что надо.

В ответ меня демонстративно пару раз встряхивают, словно вес определяя.

– Ну-у-у, тощая, да. Надо бы тебя откормить немного, а то ночью костями гремишь, – выдаёт авторитетное мнение муж.

– Что? – вскидываюсь возмущённо. – То-то ты так и норовишь меня к себе подгрести. И ощупать всё, что под руку попадается.

– Правильно, чтобы не рыпалась и не гремела, – кивает серьёзно.

– Ну знаешь... – прищуриваюсь я. И тут обрываю себя на полуслове.

Галерея уже почти осталась позади и за распахнутой настезью дверью коридор радиально расходится в две стороны. Слева находится детская половина, где живут близняшки и их гувернантка, а если идти направо, то довольно быстро выйдешь к большой балюстраде над центральной лестницей. И вот именно оттуда сейчас доносится гневный голос короля. Этот индюк венценосный опять на кого-то наезжает. Только бы не на девочек.

Федерик слышит то же, что и я, поэтому ускоряет шаг. И уже через пару минут нам открывается удручающая картина. Ярящийся и пенящийся монарх громко отчитывает поникшую и бледную, как зомби, данну Элисию, а рядом с ней и спиной к нам, сжав кулаки, воинственно застыла Эмелин. Кажется, ещё чуть-чуть и бросится на него, защищая свою наставницу. Ну и один из охранников в сторонке мнётся, явно не зная, как поступить в этом случае. Король же изволят гневаться.

– Думала, что я не узнаю тебя, паршивка? Или что может забыл те преступления против короны, которые совершил твой отец? – рявкает его величество, грозно наступая на несчастную девушку. – Что ты здесь забыла в Анжероне? Обманом попала, чтобы растлевать принцесс рода Арганди? Или в сговоре с моим сыном? Говори сейчас же!

– Я просто учу девочек наукам и этикету, ваше величество, – помертвевшим голосом ровно произносит Элисия. – Не состою ни в каких сговорах. И никоим образом не растлеваю ничьи умы.

Федерик осторожно ставит меня на ноги, явно намереваясь вмешаться. Да и я спешу следом. И Элисию жалко, и Эмелин надо бы

остановить, чтобы не навлекла грозу уже на себя.

– Врёшь, мерзавка! Все вы Гердери одинаковые, мерзкие заговорщики и предатели, – шипит Гельмут. – Я сейчас же прикажу Федерику выгнать тебя вон, чтобы ноги твоей не было в этом замке. Зря пощадил вас тогда, соплюх мелких.

Ох ты ж боже мой, как он любит всем приказывать. И что значит «зря пощадил соплюх»? Он жалеет, что не казнил чьих-то детей? Боже, ну и тварь!

– Данна Элисия не мерзавка! – не выдерживает Эмелин. – Она хорошая. И самая лучшая гувернантка из всех, которые у нас были. Я буду просить папу, чтобы он не выгонял данну.

Король аж белеет от ярости.

– Не надо Эмелин, не зли своего дедушку ещё больше, – сжимает её плечо Элисия. И поднимает взгляд на монарха. – Всех нас больше нет, ваше величество, – с горечью вскидывает голову. – Вы казнили почти всех Гердери. И можете не утруждаться. Я сама сейчас уйду.

– Стоять! – по-военному гаркает Федерик, заставив данну вздрогнуть от неожиданности и замереть, а короля удивлённо повернуть в нашу сторону голову. – Что здесь происходит?

– Папа! – разворачивается к нам Эмелин. Бросается к отцу, заламывая руки. Бледная, покрасневшие глаза горят. – Не выгоняй данну, пожалуйста. Она, правда, хорошая и ничему плохому нас не учит.

– Я разберусь, малыш. Побудь пока с Анной, – погладив её по щеке, Федерик идёт к отцу и поникшей гувернантке.

А я притягиваю расстроенную малышку к себе. Она на пару секунд замирает настороженно, будто по привычке. А потом, шмыгнув носом, прижимается ко мне всем телом, ища утешения.

– Всё будет хорошо, солнышко, – шепчу, склонившись к русой макушке, успокаивающе глядя тонкие плечи, – Ты же знаешь, что твой отец справедливый и благородный. Он сам решает, что правильно, а не слушает других.

– Это я у тебя хотел спросить, что происходит, Федерик? – недобро прищуривается король. – Почему твоих дочерей обучает дочь предателя и заговорщика барона Гердори?

Во взгляде Элисии, устремлённом на Федерика столько вины, что мне ясно, как день – свою родословную она от него скрывала. И если

так, то становится совершенно непонятным, как сейчас поступит мой супруг. Хотя... терзают меня смутные сомнения. Вот не верю я, что он не раскопал всю возможную информацию на эту данну, когда принимал решение, нанимать ли её. Так что вполне может быть осведомлён, кто она такая и чья дочь.

– Ну хотя бы потому, что она отличная гувернантка, полностью устраивающая и меня, и моих дочерей, – без тени удивления сообщает Федерик отцу, тем самым ещё больше утверждая меня в моих догадках.

– Из твоих слов я делаю вывод, что тебе известно, кого ты нанял, – зловеще цедит король. М-да, хоть он и долбанутый на всю голову, но не дурак.

– Конечно, – кивает муж. – Я не подпускаю к дочерям кого попало. Прежде чем нанять человека, проверяю всю его подноготную, и долго наблюдаю, чтобы убедиться в правильном отношении к своим обязанностям. Данна Элисия не исключение. Я знаю, чья она дочь.

Произнося это, Федерик бросает взгляд на ошеломлённую гувернантку, и та лишь рот беззвучно открывает, то бледнея то краснея.

– Не уволишь, значит? – буравит сына недобрым взглядом его величество.

– Не вижу для этого оснований, – отвечает ему тем же мой муж.

– В последнее время твои решения всё больше заставляют меня сомневаться в твоей преданности, сын.

Ничего себе заявочка.

– Клянусь силой и жизнью, что всем сердцем предан нашей стране и её народу. Как и должен быть предан каждый представитель рода Арганди, – отрезает Федерик. – Вы ведь эту преданность имеете в виду, ваше величество?

На каком-то глубинном уровне восприятия, там где запрятаны мои ведьмовские силы, я остро чувствую, что не просто так он это сказал. Не просто слова произнёс. Эта клятва настоящая и нерушимая.

И снова поединок взглядов. Отец и сын. Король и его наследник.

Победа остаётся за последним.

– Конечно, – отступает Гельмут Арганди. Не заявит же он во всеуслышание, что требует от сына и будущего короля преданности прежде всего по отношению к самому себе.

А свидетелей у этого разговора уже более чем достаточно. Вон и Рэймандо стоит. И Васко с Алонсо позади нас с Эмелин топчутся. И взволнованная королева к балюстраде с противоположной стороны вышла в сопровождении худощавой женщины в форменном платье.

Да и внизу в холле дан Кахир за всем наблюдает в компании парочки офицеров замкового гарнизона и королевских гвардейцев.

– Раз мы разобрались с этим вопросом, предлагаю всё-таки спуститься в трапезную и отобедать, – непререкаемо произносит Федерик.

И выглядит он сейчас настолько властным и царственным, что его собственный отец рядом с ним кажется некачественной подделкой коронованной персоны.

Гельмут ничего не говорит. Лишь, скрипнув зубами, окидывает всех тяжёлым взглядом и направляется к лестнице.

А муж оборачивается к нам. И строгий взгляд устремляется на прижимающуюся ко мне дочь.

– Эмелин, разве я не велел вам с Каталиной сегодня постараться оставаться в комнате? И не убегать от охраны и данны Элисии?

– Велел, папа, но... – виноватым тоном произносит девочка, выбравшись из моих объятий и став рядом.

– Хочешь сказать, что не убежала? – вскидывает он бровь.

– Убежала, но...

– Будь добра, вернись к себе. Я зайду к вам с Каталиной, когда освобожусь. Тогда и выслушаю все твои «но», – и бросив на гувернантку короткий взгляд, коротко приказывает. – Проводите мою дочь, данна Элисия. С вами я тоже поговорю позже.

– Да, ваше высочество, – потерянно шелестит та.

И, бочком пробравшись к Эмелин, берёт девочку за руку, чтобы увести.

– Всё будет хорошо, солнышко, – напоследок обнимаю я падчерицу и целую в макушку. – Я тоже к вам зайду, как только смогу.

Девочка, благодарно кивнув, уходит с Элисией.

– Мама, Анна, позвольте, проводить вас в трапезную, – по очереди смотрит Федерик на нас с королевой.

– Конечно, дорогой, – мягко улыбается её величество, подходя к нам ближе.

Муж подставляет нам обеим свои локти, и ведёт к ступенькам. Все остальные расходятся по своим делам.

– Мальчик мой, прошу тебя, будь осторожен, – внезапно слышу я тихий шёпот. – Не провоцируй больше отца... он... он очень изменился в последние годы, ты же видишь. Он стал таким жестоким. И может не пощадить... даже тебя.

– Я всё вижу, мам. Но действовать буду так, как считаю правильным, – тон Федерика хоть и мягкий, но абсолютный в своей категоричности.

– Как и всегда, – со смесью гордости и грусти вздыхает обеспокоенная мать.

– Я хочу, чтобы ты осталась здесь, когда он соберётся уезжать, – внезапно заявляет мой супруг.

– Но... но я не смогу. Твой отец не позволит, – от удивления голос королевы даже немного срывается. – Да и зачем это? У тебя тут молодая жена, хозяйка замка... Я же чувствую и вижу, между вами всё наладилось, слава Богине. Ведь так, Анна?

Ну-у-у, можно и так сказать. А желание Федерика собрать всех дорогих людей в одном безопасном и охраняемом месте для меня более чем понятно. С короля ещё станется использовать жену, как рычаг давления на сына. Хотя... он наверняка и так это делал не раз.

– Наладилось, ваше величество, – соглашаюсь. – И я буду рада, если вы останетесь. И девочки тоже, они вас очень любят.

– Я подумаю, – тихо отвечает королева.

И на этом наш маленький разговор приходится свернуть – лестница неумолимо заканчивается и с каждой ступенькой возрастает риск быть услышанными. А королю точно не следует знать, что Федерик пригласил мать остаться в Анжероне. Тогда он точно этого не позволит.

Но до трапезной мы так и не доходим. Миновав холл, и оказавшись в большом гостевом зале, замечаем короля в обществе капитана его гвардии. Гельмут сосредоточенно читает какую-то записку. И по мере чтения его лицо всё больше искажается от ярости.

– Немедленно готовьте экипаж к отбытию. Мы возвращаемся в столицу, – гаркает он стоящему рядом вояке.

Тот удивлённо вскидывает брови, но вопросов не задаёт.

– Будет исполнено, ваше величество, – щёлкает каблуками, вытянувшись в струнку.

И уносится выполнять.

– Что-то случилось, ваше величество? – останавливается Федерик.

Гельмут непонимающе вскидывает на него взгляд, только теперь заметив наше присутствие.

– Ты спрашиваешь, случилось ли? Да, случилось! – кажется, из его ушей сейчас пар повалит. – Ардораш Босвари утверждает, что наш посол Иего Вэлеско напал на невесту принца Корима, из-за чего был вызван тем на поединок и проиграл.

– Он мёртв? – удивлённо уточняет мой супруг.

– Нет. Просил пощады и босвариец не добил, – выплёвывает Гельмут, направляясь к двери. В бездушных карих глазах вспыхивает жгучая ненависть. – Проклятые Босвари. Снюхались с Сэйнарами, заключили союз против меня. Теперь задержали моего советника. Я им это так просто не оставлю.

Разъярённым быком он пронесётся мимо нас, не обращая больше ни на кого внимания. Королева Мариса растерянно провожает мужа глазами.

– Я... пойду к себе... скажу чтобы собирали вещи, – бормочет она, отпуская локоть сына и делая нерешительный шаг к двери.

– Хорошо, мама, – внезапно соглашается Федерик. – Не возражаешь, если тебя Анна проводит? Мне нужно поговорить с отцом.

– Да. Да, конечно, – кивает она, тревожно хмурясь и всматриваясь в суматоху, поднявшуюся в холле.

А мой супруг, пользуясь растерянностью матери, отвлекает меня на шаг и склоняется к уху.

– Задержи её, малыш. Это для меня очень важно, – шепчет почти умоляюще.

– Задержу, – уверяю его и иду к свекрови.

Глава 60

Король уехал. Точнее даже умчался, не став ждать замешкавшуюся по моей вине супругу.

Задержать её величество оказалось совсем несложным. Достаточно было лишь намекнуть, что близняшки очень расстроятся, если не удастся с ней попрощаться. А им ведь велели в комнатах сидеть, так что сами они ну никак не смогут прийти.

Покусав в отчаянии губы, явно разрываясь между желанием проведать внучек перед отъездом и страхом разозлить мужа, мягкосердечная королева Мариса поступила именно так, как я и рассчитывала. Повернула не в гостевое крыло к своим покоям, а в наше, направляясь к комнатам девочек.

А там достаточно было лишь шепнуть Эми, что отец просил задержать бабушку во что бы то ни стало, и эта самая бабушка застряла у них надолго.

По крайней мере, к тому моменту, как мы покинули детскую половину и вышли обратно к балюстраде над холлом, к нам уже навстречу в сопровождении Рэймандо поднимался Федерик, который и сообщил с нескрываемым удовлетворением, что его величество благополучно отбыл.

– Но как же... а я? – ошеломлённо воззрилась на сына побледневшая королева.

– А ты, мама, остаёшься гостить у нас. Раз отцу не важно есть ты рядом с ним, или нет, то и нечего тебе спешить за ним вдогонку.

– Но он же разозлится, – потерянно прошептала она.

– Я разберусь, – уверенно отчеканил мой муж.

– Федерик... – начала было свекровь, но он твёрдо взглянул ей в глаза.

– Ничего больше не хочу слышать, мама. Я разберусь. И в этот раз ты позволишь мне это сделать, – со стальными нотками непререкаемо произнёс он. – И будешь здесь. В безопасности, с моей женой и детьми. А сейчас, пойдёмте наконец обедать. Рэйм, будь добр, сходи, скажи девочкам, что их тоже ждут за столом.

Со второй попытки до трапезной мы всё-таки дошли. И даже сели за стол. Федерик во главе. Я по правую руку, её величество по левую. К тому моменту, как слуги начали подавать первые блюда, явились и радостные Каталина с Эмелин, уже осведомлённые о том, что бабушка осталась в замке.

И вот первая смена блюд позади, все уже немного успокоились. Даже сидящая напротив меня свекровь уже не выглядит так, будто в обморок сейчас упадёт. И на лицо краски немного вернулись, и руки больше не дрожат. И на щебет довольных жизнью близняшек улыбается с нежностью и любовью во взгляде.

Мы с Федериком в основном молчим. Муж, погружён в какие-то свои тяжёлые думы, а я ещё не определилась, как вести себя в обществе его матери. Никаких неприятных чувств королева во мне не вызывает, скорее наоборот, но я не знаю, насколько близко она успела познакомиться с Анной. Надо будет с мужем этот вопрос обсудить.

И тут я замечаю, как Федерик удивлённо хмурится и, склонив голову, к чему-то прислушивается. А спустя несколько секунд тянется к почтовому футляру у себя на поясе. Он с этой штукой, кажется, только в постели и ванной комнате расстаётся. Даже на пляж вчера брал, на слава небесам ему никто никаких важных сообщений не писал. А сейчас вот кто-то не даёт спокойно пообедать.

Вытряхнув на ладонь свёрнутое в трубочку послание и развернув его, муж удивляется ещё больше. И по мере прочтения его брови поднимаются всё выше, а в глазах зажигается мрачное торжество.

– Всё в порядке? – осторожно интересуюсь я.

– Да. Это письмо от Азима Босвари. Приношу свои извинения, но я вынужден вас покинуть. Мне нужно срочно ответить, – поднимается он из-за стола.

Азим... Азим... Нахмурившись, я наблюдаю, как Федерик уходит из трапезной и тщательно роюсь в памяти, пытаюсь вспомнить, кто такой этот Азим Босвари. Кажется, это имя кем-то упоминалось в связи с босварийской делегацией. Той самой, которую принимал Федерик, и с которой с ответным визитом уехал... Иего Вэлеско.

– Ваше величество, не подскажете ли мне, кто такой Азим Босвари? – поднимаю я взгляд на королеву Марису. Надо же убедиться.
– Я вроде бы слышала, что он возглавлял босварийскую делегацию у нас в Арганде. Это кто-то из королевской семьи Босварии?

– Ох, ты же не помнишь ничего, – сочувственно смотрит на меня свекровь. – Да. Азим Босвари это старший внук короля Ардораша. Сын бывшего наследного принца Гедаша, и племянник теперешнего, Корима.

– А что с принцем Гедашем случилось? Он умер? – хмурюсь.

– Нет, – качает головой королева. Касается губ салфеткой, аккуратно возвращает её на стол. – Он отрёкся от трона. И чем-то настолько прогневил своего отца, что был отправлен в ссылку с глаз долой. Подробности, извини, не знаю. Гельмут со мной не делился информацией, а слухи ходят самые разные. Некоторые довольно... жуткие.

– И что же говорят эти слухи? – хватаюсь я за последнее предложение.

– Говорят, что зять и верный союзник принца Гедаша был тёмным магом и практиковал... запрещённую магию, – осторожно подбирая слова, сообщает мне её величество. И бросив многозначительный взгляд на притихших девочек, ловящих каждое наше слово, добавляет. – И много чего ещё, что при детях обсуждать не стоит.

Но мне и этого хватает, чтобы сделать кое-какие выводы. Значит, орден и в Босварию свои щупальца протянул. И если Босвари удалось прищучить одного из тёмных магов, который наверняка занимал не последнюю должность в стране, раз был зятем наследного принца, то наверняка они с этой проблемой сейчас усердно разбираются. Уж не с этим ли связано письмо, пришедшее Федерику?

За обеденный стол он так и не вернулся, так что поели мы вчетвером. А после обеда девочки, безмерно счастливые, что можно провести время с бабушкой без давящего присутствия поблизости наводящего на всех ужас деда, уговорили королеву пойти посмотреть какую-то их общую коллекцию. А я, не в силах больше терпеть неизвестность, решила найти мужа. В сопровождении увязавшегося за мной Алонсо.

Однако, спустя полчаса бесплодных поисков, когда никто из слуг, служанок, лакеев и стражников, попавшихся мне на глаза, не смог ответить, где находится его высочество, я сдалась и спросила у пробегающей мимо горничной, где найти дана Рэймандо. Уж этот человек точно должен знать, где его непосредственное начальство ошивается.

Рэймандо найти, оказалось намного проще. Собственно, он сам меня нашёл, посланный Федериком. Мы встретились в одной из галерей, ведущих к портальной башне. Алонсо, повинуясь жесту начальника, сразу удалился, оставив нас одних.

– Его высочество срочно отбыл в столицу, – услышала я ответ на свой вопрос. – У него возникло неотложное дело. Велел сообщить вам, что вернётся через пару часов. И просил пока не сообщать об его отсутствии её величеству.

Что же мужу такого написали, что он так спешно сорвался в столицу? Может, хочет опередить отца, которому добираться придётся значительно дольше? Или со своими ищейками решил встретиться? Гадать можно до бесконечности.

– Ладно, – вздыхаю, поворачивая обратно к центральной башне. Спрашиваю для порядка: – Больше его высочество ничего мне не передавал? Никаких просьб, распоряжений, инструкций?

– Нет, ваше высочество, – с улыбкой отрицательно ведёт головой Рэймандо, шагая рядом со мной. – Только это. Но от себя могу посоветовать вам не волноваться. У вас есть возможность заняться, чем вашей душе угодно.

– Угу, у себя в покоях, – понимающе хмыкаю я, впервые задавшись вопросом, как много сообщил обо мне своему доверенному человеку Федерик.

– Если желаете, – склоняет тот голову.

– И что, даже охрану ко мне не приставите? – недоверчиво вскидываю брови.

– Охрану приставлю, – как само собой разумеющееся уведомляет он меня. – После визита такого количества... чужаков в Анжерон, замок нужно тщательно проверить и убедиться, не осталось ли после гостей каких-либо сюрпризов. Этим уже занимаются мои люди и подчинённые дана Кахира. Его высочество наверняка тоже захочет проверить. А пока вам, как и юным принцессам, безопасней находиться под присмотром верных людей его высочества. И да, вы правы, ваши с принцем покои в этом плане самое безопасное место.

М-да. Паранойя наше всё. Особенно в магически-развитом обществе.

– Хорошо. Я тогда посижу, почитаю в будуаре, чтобы вам было проще выполнять свои обязанности, – сообщаю мужчине.

Главный безопасник Федерика удовлетворённо и благодарно кивает, открывая передо мной очередную дверь

За разговором мы неспешно дошли уже и до холла.

– За её величеством ведь тоже присматривают? – скорее утверждая, чем спрашивая, поднимаю я взгляд на мужчину. И замечаю, что он очень пристально и даже удивлённо смотрит куда-то совсем в другую сторону. В ту самую, откуда как раз доносится непонятный грохот.

– Конечно, – бормочет рассеянно, неосознанно делая пару шагов к лестнице.

Проследив за его взглядом, я сама удивлённо останавливаюсь. Это что такое происходит?

Волоча два огромных и, судя по всему, тяжёлых чемодана, ступеньками медленно спускается данна Элисия.

– Я обещаю, что буду стоять тут и с места не сойду в поисках сюрпризов на свою голову. Можете помочь девушке, – тихо говорю напряжённому мужчине. Сложно не заметить, как его раздирает между чувством долга и желанием устремиться к гувернантке, кажется, решившей сбежать от нас.

Он бросает на меня испытывающий взгляд, а я многозначительно киваю ему на Элисию.

– Ведите её ко мне, будем разбираться, куда это наша самая лучшая гувернантка собралась, – прошу, пряча усмешку. – И возвращать назад.

Понимающе хмыкнув, Рэймандо кивает и идёт к ступенькам. А дальше в несколько больших шагов добегают до заплаканной девушки и, не обращая внимания на протестующий лепет, отбирает у неё чемоданы.

– Вы с собой что, камни возите, данна? – ворчит, перехватывая её багаж одной рукой, чтобы второй подхватить гувернантку под локоток.

– Нет. Книги, – шмыгает носом Элисия. – Отдайте, пожалуйста. Я хочу успеть хотя бы к вечеру дойти до деревни, пока портал работает.

Глава 61

– Что значит, дойти? – Рэймандо в приступе искреннего возмущения даже останавливается, чтобы посмотреть на девушку. – Ты что туда пешком с чемоданами собралась топтать? Совсем свой хваленный ум растеряла?

– Простите, но это не ваше дело, как и куда я собралась идти, – вспыхивает та, одаривая мужчину возмущённым взглядом. А я ещё её тихоней посчитала.

– Хорошо подумала, прежде чем эту глупость сморозить? – недобро прищуривается он.

– Да как вы... – задыхается Элисия. Но, зажмурившись и сделав пару глубоких вдохов-выдохов, берёт себя в руки. – Простите. Да, признаю, что ошиблась и сказала, не подумав. Вам как главе службы безопасности принца Федерика, действительно, нужно быть осведомлённым о перемещениях лиц, служащих его высочеству. Да, я решила идти в деревню пешком. С чемоданами. В них мои личные вещи. Можете досмотреть, если нужно.

Кажется, сейчас кое-кто взорвётся. Или кого-то накажут в особо извращённой форме. Я вот вроде как не местная и то уже давно усекла, что на мужчин наподобие моего мужа и его безопасника вот такие вот женские демарши и демонстрация самостоятельности в неженских делах действуют, как красная тряпка на быка.

Таскание же тяжестей да ещё пешком до самой деревни в глазах Рэймандо наверняка выглядит, как самая настоящая блажь. А её разрешение досмотреть чемоданы... в общем хана котёнку. Я даже не ожидала, что всегда сдержанный и предельно вежливый Рэймандо может с такой яростью на девушку смотреть.

– А вы знаете, данна Элисия, пожалуй, я действительно их досмотрю, – цедит он. – Когда проведу вас обратно в вашу комнату. А пока будьте добры, объясните мотивы своего побега её высочеству.

То ли данна Элисия меня не заметила поначалу, то ли в пылу разборок позабыла, как бы там ни было требование Рэймандо застаёт её врасплох. Испуганно выдохнув, она вскидывает голову и находит глазами меня.

– Ваше высочество, – произносит, сглотнув. – Простите... Я... я всё объясню.

Пользуясь замешательством девушки, Рэймандо оперативно увлекает её вниз и подводит ко мне, как я и просила. Элисия снова то бледнеет, то краснеет. И глаза на мокром месте.

Ох, а смотреть-то так перепугано зачем? Я разве страшная? Я же даже не Федерик.

– Что случилось, данна Элисия? Почему вы решили нас покинуть? – интересуюсь я, склонив голову набок. – Вас больше не устраивают условия работы?

– Нет. Нет, что вы! – вспыхивает она. – Это я вам не подхожу. Мне, казалось, что никому не будет дела. Наивная была, понимаю. Просто я так нуждалась в этой работе. И совсем не ожидала, что из-за меня его высочеству Федерику придётся держать ответ перед его величеством. Мне, правда, очень жаль.

– Я вам верю, данна. Только всё равно не понимаю, почему вы уходите? Король ведь уехал. Мой супруг отказался выполнять его требование.

Она умолкает, удивлённо смотря на меня.

– Разве его высочество не собирается меня уволить? Я же, получается... обманула. И думала, что принц Федерик... – девушка запинается, пытаюсь подобрать слова.

– Что принц не захотел показывать свою неосведомлённость перед отцом? – догадываюсь я, и по глазам Элисии вижу, что попала в точку.

Дан Рэймандо издаёт снисходительный смешок. Ну да. Тут в его профессионализме сомнения высказывают.

Ну-у-у, в общем не такое уж неправдоподобное предположение она сделала. Если ни для кого не секрет, что собой представляет король и в каких он отношениях со своим наследником, то вполне можно допустить, что этот самый наследник не захочет ни уступить ни продемонстрировать отцу свою неосведомлённость в том, кого нанял работать в своём доме. Я бы может, и сама так подумала, если бы меньше знала своего мужа с его склонностью к паранойе.

– Его высочество сказал, что со мной поговорит позже. Это прозвучало так... жёстко. Вот я и подумала, что меня уволят, – потерянно признаётся гувернантка.

– И решила уйти сама, – хмыкает Рэймандо. – Иначе ведь честь рода Гэрдори пострадает. Где это видано, чтобы кого-то из древнего гордого рода Гэрдори да уволили?

И я вот не пойму, зачем он её драконит?

– Вы ничего не знаете о гордости моего рода! – мгновенно заводится Элисия, развернувшись к мужчине. – Вы ничего обо мне не знаете!

– Так расскажи мне, девочка, – подступает к ней безопасник. Надвигается, нависая всей своей внушительной мощью, ещё и за локоть придерживает, чтобы не сбежала. – Кому ты отправляешь все заработанные деньги? Почему сама живёшь на копейки? Почему пошла на работу в семью врага, лишь бы заработать больше?

– Какая вам разница? Я... я не считаю его высочество... врагом, – запинаясь произносит она. – И не считала, когда предлагала свои услуги гувернантки для его дочерей. Все знают, какие у него отношения с отцом. Я же клятвы дала. И к принцессам искренне привязалась. Я думаю... принц об этом знает. Он же эмпат.

– Знает-знает. Как и то, что тебе очень нужна эта работа и деньги, которые тебе за неё платят. И поскольку ты прекрасно подошла на эту должность, тебя наняли, закрыв глаза на твои секреты. Но его высочество предпочёл бы, чтобы ты не врала. Об этом скорее всего и планировал с тобой поговорить. Но поскольку он сейчас занят, твой рассказ с удовольствием послушаю я.

Ого, какой шустрый. И почему мне самые неприличные методы допроса представляются от этих его интонаций? Кажется, кто-то тут неровно дышит на нашу гувернантку. Да и она что-то слишком эмоционально на нашего безопасника реагирует.

– Какой рассказ? – округляет глаза девушка.

– Подробный, данна Элисия. Очень подробный. Кто? Что? Почему? Откуда... Учти, я точно знаю, когда мне врут. И не надейся, что тебе удастся улизнуть из замка и избежать этого разговора. По приказу его высочества Анжерон полностью закрыт.

А вот это и для меня новость.

– Не волнуйтесь, дан Рэймандо. Я и не думала сбежать. А своё желание уйти уже объяснила, – гордо вскидывает голову кипящая от негодования представительница древнего рода. – Позвольте мне

вернуться в свою комнату, или предпочитаете сразу приступить к допросу?

Они так и стоят, совсем рядом, меряясь непримиримыми взглядами... Такие сосредоточенные друг на друге, что мне даже неловко напоминать о себе.

– Позволю, – наконец милостиво кивает безопасник. – И не к допросу, а к разговору. Если бы я хотел тебя по-настоящему допросить, девочка, то уже давно бы это сделал.

– Тогда отпустите! – дёргает она руку из его хватки.

Вместо ответа он демонстративно разжимает пальцы, позволив ей отскочить, как ошпаренной кошке. Сделав пару пятящихся шагов назад к лестнице, данна поворачивается ко мне.

– Ваше высочество, прошу меня простить за эту безобразную сцену, – смущённо бормочет она. – Позвольте удалиться?

– Конечно, – киваю я сочувственно.

Благодарно кивнув, девушка разворачивается и, подобрав юбки, избегает по ступенькам на второй этаж. Забыв даже про свои чемоданы.

– Я так понимаю, что ответы на все заданные ей вопросы вы и так знаете? – небрежно интересуюсь я у Рэймандо, как только она скрывается из виду.

Оторвавшись от созерцания лестницы, безопасник поворачивается ко мне.

– Вы правильно понимаете, ваше высочество. Но мне интересно, как вы это поняли? – хмыкает он.

– Всё просто. Если бы было по-другому, мой супруг не позволил бы ей находиться рядом с девочками, – пожимаю я плечами. – Меня больше интересует, зачем вы целенаправленно выводили девушку из себя?

Рэймандо удивлённо вскидывает брови. Смотрит на меня пару секунд каким-то особо изучающим взглядом.

– Так было нужно, ваше высочество, – наконец изрекает.

– Кому?

– Ей в первую очередь, – криво усмехается он. – Проводить вас в ваши покои? Или вам куда-то ещё нужно зайти?

– Нет, в покои будет замечательно. Полагаю, вам не терпится приступить... к разговору, – фыркаю я, тоже направляясь к лестнице.

Лестничный пролёт мы преодолеваем молча. Но когда поворачиваем к нашему крылу, я не выдерживаю. Женское любопытство берёт верх.

– Так почему Элисии настолько нужна была эта работа?

– А я уже начал думать, что вы не спросите, – иронично поджимает губы Рэймандо.

– Я держалась изо всех сил, – хмыкаю в ответ. – Так что? Расскажите?

– Всё просто, – повторяет он мои слова. Хмурится мрачно. – Ей очень нужны деньги. Чтобы содержать сестру и оплачивать ей лечение. После казни родителей и почти всей близкой родни, несчастная повредила рассудок. К тому же некоторые гнилые личности пытались воспользоваться бедственным положением девушек.

– Пытались? – остановившись, я внимательно смотрю на безопасника.

– Да. Больше они её не беспокоят, – с ледяным спокойствием кивает он. А меня мороз берёт по коже, когда я понимаю, что именно Рэймандо имеет в виду.

– Это... хорошо, – справившись с собой, бесстрастно киваю. Но кое-что не даёт мне покоя. То, как он смотрел на неё... Будто хищник на свою добычу. – Вы же не обидите девушку?

– Нет, – хмыкает мужчина. – Обижать её в мои планы точно не входит.

И я ему верю.

На этой ноте взаимопонимания мы и продолжаем свой путь. Я, размышляя о вывертах судьбы, и Рэймандо, с чемоданами своей зазнобы в руке.

Придя в наши с Федериком покои, я вызываю Бригитту и прошу её подать мне охлаждённого чая. А сама устраиваюсь в будуаре с книгой, как и обещала безопаснику.

Поначалу сосредоточиться на чтении не особо получается. Мысли скачут то вокруг письма, полученного мужем, то вокруг тяжёлой судьбы данны Элисии и явного к ней интереса Рэймандо, постоянно отвлекая от содержания пожелтевших страниц гримуара. Приходится предложения по два раза перечитывать. Но в конце концов мне удаётся

выбросить всё лишнее из головы и погрузиться в древние ведьмовские учения.

Да ещё так основательно, что я не замечаю даже, как пролетают те самые пару часов, спустя которые обещал вернуться Федерик. И тихий звук открывающейся двери за спиной тоже остаётся мною незамеченным.

Поэтому когда шею позади касаются чьи-то губы, я едва не подпрыгиваю от неожиданности. Но меня тут же перехватывают мужские руки, удерживая на месте.

– Т-ш-ш, это я, – улыбается мне в шею Федерик. И снова целует. Так нежно и сладко.

– М-м-м, напугал меня, – бормочу, склоняя голову и открывая ему больше доступа.

– Не мог сдержаться. Ты такая соблазнительная, – урчит он, прикусывая чувствительную кожу, заставляя толпы мурашек бегать по моему телу. Горячие ладони накрывают мои груди, сжимая их через ткань одежды.

А ещё через минуту я оказываюсь опрокинута на диванчик с задранными юбками и придавлена сверху разгорячённым телом мужа.

– Подожди, – пытаюсь я воззвать не столько к нему, сколько к своему рассудку. Получается слабо, связанные мысли тонут в сладком дурмане, тело само изгибается, прижимаясь к нему ближе, но я всё равно пытаюсь: – Подожди. Расскажи сначала, что случилось? Всё хорошо?

– Жестокая женщина, – смеётся Федерик, утыкаясь лбом мне в плечо. – Да, всё относительно хорошо. Босварийцы знают, что Иего тёмный. И подозревают, что мой отец тоже. Потому связались со мной. Завтра вечером я встречаюсь с Коримом и Азимом Босвари. И возможно с Яргардом Сэйнаром... и моей сестрой.

Глава 62

– Возьми меня с собой, – прошу я у мужа уже ночью, когда он, утомлённый долгим тяжёлым днём, прижимает меня к себе в нашей кровати, явно намереваясь спать. Умаялся.

Первая половина дня была трешовой. Да и потом не намного легче. Немного отдохнул со мной, когда вернулся из столицы, и унёсся проверять замок, гонять подчинённых и параллельно переписываться с кем-то, решая ещё какие-то вопросы на расстоянии.

Да и я за сегодня устала. Столько всего случилось. Но мысли о предстоящей встрече не давали мне покоя с того самого момента, как Федерик сообщил эту новость.

– Зачем? – открывает он один глаз.

– Не знаю, насколько веским основанием для тебя будет моё предчувствие, что я должна там быть, – тихонько хмыкаю. – Просто... я могу помочь. Возможно, увидеть угрозу заранее. Быть твоими дополнительными глазами и ушами. И ещё... если наши догадки верны... и твоя сестра на самом деле уже другая, такая, как я, то, думаю, что смогу это почувствовать. Ты же хочешь знать о ней наверняка?

Федерик открывает уже оба глаза. Взгляд, обращённый на меня, мрачнеет, затягиваясь пеленой сомнений. Догадываюсь, что о возможной смерти и подмене сестры попаданкой ему слышать и думать тяжело, но прятаться от правды не характере моего мужа.

Я даже улавливаю тот момент, когда он принимает решение.

– Это может быть опасно, – предупреждает всё-таки.

О, в этом я не сомневаюсь. Если король прознает, что его сын встречается с ненавистными Босвари и Сэйнарами, пощады не будет нам обоим, независимо от того, где я буду в это время находиться.

И мы оба прекрасно это понимаем.

– Я приказал Рэймандо уводить вас четверых, тебя, девочек и маму, порталом в Кранад, если со мной что-то случится, – оглушает меня неожиданным сообщением супруг. – Пока отец будет пытаться захватить Анжерон, думая, что вы тут, у вас будет время скрыться и затаиться в тайном убежище. Дальше... Рэйм знает, что делать.

Слушая его, я поднимаюсь на локте и с болезненным чувством в груди всматриваясь в мужественное и такое суровое в этот момент лицо.

Он просто пытается всё предусмотреть? Или...

Нет. Нет, я не хочу об этом думать. Не хочу представлять. Понимать вероятность это одно... но от одной только мысли, что этого человека не станет, мне становится физически плохо. И пламя, которое, я думала, что контролирую, снова вздымается во мне, охватывая душу, выжигая дотла всё наносное, все сомнения, оставляя лишь настоящие, живые чувства. К нему.

– Ничего с тобой не случится, слышишь! – говорю запальчиво, сжимая кулаки. Всё расплывается перед глазами от подступивших слёз. – Ты всех одолеешь. Ты добьёшься справедливости, займёшь положенное тебе по праву рождения место и станешь для своего народа мудрым правителем. Я... знаю, что так должно быть. И так будет! Я верю в тебя! Когда всё это закончится, рожу тебе столько сыновей, сколько захочешь. И буду стоять рядом, плечом к плечу... если захочешь. Только не смей даже думать, что... что... проиграешь в этой войне. Не смей, слышишь меня! Ты... нужен мне... очень.

Я умолкаю, задыхаясь, пытаюсь побороть дикий страх потери. Справиться с пониманием, что не смогу уже без него... что не хочу без него...

Поднимаю затуманенный взгляд на застывшего в полном ошеломлении мужа.

И в тот же миг, меня дёргают к себе, впиваясь в рот иступлённым поцелуем. Врываясь и захватывая, наполняя и выпивая досуха. Задохнувшись в собственном пламени, взметнувшемся вокруг нас, я цепляюсь за его плечи. Целую в ответ со всем безумством чувств, что бурлят во мне. Со всем неистовым желанием слиться воедино, обернуться вокруг него оберегом, защитить своей любовью.

– Не оставляй меня, – шепчу, покрывая лихорадочным поцелуями скуластое лицо, в тот миг, когда муж перекатывает меня на спину и сам опускается сверху. – Пожалуйста... не оставляй.

– Не оставляю, – шепчет мне в губы, проникая не только в тело, в самую душу. Больно. Сладко. Горько. – Горы сверну, но не оставляю, душа моя.

Мы замираем на миг, тяжело дыша, утопая в глазах друг друга. Без лишних слов, растворяясь в нашей близости. Двое в коконе из ведьмовского огня. Облизнув припухшие губы, я первая тянусь к любимому, обнимая за шею и обхватывая его ногами. Тихо зарычав, Федерик устремляется навстречу, плавным ударом бёдер проникая ещё глубже. И всё сгорает в нашей обоюдной страсти.

Эта ночь что-то необратимо поменяла между нами. Пусть те самые слова так и не были произнесены ни им, ни мной, мы всё равно стали... ближе. Спаяны в огне наших чувств. Я ощущала это в его объятиях, взглядах, в каждом жёстком толчке твёрдой плоти, слышала в бессвязном шёпоте и рычании на ухо. Он не просто брал моё тело и душу, он отдавал всего себя взамен. Заставляя гореть, верить, любить ещё сильнее.

Мы так и уснули после глубокого опустошающего оргазма, разделённого на двоих, соединённые, переплетаясь руками и ногами... дыханием. И мне снилось тихое «Я люблю тебя, ведьмочка».

А утром, проснувшись первой, я долго лежала, пытаюсь уснуть обратно и не шевелясь, чтобы не тревожить сон навалившегося на меня мужа. Он и так устаёт страшно. И день обещает быть не менее тяжёлым, чем вчера.

Небо, знала ли я, что когда-нибудь смогу полюбить снова? Любила ли я когда-нибудь на самом деле? Вот так? На разрыв, по живому, до глубины души, испытывая болезненное счастье, уже от того, что Он появился в моей жизни. Страшась за любимого человека больше, чем за себя. Стоит признаться самой себе, что нет. Я никогда не испытывала ничего настолько сильного и глубокого. То, что было в моей прежней жизни, мой брак с Артёмом, всё это сейчас кажется таким смазанным и ненастоящим, неживым. Там не было близости и такого доверия. Не было чувства единения. И не горела я так ни с кем, как горю сейчас Федериком.

Убаюканная его мерным дыханием, я всё-таки уснула снова. Чтобы во второй раз проснуться уже от поцелуя в губы.

– Просыпайся, сладкая, – нежно зовёт Федерик. – Мне нужно уходить. И я должен тебе кое-что сообщить, пока здесь.

– М-м-м, что сообщить? – потягиваясь, разлепляю глаза. Муж сидит на краешке кровати уже полностью одетый.

– Ты не передумала идти со мной на встречу сегодня? – интересуется очень серьезно. Вынуждая и меня стряхнуть сонливость, собираясь с мыслями.

– Нет. Я, правда, считаю, что могу быть тебе полезна на этой встрече, – отвечаю абсолютно уверенно. – Обещаю не привлекать лишнего внимания и соответствовать любой личине, которую ты на меня нацепишь.

– Даже так? А если это будет личина боевого мага? – хмыкает Федерик.

– Ну-у-у, тогда тебе придётся обойтись боевой ведьмой. Кого прикажешь поджечь? – расплываюсь в саркастичной улыбке. И уже более серьезно спрашиваю: – Так ты согласен? Я иду с тобой?

– Да. Твои аргументы мне показались убедительными, – кивает он и достаёт что-то из кармана. Почтовый футляр. Только новенький, из гладкой, не затёртой кожи. – Держи. Это тебе. Я настроил его так, что все твои письма будут сразу же отправляться мне. И сам смогу написать, если нужно будет срочно что-то сообщить.

– Так ты... из замка сейчас уходишь? – доходит до меня наконец.

– Да. Нужно многое организовать. Разведать ещё кое-что. И позаботиться о безопасности. Встреча состоится вечером в приграничном с Босварией городке Дорсене, но туда ещё нужно добраться так, чтобы нас не засекли. Я напишу, когда ты должна быть готовой и ждать меня на порталной башне. Держи футляр всегда при себе.

– Хорошо, – киваю, принимая подарок из его рук. Сжимаю мужскую ладонь. – Береги себя, пожалуйста.

Федерик, перехватив мои пальцы, подносит их к губам. А потом и вовсе склоняется, чтобы запечатлеть короткий но жаркий поцелуй на губах.

– Не волнуйся, ведьмочка. Я буду осторожен. Скоро всё закончится. И тогда я стребую с тебя всех обещанных сыновей.

– А я с тебя дочерей, – хмыкаю, гоня от себя страх. Нечего ему видеть меня такой расклеенной.

– Договорились, – ещё раз чмокает меня в губы Федерик. И поднимается с кровати, чтобы уйти.

Для меня же день потянулся, как в тумане.

Утро я провела с девочками и её величеством, поражаясь, как ожила женщина всего за сутки рядом с внучками и без давящего присутствия своего двинутого супруга. Мне даже эмпатом не надо быть, чтобы почувствовать её безграничную любовь к обеим близняшкам. Да и Кати с Эми отвечают ей взаимностью. И меня наконец-то приняли обе. Даже Эми после вчерашнего окончательно оттаяла, перестав настороженно замирать каждый раз, когда я к ней прикасаюсь. Мне даже показалось, что она сама ищет моей ласки и прикосновений. Они обе ищут... мои девочки. Мои солнышки любимые.

Не хочу исчезать из их жизни. Не хочу.

У нас всё должно получиться.

И в свете всего этого я никак не могу быть менее подготовленной, чем мне по силам. Так что пообщавшись с дочерьми и свекровью, спросив у Рэймандо всё ли хорошо в замке, и не запугал ли он окончательно Элисию, я ушла обратно в покои. Чтобы учиться. Вчера вечером как раз под шумок попросила мужа на минутку пустить меня в архив, чтобы взять оттуда ещё один из своих бесценных фолиантов. Тот, к которому руки больше всего потянулись.

За штудированием гримуаров и провела первую половину дня, каждые пять минут дёргаясь проверять почтовый футляр. А вдруг из-за того, что ведьма, а не маг, не почувствую его сигнал?

Но как бы там ни было, гранит незнакомой мне науки постепенно поддавался и откладывался в голове. И к тому моменту, как ко мне в будуар просочилась Бригитта с какими-то коробками, целой башней возвышающимися перед ней, я уже почти дочитала свой «базовый учебник» по ведьмовству, замаскированный Федериком под аналогичный, но по магии.

– Ваше высочество, вам тут от модистки из столицы привезли ещё заказанные наряды, – сообщила она, пронося свою ношу мимо меня к гардеробной комнате.

– А что, ворота уже открыты? – удивлённо спросила я, не припоминая, чтобы ждала какие-то новые наряды.

– Нет. Но этот посыльный приехал с разрешением от его высочества, так что его пустили, – пояснила мне камеристка. – Желаете посмотреть?

Это Федерик прислал? Значит, что-то важное и нужное. Словно в подтверждение, от футляра на поясе будто толчок горячим воздухом почувствовался. Сигнал. Письмо.

– Немного позже, – улыбнулась я Бригитте, тщательно пряча нетерпение. – Оставь пока. И принеси мне пожалуйста чего-то перекусить. И холодного чая. Я, наверное, не смогу спуститься к обеду.

– Хорошо, ваше высочество, – сгрузив коробки на свободную полку в гардеробной, камеристка, не мешкая, отправилась выполнять моё поручение. А я поспешно отстегнула футляр, открыла крышку и вытряхнула на ладонь послание от Федерика.

«Ровно в шесть будь на башне. Рэймандо тебя проведёт, так чтобы никто не видел. Надень то, что в коричневой коробке. Тебе должны уже были принести.

Не волнуйся ни о чём, сладкая. Всё идёт хорошо».

Высокие напольные часы у двери тогда показывали два часа пополудни. К шести я успела не только пообедать и одеться, но и ещё немного почитать новый гримуар, вооружившись новыми знаниями о своей силе.

Глава 63

Даже не думала, что могу так сильно соскучиться по возможности надеть штаны. Нет, я не противница платьев. И даже в прежней жизни отдавала предпочтение сочетанию практичности и женственности в одежде, одинаково часто надевая и брюки, и удобные юбки с платьями. Но оно ведь всегда так. Ценится больше всего то, что по каким-то причинам внезапно становится недоступным.

Вот и сейчас, шагая рядом с вооружённым до зубов Федериком, одетая в мужской костюм, состоящий из белой батистовой рубашки, тёмно-серого камзола, чёрных узких кюлот, массивного ремня, плаща и высоких сапог, я наслаждаюсь тем, насколько свободно себя чувствую. Да и вообще пытаюсь получать удовольствие от неожиданной прогулки. Не всё же о возможных неприятностях думать.

Перенеслись мы не сразу в Дорсен. Чтобы избежать даже гипотетической возможности отследить координаты портала в Анжероне, Федерик провёл меня по целой цепочке порталов в разных городах Арганды. И в каждом городе мы выглядели иначе. Паранойя наше всё.

Сейчас мы изображаем пожилую пару простых горожан, прибывших проведать родственников из соседнего Къери, так что я с удовольствием пользуюсь возможностью держаться за локоть своего супруга, играя роль степенной данны.

– Не скажешь, куда мы направляемся, дорогой? – интересуюсь, блеснув на мужа лукавым взглядом.

– В храм, дорогая. В храм. Нам просто необходимо испросить благословения Великой Праматери, перед столь ответственным делом, – с кривоватой усмешкой отвечает мне Федерик.

Так вот какую нейтральную территорию он имел в виду?

Ну что ж. В храм, так в храм.

Всё-таки невероятная вещь человеческая психика. Потрясающе гибкая, когда нужно адаптироваться и приспособиться. Нет, наверное, существа более зависимого от собственного воображения и более способного к самовнушению. Человечество умудрилось пройти путь от первобытного земледельца до современного человека, выстроив

целые цивилизации, империи и прочие государства, опираясь лишь на те понятия и верования, которые возникли в коллективном воображении. Я не раз задумывалась о том, что человек, возможно, способен даже на чудо, если всей душой в него поверит.

Что уж говорить об миллионах... миллиардах людей, веками идущих на смертельный риск, а то и вовсе на смерть ради собственных убеждений и понятий. Ради правого дела. Ради любимых.

И куда-то отступает в сторону страх, выпуская на первый план упёртую решимость стоять до последнего.

Я умею сражаться до последнего за жизнь на операционном столе. Там нет места сомнениям и страху. Только решимости, разуму и скрупулёзной точности.

Вот и сейчас я больше не думаю о том, что с нами может случиться. Всего этого нет. Оно только в наших головах. Значит, его можно учесть, отодвинуть и сосредоточиться на том, что уже есть. А есть только настоящее, и от нас зависит, каким будущим оно обернётся.

Есть мы. Есть общая цель. И есть вероятность того, что сегодня у нас появятся сильные союзники.

Дорсен в общем произвёл на меня довольно приятное впечатление. И многим удивил. Небольшой, можно сказать, уютный городок, расположился на полосе суши между двумя реками и буквально на границе между Аргандой и Сэйнаром. Сама граница в виде невысокой стены пролегла ровно посередине, разделив надвое один город. С учётом не самых дружественных отношений между двумя странами, весьма странное положение вещей, как по мне. О чём я и сказала Федерику, когда мы вышли из здания стационарного портала на аргандийской стороне, и он мне вкратце рассказал о городе.

– Стена была не всегда, – пояснил мне муж. – Как и вражда между Аргандой и Сэйнаром. Разделение Дорсена было прописано пунктом брачного договора между Яргардом Сэйнаром и Тэрэсой Аннэлией Арганди, как символ мира между нашими странами. Брачные договора в королевских семьях закреплены магически и нерушимы.

– Бедные горожане. Как же они перемещаются с одной части город в другой? – не скрывая удивления, спросила я.

– Почти беспрепятственно. Стена не сплошная, и тоже скорее символ. Того, что Арганда и Сэйнар больше не союзники. Но и не

враги, по крайней мере официально. Жёстко контролируется только порталное перемещение. И водные пути. В Дорсене два стационарных портала. Любой подданный Арганды может почти свободно воспользоваться нашим, но чтобы переместиться через Сэйнарский уже потребуется сначала получить разрешение в нашем консульстве, потом в их, и пройти более тщательный таможенный досмотр. С водными перемещениями в чём-то сложнее, в чём-то проще, но суть та же.

Ничего себе система. Тогда понятно, почему для встречи был выбран именно этот город. Тут действительно будет сложно отследить, зачем, например, прибыли в Дорсен двое пожилых людей – действительно к детям и внукам, или чтобы встретиться с кем-то другим. Думаю, так же переместятся и другие участники нашей тайной сродки.

Храм, к которому мы направляемся, конечно же находится на центральной площади. На аргандийской стороне, правда. И да, площадь тоже разделена.

Миновав ворота, мы пересекаем тенистый дворик и поднимаемся широкими ступеньками к парадной двери. Нас никто не встречает. Собственно, нам ни единой живой души не попадается на глаза до самого ритуального зала, где должна быть расположена статуя Праматери. Ни прихожан, ни служительниц Богини.

Однако, стоит войти в зал, и сразу становится понятным, что нас уже ждут. Сначала мне кажется, что это трое мужчин стоят у белоснежной мраморной фигуры, освещённые разноцветными бликами закатных лучей из витражных окон. Но вот они слышат наши шаги, поворачиваются и, оказывается, что один из них на самом деле молодая и очень красивая женщина, как и я, одетая в мужскую одежду. Правда, когда мы подходим ближе, я понимаю, что поспешила, сравнив её наряд со своим. Я просто в мужском. А она в военном, и вооружена не меньше, а может, даже больше, чем её спутники и мой муж.

Вовсю рассматривая эту странную компанию из двух смуглых жгучих брюнетов, восточного типажа, и одной блондинистой амазонки, я даже не замечаю, как Федерик снимает с нас иллюзии, являя истинный облик.

– Приветствую, господа, – склоняет уважительно голову.

От них выступает вперёд тот мужчина, что постарше. И вот ни капли простая одежда не скрывает подавляющую ауру силы и властности этого человека. Словно грозный хищник навстречу идёт. Кажется, это и есть тот самый Корим Босвари, будущий король Босварии.

– Приветствую, брат, – протягивает он руку моему мужу. – Благодарю, что пришёл. – Проницательный взгляд вишнёво-карих глаз обращается на меня. – А это... полагаю, твоя супруга?

– Так и есть, – натянуто улыбается Федерик, обнимая меня за талию.

– Здравствуйте, – улыбаюсь я, учтиво кивая.

– Видишь... дорогой племянник, не я одна тут женщина, – насмешливо подначивает блондинка второго брюнета. – Так что придётся тебе смириться с тем, что чисто мужской гулянки не получится.

– Только вам... дорогая тётушка, могло прийти в голову, что мы тут собрались на гулянку, – преувеличенно ровно цедит тот. Очень красивый молодой мужчина с длинными иссиня-чёрными волосами и мрачным взглядом тёмных глаз. Азим Босвари, судя по всему.

Корим с досадой качает головой, поворачивается к своим спутникам, но сказать ничего не успевает. Потому что открывается дверь и порог зала переступают новые участники встречи.

Их четверо.

Иллюзии спадают. И к нам идут две пары. Высокий мощный мужчина с посеребрёнными сединой тёмными волосами ведёт за руку красивую брюнетку, которую я могла бы принять за ровесницу, будь в своём прежнем теле. Но что-то мне подсказывает, что она старше. Возможно, глаза выдают. Карамельные, тёплые, лучистые, наполненные мудростью и светом. И тревогой.

Второй мужчина выглядит более молодой копией первого.

Я знаю, что первая женщина и есть сестра Федерика, та самая Тэрэса Анэллия Сэйнар. Они с моим мужем слишком похожи внешне, если не считать глаз. Я ждала встречи с ней, предполагая, что она такая же, что тоже попаданка. И до сих пор так думаю. Но сейчас не могу отвести взгляда от второй незнакомки. Как и она от меня. В груди разливается мягкое радостное тепло узнавания, принятия, единства.

Богиня была права. Нам не нужно было искать встречи. Мы и так встретились. Не могло быть по-другому. Не могли наши пути не пересечься. В этом мире мы сёстры. Не по крови. По духу. По силе.

Мы шагаем навстречу друг другу, словно нас магнитом притягивает. Ускользаем из оберегающих рук своих мужчин. Не слыша ничего больше. Не видя. И замираем в шаге, жадно всматриваясь в души друг другу.

– Здравствуй, сестра, – радостно улыбается смуглая молоденькая брюнетка, слишком похожая чертами на мужчин Босвари. А душой на меня.

– Здравствуй, сестра, – потрясённо шепчу я.

Глава 64

– Ведьмовские гримуары? Серьёзно? – восторженно распахнув глаза, переспрашивает Рамина, моя новообретённая сестра по ведьмовскому духу и родственница по мужу, после того, как я ей вкратце поведала о своём самообразовании и где взяла источник информации. И тут же поворачивается к своему супругу, сидящему на ступеньках позади неё. – Тай, а у нас в Сэйнаре есть такие древние семьи, в которых раньше были ведьмы?

Наследный принц Сэйнара и родной племянник моего Федерика задумчиво хмурится, вспоминая.

– Есть, – вместо него отвечает Мэл. Та самая блондинка, что прибыла с босварийцами. Невеста Корима Босвари. – Сатори. Род моего отца. Тоже огненные, кстати. Нам и сейчас, уже как магам, огненная стихия лучше всего даётся.

– А-а-а?.. – вопросительно тянет Рами, умоляюще смотря на подругу.

Та понимающе хмыкает.

– Да, гримуары в нашем архиве имеются. Но разрешение поработать с ними может дать только отец, как глава рода, – извиняющимся тоном объясняет Мэл.

– Я поговорю с графом Сатори. И подниму королевские архивы, чтобы узнать в каких семьях ещё может быть подобная информация, – веско обещает жене Тайрэн Сэйнар.

– Это хорошо, а то я всё больше методом научного тыка действую и по наитию. И с самоконтролем тоже беда. Такого наворотить можно, – сокрушённо признаётся та.

– Ну-у-у, у тебя это получается поразительно эффектно, – хмыкает Мэл. – Приказать тёмному магу умереть и голыми руками порвать плетения кровавого заклинания, это было... очень действенно и оправданно.

То, что Рамина – ведьма разума, обладающая огромной способностью внушать и подчинять, я уже знаю.

– В той ситуации да. А представь, если такую силу будет иметь наш с Тайрэном ребёнок, – запальчиво восклицает сэйнарская ведьма.

– А он, или точнее она, эту силу точно будет иметь. Раз уж Праматерь задалась целью с нашей помощью вернуть ведьм в Совванир. Представь, что будет если, допустим, моя дочь, или дочь Анны разозлится на свою няню, или брата, или сестру. Это страшно на самом деле. Осознавать, что единственное, что тебя сдерживает это собственные моральные рамки и умение держать эмоции в узде. Это же такая ответственность. И наша в первую очередь. От нас зависит, какими будут следующие поколения ведьм. Думаю, именно из-за этого маги в своё время и ополчились на наше племя.

Я лишь киваю, готовая подписаться под каждым её словом. Сама не раз об этом задумывалась. Действительно, ответственность просто огромная. Пугающая. И приятно видеть, что эта проблема не только меня волнует.

– Хм. Возможно, но вполне допускаю, что немалую роль там сыграла и элементарная зависть, – фыркает будущая королева Босварии.

– Я почти уверена, что в исчезновении ведьм в вашем мире виноват Орден Тёмного Навия, – произношу я тихо. – То, что я видела, что читала, всё что рассказывал мне Федерик... всё наталкивает меня на эту мысль, я буквально чувствую эту связь. Они виноваты.

– Только как они сделали так, что ведьмы просто перестали рождаться? – вскидывает на меня взгляд Рамина.

– И зачем хотели вернуть ведьмовскую силу твоей предшественнице? – задумчиво тянет Мэл.

– Я не уверена, что они именно это хотели сделать, – качаю головой. – Анну во многом обманывали. С большой долей вероятности могли врать и об этом.

– А могли и не врать, – неожиданно слышу я рядом голос королевы Анэллии. Она всё это время была рядом с мужем, и не участвовала в нашем импровизированном мозговом штурме.

Встреча, которая должна была стать серьёзными переговорами между представителями трёх королевских домов, с самого начала пошла немного не так, как того ожидали организовавшие её мужчины. В основном из-за нас с Раминой. Ведомые собственной силой и притяжением, которое обе ощутили, мы, по сути, сразу раскрыли карты насчёт того, в каких странах и семьях ещё отметилась своей помощью Богиня.

Пришлось всем во всём признаваться. Естественно после того, как были магически запечатаны двери, и мы остались все вместе закрыты в ритуальном зале рядом со статуей самой зачинщицы всей этой неразберихи. Ну и, само собой, после того, как все присутствующие принесли клятвы, что не будут распространяться о том, что услышат з этой дверью, и не будут использовать эту информацию друг другу во вред.

Так вскоре выяснилось, что Тэрэса Аннэлия Арганди Сэйнар действительно уже пятнадцать лет мертва, а в её теле все эти годы живёт душа из другого мира. Моего мира. Рамина тоже попаданка, но она в этот мир попала всего лишь немногим раньше меня. И по крови является младшей сестрой Азима и племянницей Корима.

Юная принцесса Мирэнхаш Босвари покончила с жизнью, когда родители её насильно попытались выдать замуж за того самого тёмного мага, которого упоминала Мэл и о котором рассказывала мне сплетни моя свекровь. И вместо души этой бедняжки пришла душа ведьмы, которая совершила то, что её предшественнице даже не снилось.

За несколько часов общения мы с ней многое успели друг другу рассказать и многим поделиться. И от рассказа Рамины я, честно говоря, до сих пор не могу прийти в себя.

Вообще как-то так вышло, что после всех представлений и признаний, наша компания почти сразу распалась на две группы, каждая из которых обсуждала свою тему. Мы с Раминой, её мужем Тайрэном и Камэли Сатори больше обговаривали тему ведьмовства, мотивы тёмных магов, способы борьбы с ними. Тем более, что у моих новых знакомых уже имеется такой опыт.

А Федерик, Корим и Азим Босвари, Яргард Сэйнар и его жена действительно обсуждали союз королевских домов в борьбе с Орденом, с учётом возможной причастности короля Гельмута. И теперь у меня уже даже сомнений не возникало в том, что у нас с мужем действительно появились союзники.

Но теперь вот королева Анэллиа решила присоединиться к нашей дискуссии.

– Почему вы так думаете, ваше величество? – интересуюсь я, когда она садится рядом с сыном и невесткой.

Странная встреча у нас получается. Собрались представители трёх королевских домов Совванира и сидят запросто общаются на ступеньках под статуей Богини. По крайней мере, наша половина компании.

– Может, они её просто в жертву хотели принести, и им требовалось, чтобы Анна добровольно на это пошла? Вот этот тёмный и обманывал Иезеннию. А та свою воспитанницу. – О своих видениях я уже всем рассказала.

– Может и так, – согласно кивает Анэллия. – Но люди часто идут по пути наименьшего сопротивления. Ложь, особенно такая долговременная, вполне может быть раскрыта. Даже случайно. Откуда ему было знать, какую информацию можно прочесть в ведьмовских гримуарах? Гораздо проще, как по мне, сказать... перекрученную версию правды, чтобы управлять этой вашей Иезеннией. Тогда и вероятность, что она добавит каких-то неправдоподобных деталей становилась меньше.

– Ну в общем-то логично, – киваю согласно. – Но зачем тёмным возвращать в Совванир ведьм, если они сами их и уничтожили?

– А если... они не слепо уничтожали, а как-то использовали? А те умирали в результате, – задумчиво прищуривается Мэл. – Ведь что получается, тёмные откуда-то берут свою неправильную, извращённую силу, долголетие...

– Их магия кровавая, завязанная на жертвоприношениях, – делится Тайрэн. – А жертвоприношения тем больше энергии дают, чем сильнее жертва. Это если с магами. Корим делился информацией из записей Рифата. Но тёмные ведь наверняка и ведьм на свои алтари когда-то укладывали. А сила ведьмы...

– В душе и её чувствах, – сишло выдыхаю я. – Своей душой ведьмы сливаются со своими стихиями, напрямую черпая их силу. И многие заклинания тёмных воздействуют именно на душу. Правильно? Душу Анны выжгли.

– Яд, которым отравили Тэрэсу, и тем самым выжгли её душу, тоже изобрели тёмные. Я изучала информацию о нём, – кивает Анэллия.

– Так может, они как-то... крали силу ведьм. Или их души? – боже, я сама не верю, что это произношу. – А потом ведьм не стало. Что-то нарушилось в мировом равновесии и те перестали рождаться.

– А тёмным этой силы теперь не хватает. Вот они и решили вернуть своих жертвенных овечек, – криво усмехается Мэл. – Вполне рабочая версия.

– Я... чувствую, что она... почти верная, – сообщает Рамина. – Чего-то мы не знаем, что-то упускаем, но направление выбрали правильное.

Я тоже что-то такое чувствую, поэтому согласно киваю.

– О чём вы? – слышу голос Федерика над головой. И уже в следующую секунду он садится позади меня, обнимая за талию.

– О мотивах Ордена, – поясняю, повернув голову. И замечаю, что остальные тоже уже пришли к нам. – У нас возникла версия, что они действительно хотели сделать Анну ведьмой, чтобы потом забрать её силу через жертвоприношение.

– Мне не нравится эта версия. Она означает, что ты в гораздо большей опасности, чем была сама Анна. Поскольку уже являешься ведьмой, – мрачно произносит муж. – Ни на секунду теперь не останешься без охраны. – Поднимает взгляд на Корима. – Когда Иего можно будет допросить?

– Уже этим утром. Наши целители погрузили его в целебный сон, чтобы продемонстрировать людям твоего отца, как добросовестно мы лечим этого подонка и даже не пользуемся ситуацией, чтобы получить от него какие-либо сведения, – цинично усмехается тот. – На рассвете его выведут из стазиса. Как только что-то станет известным, я сразу же сообщу.

А до рассвета уже не так и много осталось. Ночь за всеми этими разговорами как-то незаметно прошла.

– Буду весьма признателен, – кивает Федерик. – Если не возражаете, предлагаю на этом закончить нашу встречу. Нам с женой пора возвращаться в Анжерон. Утром я должен присутствовать на совещании министров, и моё опоздание может вызвать подозрения у отца. – Он поднимается на ноги и протягивает руку мне, чтобы помочь встать. – Благодарю всех, что пришли. Я, признаться, не ожидал, что мне кто-либо протянет руку помощи в сложившейся ситуации.

– Вражда между нашими странами началась с твоего отца, – веско произносит король Яргард. – Сначала он поссорил Сэйнар и Босварию, надеясь под шумок урвать себе кусок побольше, потом попытался с помощью твоей сестры захватить власть в Сэйнаре, не только сломав

её судьбу, но и едва не покалечив этим моего сына, тем самым поставив под угрозу весь род Сэйнаров. В своей жажде власти он всегда был готов идти по головам, калеча и разрушая. Вмешиваться во внутренние дела Арганды мы не имеем права, доказать вмешательство Гельмута в наши не всегда представлялось возможным, поэтому ему многое сходило с рук. Но сейчас, он перешёл все границы, нарушил нерушимый закон, принятый нашими предками, стал преступником, по сути, и этим сам себя низверг. Поэтому Сэйнар полностью поддерживает тебя, Федерик, как единственно-возможного теперь правителя Арганды.

– Так же, как и Босвария, – согласно кивает Корим.

Глава 65

Федерик

Мы с моей ведьмочкой под новыми личинами уже уходили, когда Анэллия нас догнала и попросила уделить ей минутку. Пришлось немного задержаться.

– Федерик, я хотела извиниться, – произнесла женщина, так похожая на мою сестру внешне. Но не она. Не Тэрэса. – За то, что скрыла от вас правду о смерти сестры. Я-а-а... меньше всего мне хотелось причинить боль её семье. Вам, вашей матери. Мне очень жаль, что стала причиной её страданий.

Не знаю, как бы ответил, раньше. До Ланы. До того, как сам убеждал дарованную мне Богиней женщину, что она не виновата в смерти своей предшественницы и не несёт ответственности за действия убийц. Мою покойную жену мне искренне жаль, я чувствую вину, что не защитил, потребность наказать виновных. Но на этом всё.

Моя ведьмочка мне гораздо ближе и дороже, как бы цинично это не звучало. За столь короткий период она стала нужна мне. Пробралась под кожу, укоренилась в сердце. Оплела своими чарами, своим теплом, своей лаской, нежностью, страстью, искренностью... Не уверен, что смогу теперь без этого обходиться. Точнее, почти уверен, что не смогу.

Она и сейчас стоит рядом и в немой поддержке сжимает мою ладонь, заставляя... любить её ещё сильнее. Впервые в жизни... любить свою женщину и чувствовать, что эта женщина любит меня. Так словно мы всегда были вместе, и всегда будем. Даже осознание того, что я испытываю к ней было таким же естественным, как само чувство. Словно по другому с ней и быть не могло.

Но к той, что заняла место моей сестры, мне сложно относиться столь же непредвзято. Хоть я и понимаю, что несправедлив. Поэтому привычным усилием воли смиряю свои чувства.

– Вам не за что извиняться, – смотрю на неё. – Ваши действия были оправданы и целесообразны. На месте вашего супруга я бы точно так же охранял вашу тайну. Собственно, я уже так делаю в точно такой же ситуации.

Заставляю себя внимательно изучить это лицо, прочувствовать её эмоции. Принять тот факт, что Тэрэсы уже давно нет. У Анэллии и мимика другая и взгляд. Но главное – у неё душа другая. Моя сестра, искалеченная внутренне и сломленная тираном отцом, никогда не была настолько цельной, светлой... доброй и сострадательной. Настолько искренней. И никогда бы не смогла такой стать, как бы матери ни хотелось думать иначе. Выбор Богини мне понятен.

– Если бы не клятвы... Вы считаете нужно сказать вашей матери? – с волнением и сочувствием хмурит тонкие брови Нэлли. Так к ней обращаются супруг и сын, мой родной племянник Тайрэн. Достойный мужчина из него вырос.

Мама... Не уверен, что она сможет пережить такой удар. Уже то, что дочь в одночасье перестала с ней общаться, сильно ранило её. А если узнает... Нужно ли это? Иногда правду лучше не знать. И милосердней не говорить.

– Пока что точно нет. Отец имеет на неё слишком большое влияние. Я подумаю о том, как лучше поступить. Но позже, когда всё решится.

Анэллия понимающе кивает.

Больше нам и нечего сказать друг другу. К ней уже идёт Яргард. А мы с Анной всё-таки уходим. Время близится к рассвету. Пора вернуть свою ведьмочку в безопасность Анжерона, а самому заняться делами.

Если Босвари уже утром удастся выбить из Иего нужную информацию, а Дэмизно найдёт ей весомые подтверждения в особняке Веласко, в который должен был уже проникнуть этой ночью, возможно, уже завтра я стану тем самым сыном, которым меня считает родной отец. Тем, кто свергнет его, совершив военный переворот.

В любом случае это уже неизбежно.

Если только до меня не доберутся раньше.

Но сейчас я, как никогда, готов драться до последнего. Есть ради кого. Жизнь никогда ещё не была для меня так ценна, а будущее так желанно. Ради своих любимых девочек, которых стало на одну больше, ради того, чтобы моя ведьмочка могла не бояться, что тёмные придут за ней, или нашими дочерьми, я смету эту тёмную гниль с лица земли. По-другому и быть не может. Особенно с той поддержкой, которую мне готовы оказать Босвари и Сэйнары.

К их военной помощи я собираюсь прибегнуть только в крайнем случае, у меня хватает собственных людей, большинство боевых магов Арганды на моей стороне и две трети офицеров нашей армии отдадут своим подчинённым приказ биться на моей стороне, если понадобится. Как только я докажу, что король Гельмут действительно стал адептом запрещённого культа.

Но мне мало свергнуть отца, наказав его за все преступления. Мне нужно попутно уничтожить Орден Тёмного Навия. Моя жена права в том, что отец не является главой тёмных. Такое невозможно было бы скрыть. Если я ударю раньше времени, эти мрази опять залягут на дно. Действовать надо так, чтобы вычистить всю грязь одним махом.

– Всё в порядке? – тихо спрашивает Анна, привлекая моё внимание. – Вы договорились?

– Да, – киваю.

Она бросает на меня внимательный взгляд. Закусывает пухлую губу. Хорошо, что я могу видеть её настоящий облик под иллюзиями. И чувствовать её эмоции, в которых сейчас преобладает лёгкий внутренний раздрай. Словно Анна не знает, как подступиться с каким-то вопросом. Несвойственная для моей ведьмочки нерешительность.

– Что-то хочешь спросить? – прихожу ей на помощь.

– Хочу. Про твою сестру, – хмурится. – Как ты? После того, как узнал...

Как я? Сложно понять. Ещё сложнее ответить. Я не привык таким делиться, никогда не мог, и это лишь усугубилось по мере освоения моего дара. Вместе с умением ставить эмпатические блоки приходит и другая его сторона – замкнутость. Слишком хорошо я знаю, как можно играть на человеческих эмоциях, как можно манипулировать чувствами. Зачем кому-либо давать такое оружие против себя?

Но с моей Анной-Ланой всё иначе. Мне настолько приятно чувствовать её, пить её эмоции, настолько хорошо от её ласки и заботы, что хочется ещё и ещё. И я сам не замечаю, как открываюсь с ней всё больше.

– Если бы не твои догадки, которые меня подготовили к этой... правде, мне было бы гораздо... сложнее, – признаюсь. – Я скорблю по сестре. Или, возможно, по памяти о той, кем она была в моём далёком детстве. Но не испытываю ненависти к той, что её заменила.

Анна понимающе кивает. Хмурится задумчиво. И сама не замечает, что при этом гладит мою руку. Моя ласковая кошечка.

– А ты как? – притягивю её ближе. Обнимаю за талию, прижимая к своему боку.

– Я... очень рада, что эта встреча состоялась, – она обнимает в ответ. Так просто и естественно. – И благодарна, что ты согласился взять меня с собой. Иначе, я бы не обрела родственную душу. Спасибо тебе.

– И тебе, – улыбаюсь, целую в макушку.

Так мы и идём дальше. Впереди загорается зарницей горизонт, золотя крыши домов рассветными лучами. И сердце странно щемит неясными тревожными предчувствиями. Впереди неизбежный бой. Я сомневаюсь, что он будет лёгким. Но победоносным для меня он быть обязан.

У меня заблаговременно приготовлены все разрешения, соответствующие нашим личинам, так что с порталами задержек не происходит. И уже через час с лишним мы ступаем на смотровую площадку порталной башни Анжерона.

Анна после бессонной ночи выглядит такой милой и беззащитной, что хочется сгрести её в охапку и рухнуть вместе в кровать, чтобы не выбираться отсюда пару суток. И любить её до беспамятства, спать и снова любить. Жаль, что сегодня это лишь несбыточное желание. Время поджимает.

Ещё час у меня уходит на то, чтобы переодеться в наших покоях, попрощаться с сонно-наблюдающей за мной женой, проверить посты, защитную магическую сеть замка и переговорить с Рэймандо и Кахиром. И вот приходит время отправляться в столицу. Поскольку еду я туда с официальным визитом, приходится отказаться от личного портала и, взяв с собой несколько надёжных людей сопровождения, выдвинуться к стационарному переходу конным отрядом.

Дорога проходит без происшествий. Столица встречает меня обычной утренней суетой. Люди живут своей жизнью. А моя вплотную подошла к своему переломному моменту.

В королевском дворце царит гнетущая атмосфера, ставшая особенно ощутимой за последние дни. Но поединок Корима Босвари с Иего Вэласко, хотя бы отвлек внимание отца от моей персоны, дав немного больше свободы действий.

Жестом велев своим сопровождающим рассредоточиться по дворцу и контролировать ситуацию, я направляюсь в кабинет отца. И уже в приёмной начинаю подозревать что-то неладное. Гийома нет, хотя его стол выглядит так, будто секретарь вышел всего на минутку. Лежат документы, печати, почтовый футляр, на некоторых ящиках нет охранок... Никогда не поверю, что педантичный и преданный помощник короля Гельмута, верой и правдой служивший ему столько лет, оставил всё это без присмотра.

Нахмурившись, я подхожу к двери кабинета. Поднимаю руку, чтобы постучать, но так и не доношу до деревянного полотна. По нему пробегает знакомая рябь защитных заклинаний. Отца здесь нет.

– Охрана, – рявкаю я достаточно громко, чтобы услышали гвардейцы на посту за дверью приёмной.

Те реагируют довольно быстро. И уже через минуту передо мной навытяжку стоят два гвардейца.

– Почему королевский секретарь оставил своё рабочее место без присмотра? – требовательно смотрю на вояк.

– Не можем знать, ваше высочество, – в один голос докладывают они.

– Когда и куда он ушёл?

– Около получаса назад. Спешил. Куда, не сказал, – слышу совсем уж странный ответ.

– Его величество тут сегодня был?

– Никак нет, ваше высочество.

Чувствуя, как всё сильнее поднимается внутри чувство тревоги, снова подхожу к столу секретаря, чтобы попытаться найти причину его ухода. Взгляд снова цепляется за почтовый футляр. Под ним клочок бумаги. И что-то написано.

Проведя рукой над вещицей, чтобы не нарваться на какие-нибудь охранки, отодвигаю пальцем футляр. И читаю одно единственное слово, написанное коряво, но вполне узнаваемым почерком.

«Помоги».

Что-то с отцом.

– Гвардейцев к покоям его величества. И лекаря, – приказываю я на ходу, стремительно покидая приёмную.

По пути проворачиваю на пальце перстень, обратно вызывая к себе своих людей. Они найдут по маяку.

Проходя мимо зала совещаний, где должен был сегодня состояться совет, встречаю герцога Гуалтиеро, министра финансов.

– Ваше высочество, заседание переносится? Гийом не предоставил нам материалы для ознакомления... – начинает он.

– Пока не знаю, герцог. Ни короля, ни его секретаря нет на рабочем месте, а на столе Гийома записка от его величества с просьбой помощи, – сообщаю, не останавливаясь. – Я собираюсь проверить, что случилось, а вы предупредите остальных, что начало откладывается.

Герцог что-то пытается ещё у меня спросить, но я уже не слушаю, заметив идущих навстречу Дарио и Михеля, своих людей. Махнув им рукой, сворачиваю к жилому крылу.

Больше никто меня не пытается задержать, так что вскоре я уже подхожу к личным покоям короля. И никого не вижу на посту у его двери. Впрочем, как и во всём крыле

– Михель, свяжись с герцогом Орсино, спроси, кто отдал приказ его гвардейцам покинуть свои посты в королевском крыле. Дарио, за мной, – велю на всякий случай активируя дополнительные щиты.

Охранный периметр королевских апартаментов незамкнут, словно отец кого-то ждёт.

В тот момент, когда я толкаю дверь и переступаю порог, чувствую сигнал почтового футляра на поясе. Но глаза цепляются за сидящего на софе в гостиной старого секретаря, а в груди разливается такая давящая тяжесть, будто кто-то сердце в кулаке сжимает.

– Гийом, – окликаю помощника отца. – Что случилось?

Мне почему-то становится тяжело дышать. И зрение слегка туманится.

– Ваше высочество, – сипло шелестит секретарь в ответ. Поворачивает голову и поднимает на меня воспалённые глаза. Сжимает перепачканные в чём-то буром руки. По мертвенно-бледному лицу пробегает мучительная судорога. – Хорошо... хорошо, что вы пришли. Его величество... умер.

Что? Как? Неверяще веду головой из стороны в сторону, пытаюсь как-то переварить эту новость... Но не получается. Умер? Почему умер? Он не мог умереть...

Чувствуя себя так, будто меня оглушили чем-то, я окидываю мутным взглядом комнату. В ней больше никого. И глаза сами прикипают к двери спальни. Он там. Да. Должен быть там.

Словно в тумане, я шагаю к этой двери. Шаг за шагом. Меня тянет к ней, так сильно, что сопротивляться нет сил. Я должен зайти и увидеть.

Ладонь ложится на белую резную поверхность, толкая. И в этот миг почему-то вспоминаются руки Гийома. Выпачканные... в крови. Теперь я понимаю это. Дверь открывается. Позади слышатся какой-то странный звук. Надо обернуться. Надо... Но тело уже действует само по себе, будто ведомая кем-то... марионетка. Я переступаю порог, не в силах отвести взгляд от жуткой и дикой в своей нереальности картины.

На полу прямо передо мной в огромной сложной пентаграмме в луже крови лежит распростёртое обнажённое тело моего отца, короля Гельмута Сиродаса Арганди, расписанное кровавыми росчерками. Тиски на сердце сжимаются сильнее, перед глазами всё темнеет. Я пытаюсь рвануться назад, ударить хотя бы вслепую, уйти из-под невидимого удара... но даже пошевелиться не могу, скованный по рукам и ногам кровавыми оковами ритуальной тёмной магии. В груди словно дыра образуется, затягивая меня всё глубже.

Но я не могу сдаться. Не имею права. Я должен сопротивляться. Должен... Должен... Должен...

– Я знал, что ваша воля сильна, ваше высочество, – звучит позади меня смутно знакомый голос. – Но сопротивляться тому, что соткано на родственной крови, даже вы не сможете.

Глава 66

Когда Федерик ушёл, я решила прилечь и хотя бы немного поспать. Бессонная ночь давала о себе знать, глаза буквально слипались и голова ощущалась так, будто ватой набита. Ничего наподобие кофе в этом мире мне пока не попадалось, да и не нашла я веских причин отказывать своему организму в отдыхе. Ясная голова никогда не помешает.

Однако вместо отдыха сон принёс мне давящую тяжесть тревоги и жуткие сновидения. В них я то бегала по какому-то мрачному подземелью в поиске выхода, то пыталась стащить с Федерика, выглядящего, как застывшая статуя, какую-то чёрную паутину. А она рвалась в моих руках, брызгая кровью, заляпывая нас обоих. Я умоляла мужа очнуться. Как безумная, всё рвала эти нити, а они возникали обратно. Словно живые, оплетали его всё сильнее, пока почти не покрыли полностью, удавкой затягиваясь на его шее. Именно в этот момент я и проснулась с криком, задыхаясь от ужаса.

Страх за Федерика сковал мою душу такими тисками, что в глазах темнело. Кубарем скатившись с кровати, я сразу бросилась к столику, на котором оставила почтовый футляр. И дрожащей рукой написала на клочке бумаги предупреждение мужу, что ему, возможно, угрожает опасность, ловушка тёмных магов, что-то кровавое и сковывающее волю. И сразу же сунула записку в футляр, молясь богам всех миров, чтобы уберегли любимого от беды.

Он не ответил. Ни через пять минут, ни через десять...

Прошло уже почти два часа, а ответа до сих пор нет. За это время, я извелась настолько, что сердце в груди, кажется, вот-вот остановится. От страха даже дышать больно.

Спускаться к завтраку я отказалась. Бриггита передала близняшкам и её величеству, что мне немного нездоровится с утра. Не хотелось их пугать ни своим безумным видом, ни эмоциями.

От завтрака в покои я тоже отказалась. Кусок в горло не полезет.

Не до еды сейчас.

Душа не на месте. Так страшно мне ещё ни в одной жизни не было.

Что с ним? Почему не отвечает ни мне, ни Рэймандо? Безопасник Федерика, правда, немного меня успокоил, сообщив, что его люди, поехавшие с принцем, на связь выходят и уверяют, что с его высочеством всё в порядке.

Но не верю я. Чувствую, что случилось что-то очень плохое. Иначе... он бы ответил сам.

И увидеть ничего не получается. Как я не пытаюсь.

Из мрачных мыслей меня вырывает тихий стук. Отвернувшись от окна, через которое я уже минут пятнадцать пялюсь на замковые ворота, вижу, как открывается дверь.

– Ваше высочество, можно? – появляется в проёме плечистая фигура Рэймандо.

– Да, – я тут же бросаюсь к нему. – Что-то узнали? Он написал вам?

– Написал, – кивает безопасник. Сводит хмуро густые брови: – Сообщил, что возвращается в Анжерон. И велел передать, что хочет, чтобы вы встретили его во внутреннем дворе. Он скоро будет здесь.

– Встретить? Да, конечно. Я сейчас спущусь, – киваю растерянно. Почему вместо облегчения, я чувствую, что тревога становится ещё сильнее?

– Позвольте, я вас проведу, – учтиво предлагает мне локоть Рэймандо.

– Благодарю, – охотно принимаю его помощь. Своим ногам я сейчас не доверяю. Что-то плохо мне. Сердце болит. А вроде бы молодая.

К тому моменту, как мы спускаемся во двор и занимаем позицию на ступеньках напротив ворот, часовые на стенах как раз подают сигнал, что к замку приближается конный отряд.

– Дан Рэймандо, а вы не знаете, почему мой муж захотел, чтобы только я его встретила? – спрашиваю тихо.

– Не знаю, ваше высочество, – качает головой безопасник. Поджимает губы. – Он не объяснил. Вы хорошо себя чувствуете? Выглядите...

– Плохо? Знаю. Потому что мне плохо. И почему-то очень страшно, – признаюсь, чувствуя потребность поделиться своими опасениями хоть с кем-то. – Мне приснился кошмар, в котором я видела, как моего мужа оплетает какая-то кроваво-чёрная паутина. Я

не могла её снять, сдирала целыми ошметками, и ничего не получалось. А он стоял, как бесчувственная статуя, и даже не шевелился. Мне кажется, что случилось что-то ужасное.

– Возможно, вы просто перенервничали, – осторожно замечает Рэймандо. – Это мог быть просто сон. Мне точно написал его высочество. Это его почерк. И письмо пришло с его личного почтового футляра.

– Может, он просто не сказал? – шепчу.

Я буду счастлива, если окажется, что это действительно просто сон. Только вся моя ведьмовская сущность, все мои инстинкты кричат, что сон это был непростой.

– Может. В любом случае, скоро узнаем.

Я согласно киваю. Но уже через минуту замечаю, как Рэймандо подаёт какой-то сигнал своим людям, и во дворе появляется больше боевиков. Ещё через пару минут к нам присоединяется и дан Кахир, а на стенах начинается какие-то странные перемещения. Словно к бою готовятся. Это из-за моих слов?

Однако вскоре до моего слуха долетает стук копыт по мостовой, заставляя забыть обо всём. И раздаётся громкий окрик:

– Открыть ворота. Его высочество прибыл.

Боже, наконец-то.

Сжимая руки на груди, я до рези в глазах всматриваюсь в открывающийся проём. И Федерика замечаю сразу. Он едет впереди, во главе отряда, как всегда. Бесстрастное лицо кажется мне бледным, и тени под глазами залегли. Губы сжаты в мрачную линию.

За ним едет отряд значительно больше того, который я видела утром из окна. Помимо знакомых лиц, ещё несколько мрачных мужчин в одинаковых тёмных камзолах.

Рядом напрягается Рэймандо, недовольно присматриваясь к незнакомцам. Дан Кахир тоже хищно подбирается, становясь ближе ко мне.

А Федерик тем временем спешивается напротив ступенек. Оборачивается к нам. Находит меня взглядом. И я, уже было дёрнувшись бежать к нему, испуганно замираю, всматриваясь в любимые глаза... словно в чужие. Они холодные, пустые... мёртвые... И лицо лишено каких-либо эмоций.

Может, это не он? Может... иллюзия?

Я ведь могу увидеть, если захочу. Могу понять. Должна...

Глаза начинает жечь невыплаканными слезами. Пламя в груди вздымается, покалывая кожу, норовя вырваться из-под контроля. Но я смотрю. В упор. Так внимательно, как никогда в жизни. Вслушиваюсь в себя, в пространство вокруг, в Его дыхание, в биение Его сердца. И постепенно начинаю замечать то, что так испугало меня во сне. Чёрную с багровым отливом паутину, жуткую вязь тёмного заклятия, опутавшую моего любимого человека. Это не иллюзия, это действительно он. Только... под воздействием какой-то дряни.

Нет. Нет! Только не это! Богиня, пожалуйста, помоги. Подскажи, что делать?

– Федерик, что с тобой? – шепчу, заставляя себя снова посмотреть в лишённые жизни глаза. Полностью отпуская на волю свой дар, ныряю в себя ещё глубже, чтобы увидеть, понять, найти выход.

И на долю мгновения мне кажется, что в глазах мужа мелькает тень нечеловеческого страдания. Но он отворачивается, обводит тёмным взглядом весь двор, спешившихся боевиков.

– Сегодня был убит король, – провозглашает громко. Поднимает руку, указывая на меня пальцем: – И эта женщина виновата в его смерти. Арестовать её.

Глава 67

Нет. Он не мог этого сказать. Не мог... Так ударить... Предать.

Это не он. За него говорит эта тёмная дрянь.

– Федерик, посмотри на меня, прошу, – шагаю к нему. –
Пожалуйста.

Но меня тут же перехватывает за руку Рэймандо и неожиданно задвигает себе за спину. Рядом с безопасником становится и дан Кахир.

– Ваше высочество, следуя вашему же приказу, я требую, чтобы вы подтвердили свою личность, – обращается начальник гарнизона к Федерику.

А рядом с моим мужем уже стоят те незнакомцы в чёрном, которые приехали вместе с ним. Смотрят на меня. Жадно, изучающе. И я теперь отчётливо вижу тьму, клубящуюся вокруг этих фигур, искажающую человеческие черты, тянущую ко мне свои щупальца. За мной пришёл Орден Тёмного Навия, как приходили раньше, века назад, за другими ведьмами.

– Подтвердить личность? – переспрашивает мой супруг, поднимая равнодушный взгляд на своего преданного соратника. – Разумеется.

Поднимает вверх ладони, на которых проступают светящиеся узоры, и по двору прокатывается осязаемая, почти сбивающая с ног волна магии.

– Я Федерик Иссая Арганди, – наполненным силой голосом произносит он, – с сегодняшнего дня законный правитель Арганды, приказываю защитникам Анжерона и всем, кто приносил мне клятву верности, сложить оружие и преклонить колени. Сейчас же! Не препятствовать аресту!

С каждым словом символы на его ладонях пылают всё сильнее, над головой образуется что-то весьма напоминающее светящуюся корону. И всех нас, будто бетонной плитой, придавливает тяжестью приказа истинного короля. Вздрагивает Рэймандо, опуская голову. Горбится дан Кахир. И со всех сторон начинают доноситься звуки роняемого оружия. Боевые маги и воины Анжерона один за одним опускаются на колени перед своим правителем.

Мои защитники сдаются последние. Опускаются на колени, оставляя меня беззащитной. Смиряться с волей своего монарха.

И в тот же миг, меня словно толкает что-то в солнечное сплетение, заставляя покачнуться. Я даже не успеваю заметить, от кого прилетает этот удар. И тёмные тут же устремляются ко мне.

Они всё правильно рассчитали. Никто не посмеет ослушаться прямого приказа короля. Тем более, ради той, кого обвиняют в смерти предыдущего.

Вот только я никому ни в чём не клялась. И притворяться покорной овечкой, идущей на заклание, точно не собираюсь. Если бы меня действительно хотели просто арестовать и заключить под стражу, пока идёт следствие, я бы не стала усугублять своё положение. Но они пришли за мной не для этого. Они посмели обернуть против меня того, кого я люблю всем сердцем. Посмели заковать его своей гадской тьмой. Убью тварей.

Огонь вспыхивает на моих руках раньше, чем я их поднимаю. Мы со стихией сейчас едины. Моя боль и её ярость слились в одно, превращаясь в неудержимое пламя, режущее вокруг меня. В нём, как хлипкая паутина, сгорают все оглушающие заклинания, которыми меня пытаются атаковать.

– Стоять! – шиплю яростно, выпуская в двоих самых борзых тёмных струи огня. Я очень стараюсь не задеть Рэймандо с Кахиром. Как бы ни было мне обидно, они не виноваты в том, что происходит. Они Федерику верны, а не мне.

Один из наступающих успевает вскинуть переливающийся тьмой щит, зато второй вспыхивает факелом и с воем бросается прочь.

– Федерик, очнись! Это не ты! Борись с тьмой, слышишь?! – зову мужа, отступая вверх по ступенькам и держа вокруг огненный щит. И не обращаю внимания на то, как ошарашенно и даже испуганно все на меня теперь смотрят. – Любимый, пожалуйста, услышь меня. Тебя подчинили тёмной магией, борись с этим!

По его лицу пробегает мучительная судорога. Руки сжимаются в кулаки.

У меня получается. Он слышит. Ведь между нами есть связь. Крепкая, обоюдная, подпитанная взаимными чувствами. Таковую не заглушить даже тёмной магией. Мы одно целое.

– Федерик! – кричу я, чувствуя, как немеют мышцы и начинает туманиться зрение. Тянусь к мужу всем своим существом. Пытаюсь пламенем своей души выжечь ту мерзость, что удавкой затянулась на его горле.

Федерик, зарывав, хватается за голову. Шатаясь, отступает назад. Из-под носа начинает хлестать кровь, заливая лицо.

– Я должен... – хрипит, оседая на землю. – Должен... Должен...

Рэймандо, вскакивает на ноги, бросаясь к другу. Кахир же разворачивается ко мне, и на кончиках его пальцев угрожающе искрятся нити заклинаний. Видимо, посчитал, что я мужа как-то убиваю. Никто из магов не видит то, что вижу я. А то что видят, после прозвучавшего от Федерика обвинения и приказа, выглядит не очень хорошо.

Плевать. Главное сейчас, вытащить его самого.

Ну же! Давай! Очнись! Ты нужен мне!

Нечеловеческим усилием воли посылаю по связывающим нас нитям брачной связи ещё больше своей силы. Она вспыхивает вокруг Федерика, упавшего навзничь, огненным коконом, не причиняя вреда, но выжигая дотла тёмные плетения. Ни с кем другим бы так, наверное, не получилось.

Но моя собственная защита тем временем ослабевает, тело всё больше немеет. А тёмные наступают, тесня меня всё дальше от мужа. Мой огненный щит становится всё более хлипким, уже едва справляясь с атакующими заклинаниями, а сил на то, чтобы ударить в ответ и вовсе не осталось. Чем враги и пользуются.

– Сдавайся, девочка. Ты всего лишь оттягиваешь неизбежное, – цинично усмехается высокий поджарый брюнет, судя по всему главарь этой своры. – Приказ его величества слышала? Мы всё равно заберём тебя с собой. Побереги лучше силы, они тебе ещё пригодятся.

– Да неужели? И зачем? – оскаливаюсь в злой ухмылке.

– Увидишь, – похабно подмигивает мне тёмный. Растирает что-то в ладонях, разводит их в стороны, и резко хлопает.

Испуганно вздохнув, я нагнетаю силы в щит, сколько могу. И практически сразу понимаю, что ошиблась. Но уже поздно. Удар приходится не по мне. Под ногами вздымаются каменные плиты ступенек. И я, с испуганным криком взмахиваю руками, заваливаясь назад. Чтобы быть в ту же секунду обездвиженной чужой магией. В рот будто ваты набивается, лишая возможности говорить и дышать.

Главарь тёмных подхватывает меня на руки и взваливает на плечо.

– Куда вы её несёте? – заступает ему дорогу дан Кахир.

– С этим вопросом обращайтесь к его величеству, – равнодушно отвечает тёмный, спускаясь со мной по ступенькам. Остальные идут за ним.

Я смотрю на начальника гарнизона затуманенными глазами, взглядом умоляя о помощи. Он хмуро смотрит в ответ... Меня проносят мимо Рэймандо, пытающегося откачать Федерика. Друг моего мужа вскидывает на меня мрачный взгляд, полный гневного разочарования и ненависти. И этот поверил. Плевать. Я смотрю лишь на Федерика. На его измождённое лицо, на то как вздымается грудь с хриплым дыханием... Может... может это из-за меня? Может, пытаюсь спасти, я его... убила?

Нет... пожалуйста. В груди разрастается чёрная дыра. Так больно...

– Федерик... – хочется позвать снова. Но голос не слышится меня. Сознание меркнет, утопая в тошнотворной багряной тьме.

Может Рамина поможет? И Нэлли... она ведь целительница. Она сможет... Рами... помощи. Умоляю.

Последним усилием воли, я посылаю этот призыв, уже почти не надеясь.

Тёмные вскакивают на коней. Меня перекидывают через седло главаря, как мешок с мукой. Лука седла больно врезается в живот, немного приводя в себя.

Это конец. Меня увозят, и я ничего больше не могу сделать. Никто меня не спасёт.

– Закрывать ворота! – слышится внезапно сиплый приказ Федерика.
– Спасайте королеву.

И тёмные срываются в галоп, поспешно уносясь из Анжерона.

На мою макушку опускается рука моего похитителя. И тьма окончательно меня поглощает.

Глава 68

Тьма не хочет отступать. Не желает отпустить из своих мерзких щупалец, забивается в рот, в уши, глаза... в сознание. Мешая думать и дышать. Мешая прийти в себя.

Немного лучше с осязанием и состоянием моего безвольного тела. Онемение постепенно отступает. И я уже отчётливо ощущаю и как меня несёт вниз головой, как мешок какой-то, и как больно впивается в живот полоса ремня на плече моего похитителя.

И звуки... я всё чётче начинаю различать гулкое, будто в подземелье, эхо шагов, и голоса рядом.

– Видал, как она огнём управляет? Жозе до сих пор в себя не пришёл, – с фанатичным восторгом говорит один.

– Мессир был прав. Она ведьма. Первая за многие века. И в силу вошла полностью. Не только на ближний круг хватит.

Что?.. Как-к-кой мессир?.. на что меня хватит?

С губ срывается тихий стон, когда я пытаюсь разлепить глаза. Зря я это... наверное...

– Заткнитесь, оба! – холодно гаркает тот, что тащит бесчувственную ведьму в моём лице. И меня будто душным одеялом накрывает, снова утягивая в забытие.

Я тону в круговерти бредовых то ли видений, то ли кошмаров. Снова вижу то подземелье, в котором не могла найти выхода в своих снах... Снова бегу, ищу кого-то... И нахожу... Федерик весь в крови... пентаграмма на полу... и мёртвое тело, с филигранно вырезанными на нём символами... тьма ползёт по моим ногам, по моему телу, а вокруг стоят огромные фигуры в чёрных балахонах...

На какое-то время я обретаю зыбкое ощущение реальности, когда прихожу в себя и вижу над головой каменный потолок, утопающий в тенях. Мне холодно и так муторно на душе, что выть хочется.

Сжимая кулаки, скребу пальцами по какому-то деревянному настилу.

– Она снова пришла в себя, – надо мной склоняется кто-то незнакомый в чёрном одеянии и с глубоким капюшоном на голове. Мне только низ лица видно.

– Рано ещё, – роняет кто-то рядом. И этот в балахоне тянет к моему лицу руку.

Резко выдохнув, я дёргаюсь от него прочь, но тело по-прежнему сковано невидимыми путами.

– Нет, – шиплю, с гортанным стоном выпуская свой огонь. Заворачиваюсь в его защитный кокон.

– Сильна, – отдёргивая руку, издевательски ухмыляется тёмный. – И неважно, что девственность не на алтаре потеряла. Всё равно инициировалась. Помнишь меня, ведьма? Видать понравилось стонать и визжать подо мной, раз так пылаешь теперь.

– Не помню, – выплёвываю, стараясь не вникать, не думать, не понимать... что он действительно касался моего тела, насиловал... не я это была. Тело не помнит и мне не стоит. Может, он вообще врёт, чтобы запугать.

– Это ты зря, – похабно ухмыляется подонок. – Но я и напомнить могу. М-м-м, люблю брыкливых.

Облизывается гадко, шаря сальным взглядом по моему телу. Чувствую это... Фу.

– Попробуй только, – оскаливаюсь яростно, и пламя вздымается ещё выше, заставляя балахонистого испуганно шархнуться. Мне бы встать... мне бы вернуть способность двигаться... Мне бы ударить.

И вдруг на меня обрушивается поток ледяной воды, обрывая дыхание, сбивая концентрацию... Отплёвываясь, я мотаю головой. И моё пламя немного опадает... В достаточной мере, чтобы второй тёмный, тот что устроил мне этот ледяной душ, пробил мой стихийный щит новым оглушающим заклинанием.

– Не трогай её, Тимотео. Мессир запретил, – последнее, что слышу, опять вырубаясь.

Сознание проваливается в очередную мутную мешанину из неясных образов и жутких видений, сгорая в огне ярости и страха... отчаяния.

Я не знаю, сколько времени провожу вот так в полубессознательном состоянии, то всплывая на поверхность этого омота, чтобы хватануть ртом леденящего воздуха, то окунаясь обратно под воздействием тёмной магии.

Так продолжается до тех пор, пока мой слух не улавливает низкий гул голосов, поющих какую-то монотонную песню, или может

заклинание на незнакомом мне языке. Несмотря на то, что каждое слово давящим обручем ложится на сердце, я всё равно устремляюсь разумом на этот звук, пытаюсь вырваться из забвения.

И у меня выходит. Распахнув глаза, я снова вижу высокий каменный потолок над головой. Но другой... кажется. И на этот раз он проплывает надо мной, расцвеченный бликами от множества огней. Чувствительность к телу возвращается медленней, и далеко не сразу я понимаю, что меня несут куда-то. И, кажется, на руках.

– Узрите, истинную огненную ведьму из рода Моряду. Инициированную на алтаре Тёмного Навия, как и было предсказано, – раздаётся громогласный призыв, исполненный странным хриплым голосом, будто усиленным чем-то.

Моргнув, я сипло выдыхаю, пытаюсь поднять голову. Получается только слегка повернуть. И мне огромных усилий воли стоит не зажмуриться обратно. Крик застревает в горле колючим комком, мешая дышать.

Мы в каком-то огромном помещении, похоже, в пещере. В центре, прямо там, куда меня несут, я вижу на возвышении большой каменный алтарь. А вокруг него толпа тёмных в чёрных балахонах. С факелами.

И все они один за одним поворачиваются в мою сторону, прожигая физически ощутимыми фанатичными взглядами. Пялятся, буквально пожирают глазами.

И только в этот момент до меня доходит, что я абсолютно голая. У незнакомого жуткого мужика на руках. В окружении больных на всю голову фанатиков.

И меня несут к алтарю... чтобы что?

Воображение, подстёгнутое многочасовым пребыванием в полубредовом состоянии, подкидывает самые жуткие и дичайшие варианты, начиная с массовой оргии и заканчивая ритуальным расчленением.

Паника подкатывает удушающей волной. Первым порывом я снова тянусь к своей силе. А потом внезапно вспоминаю, как меня вырубил в прошлый раз. Вырубят и сейчас... если я буду действовать опрометчиво и необдуманно. Их слишком много, а я одна. Надо... подождать. Набраться сил. Выбрать момент... наверное.

Чёрт, я знаю, как действовать во время хирургической операции, а вот планирование боевых – это ни разу не про меня. Опыта такого

попросту нет. И во всех этих ведьмовских, и уж тем более магических, штуках я ещё слишком чайник.

Но хорошо уже хотя бы то, что первая самая неконтролируемая волна паники отступила, позволив мыслить если не рационально и стратегически-ясно, то хотя бы не сумбурно. И появляется возможность оценить ситуацию.

Я здесь, значит, приказ Федерика запоздал. Меня не спасли. Логично.

Но Федерик будет искать. В этом я даже не сомневаюсь. Если пришёл в себя... если жив...

А если нет? Может, он совсем плох? Или ранен?

Думать об этом страшно и больно, но... приходится учитывать. Умирать второй раз я не собираюсь. Я выживу и вернусь к мужу и дочерям. Только так.

Пусть здесь я одна, но меня ищут. И... возможно, не только Федерик. Мне нужно только продержаться.

Эти тёмные мрази, скорее всего, даже не догадываются, что я не единственная ведьма в Совванире.

Есть ещё Рамина.

Я звала её... Отчётливо это помню.

И сейчас могу позвать. По крайней мере, попытаться. Не знаю, сработает ли, но я обязана использовать все возможности.

И я зову. Тянусь всем существом, всей душой стремлюсь к ней.

Услышь меня, почувствуй, увидь... Найди.

Мне нужна твоя помощь.

Приведи в это логово тьмы магов, иначе мне не жить. Моих детей не будет. И на твоих откроют охоту. Помоги, сестра.

На миг мне чудится, что её душа касается моей в ответ. Но я не уверена, что это не самообман.

Тёмный со мной на руках минует живой коридор из балахонистых отморозков, и начинает подниматься к алтарю. Наверное, собирается меня на него укладывать. И по идее, если у него не будет помощников, можно будет улучшить момент и ударить. И снова попытаться защититься пламенем. С одной стороны, на постаменте я буду окружена, и придётся держать круговую оборону, а с другой... все на виду, и никто не опрокинет на меня с потолка ведро ледяной воды, или ещё какую-то гадость.

Алтарь всё ближе.

Я полностью расслабляюсь, собираясь с мыслями и силами. Привычно выравниваю дыхание, как делала всегда, какие бы сложные вызовы передо мной не стояли. Всё больше концентрируюсь на своём внутреннем содержании, полностью уходя в транс. Это всего лишь... операция, да. Очередной поединок со смертью, только на этот раз я буду биться за свою жизнь и за своё будущее. Сейчас не время бояться, нужно отпустить себя и слушаться свою интуицию – она меня ведь никогда не подводила. Не подведёт и в этот раз. Ибо сомневаться нельзя.

И именно в тот момент, когда моя спина опускается на холодный камень, моего сознания нежно касается чужая воля.

«Держись, сестра. Помощь близко».

Глава 69

От облегчения даже голова кружиться начинает. Она услышала. Она приведёт помощь.

Мне главное продержаться... Это я, наверное, смогу.

Помоги, Богиня, если я тебе ещё в этом мире нужна. Сама могу не справиться.

Всё внутри замирает натянутой струной. Выжидая...

Как только тёмный убирает руки и немного отстраняется, чтобы уложить меня, как следует, я, не раздумывая больше ни секунды, наношу удар. Вскинув ладони, выпускаю струи огня ему прямо в лицо. Взрыв, подонок отскакивает назад, оступается и падает со ступенек. Кажется, это тот самый поджарый, что из самого Анжерона меня таскал на себе.

Пламя снова обтекает меня защитным куполом.

И теперь я отпускаю себя полностью. Сливаюсь со своей стихией абсолютно, становясь единым целым. Это происходит настолько легко и естественно, будто я и есть само пламя.

Меня вздымает в воздух, когда безграничная сила стихии огня наполняет моё тело. Раньше её черпали многие. Сейчас лишь я одна. И мне хватит с головой.

Куда-то исчезает боль, усталость и онемение. Богиня услышала. И помогла.

Не знаю, как долго продержусь в таком состоянии, но прямо сейчас я сама себе кажусь всемогущей и неуязвимой.

И злой.

Нет ведьмы опасней, чем та, что ненавидит. А я ненавижу всеми фибрами души этих мразей, что совсем недавно замучили насмерть юную невинную девочку, чуть не погубили моего мужа и собрались здесь, чтобы принести в жертву ведьму. Меня.

Нет ведьмы сильней, чем та, что любит. А я люблю и не хочу терять тех, кому принадлежит моё сердце. Не хочу исчезать из их жизни.

Плавню выровнявшись в вертикальное положение, зависаю в воздухе над алтарём фигурой свитой из огня.

И гудящая толпа тёмных магов, замирает... Они таращатся на меня, как на невиданное чудо. Как голодающие на самый вкусный деликатес. Наверное, так для них и есть.

– Ведьма... ведьма... огненная... сколько силы... – перешёптываются эти чёртовы фанатики. И тёмной волной подаются ко мне, словно мой огонь, пугая, их манит и пьянит.

– Хотите забрать мою силу? – оскаливаюсь в злобной ухмылке.

И отчётливо вижу, что да. Хотят. Как забирали у всех ведьм, что попадались в руки их предкам. Как забирали у других жертв, которыми перебивались потомки того Ордена, что своей извращённой жаждой силы и власти уничтожил всех ведьм Совванира. Не забрать даже. Не заберёшь же себе чужую душу. Сделать из меня брешь в ткани мира. Чем сильнее ведьма, тем больше можно зачерпнуть из его истоков.

Сейчас все их помыслы и деяния передо мной открыты. У стихий нет срока памяти. Стихия помнит всё. А я слишком полно её в себя приняла. И помню тоже.

Эти твари невообразимым способом научились с помощью своих ритуалов черпать силы из мира, как делали это мои сёстры-ведьмы. Необузданно, не зная меры, как свиньи, зарвавшиеся в чужой огород. Им всё было мало. Они убивали вновь и вновь. Охотились на мне подобных. Мучили и насиловали бедных девочек, чтобы инициировать их, растили как на убой, если получалось. И убивали ради этой силы. Извращённой, исковерканной кровавыми обрядами и заклинаниями. Превращая в гнилую тьму саму жизнь.

Пока не нарушили равновесие. Стихии перестали слушаться ведьм. Разрушилось единство. Мир, залечил свои раны, как мог – закрыл доступ к истокам.

Но это ничему не научило тех, кто уже распробовал как можно иметь больше, чем отпущено природой. Сила, накопленная тёмными магами, постепенно начала убывать. С каждым поколением уменьшалась в разы. Это ведь не тот магический резерв, который даётся классическим магам от рождения. Сила тёмных украдена у мира.

И потомки тех, первых тёмных теперь хотят через мою мучительную и долгую смерть зачерпнуть и урвать этой силы опять.

Вот только не на ту нарвались.

Хотите моего огня? Я устрою вам крематорий.

– Ваше высочество, вы всё неправильно поняли, – выступает вперёд один из балахонистых. Глубокий капюшон практически полностью скрывает в тених его лицо. – Вам же рассказывала ваша дуэнья, для чего вы пришли в этот мир. Мы вернули вам силу вашего рода. Разве это не чудесно?

Это тот... из моих видений... Мессир. Наконец-то вживую.

Его голос звучит вкрадчиво и обманчиво мягко. Почти нежно. Он, кажется мне знакомым, но я не могу понять, откуда. И если про остальных могу сейчас узнать, что угодно, то этот тёмный до сих пор остаётся для меня пустотой. Слишком силён. Слишком закрыт. Смазан в моём восприятии.

– Давайте, вы сейчас успокойтесь, и я вам всё объясню, – делает он ещё один шаг.

Будь я Анной, уже бы засомневалась. Но я не она.

– Нет, – роняю жёстко и атакую первая.

На мессира обрушивается стена огня. Но он каким-то невероятным образом успеваеt вскинуть щит. И тот выдерживает. Хоть главаря тёмных и отбрасывает на несколько метров, протащив по каменному полу.

– Взять её! – командует он жёстко, едва поднявшись на локоть.

И его приспешники, увешавшись щитами, устремляются ко мне.

Плавнo опуcтившись ногами на алтарь, я бью наотмашь волной чистой силы, кося и выжигая в пепел всех, чьи щиты могу сокрушить. На меня в ответ обрушивается шквал заклинаний. Но они даже не долетают, сгорая в моём пламени.

Что ж, кажется я пока что надёжно защищена. У меня развязаны руки.

И пещера превращается в пекло.

Они наступают, забрасывая заклинаниями. Уже далеко не безобидными. Пытаясь достать, добраться... А я жгу всё подчистую, крутясь во все стороны.

Не разбирая, и не разбираясь. Пропуская через себя такие силы, что, кажется, сама по чуть-чуть сгораю. Не задумываясь о том, что это живые люди. Не люди. Убийцы. Твари. Не я их, так они меня.

Не знаю, сколько проходит времени.

Слабых я давно положила. Некоторые сбежали. Остались самые сильные. Те, чьи щиты я не могу пробить. Они мои тоже. И их по-прежнему много.

Пещера давно уже превратилась в тот самый крематорий. Кажется, будто даже стены местами оплавилась. И бесформенные груды трупов на полу.

Тёмные решили взять меня измором. У них это вполне может получиться.

Я уже чувствую, как начинает ломить мышцы и даже кости. В голове пульсирует тупая боль, которая только и ждёт возможности, чтобы впиться в меня своими клыками. Отбиваться становится всё тяжелее.

Ну где же... помощь?

Сначала я понимаю, что что-то начинает происходить, когда мессир, до этого не принимавший активного участия в осаде ведьмы тёмными, вдруг поворачивает голову к одному из выходов из пещеры. Я замечаю это краем глаза, в очередной раз принимая на огненный щит сокрушительные удары тёмных заклинаний. И почти упускаю тот момент, когда он будто разрывает что-то руками, открывая тёмную воронку... портала. Бежит, мразь.

Некоторые из его приспешников тоже это замечают.

– Мессир? – окликают его.

– Король с боевыми магами скоро будет здесь. Уходите, – приказывает главарь, шагая в портал. Поджарый, которого я подпалила первым, бросается вслед за ним.

Но пространственный переход внезапно начинает стягиваться сам собой. Настолько быстро, что не успевшего пройти тёмного скручивает и буквально выворачивает, выбрасывая обратно кровавым месивом.

– Нас нашли. Это королевские маги, – бежит ропот по рядам тёмных. – Уходим все.

Позабыв обо мне, они бросаются к трём выходам из пещеры. Но те, буквально на глазах затягиваются мерцающей вязью магии. И спустя пару минут оттуда лавиной появляются вооружённые до зубов боевики под предводительством самого Федерика.

Живой. Пришёл. Успел.

И бой наконец переходит в другую плоскость. Если я отбивалась и держала оборону, то мои спасители пришли, чтобы уничтожить врагов подчистую. Никого не щадя и не жалея.

Обессиленно опустившись на обугленный алтарь, я на последних ресурсах пытаюсь на всякий случай продолжать держать щиты. Не хватало ещё, чтобы меня кто-нибудь попытался использовать, как заложницу.

Боги, как же я устала. До безумия просто. Пусть этот кошмар уже закончится.

Хочу к Федерику. Прижаться. Почувствовать. Спрятаться от всего в его руках.

Тяжело дыша, я наблюдаю за тем, как окончательно уничтожают Орден Тёмного Навия. Тут не только аргандийцы. Вон и Тайрэн Сэйнар, кажется. Рядом с ним незнакомец, чьи черты мне очень напоминают Мэл. И Азим Босвари.

Голова уже раскалывается от криков и адского перенапряжения. А сознание угрожающе туманится, откровенно сообщая, что скоро отключится и надолго. Но мой взгляд прикипает к мужу, его стремительной фигуре, разящей тёмных с такой лёгкостью, что дух захватывает. Пробиваясь ко мне, Федерик, кажется, даже не замечает тела врагов, что оставляет позади себя.

И когда меня накрывает его магией, я наконец позволяю себе отпустить пламя истока. Мы отомстили за всё.

– Лана, – хрипло зовёт меня любимый, взбежав к алтарю. Протягивает дрожащие руки... будто прикоснуться боится.

А мне так хочется сказать, как я его люблю. Но сил больше нет. Сознание меркнет.

Глава 70

Безмолвная и мягкая, как одеяло, тьма, немного пахнувшая гарью, словно ласковая колыбель, манит моё сознание остаться в этом коконе тишины и покоя. Тут нет бредовых и жутких видений, нет чокнутых фанатиков и замученных ими жертв, нет криков погибших на алтарях ведьм и сожженных мною тёмных. Тут безопасно.

Но так пусто.

Моя душа, словно птаха в клетке, просится на волю. Обратно в мир, ставший мне домом. Пусть там страшно и больно... но там есть те, к кому я хочу вернуться. Даже если ради этого придётся снова сражаться.

И тьма отступает на мягких лапах, ласково боднув на прощанье лобастой головой. Как кошка. Мол, я хотела, как лучше.

Первое, что я осознаю, это боль. Тело ломит так, будто меня каток переехал. Мышцы выкручивает адской крепатурой. И голова просто раскалывается. Воспалённые веки попросту не хотят разлепляться. Я пытаюсь пошевелиться, мотаю головой, тяжело дыша, продираясь сквозь багряную пелену этой боли, и внезапно улавливаю рядом какое-то движение. Прикосновение к рукам. В памяти тут же вспыхивают осколки воспоминаний... тёмные... я голая на алтаре... видения в которых они насиловали и резали заживо других... и меня так хотели...

Из груди вырывается испуганный вскрик, руки сами собой взмываются в защитном жесте, вырываясь из чужой хватки, а тело шарахается назад.

– Нет! Нет! Прочь от меня! Не смейте! – бормочу, полностью дезориентированная своей слепотой. Что со мной? Меня ослепили? Где я?

Кто-то шумно выдыхает, и будто отступает, а меня внезапно за плечи перехватывают чьи-то нежные руки. Со спины.

– Тише. Всё хорошо, Лана. Ты в безопасности, – уверяет меня знакомый женский голос. Ласковый и такой приятный.

Однако далеко не сразу я вспоминаю, кому он может принадлежать.

– Всё закончилось, милая. Успокойся, – нежно глядя меня по голове, продолжает увещевать... сестра Федерика. Точнее, не совсем сестра.

– Ваше величество, – выдыхаю, переводя дыхание. – Это... вы?

– Просто Нэлли. И на «ты». Мы же... родственницы в каком-то роде. И даже землячки, – с улыбкой в голосе, отвечает королева Сэйнара. – Давай, помогу тебе лечь обратно. Я не закончила с твоим лечением.

– Лечением? – настораживаюсь. – Насколько всё плохо? Почему... я не могу открыть глаза?

– Всё не так ужасно. У тебя жуткое истощение и полный упадок сил. Но исходя из опыта лечения моей невестки, могу уверить, что силы через дня три-четыре восстановятся, и физические и ведьмовские. Ожогов нет. Но кожу тебе однозначно придётся подпитать и увлажнить, она местами пересушена до воспаления. Может быть болезненно-чувствительна. Глаза воспалены, но повреждений я не чувствую и как раз ими занималась, когда ты пришла в себя. Твой организм перенёс колоссальную нагрузку, поэтому ты испытываешь такую боль в мышцах и во всём теле. Я это постараюсь убрать. С глазами сейчас тоже помогу. Ну и буду рекомендовать Федерику делать тебе ежедневный массаж, чтобы мышцы быстрее восстановились.

Говоря всё это, она ненавязчиво увлекает меня обратно, помогая улечься. И теперь я уже понимаю, что лежу на кровати. И на мне даже что-то лёгкое надето. Может, ночная сорочка.

На глаза опускается что-то влажное. Судя по всему, какие-то компрессы, а потом я ощущаю, как меня окатывает теплом целительной магии.

– А Федерик? Где он? Что с ним? – спрашиваю, требовательно поворачивая голову к моей собеседнице. Изо всех сил стараюсь не накручивать себя и не давать волю глупой женской обиде на то, что мужа рядом нет.

– С ним физически уже всё в порядке. Он... в соседней комнате, – осторожно подбирая слова, сообщает Нэлли.

– Почему в соседней? – хмурюсь, чувствуя, как подкатывает к горлу непрошенный комок горечи.

Всё-таки нехило мне нервы расшатало случившимся. Может, если бы мне сказали, что Федерик где-то занимается важными и срочным государственными делами, я бы нашла в себе моральные силы понять его отсутствие.

Но он в соседней комнате.

Совсем близко.

И не рядом.

Что-то знакомое я уже ощущала. И это больно... снова остаться одной, когда до безумия хочется поддержки. Когда хочется... ласковых рук и надёжных объятий.

– Потому что из этой ты его прогнала, – оглушает меня неожиданным ответом Нэлли.

– Что?! – вскидываюсь, потрясённо. – Когда?

И тут до меня доходит. Это он был возле меня, когда я очнулась. Это от его прикосновений я шарахнулась.

От осознания, как мой муж мог воспринять мою реакцию после всего случившегося, сердце болезненно сжимается.

– О боже... я же не поняла... я же не вижу ничего, а мне такие ужасы вспоминаются, – хриплю потерянно. – Пожалуйста, позови его. Мне очень нужно... хотя бы почувствовать его присутствие.

– Я здесь, Лана, – слышу тихий голос, заставляющий встрепенуться мою душу. А затем тихие приближающиеся шаги.

– Федерик, – со всхлипом тяну к нему руку. И с облегчением выдыхаю, когда она оказывается в мужской ладони.

– Тш-ш-ш, малыш, всё позади, – рядом прогибается кровать и меня обнимают такие любимые руки. К волосам прижимаются его губы. – Прости меня.

– Ты не виноват, я всё видела, – трясую головой, отчего компрессы слетают.

Ну вот так и знала, что он примет всю вину на себя.

– Мне неловко портить вам такой момент, но я должна закончить с лечением глаз Ланы, – напоминает о себе Нэлли. – Если её глаза вам, конечно, нужны в здоровом состоянии.

– Нужны, естественно, – хмыкаю сквозь слёзы. – Я мужа хочу хорошенько рассмотреть. Вдруг, у него теперь чего-то не хватает. От этих тёмных чего угодно можно ожидать.

Федерик резко выдыхает, и я с облегчением слышу возмущение в этом звуке.

– На первый взгляд всё на месте, но тебе лучше знать, – со смешком уверяет королева Сэйнара, обратно водружая мне компрессы на глаза. – Ляг ровно, пожалуйста. Я сейчас быстренько закончу и оставлю вас в покое.

Приходится послушаться, хоть мне и не хочется выбираться из объятий мужа. Вытянувшись на кровати, я цепляюсь за его руку, чтобы не вздумал куда-нибудь опять уйти. Он в ответ тянет мои пальцы к своим губам.

Дальше процедура лечения проходит молча. Нэлли сосредоточенно водит надо мной руками – я буквально кожей и всем телом чувствую исходящую от них силу. То и дело она возвращается к глазам и ощущение жжения и отёка постепенно проходит. Как и невыносимая тянущая ломота в мышцах и головная боль. Даже слабость немного отступает.

– Кем ты была в своей прошлой жизни? Не медиком случайно? – спрашиваю у королевы-целительницы.

– Логопедом, – хмыкает Нэлли. – Занятно, что мне достался дар целительства. А тебе, доктору по профессии, огненный и ведьмовской.

– Тебе подходит твой дар. Твоя душа светлая и чистая. Исцеляющая, – улыбаюсь, прислушиваясь к своим ощущениям. – Ты любишь людей и всех бы согрела своей душой.

– Ну нет. На всех меня не хватит, – смущённо смеётся королева Сэйнара. – Думаю, и твой тебе подходит. Не представляю, какой сильной нужно быть, чтобы полностью слиться со стихией огня. То, что мне рассказывали... это поражает. Но об этом потом. Как ты себя чувствуешь?

– Уже гораздо лучше, – признаюсь, тщательно оценив своё общее состояние.

– Замечательно. Я компрессы сейчас сниму. Думаю, вам пообщаться хочется. Но перед сном сделаешь снова. Я оставлю зелье вот здесь, на прикроватном столике. И твоей камеристке объясню, что к чему.

– Спасибо, – улыбаюсь, чувствуя, как исчезают с глаз мокрые тряпочки. Промокнув лишнюю влагу какой-то салфеткой, Нэлли

наконец-то даёт мне возможность разлепить ещё немного припухшие веки.

– Я потом ещё зайду, если ты не возражаешь. С Раминой. Она очень хотела убедиться, что с тобой всё в порядке перед тем, как мы вернёмся домой, – с улыбкой сообщает королева Сэйнара, поднимаясь с кресла, подвинутого к кровати. – Отдыхай и набирайся сил.

И оставляет нас с мужем наедине.

Осторожно повернув голову, я смотрю в его полные раскаяния голубые глаза.

– Я люблю тебя, – шепчу хрипло.

– Я люблю тебя, – одновременно со мной произносит он.

Глава 71

– Я так испугалась за тебя, – шепчу, перебирая пальцами волоски на его груди. – Когда почувствовала, что с тобой происходит. И потом, когда ты не отвечал... я с ума сходила.

Большое тело мужа подо мной напрягается. И руки сжимаются вокруг крепче.

Не знаю, сколько мы уже лежим вот так, не в силах оторваться друг от друга. В нашей спальне в столичном особняке. В той самой кровати, где проснулись вместе, когда я только попала в этот мир.

Как только Нэлли ушла, я заставила Федерика снять рубашку, лечь рядом и просто взобралась сверху, распластавшись на нём, всей кожей впитывая такое нужное мне живое тепло и нежную, осторожную ласку его рук. И пришло время признаний. Не хочу больше держать в себе свои чувства. Пусть знает, как много значит для меня.

– Он не позволил мне читать твои послания, – хмуро произносит супруг. – Наверное, опасался, что это пошатнёт его власть над моей волей. В принципе, он был недалёк от истины. Ты вытащила меня из этого состояния. Вырвала с мясом, уничтожив его заклинание. А я тебя подвёл.

– Нет. Ты пришёл вовремя, – возражаю упрямо.

– Вовремя было на целую кошмарную вечность раньше. До того, как тебя увезли прямо из-под моего носа, – тоже упирается Федерик. Чувствую, что в этом вопросе мы к согласию не придём. Но не могу я видеть, как он себя мучает.

– Тогда вы бы не уничтожили почти весь орден одним махом, – нахожу новый аргумент.

– Уничтожили бы позже. Без их попытки принести тебя в жертву, – снова закипает муж. – Лана, не спорь. Этого не должно было с тобой случиться. И больше никогда не случится. Ни с тобой, ни с нашими детьми.

Вот же... упрямый. А к этому ещё и параноик... запрет же всех и запечатает, чтобы даже пылинки из внешнего мира не попадали. В чём-то я его, конечно, понимаю. Но перегиба весьма обосновано опасаясь.

– Не могу я не спорить. Не хочу, чтобы ты грыз себя за то, что от тебя не зависело. Ты не мог предугадать, что тёмным настолько нужна я, что они даже пожертвуют сытной кормушкой в виде твоего отца. Не знал, что существуют такие заклинания, что способны подчинить тебя чужой воле. Или знал?

– Нет, конечно. Хотя должен был бы догадаться, – ворчит Федерик, вздыхая.

– Невозможно знать всё. Думаю, даже боги всего не знают, – надеюсь одна конкретная Богиня на меня за эти слова не обидится.

Руки Федерика поднимаются по моей спине, обхватывают голову, заставляя посмотреть ему в лицо.

– Малыш, я понимаю, что в твоих глазах, возможно, слишком много на себя беру, но это никоим образом не отменяет тот факт, что меня обвел вокруг пальца тёмный, что я собственноручно отдал им в лапы любимую женщину, и она чуть не погибла из-за моего промаха. Ты была вынуждена сражаться за свою жизнь, тогда когда я обещал тебе защиту и безопасность. Я не могу выразить словами, как благодарен тебе за то, что ты простила и даже пытаешься найти мне оправдания. Но сам простить себе это я не могу. И вряд ли смогу когда-нибудь. Поэтому давай, прекратим бессмысленный спор, – и муж запечатлевает на моих губах короткий нежный поцелуй.

– Ты бука, знаешь это? – вздыхаю.

– Но ты ведь меня таким любишь, – хмыкает он.

– Люблю, – соглашаюсь.

– Для меня это самое важное, – шепчет он мне в губы. – Я не смогу без тебя, ведьмочка. Люблю больше жизни.

Наш поцелуй ещё никогда не был таким сладким. Таким исцеляющим для нас обоих, стирающим привкус страха и боли с губ, с души, с сердца. Мы вместе, мы справились, а всё остальное уже не важно. Как любила говорить одна моя знакомая ещё на Земле: «Победители боли не помнят».

Но нашу победу, к сожалению, пока нельзя считать полной.

– Ты же знаешь, что мессир сбежал? – нахожу я в себе силы вернуться памятью к событиям в пещере.

Федерик к этому времени, неохотно и ворча, уже покинул кровать, чтобы одеться. Он теперь король в стране, где у власти рядом с покойным монархом долгое время тайно стоял орден тёмных магов.

Страшно представить сколько всего навалилось на моего любимого. О том, что я теперь вроде как королева, вообще пока что предпочитаю не думать.

– Да. Мы взяли нескольких языков, – кивает муж, сосредоточенно застёгивая камзол. – И среди верхушки ордена в ритуальном зале. И более мелкую сошку из тех, что пытались сбежать оттуда ещё раньше. Допросы уже ведутся.

– Уже известно, кто он?

– Нет. Эта тварь скрывала свою личность даже от собственных последователей, – морщится Федерик. Уставший, бледный, синяки под глазами.

Как я уже знаю, после событий в пещере прошли почти сутки. Я всё это время была в беспамятстве, бредила, не могла прийти в себя. Пока за моё лечение не взялась прибывшая в Арганду, вслед за сыном и невесткой, королева Сэйнара. А Федерику спать было некогда. Хорошо если пару часов себе позволил.

– Ты сегодня вернёшься домой? – бормочу сонно. Истощённый организм недвусмысленно намекает, что ему бы ещё не помешало поспать в целебных целях.

– Постараюсь, маленькая, – подходит Федерик ко мне, чтобы поцеловать на прощание. – Надо завтра утром забрать девочек из замка. Они очень переживали за тебя. Но я пока не хочу, чтобы мать возвращалась в столицу. Во дворце ещё не убрали все следы проведённого ритуала.

– Поэтому ты держишь её в Анжероне под предлогом присмотра за внучками, – киваю понятиливо, обнимая его за шею. – Хороший план. Хотя я тоже уже очень хочу их увидеть.

– Ну вот как раз отдохнёшь и наберёшься сил к их прибытию. Сэйнары, кстати, гостят у нас, в особняке, они в Арганде неофициально. Связались со мной и прибыли, как только Рамина услышала твой зов. Так что, когда будешь готова принять визитёров, просто скажи Бригитте.

– А Бригитта тоже здесь? – удивлённо вскидываю брови.

– Да, примчалась с людьми Рэймандо из Анжерона, как только узнала, что ты спасена и находишься в особняке. Мой безопасник, кстати, тоже горит желанием с тобой увидеться и извиниться. Но я пока оставил его в замке, чтобы охранял девочек.

Вспомнив тот взгляд, которым меня наградил безопасник Федерика, я невольно ёжусь.

– Я не виню его. Он предан тебе и выполнял приказ, – произношу хмуро.

– И всех-то ты понимаешь. Я говорил тебе, что ты невозможная? – хмыкает муж.

– Что-то такое припоминаю, – улыбаюсь лукаво.

– Мне пора, – с сожалением вздыхает, прижимаясь своим лбом к моему.

– Я буду ждать. Береги себя, – шепчу, целуя любимые губы. И отпуская.

Откладывая общение с Раминой и Нэлли я не вижу смысла. Ещё усну, а им, наверное, скоро домой возвращаться. Так что, как только Федерик уходит, звоню в колокольчик, вызывая Бригитту.

Та прибегает ещё раньше, чем стихает звонкая трель. Словно под дверью ждала.

– Ох, ваше высочество... то есть... ваше величество. Как же я волновалась о вас! Словами не передать. Какое счастье, что вы снова с нами, – растроганно шмыгает носом моя верная камеристка. Заламывает руки, смотря на меня, как на вновь обретенное чадо. – Вам из Анжерона все передавали пожелания скорейшего выздоровления. И я всё-всё высказала дану Рэймандо за то, что поверил в вашу виновность и отдал злодеям. Тоже мне судья нашёлся.

– Спасибо, – улыбаюсь смущённо. Не ожидала таких бурных эмоций. Хорошая она у меня и преданная. – Он приказ выполнял. Его можно понять.

– А верить, что вы убийца короля, ему тоже приказывали? У-у-у, зла на этих мужланов не хватает. – совсем уже закипает Бригитта.

Рэймандо даже жалко становится. Тоже ведь наверняка корит себя, что не разобрался и не защитил вверенную ему подопечную. И перед Федериком виноват. И передо мной, наверное, чувствует вину.

Уверив камеристку ещё раз в том, что не держу зла на проштрафившихся защитников, прошу её помочь мне одеться хотя бы в халат и пригласить наших гостей.

Королеву и принцессу Сэйнара я встречаю, сидя в кровати. Как не убеждала я свою верную служанку, что в будуаре мне тоже будет

вполне комфортно, дорвавшись до больной подопечной Бригитта упёрлась рогом и не пустила. И кто тут королева, спрашивается?

Рамина, как только переступает порог, сразу же устремляется ко мне и просто обнимает. Нэлли с умиленной улыбкой подходит к нам.

– Небо, как же я рада видеть тебя, Анна, – выдыхает моя родственная душа. – Чуть с ума не сошла, когда почувствовала твой зов и поняла, что с тобой происходит. А ещё с твоим Федериком не сразу удалось связаться. А когда удалось, и он нам всё рассказал... В общем заставила ты нас всех переволноваться.

– Я не нарочно, – улыбаюсь, обнимая её в ответ. – Спасибо, что услышала и привела помощь. Если бы не ты... Не знаю даже как передать всю степень своей благодарности.

Никогда бы не поверила, что можно так сродниться с человеком, которого всего пару дней знаешь. Этот мир во многом поменял мои представления и о дружбе и о любви.

– Всё. Не надо говорить о том, что могло бы случиться, – отстраняясь, заглядывает Рами мне в глаза. – Мы повернули судьбу в нужное и правильное русло. Другие варианты не случились. И всё. Их нет.

– Да. Ты права, – киваю, наблюдая, как Нэлли садится в то самое кресло у кровати, в котором занималась моим лечением. – Жаль только, что главаря этой своры психов не удалось поймать. Я не могу его увидеть. Никак. Только через других. Он словно закрыт от меня. Силён, гад.

– Силён, говоришь? – сужает карие глаза Рами. – Я тоже попробую посмотреть. Через тебя. Вы же контактировали.

– Да, немного. Буду очень благодарна тебе. Я не смогу быть спокойна, пока он на свободе.

– Не только ты. Я немного видела об ордене, о том, что они творили... Это ужасно.

– Ведьмы в Совванире перестали рождаться из-за них, – вздыхаю с горечью. – Тёмные нарушили равновесие, и мир закрыл доступ к истокам стихий, насколько я поняла.

Обе женщины удивлённо смотрят на меня. И я принимаюсь рассказывать то, что видела в своих видениях. Стараясь опускать самые жуткие подробности.

– Если это так, то теперь, получается, истоки снова доступны для ведьм. Для нас и наших потомков, – задумчиво тянет Рамина. – Но ведь, как не крути, мы не можем только вдвоём нарожать ведьм столько, столько нужно этому миру.

– Вы тоже сейчас думаете о том, что переместив ваши души в Совванир, Богиня позаботилась о том, что теперь тут смогут рождаться и другие ведьмы? – хмыкает Нэлли. – И не обязательно у вас двоих.

Глава 72

Сейнарские гости отбыли домой. Уже не тайно, хоть и по-прежнему неофициально.

Об этом мне написал Федерик, который лично их провёл к королевскому порталу во дворце. Мне, само собой, этого не позволили. Нэлли строго настрого запретила мне сегодня вставать с кровати, ещё и Бригитту при мне проинструктировала как обращаться с капризной пациенткой.

Та, конечно же, клятвенно обещала строго блюсти мой постельный режим и исполнять все её предписания. Я потом едва отбилась от намерения моей камеристки покормить меня с ложечки. А когда она попыталась и с походом в санузел мне помочь, мы чуть не поругались. Точнее я с ней, потому что на все мои возмущения Бригитта лишь упрямо сжимала губы и напоминала мне о том, что я должна себя беречь, а она меня беречь обязана вдвойне.

Но сколько бы я не ворчала, как бы не возмущалась, на самом деле меня весьма грела такая настойчивая и даже слегка навязчивая забота.

И ещё больше грело, что Федерик мне постоянно писал коротенькие записочки, спрашивал, как я, вкратце рассказывал, чем сам занимается. Писал, что уже скучает, что любит. А я ему в ответ. Это было... так мило. Так романтично. Так заботливо... И это полностью шло вразрез с тем, к чему я привыкла в своей прежней жизни, по крайней мере, взрослой, когда все свои болячки, случись они вдруг, стойко переносила в одиночестве и на ногах, вечно что-то кому-то доказывая.

Почувствовав, что организм всё настойчивей просит сна, написала Федерику, что скорее всего буду спать, я всё же сдалась сонливости.

Так и прошёл этот день. Я спала, просыпалась, немного ела, переписывалась с мужем, снова спала... И силы постепенно действительно восстанавливались. В тишине уже любимого особняка, который мой супруг опять закрыл для всех посторонних посетителей, я чувствовала себя в безопасности и уюте.

Федерик вернулся поздно ночью. Стащил молча одежду, как попало уронив её на кресло, и устало забрался ко мне под простыни. Прижал меня к себе, зарываясь лицом в шею и буквально моментально вырубился.

Утром я, честно говоря, рассчитывала проснуться первой. Всё-таки целый день проспала накануне. Но к тому моменту, как смогла продрать глаза, муж уже не только встал и оделся, но и распорядился насчёт совместного завтрака в наших покоях. А потом лично помог мне со всеми гигиеничными утренними процедурами, одеванием в чистую сорочку и пеньюар, приготовленные Бригиттой, и на руках отнёс в гостиную к накрытому столу.

За завтраком он мне и рассказал, что девочек доставит в столицу Рэймандо. С порталной башни Анжерона сразу в особняк. А он сам сопровождает мать, которой нужно вернуться в королевский дворец и принять активное участие в организации похорон покойного супруга.

Наличие прямого порталного соединения этого дома с Анжероном до сих пор остаётся тайной, о которой знают только парочка самых доверенных людей. Так что пусть таковой и остаётся.

– Тебя сегодня опять целый день не будет? – поинтересовалась я, отставив чашку с укрепляющим чаем, прописанным мне Нэлли. – Может, сможешь вырваться и хотя бы пообедать с нами?

Есть у меня подозрение, что там во дворце, он вполне может и забыть, что иногда нужно ещё и питаться, а не только работать.

– Постараюсь, ведьмочка, – обещал муж. – И буду ждать твоих посланий.

Уложив меня, несмотря на все возражения, обратно в кровать, муж ушёл. А я осталась снова скучать в одиночестве. Спать, как вчера, больше не хотелось. Тем более, что скоро домой должны вернуться Кати с Эми, а я так уже соскучилась. Вставать... по уму, пока не стоило – хоть мне и стало намного легче, но до полного восстановления ещё далеко. Поэтому я снова позвонила в колокольчик, вызывая Бригитту, и попросила её принести мне из библиотеки что-нибудь интересное и познавательное почитать. Те, книги, которые мне сюда доставляли в первый раз, уже благополучно унесли обратно.

Камеристка принесла мне древние сказания о сотворении мира.

И вот уже больше часа я, лёжа на животе в кровати, с интересом читаю легенды и мифы о деяниях Великой Праматери, супруга её

Сована, который, как я поняла, воплощает в себе что-то наподобие хаоса вселенной, и их сыновей Явара и Навия.

Я настолько погружаюсь в легенду о божественных возлюбленных, которые вынуждены большую часть своего существования проводить в разлуке из-за того, что у каждого имеются свои миры и обязательства перед ними, что даже не сразу замечаю неожиданного визитёра.

– О, это прекрасная легенда, – раздаётся надо мной полный одобрения мужской голос, заставив меня испуганно вздрогнуть. – И грустная одновременно. Они любят друг друга, но у каждого своё предназначение и свой путь.

Резко развернувшись, я в некотором ошеломлении смотрю на стоящего рядом с кроватью мэтра Селестино.

– Здравствуйте, ваше величество. Прошу извинить, что напугал. Я стучал, но вы не слышали, – с лёгкой чудаковатой улыбкой объясняет старый аптекарь. – Позвольте, вас осмотреть? Как вы себя чувствуете после случившегося? Ваш супруг, как всегда, очень беспокоится о вашем здоровье.

– Здравствуйте. Спасибо, уже более-менее хорошо, – растерянно бормочу. – Мною вчера занимался очень хороший целитель.

– Не королева Сэйнара, случайно? – интересуется старый лекарь. – Я слышал, её вчера вместе со старшим сыном и невесткой видели в королевском дворце. Это просто прекрасно, что семья наконец воссоединилась, пускай даже такой ужасной ценой.

– Да, она, – киваю осторожно, не зная, насколько могу обсуждать этот вопрос. В принципе, если ему известно, что Нэлли была в Арганде, то логично предположить, что Федерик попросил столь сильную целительницу помочь мне.

Вот только мэтр, как всегда поражает своей осведомлённостью.

– А как вы прошли в особняк? – спрашиваю я, чувствую какую-то пока непонятную тревогу. – Мне Федерик ничего не говорил о том, что вы придёте.

– Может, забыл? – беспечно пожимает плечами мэтр Селестино. – На бедного мальчика сейчас столько хлопот свалилось.

Что свалилось, с этим не поспоришь. Но вот как-то я сомневаюсь, что мой любимый параноик забыл бы мне сказать, что разрешил кому-

то постороннему прийти в особняк. А Тино для него всё-таки посторонний.

Да и вообще, как-то всё странно. Его появление, уклончивый ответ... и вообще он сам. Даже то, что он меня нашёл тогда... тоже теперь выглядит и воспринимается... странно. И после всего... слишком многое... не сходится.

– Эм-м-м, метр Селестино, я с радостью позволю вам меня осмотреть, но сначала схожу в ванную комнату... освежусь. Ваш приход слегка застал меня врасплох.

Стараясь двигаться, как можно осторожней – всё-таки у меня есть для этого веские основания – я под внимательным взглядом лекаря медленно опускаю ноги с кровати и сажусь. При этом незаметно прокручиваю на пальце ещё вчера подаренный мне Федериком перстень-маяк, подавая сигнал. Лучше перебдеть, чем недобдеть.

Нужно убраться из комнаты. Если вдруг сигнал перстня чем-то заглушили, у меня в кармане пеньюара ещё почтовый футляр есть и бумажки для писем. Мне так спокойней было – держать их при себе. Видимо, паранойя – штука заразная.

Мэтр никак мне не препятствует, лишь наблюдает с каким-то даже научным интересом.

Но когда я уже пересекаю половину пути до ванной комнаты, меня настигает вкрадчивый вопрос.

– И как же ты догадалась?

Не раздумывая больше, я стремглав бросаюсь к заветной двери. Но что-то обжигающее бьёт меня между лопаток, и тело мгновенно немеет, застывая в невыносимой позе. Качнувшись, я начинаю падать лицом вниз.

– Ну что же ты, глупышка? – перехватывает меня за талию... Мессир, ставя в более устойчивое положение. – Ещё личико своё красивое разобьёшь, а нам с тобой предстоит вместе выйти из этого дома и отправиться в небольшое совместное путешествие.

– Как-к-кое путешествие? – выдавливаю я хрипло, с ужасом наблюдая за этим психом. Нверное, хорошо, что мне хоть лицо не заморозил.

Селестино с блаженной улыбкой хлопает меня по щеке.

– О, тебе понравится. Мы переберёмся в небольшое имение на севере страны. Поживём там, пока ты восстановишь свои силы. А

потом всё-таки доведём до конца то, что начали. Ты выполнишь своё предназначение, а я своё.

– Вы ненормальный. Никто вам не позволит вынести из этого особняка моё бесчувственное тело.

Я точно знаю, что дом охраняется. Федерик оставил за главного того самого Дэмиэно. Мне ещё Бригитта жаловалась, что он по сравнению с даном Рэймандо просто жуткий тип.

– Ну зачем же бесчувственное? Ты сама со мной пойдёшь.

– Вы точно спятили, – невольно фыркаю я.

– Да неужели? – почти ласково улыбается главарь уничтоженного ордена. – А что если я скажу тебе, что могу в любой момент заставить твоего мужа умереть в невыносимых страданиях?

В груди всё леденеет от ужаса. Нет. Нет, только не это.

– Вы лжёте, – выплёвываю. – Я уничтожила ваше заклинание.

– Ты уничтожила всего лишь узы подчинения, – насмешливо качает головой Мессир. – Жаль, конечно. Король-марионетка был бы мне весьма удобен, но я уж как-нибудь обойдусь. Всё равно при желании я могу добиться от него чего угодно. Даже ещё раз тебя отдать. Теперь уже осознанно и по доброй воле. Думаешь он никогда так не сделает? Хочешь знать, что заставит его тебя по-настоящему предать?

На меня по-доброму смотрит тот самый чудаковатый лекарь, которого я первым увидела в этом мире. Тот, к кому испытывала искреннюю симпатию, не чуя подвоха, и кому позволяла лечить себя. И этот его добродушный вид настолько не вяжется с тем, что он говорит, что меня просто на мелкие ошмётки внутренне разрывает когнитивным диссонансом.

– Ну что же ты? Неужели неинтересно? – склоняет голову набок. И смотрит, как на нерадивую ученицу.

– И что же? – иду у него на поводу, лихорадочно пытаюсь сообразить, как выпутаться, из этой ситуации. Не знаю, сработало ли кольцо. Сил противостоять тёмному у меня сейчас нет. Хотя, думаю в случае непосредственной угрозы для моей жизни, какие-то да найдутся.

– О, всё очень просто. Ты могла бы и сама догадаться, Анна. Дочери. Всем известно, что наш молодой король очень хороший отец. Любящий. Опекающий. Заботливый. Ради своих детей одну ведьму он

мне уж точно отдаст. В конце концов, наследника ему может родить и другая женщина. А вот что ты можешь сказать о себе, Анна? Ты хорошая мачеха? Любящая? Что выберешь, свою жизнь, или жизни твоих милых маленьких падчериц?

– Вы не посмеете, – хриплю я, чувствуя, как мертвеет всё внутри. Знает, куда бить, мразь.

И сама понимаю... посмеет, точно посмеет. Для этого отмороженного маньяка нет ничего святого.

Глава 73

– Ты так думаешь? – насмешливо щурится мессир. – Мне будет жаль, но чего не сделаешь ради великой цели? Я слишком долго ждал тебя, огненная ведьма рода Мораду. Слишком многое потерял... всех моих чад, моих верных последователей. Так что... юные принцессы вполне могут послужить моим целям. Магия крови открывает потрясающие возможности. А родственная кровь образует связь даже между теми, кого не связывают родственные чувства. Взрослого мужчину и его тирана отца. Маленьких принцесс и их покойного нелюбимого дедушку. Его жертва была ненапрасной, поверь. Вся королевская семья теперь у меня в ладони, – Селестино показывает мне свою руку. Между пальцами уже клубится свитая из кровавых нитей багровая тьма. – Что скажешь? Потянуть за жизненные нити твоих падчериц, или может, твоего мужа. Или всё-таки пойдёшь со мной сама?

– Пойду, – шепчу обречённо. По щекам текут слёзы, а сердце болит так, что дышать больно.

Да, он безошибочно нашёл моё самое слабое место. Ради любимых я на что угодно пойду.

– Умничка. Тогда я сейчас тебя освобожу, и ты оденешься в дорожное платье. Кольцо на пальце можешь не крутить, я заглушил сигнал. И никто не знает, что я здесь. Защита дома меня пропустила, как своего.

– Это тоже благодаря жертве короля? – смотрю на коварного старика с ненавистью, когда он приближается, чтобы снять с меня обездвиживающее заклинание. И едва не скриплю зубами, когда предварительно обыскивает мои карманы и находит почтовый футляр.

– Частично. Но ещё я оставил для себя небольшие лазейки-якоря, когда приходил сюда в прошлые два раза. Успех любого важного дела зависит от точного расчёта и предусмотрительности, – с довольством сообщает мне мессир, изъясв мою последнюю надежду. – Иди одевайся, я подожду. Освежишься позже.

И я иду. Потому что другого выхода пока не вижу. Даже если сейчас найду в себе силы атаковать его огнём, это может только навредить. То, что мне не пробить его щиты, я поняла ещё там, в пещере.

Может, элементарно ударить чем-то по голове? Ну не железная же она у него. Но скосив взгляд на опустившегося в кресло старика, я понимаю, что скорее всего он прикрыт достаточно сильными щитами. Если его мой огонь не взял, что является вполне физическим воздействием, то с чего я взяла, что от удара он не защищён?

Нет, когда на кону стоят жизни Эми и Кати, рисковать нельзя.

Разумней сделать вид, что смирилась, выждать и найти безопасный для моих близких способ поквитаться с этим подонком. В конце концов, у мене есть неизвестный ему козырь – Рамина. Что-нибудь придумаю.

– Я одного не пойму, мессир, – произношу, снимая с себя пеньюар в гардеробной. – Ели я вам так была нужна, зачем вы меня отдали мужу? Зачем разыграли весь этот спектакль со спасением и прятками в вашей аптеке? Зачем убрали следы изнасилования? Зачем потом сами подсказали, что в моём ранении виноваты последователи культа, пугали меня королём?

У меня в принципе уже есть подозрения, с чем всё это связано, но пусть сам мне расскажет. А он расскажет, я почему-то уверена.

– Я же никуда не убегала после провалившегося ритуала инициации, не так ли? – надев панталоны и лёгкие чулки, я натягиваю на сорочку самое удобное дорожное платье, под которое не требуется корсет, и выхожу обратно в спальню, на ходу поправляя одежду и затягивая шнуровку спереди.

– Как это неудавшегося? – возмущённо вскидывается тёмный. – Ты ведьма. Значит, ритуал удался. Хотя поначалу даже я в этом засомневался. Когда Тимотео взял тебя на алтаре, и оказалось, что твоё тело не девственно, а потом тебе ещё и вырваться от этого болвана удалось. Тут даже самая сильная вера может пошатнуться. Поэтому, каюсь, я в порыве несвойственных мне эмоций приказал тебя убить.

Он так запросто говорит об этом, будто погоду со мной обсуждает. И эмоции у него... какие-то неправильные. Нет ни ярости, ни злобы, ничего такого, что ожидаешь от больного на всю голову фанатика, способного хладнокровно резать людей, как свиней, ради своих

эфемерных великих целей. Он не фонтанирует ненавистью, не похож на воплощённое зло... Возможно, именно поэтому даже Федерик его не раскусил. Эмоции ведь не мысли.

– В тот момент мне казалось, что ты стала моим самым большим разочарованием, – продолжает вещать мессир. – Каково же было моё удивление, когда я ощутил, что твоё остановившееся сердце снова бьётся, а душа... о-о-о, этот особый свет и ауру, которую излучает душа ведьмы, невозможно спутать ни с чем. Ты не просто выжила, ты инициировалась.

На этой фразе он радостно и восторженно улыбается. Точно так, как я помню. Боже, он реально полный психопат, или совершенно двинутый. Я в психиатрии не сильна, диагноз поставить не смогу.

– Но чтобы ты смогла стать той, кто откроет мне путь к бессмертию и безграничной силе, требовалось дать тебе возможность самой войти в силу. К тому же, тебя наверняка искал бы супруг. И Гельмут задавал бы всякие глупые вопросы. Вот я и решил, что будет даже интересно, если позволить тебе вернуться к мужу, и подтолкнуть к изучению своего наследия и своих возможностей. От ведовства я защищён, так что ничем не рисковал, – подмигивает мне. – Что может мотивировать лучше, чем смертельная опасность? Разве что поддержка такого достойного и видного мужчины, как его высочество. Он начал казаться мне не помехой, а нужным для твоего развития фактором. Гораздо более действенным, чем Иезенния. Вы так рьяно и сообща взялись за дело, что мне оставалось только дожидаться, когда ты сама созреешь для ритуала. Всё равно при желании я мог до тебя добраться в любой момент.

Это всё просто в голове не укладывается. Всё, что случилось, получается, было ловко им подстроено. Мы искали, расследовали, разбирались, я училась управлять своей силой, а он просто сидел и ждал, когда её будет достаточно, чтобы принести меня в жертву. Дал видимость свободы, чтобы подтолкнуть меня в нужном направлении. Я бы признала это гениальным, если бы всё это не было таким чудовищным.

– Я удовлетворил твоё любопытство, Анна? – хитро улыбается мессир. – Если ты надеешься таким способом потянуть время, то не стоит. Кортеж короля из Анжерона ещё даже не выехал, так что мы

вполне успеваем спокойно покинуть этот дом, не привлекая ничьё внимание. Я вижу, ты уже одета. Тогда не стоит терять время. Пойдём.

И он поднимается с кресла.

А дальше всё происходит так быстро, что я не успеваю даже осознать толком, как действовать.

В гостиной хлопает дверь, слышатся быстрые шаги. И звонкие голоса.

– Анна, Анна, мы вернулись!

А в следующий миг в спальню забегают обе близняшки. И не обращая внимания на удивлённо застывшего лекаря, бросаются меня обнимать.

Я замираю, забыв как дышать, дрожащими руками обнимая их в ответ. Смотрю на Селестино, умоляюще качая головой. Только бы не причинил им вреда. Только бы не выполнил свою угрозу.

– Пожалуйста, не надо, – шепчу одними губами. – Я всё сделаю.

– Мы так волновались о тебе. И так рады, что папа тебя спас, – бормочет Каталина, уткнувшись лицом мне куда-то в район солнечного сплетения.

А Эмелин просто молча обнимает и замирает так, прижавшись ко мне всем телом, будто затаившийся настороженный зверёк. И я внезапно замечаю её внимательный взгляд исподлобья. Прислушивающийся. Она... почувствовала мои эмоции? Не защищена ведь. Вряд ли поняла... хотя, Эмелин невероятно умный ребёнок.

– Эми, Кати, как же я соскучилась по вас, – выдыхаю, очень стараясь не выдать себя голосом. – Вы же с даном Рэймандо прибыли?

Ну же, Эми, маленькая, поддержи меня. Если этот псих заподозрит, что вы приехали с отцом... то может случиться беда.

– Да, с ним, – медленно кивает Эмелин, смотря на меня ещё более внимательно. – Папа повёз бабушку во дворец. Как и собирался.

Каталина удивлённо смотрит на сестру, но та сжимает ей руку.

– Вы подождёте меня здесь? Мне очень нужно сказать дану Рэймандо кое-что срочное и важное. А потом я буду вся ваша, – улыбаюсь обеим близняшкам.

Только бы не спорили. Только бы послушались...

– Хорошо, Анна, – кивает уже Каталина. Её взгляд тоже становится настороженным. Это просто счастье, что они стоят спиной к тёмному, и он не видит их лиц.

– Мэтр Селестино, проведёте меня? – с натянутой улыбкой смотрю на хмуро взирающего на меня мессира.

– Конечно, ваше величество, – кивает он с кривой усмешкой.

Внутренне умирая от страха, что не получится увести тёмного от детей, я целую русые макушки близняшек. И, сжав напоследок в своих объятиях, отстранюсь от них, заталкивая себе за спину.

Я люблю вас, маленькие. Так люблю.

Зажмурившись, чтобы сдержать слёзы, шагаю к мессиму. Он, как ни в чём не бывало, подставляет мне локоть. Его забота, словно насмешка.

Передёргиваясь внутри, я всё же её принимаю. И позволяю ему увлечь себя прочь из комнаты. Девочки, слава всем богам, остаются в спальне, как я и просила.

– Только без выходов, ваше величество. Иначе... – голос мессира звучит едва различимым шипением, наполненным неприкрытой угрозой.

Мы выходим в гостиную. Идём к выходу из покоев, я чувствую, как начинает клубиться вокруг колючая, давящая сила тёмного, уплотняясь до маскирующих щитов... и вдруг дверь открывается, и в проёме возникает... Федерик. А у него за спиной маячит Рэймандо.

На какой-то бесконечный миг, все замирают удивлённо смотря друг на друга. Каменеет рука тёмного под моими пальцами, новая доза адреналина выплёскивается в кровь, сужая моё восприятие до этого ощущения и опешившего взгляда любимых голубых глаз напротив. А в следующую секунду Федерик стремительно атакует, опередив действия Селестино лишь на доли мгновения.

Тёмного отбрасывает от меня сокрушительным ударом какого-то боевого заклинания. Я едва успеваю убрать руку с мужского локтя. Но старого подонка спасают его щиты. Врезавшись в стену, он падает на четвереньки и тут же швыряет сгусток какой-то дряни в моего мужа. Словно в замедленной съёмке я наблюдаю, как летит в грудь любимого смертельное проклятие. И с диким криком вспыхиваю пламенем, бросая наперерез стену огня. Сжигая заклинание мессира, она обтекает моего мужа, становясь ему щитом. А я падаю на колени, все силы кинув на то, чтобы этот щит держать.

– Рэйм, Анна, – отрывисто приказывает Федерик, шагая навстречу врагу.

Я даже не замечаю, когда передо мной вырастает массивная фигура главного безопасника, почти перекрывая вид на завязавшийся магический бой.

Склонившись надо мной, Рэймандо пытается поднять меня на руки, явно намереваясь унести. Но я хватаюсь за его запястья, заглядывая в лицо.

– Там девочки, – шепчу сипло, показывая глазами на спальню. – Надо прикрыть. Помогите мне.

Понятливо кивнув, мужчина всё же поднимает меня с пола и, накрыв своими щитами, оттаскивает в сторону. В направлении спальни, а не выхода.

Федерик в это время крушит щиты мессира, нанося один за одним молниеносные удары магией и своим мечом. Растерявший всю свою благодусность Селестино яростно отбивается тёмными заклинаниями, но явно уступает в силе сейчас, когда не имеет преимущества из-за использования своей кровавой магии.

И как только они, попутно громя всё вокруг, оказываются достаточно далеко от спальни, Рэймандо в несколько шагов переносит меня к её двери.

– Спрячьтесь, – велит, пытаясь затолкнуть меня в убежище к девочкам.

– Нет. Я должна держать щит вокруг Федерика. Оттуда это будет намного сложнее, – упрямо мотаю головой. Хватаюсь за дверной косяк по обеим сторонам, всем своим видом показывая, что туда меня можно запихнуть только силой.

И Рэймандо сдаётся. Раздражённо зыркнув на меня, разворачивается ко мне спиной, занимая оборонительную позицию и закрывая собой.

И как раз в этот миг мессир вспоминает обо мне, видимо отчаявшись пробить защиту моего мужа. Нанеся серию ударов Федерику, он резко разворачивается и швыряет что-то в нашу сторону. Я успеваю лишь затянуть огненным щитом дверь спальни, чтобы не зацепило девочек. На то, чтобы прикрыть себя и Рэймандо, сил уже не хватает. И он принимает всю мощь тёмного заклинания на свои щиты.

Щиты не выдерживают, начиная рушиться на глазах, большое тело моего защитника бьёт крупной дрожью, когда он спешно наращивает новые. Селестино победно усмехнувшись, наносит новый

удар... и с хрипом начинает оседать, когда Федерик пронзает его тело мечом.

И одновременно с этим с грохотом распахиваются входные двери, и в гостиную вваливается толпа боевиков.

Что происходит с противниками дальше я попросту не вижу, потому что пытаюсь удержать навалившегося на меня Рэймандо. Дверь позади не выдерживает двойного натиска, распахивается, и мы вдвоём падаем в спальню под испуганный визг близняшек. Больно приложившись спиной об пол, я чуть не теряю сознание от тяжести свалившегося сверху мужчины.

Пару минут беспомощно побарахтавшись под неподъёмным телом боевика, обречённо замираю, переводя дыхание. Воздуха катастрофически не хватает. Уже даже в глазах темнеет. И меня разбирает истерический смех, переходящий в неудержимые слёзы. Столько всего пережить и умереть, задохнувшись под телом своего защитника... это просто треш.

– Рэймандо, вы живы? Ответьте мне, пожалуйста, – зову хриплым севшим голосом.

Он молчит.

– Не вздумайте умирать. Вы мне извинения должны, – бью кулаком по мускулистому плечу.

Глаза сами собой закрываются.

И в следующий миг тяжесть куда-то исчезает, заставив распахнуть их обратно.

– Лана, как ты? – перекатив друга в сторону и проверив его пульс, Федерик обеспокоенно смотрит на меня.

– На спине, наверное, синяк. Чуть не задавили. А так нормально. Спасай его, – бормочу, наконец-то жадно хватая ртом воздух. – Скажи, что он жив.

– Жив, – уверяет меня муж.

– Это хорошо, – с облегчением улыбаюсь я. – А мессир?

– Мёртв.

– Это ещё лучше, – всё плывёт перед глазами, но я упорно стараюсь не поддаваться слабости. Надоело в беспомощности валяться. – Девочки, вы где?

– Мы тут, Анна, – подбежавшие к нам Эми и Кати, опускаются на колени по обе стороны от меня. Хватают за руки, сжимая ладони и

заглядывая в лицо большими перепуганными глазами.

– Вы такие умнички у меня. Я так горжусь вами. И так люблю вас, что вы себе просто не представляете, – признаюсь обеим со слезами на глазах.

– А мы тебя, честно-честно. Даже Эми, – шмыгая носом, сообщает Каталина, бросаясь обниматься.

– Иди сюда, – тяну я вторую сестричку на себя, несмотря на её смущённый вид. Крепко обнимаю уже обеих и шепчу своей любимой колючке на ухо: – Спасибо, что правильно поняла меня. Если бы не ты, этот тёмный маг мог причинить вам вред, и ваш папа бы не успел его вовремя победить.

Так мы и лежим всё то время, что требуется Федерику на оказание первой помощи другу. А потом Рэймандо уносят чтобы продолжить лечение уже в госпитале. А нас с девочками муж сгребает в охапку, зацеловывая всех троих.

– Неужели всё наконец-то закончилось? – бормочу я, зарывшись лицом мужу в шею. – Никаких больше тёмных, похищений и всего этого ужаса?

– Да, ведьмочка. Больше никаких тёмных, – хмыкает Федерик. – Но ты немного неправа. Закончилось всё для наших врагов. А у нас... теперь всё только начинается.

Эпилог

Три года спустя

– И ещё, Кьяра, пожалуйста, будь внимательна и следи за каждой деталью. Если вдруг заметишь рядом с Винсенте что-то странное, вдруг исчезнет какой-то предмет, или, не приведи богиня, он сам исчезнет, сразу же, первым делом зови принцесс и связывайся с нами. И не позволяй ему много пить на ночь, опять проснётся, и...

Я набираю в грудь воздуха, но тут мою талию сжимают мужские руки, сбивая с мысли.

– Сладкая моя, ты сейчас доведёшь нашу няню до нервного тика, и она сбежит из дворца прямо перед нашим отъездом, – хмыкает мне на ухо Федерик. – С чего ты взяла, что новый дар у Винса обязательно проявится, когда нас дома не будет? Ему ещё рано.

– По закону подлости, – вздыхаю. – Я нервничаю. Мы первый раз так надолго его оставляем. И чувствую, что без подвоха не обойдётся.

В это время сам виновник переполоха, наш двухлетний сын увлечённо ловит на большом пушистом ковре иллюзорного белого мышонка, созданного веселящейся Эмелин. Сама она, лежит рядом с ним на боку, подперев рукой щеку и заставляя магический комочек шерсти совершать хитрые манёвры и акробатические трюки. Каталина же сидит в сторонке, увлечённо что-то рисуя в своём альбоме.

– Не волнуйся, мам. Мы присмотрим за Винсом, – бросает на меня смеющийся взгляд Эми. – Найдём, где угодно. На нём же маячков, как регалий на папином парадном костюме.

– Да, и будем постоянно на связи, – опережая мою следующую просьбу, рассеянно обещает Кати, хлопая по почтовому футляру на поясе. Стоит признать, уже раз десятый.

– Я перегибаю? – морщусь виновато.

Паранойя – штука действительно заразная. Но после ну очень чудесатой беременности, когда сынуля в моём животе умудрялся уже вытворять магически-ведьмовские фокусы, а свой первый год жизни отпраздновал тем, что подпалил кроватку, мне ну очень беспокойно уезжать от него на целых три дня.

– Ну что вы, ваше величество? – приходит мне на выручку главная няня нашего Винсенте. Улыбается ободряюще. – Я вас прекрасно понимаю. Первый раз оставлять своего малыша, да ещё на несколько дней, это очень сложно для любой любящей матери. Но я клянусь вам, что мы глаз с него не спустим. Ни на минуту не оставим одного. Выполним все ваши рекомендации. И тоже будем на связи.

Три её помощницы под строгим взглядом начальницы тоже в один голос уверяют, что наследника сохранят в целости, сохранности и неисчезнутости.

– Ну вот видишь? Давай уже целуй детей и пойдём, нас все заждались у портала, – увещевает муж и лично подаёт мне пример.

Сам он первым делом ловит наследного принца Винсенте Чезаро Арганди и подбрасывает залиvisto смеющегося малыша в воздух, чтобы потом обнять и расцеловать в обе щеки.

– Будешь слушаться сестричек и нянь? – строго спрашивает у сына.

– Дя, – серьёзно кивает Винс, расплываясь в счастливой улыбке. Поразительно лучезарный ребёнок. С точно такой же улыбкой он любит играть огоньками, доводя нянь до нервного тика. Они все у нас носят противопожарную защиту.

А я тем временем по очереди обнимаю дочерей, целую их и обещаю привезти что-то интересное из Босварии. Потом мы с мужем, само собой, меняемся, и я получаю в руки своего любимого непоседливого мальчика. Если его сестёр называли разбойницами, то это целый главарь. Мне уже страшно ему ещё братьев-сестёр рожать. Так и банда получится.

Целую сладкие ямочки на щеках и со щемящим сердцем вручаю сына няне.

– Может, мне всё-таки остаться? – уже в который раз спрашиваю, когда мы с мужем рука об руку выходим из детской половины королевского дворца.

К торжественному визиту к нашим соседям Босвари, мы уже давно одеты. Вот только я задерживаю всех своими переживаниями и перестраховкой.

– Нет, Анна. Мы должны присутствовать на этой коронации вместе. Такова традиция. Тем более, что в Босварии впервые

коронуется на власть не только король, но и его королева. Неужели ты не хочешь поддержать подругу?

– Хочу. Но волнуюсь, – улыбаюсь смущённо. А до беременности ведь рассудительной была.

– Давай попробуем разобраться. У тебя плохое предчувствие насчёт нас, или наших детей? Ты что-то видела? Что-то приснилось?

Я честно прислушиваюсь к себе. Сама не знаю, почему так тревожусь.

– Нет. Ничего такого. Меня что-то тревожит, будто должно случиться что-то важное во время этой коронации. Я даже не уверена, что это будет каким-то боком касаться нашей семьи. Вот подумала об этом, и теперь понимаю, что случится что-то важное с кем-то из наших родственников. Не с нами, – качаю головой. – Возможно, с твоими племянниками, или... племянницами. Точно, кажется, дело в Николь и Софи. Но ничего страшного вроде бы. Только нервов у всех много будет. Может, просто судьбу свою встретят?

Поняв в чём причина моего странного предчувствия, с облегчением выдыхаю. Правда, тут же усмехаюсь лукаво:

– Но это совершенно не значит, что стараниями сына твой дворец к нашему возвращению не сгорит. А ты ещё говорил, что ведьмаков не бывает.

– Я до сих пор не уверен, что нашего Винса можно так назвать. Он... однозначно не совсем классический маг, но его сила и не чисто-ведьмовская, – задумчиво хмыкает муж. – К слову, на коронации Корима и Мэл будет присутствовать один гость, который может ответить на некоторые наши вопросы. И не только наши. Я тут недавно с Рэном переписывался. Он мне тоже занятные вещи рассказывал о своём наследнике.

Ну да. У годовалого сынишки Тайрэна и Рамины тоже начали проявляться некоторые интересные и несвойственные для классических магов способности.

– И кто этот знаток неклассических магических техник? – с интересом смотрю я на мужа.

– Правитель одного небольшого закрытого государства, очень важного для наших стран в качестве потенциального торгового союзника. Он прибыл из-за моря, с севера Тарнхадского материка. Эта коронация для всех хороший повод заключить предварительные

договорённости. И у них, насколько я знаю, иногда рождаются маги, подобные нашему сыну. Только в основном управляющие водной стихией. Сам ярг Торнгар по моим сведениям тоже из заклинателей воды.

Ого. Заклинатель воды? Звучит интригующе. И почему у меня внезапно возникает ощущение, что он тоже замешан в той нервотрёпке, которая предстоит нашим родственникам?

КОНЕЦ